XXIV 186/35
1940 т. 3

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

9/236/28 XXIV 186/35 1 карта

ИСТОРИЧЕСКИЙ АРХИВ

III

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1940 ЛЕНИНГРАД

2015061465

Ответственный редактор: акад. Б. Д. Греков

Ученый секретарь редакции: В. Ю. Гессен

Технический редактор К. А. Гранстрем. — Корректор А. В. Сорокина

Сдано в набор 10 марта 1938 г. — Подписано к матрицированию 10 ноября 1938 г.
Подписано к печати с матриц 23 февраля 1940 г.
389 стр. (1 карта)
Формат бум. 62 × 94 см. — $24^3/_8$ печ. л. — 23,30 уч.-авт. л. — 40 992 тип. зн.
Тираж 1000.
Ленгорлит № 400. — РИСО № 652. — АНИ № 322. — Заказ № 752

Набрано в типографии Изд-ва Академии Наук СССР. Ленинград, В. О., 9 линия, 12.
Отпечатано с матриц в тип. им. Володарского. Фонтанка, 57.

КНИГА ИМЕЕТ

Листов печатных	Выпуск	В перепл. един. соедин №№ вып.	Таблиц	Карт	Иллюстр.	Служебн. №№	№№ списка и порядковый	200 г.
	1	1940 т. 3		1				1991 / 24

Е. А. РЫДЗЕВСКАЯ

НЕКОТОРЫЕ ДАННЫЕ ИЗ ИСТОРИИ ЗЕМЛЕДЕЛИЯ В НОРВЕГИИ И В ИСЛАНДИИ В IX—XIII вв.

История земледелия на скандинавском Севере в IX—XIII вв. весьма внимательно изучена скандинавскими учеными. В своих работах они широко пользуются археологическим материалом — единственным, который может осветить те периоды, о которых письменных сведений нет. Следует указать на чрезвычайно интересную попытку датских археологов обнаружить древнейшие пахотные участки и установить их внешний вид, размеры и очертания.[1] Не меньше внимания обращено и на богатый этнографический материал, на интересные для истории агрикультуры архаические типы земледельческих орудий, технические приемы и т. д., и, наконец, — на письменные источники, каковыми для древнейшего периода являются саги, своды законов — областные скандинавские правды, грамоты XII—XIII вв., а также исландские анналы.[2]

История агрикультуры на скандинавском Севере — отрасли хозяйства, которая на ряду со скотоводством, рыбной ловлей, разными морскими промыслами и охотой была развита в неодинаковой степени в отдельных районах, — представляет большой интерес для изучения производительных сил и социальных отношений в этих странах в их историческом прошлом.

---

[1] G. Hatt. Prehistoric fields in Jylland, Acta archaeologica, 1931, т. II, вып. 2, стр. 118—158.

[2] Краткие очерки общего характера по земледелию у древних скандинавов имеются в таких изданиях, как H. Paul „Grundriss der germanischen Philologie" т. III, изд. 2-е, стр. 457—459, §§ 41—43 и J. Hoops „Reallexikon der germanischen Altertumskunde", т. I, стр. 28—34; см. также J. Hoops „Waldbäume und Kulturpflanzen im germanischen Altertum", стр. 617—651 (Страсбург, 1905).

Экономическое значение продуктов земледелия, каковым в Норвегии и в Исландии являлся преимущественно ячмень, ограничивалось здесь местным рынком, а на внешний не распространялось; вывоз хлеба происходил лишь из одной скандинавской страны в другую и из одного района в другой. В силу мало благоприятных природных условий и невысокой техники производительность земледельческого труда была недостаточна не только для вывоза хлеба, но и для удовлетворения наличной потребности в нем. В сагах есть, например, указания на ввоз его из Англии в Норвегию в IX и X вв.[1] Доставка хлеба из чужих стран становится более регулярной лишь в эпоху ганзейской торговли, не раньше конца XII в.

Настоящая работа основывается на третьей из указанных выше основных категорий материала по истории древне-скандинавской агрикультуры, т. е. на письменных памятниках, и ставит себе целью осветить лишь одну сторону этой истории, а именно — ту летопись урожаев и недородов, которую можно восстановить для Норвегии и Исландии в IX—XIII вв. по сагам и по исландским анналам.[2]

Эти тексты дают нам полную возможность выделить и расположить в хронологическом порядке соответственные известия, в общем довольно многочисленные и представляющие собою не лишенную интереса страницу в истории хозяйства на скандинавском Севере. Как справедливо замечает S. Hasund, норвежский ученый, работающий в этой области, неурожайных годов на деле несомненно было больше, чем насчитывается в сагах.[3]

Приступая к использованию первоисточников, надо прежде всего дать вкратце их общую характеристику, а затем установить, насколько достоверны и показательны те сообщаемые ими известия, которые входят в наш хронологический обзор. Последний основан исключительно на сагах исторических и бытовых.

---

[1] Eg., XVII, 7 и LXII, 11. О том же в конце XII в. говорит и Sverr (Flat., т. II, стр. 625), а также норвежские акты и грамоты XII—XIII вв.

[2] Об этих последних как об историческом источнике см. в указателе под их сокращенным обозначением Isl. Ann.

[3] Korndyrkinga i Noreg i eldre tid, стр. 186. Bidrag til bondesamfundets historie, т. I. Осло, 1933.

Некоторые сведения как о земледелии вообще, так и об урожаях и недородах встречаются и в литературных памятниках иного характера — в эпосе (под которым я подразумеваю как песни Эдды, так и прозаические саги эпического содержания), в сагах полуисторических и чисто легендарных. Эти сведения тоже представляют большой интерес, но наиболее конкретным и надежным является, конечно, то, что дают тексты, имеющие прямое историческое значение и более или менее определенную хронологию. В настоящий обзор включены, впрочем, и некоторые отдельные тексты, не отвечающие этим условиям; они нашли себе место в обзоре на том основании, что можно приблизительно установить, к какому времени они относятся.

Надо сказать, что и саги, обозначаемые обычно как исторические, далеко не являются непогрешимыми. Критический анализ их показывает, насколько они неоднородны по своему составу, как часто они подвергались позднейшим интерполяциям и переработке и какое громадное значение для исследователя имеет соотношение между различными сагами и между вариантами одной и той же саги; к этому присоединяется и весьма важный вопрос о вариантах устных и письменных. Мы видим здесь очень сложную сеть заимствований, контаминаций, противоречий и т. д.

Исторические и бытовые саги, описывающие события IX—XI вв. (так наз. эпоха викингов) и далее — XII и XIII вв., принадлежат Исландии. Саги эти распадаются на отдельные группы в зависимости от районов страны, в которых происходит действие.

Несомненно, что у древних скандинавов устные саги как исторические, так и легендарные слагались и передавались из поколения в поколение не в одной Исландии, но запись их и систематическая литературная обработка — дело исландских авторов.

Эта литература в своем письменном виде начинается, по имеющимся у нас известиям, с записи саг в конце XII в. и достигает полного расцвета в XIII в. В основе ее лежат предания старой родо-племенной знати с ее вождями во главе и крупных бондов, уже выделившихся в силу своего экономического положения из общей массы свободных общинников и занимавших в сущности также положение влиятельных вождей

в своем округе.[1] По мере дальнейшей дифференциации общества на ряду с ними выделяется и новый слой людей „не родовитых, но богатых", как определяют их саги, т. е. новой имущественной знати, вступающей также в тот процесс феодализации общества, который мы наблюдаем в эпоху викингов. Говоря об этом процессе в скандинавских странах и далее — об их общественном строе как о феодальном (XII — XIII вв.), не следует забывать, что он отличался большой устойчивостью родовых отношений и не меньшей прочностью остатков старой свободной сельской общины, объединявших бондов в противовес наступлению со стороны феодалов.

Исторические и бытовые саги, правда, не всегда одинаково отчетливо и детально, отражают в себе этот очень кратко очерченный здесь сложный процесс классообразования и становления феодального общества, сопровождавшийся соответственной борьбой между нарождающимися классами. Поскольку мы подходим к саге как к источнику по социально-экономической истории древней Скандинавии (по крайней мере — тех скандинавских стран, о которых эта литература говорит более или менее обстоятельно), надо отметить следующее: согласно самому характеру ее как родовой саги, она интересуется преимущественно высшими и средними слоями населения, генеалогией и биографией их представителей, а также их родичами и соседями, которые в силу имущественного неравенства пользовались меньшим влиянием и значением, но по родственным и территориальным связям были непосредственно близки к этим же кругам. Отсюда не следует, что саги вовсе оставляют в тени

---

[1] Древнесеверный термин bóndi передаю здесь в русской транскрипции „бонд", не переводя его как „крестьянин" — по крайней мере, в пределах эпохи викингов. Этим термином в сагах и в законах обозначается основная масса свободного сельского населения; бонд — наследственный владелец хутора и земли, пользующийся, кроме того, и общинной землей (главным образом — пастбищем). В эпоху саг среди бондов уже наблюдается значительное расслоение, основанное на экономическом неравенстве. Крупные бонды, stórboendr, как уже сказано, по своему социальному положению — почти то же самое, что знатные вожди; далее следуют средние и мелкие бонды, smáboendr (smár — малый), т. е. наименее зажиточный слой, не говоря уже о безземельных, сидевших на чужой земле и обязанных определенной повинностью в пользу ее владельца, преимущественно — натуральной. С юридической точки зрения они являются лично свободными, но обычно не обозначаются как бонды; для них имеются другие термины.

широкие массы свободного населения и те разнообразные категории зависимых людей, которые уже сложились в это время, но первостепенную важность для них имеют биографические и генеалогические данные, касающиеся верхних слоев общества, а сведения экономического характера (в том числе и о земледелии) они дают лишь попутно. Ни в одной саге вопросы экономики не имеют значения той основной проблемы, вокруг которой группируются излагаемые последовательно события и эпизоды. Так, например, кратко цитированная в обзоре по Исландии под 1000 г. Eyrbyggja saga (см. в указателе под Eyrb.) является одной из саг, наиболее богатых сведениями по луговому хозяйству; она дает живые и интересные описания сенокоса, уборки сена и т. д., что для нас чрезвычайно ценно, но сам автор этой саги, вероятно, очень удивился бы тому интересу, с которым мы подходим именно к этой стороне его повествования; для него это лишь внешняя обстановка, среди которой развертываются события, и по сравнению с ними — дело второстепенное. Тем не менее, в сагах мы находим достаточно данных для восстановления общей картины хозяйственной жизни Исландии и Норвегии в древности и для познания того материального базиса, на котором строилось общество, описываемое в этих памятниках.[1] С точки зрения специального исследования по истории агрикультуры существенным недостатком в этих текстах является скудность данных относительно техники земледельческого труда, его общей системы, инвентаря и т. д.

Все сказанное здесь относится к большой группе саг, известной под общим обозначением Islendinga Sǫgur, саги об исландцах, и охватывающей IX — XI вв. Для XII и XIII вв. у нас есть целый ряд саг, объединенных под общим заглавием Sturlunga Saga (см. в указателе под Sturl.), и особая группа саг об исландских епископах того же времени, Biskupa Sǫgur (см. там же под Bisk.). В отношении земледелия, а также и других отраслей хозяйства, саги об исландцах и сага о Стурлунгах преимуще-

[1] Как на пример общего обзора, основанного на сагах, укажу на работу E. Schönfeld „Der isländische Bauernhof und sein Betrieb zur Sagazeit" (Страсбург, 1902); при всех своих недостатках, частично отмеченных H. Gering'ом в его рецензии в Zeitschr. für deutsche Philol., т. XXXVI, 1904, стр. 286—288, она не лишена ценности как собрание того фактического материала, который можно извлечь из саг.

ственно выдвигают на первый план более или менее крупную усадьбу как хозяйственную единицу. Несколько неожиданным является то, что сведения более широкого характера довольно часто встречаются в сагах об исландских епископах, т. е. в литературных памятниках, выполняющих, так сказать, социальный заказ высшего духовенства, уже занявшего к XIII в. на ряду со знатью, и нередко в соперничестве с нею, видное место в области крупного землевладения. Так, в рассказах о чудесах, совершенных канонизированными церковью епископами, часто упоминается „один бедный бонд", „одна бедная женщина" и т. п. Дело тут, конечно, не в особом интересе авторов к беднейшему населению, а прежде всего в специфике этих саг как литературных произведений: описание благодеяний в отношении бедняков входило в программу саги житийного характера, в связи с чем туда попали, на ряду с довольно трафаретными церковно-книжными рассказами о чудесах, и такие, которые представляют более реальный и широкий интерес. Далее, тот факт, что в рассказах об епископах упоминаются общественные низы может быть объяснен и конкретными условиями того времени: так, например, епископ Гудмунд (1161—1237 гг.), один из наиболее ярких и энергичных представителей исландской церкви в XII—XIII вв., в своей борьбе со знатью за права церкви опираясь на свое ближайшее окружение, пытался использовать беднейшие слои исландского народа.

В таком же условном смысле преимущество бо́льшей демократичности по сравнению с сагами об исландцах имеют и исландские анналы по той простой причине, что биография и генеалогия не являются исходной точкой их построения; их известия, такие сжатые и сухие по сравнению с текстами саг, в большей мере обрисовывают общее экономическое положение в стране и меньше ограничиваются отдельными районами и единичными хозяйствами. Для составителей анналов голод, падеж скота, стихийное бедствие являются событием, которое интересно само по себе и отмечается ими как таковое. В сагах же все это упоминается лишь по ходу повествования и в связи с теми событиями и с деятельностью тех лиц, на которых сосредоточен интерес и внимание автора.

Что сообщаемые сагами сведения о судьбах земледелия, как уже было сказано выше, недостаточно полны, наглядно показывают пробелы в настоящем хронологическом обзоре, например,

для Норвегии в XII в. целых полвека — от 1130 г. до 1182—1183 гг. Это, конечно, нельзя считать указанием на длительный период полного благополучия; самое большое, что можно допустить на основании такого пробела, это — отсутствие неурожая, достигающего катастрофической степени. Как в Норвегии, так и в Исландии сельскому хозяйству приходилось несомненно переносить много трудностей и невзгод не только в те годы, которые прямо отмечены в источниках как голодные. И само собою разумеется, что эти бедствия падали всей своей тяжестью прежде всего на беднейших, а не на крупных и зажиточных хозяев.

В сагах, касающихся Исландии, сведения о Норвегии встречаются лишь эпизодически. Прямым источником по истории Норвегии являются составленные исландскими же авторами по образцу исландских родовых саг Konunga Sögur, саги о норвежских конунгах, повествующие о них начиная с легендарных времен и кончая XIII в. Интерес составителей их сосредоточен преимущественно на политических событиях и отношениях; здесь меньше быта и экономики, чем в сагах об исландцах, и самый, так сказать, социальный диапазон этих саг более ограничен. Далее следует отметить, как это делает и S. Hasund,[1] свойственную им специфическую тенденциозность трактовки известий об урожаях и недородах. Она связана с древним традиционным представлением о вожде или конунге, „счастливом на урожай (ársaell)", т. е. в сущности — о главе общественной организации как о носителе производственной магии.[2] В таких случаях нам приходится разбираться, имеем ли мы дело с отражением экономической действительности, по старой традиции связывавшимся в народном предании с личностью того или иного конунга, или же всего-навсего с чисто литературным приемом, понадобившимся автору саги (или скальду, чьи строфы вставлены в ее текст) для восхваления конунга, пользующегося его симпатиями.

В Исландии земледелие сосредоточивалось преимущественно на западном и южном побережьях. Если судить по одним сагам, то может получиться впечатление, что оно ограничивалось главным образом крупными и зажиточными хозяйствами, которым легче было справляться со всеми связанными

[1] Ук. соч., стр. 185—186.

[2] В легендарных сагах мы нередко встречаем предания о принесении в жертву богам тех конунгов, при которых в стране случался голод.

с земледелием трудностями, аналогично тому, как это мы знаем из одного норвежского памятника XIII в. относительно Гренландии,[1] где природные условия были еще суровее, чем в Исландии. Другие источники, а именно исландские акты XII—XIV вв., не подтверждают этого. Показательными являются также и местные названия, производные от akr: пашня — Akranes, Akrar и т. п., довольно часто встречающиеся в исландских сагах и грамотах и распространенные преимущественно (но не исключительно) на западе и на юге Исландии. Как в эпоху, с которой мы имеем дело в настоящей работе, так еще и в XIV в. земледелие имело во всяком случае больше значения в Исландии, чем в последующее время. Постепенный упадок его является только отчасти результатом климатических условий, но главным образом — хозяйственных. В имеющихся у нас источниках есть некоторые указания на ухудшение первых, начиная с XII—XIII в.;[2] что касается вторых, то Исландия никогда не была страной земледельческой по преимуществу. Изучая по сагам рост крупного землевладения, мы видим, что землевладельцы стремятся к приобретению новых земельных участков больше с целью расширения пастбищ, чем запашки. В области лугового хозяйства, обслуживавшего скотоводство, мы наблюдаем даже применение интенсивной культуры: на ряду со сравнительно большими выгонами и покосами как частными, так и общинными во многих хозяйствах имелись при самом хуторе небольшие, тщательно удобряемые, луга, дававшие особо питательную и доброкачественную траву. Земледелие как отрасль хозяйства трудоемкая и в феодальном обществе при слабо развитой технике и мало благоприятных природных условиях недостаточно производительная, постепенно отходит на второй план перед скотоводством и морскими промыслами. Для землевладельческой знати вывозить соответственные продукты и пользоваться получаемым взамен привозным хлебом оказалось выгоднее, чем возделывать его у себя. Эти обстоятельства, вместе с тем, создавали и закрепляли экономическую зависимость Исландии от Норвегии, послужившую основной причиной падения независимости Исландии, которая и была присоединена к Норвегии в XIII в. (1264 г.).

[1] Konungsskuggsjá, стр. 42 (см. далее, стр. 45 сл.).

[2] Об этом см. O. Petterson „Om klimavariationer i Europa under historisk tid". Ymer, 1913, стр. 119—140.

Исландия являлась источником тех самых продуктов рыболовства и китобойного промысла, на которых основывался обмен Норвегии с Ганзой в XII—XIII вв. Развитие самостоятельной торговли Исландии с ганзейскими купцами было бы не в интересах норвежских торговых городов, в особенности Бергена, занявшего в это время видное положение в качестве центра для сбыта рыбы на северноевропейский рынок. Вмешательству норвежской власти как светской, так и церковной в исландские внутренние дела способствовали длительные междоусобия среди исландской знати, сосредоточившей к этому времени в своих руках крупные земельные владения и политическую власть в стране, и не менее интенсивная борьба между исландскими светскими и церковными феодалами. Знакомясь с известиями о голодных годах в Исландии в XII—XIII вв. и учитывая создавшееся там тяжелое положение народных масс, засилье крупных землевладельцев и растущую зависимость от них малоимущих слоев населения, обезземеление и обеднение этих последних, мы легко можем понять, что в подобных условиях бедствия, отмечаемые в сагах и в анналах, должны были тем более резко отражаться на исландском хозяйстве. Неблагоприятные явления климатического порядка только способствовали этому процессу.

В Норвегии климатические условия весьма разнообразны в зависимости от района. В горных местностях, более богатых хорошими пастбищами, чем землей, удобной для обработки, ведущей отраслью хозяйства было скотоводство. Разнообразием климата объясняется и то обстоятельство, что мы почти не встречаем в сагах известий о повсеместном недороде во всей стране; в случае голода, пострадавшие от него районы имели возможность получать хотя бы некоторую помощь путем ввоза хлеба из более благополучных районов. Земледельческими по преимуществу можно считать восточные, южные и юго-западные области, а на севере — Трандхейм, с XII в. определяющийся притом как район сравнительно передовой в смысле агрикультурной техники.

В имеющихся у нас текстах как по Исландии, так и по Норвегии обращает на себя внимание своеобразное употребление самых терминов ár, árferd — урожай, и úar, úǫld, hallaeri — неурожай, недород, применяемых не только к земледелию, но и к рыболовству, охоте на тюленей, китобойному промыслу

и т. д. „Урожай (или неурожай) на море и на суше" — выражение, весьма распространенное в сагах, но непривычное с точки зрения нашего словоупотребления. О третьей возможной форме „неурожая", не менее тяжелой для народного хозяйства, чем недород хлеба, а именно — об эпизоотии и падеже скота, известия, относящиеся к Норвегии, не говорят — может быть потому, что они вообще сравнительно менее обстоятельны. Что касается Исландии, то, начиная с XII в., все чаще встречаются известия именно о таких бедствиях.

Поскольку наш обзор является хронологическим, приходится хотя бы вкратце, минуя подробные вычисления и сопоставления дат, указать на весьма трудное положение с хронологией в истории Норвегии IX и X вв. В первоисточниках нет единой традиции и схемы в этом отношении. Даты, восстанавливаемые скандинавскими исследователями, уже давно работающими в этой области, также расходятся между собой. Некоторые точки опоры можно найти в западноевропейских, особенно — английских, хрониках. Результаты критического пересмотра хронологии IX—X вв. изложены в работах новейших норвежских историков.[1] Хронологию исландских источников, не зависимую от норвежской, они считают более исправной и надежной.[2] Для каждой цитируемой здесь саги я принимаю хронологию, восстанавливаемую для нее ее издателем; рядом с этими датами даны в скобках те, которые считаются в наше время более достоверными. Начиная с 1000 г., точнее — еще с последней четверти X в., норвежская хронология становится более точной и определенной.

То обстоятельство, что саги упоминают об урожае или нерододе лишь попутно, мимоходом, не сосредоточивая своего внимания на этих явлениях как на таковых, а известия анналов сами по себе очень кратки, обусловливает крайнюю фрагментарность собранных здесь данных и необходимость комментария весьма пространного сравнительно с цитируемыми текстами. Эти последние по большей части довольно скудны и без разъясне-

---

[1] См. H. Koht „Inhogg og utsyn i norsk historie" стр. 42 сл. (Христиания, 1921); Det norske folks liv og historie gjennem tidene, т. I, стр. 246 сл. (Осло, 1930).

[2] Для хронологий саг об исландцах хорошим руководством является до сих пор старая работа G. Vigfusson „Um timatal i Islendinga sögum í fornöld". Safn til sögu Islands, т. I, 1856, стр. 186—502.

ния потеряли бы всякий конкретный исторический интерес, особенно для читателя, не знакомого с теми первоисточниками, из которых они взяты.

Ограничиваюсь пока лишь этими краткими замечаниями; все остальное, что можно сказать по поводу собранных мною здесь известий, изложено в виде комментария к каждому из них в отдельности.

Поскольку в нашей исторической науке скандинавским Севером до сих пор интересовались преимущественно с точки зрения его связей с древней Русью, надо сказать, что в этом отношении те сведения, которые нас в данном случае интересуют, не дают ничего. Выше уже было указано на значение хлеба в скандинавских странах как предмета внутреннего обмена, а по мере развития ганзейской торговли — как весьма важного предмета регулярного и систематического ввоза. Ни Исландия, ни Норвегия никакого импорта хлеба из Руси не знали. Далее, поскольку здесь идет речь о земледелии, может быть, уместно указать лишний раз на то, что варяги -„находники", как их называет древнерусская летопись, преимущественно шведы, на территории самой Руси менее всего были заинтересованы добыванием новых земель для поселения и обработки. Те „richtige schwedische Bauernsiedlungen", о которых с такой уверенностью говорит M. Vasmer,[1] были бы весьма интересным историческим фактом, если бы они когда-нибудь действительно существовали, а это ни в какой мере не подтверждается чем бы то ни было. Те сведения о варягах на Руси, которые мы находим в письменных источниках как скандинавских, так и древнерусских, во многих отношениях неполны и неясны. Археологические данные, более надежные и показательные, до сих пор еще не объединены в общую сводку, достаточно полную и наглядную, на основании которой нетрудно было бы сделать исторические выводы. Тем не менее, все те материалы, которыми мы в каком бы то ни было виде располагаем, дают полную возможность утверждать, что скандинавы шли на Русь как ищущие новых путей и рынков представители разбойничьей торговли, свойственной эпохе викингов, как купцы, как военные наемники, а не как колонисты в настоящем смысле этого слова.

[1] Wikingerspuren in Russland, стр. 650. Sitzungsber. der Preuss. Akad. der Wiss., hist.-phil. Kl., 1931, т. XXIV.

Их интересовал на Руси город как опорный пункт и центр для указанных только что целей, а не сельские поселения с их хозяйством; древнерусский смерд имел для них значение как данник и как объект работорговли, а не как непосредственный производитель, чьим трудом они стремились бы овладеть так же, как и землей, которую он обрабатывал.

Изучение социально-экономического строя скандинавов эпохи викингов имеет, тем не менее, значение для русской истории. Наша прежняя историческая наука ограничивалась весьма расплывчатым и неопределенным представлением о смелых и воинственных викингах, мореходах и завоевателях, вооруженных с головы до ног и бороздивших моря от Ледовитого океана до Каспия на своих кораблях, украшенных резными звериными головами на носу. Этот эффектный образ „морского конунга", saekonungr, совершенно заслонял ту социальную среду, из которой вышел сам морской конунг, и те экономические условия, которые сложились у него на родине. За ним стоят те, кто пахали землю, косили сено, ловили рыбу и пасли скот, т. е. несли тот повседневный труд, на котором строилась вся вообще культура эпохи викингов и без которого были бы невозможны и сам обрисованный выше викинг, и его корабль и все прочее; те, кто составляли его местное окружение на родине, куда он нередко возвращался после своих долгих и бурных поездок и приключений, его родичи, домашние, рабы и т. д. — окружение весьма сложное по своему социальному составу, и, наконец, те, кто шли с ним в поход, его дружина его корабельщики, skipverjar, которые, так же как и он сам, не были какими-то абстрактными воинами и мореходами вообще, а вышли из определенной среды и принимали участие в походах викингов во всяком случае не из одной любви к приключениям. Наша современная историческая наука, разумеется, не может удовлетвориться в отношении эпохи викингов прежней туманной романтикой. Так как она ставит себе задачу изучения конкретного социально-экономического строя каждой эпохи со всеми его сложными особенностями и противоречиями, то для нее не лишена интереса в частности и та летопись по ранней истории скандинавской агрикультуры, которую можно восстановить на основании дошедших до нас первоисточников. Говоря об этих последних, надо сказать, что у нас до сих пор преобладают весьма неопределенные и сбивчивые представле-

ния о том, что такое вообще древнесеверная сага. Ее считают то эпосом, то фольклором — всем, чем угодно, кроме того, что она действительно собою представляет. Есть, конечно, саги чисто эпические, как, например, знаменитая сага о Вольсунгах, а саги сказочные как нельзя более близки к фольклору. Несомненно также и то, что исторические и бытовые саги тесно связаны как с эпосом, так и с фольклором, и в этом заключается со своей стороны большая ценность этих памятников: подходя к ним с точки зрения палеонтологического анализа, мы можем вскрыть в них элементы значительно более древние, чем эпоха викингов, которую они преимущественно отражают. Тем не менее, саги как литературное произведение — не эпос и не фольклор в собственном смысле слова, а прежде всего — повествования исторические, дающие возможность восстановить общественный и хозяйственный строй той эпохи, которой они касаются.

НОРВЕГИЯ

„Хальфдан конунг... был самым счастливым на урожай из всех конунгов... Когда стало известно, что он умер и тело его перевезено в Хрингарики и его собираются там похоронить, то поехали знатные мужи из Раумарики и из Вестфольда и Хейдморка, и все они просили дать им увезти с собой тело то, чтобы похоронить в своей области, и думалось им, что можно надеяться на урожай, если получат. И помирились на том, что тело то поделили по четырем местам, и голова была положена в кургане в Стейне, в Хрингарики, и каждый повез домой свою часть и похоронил в кургане, и все эти курганы называются курганами Хальфдана“. Hkr. I, 97; ср. Fask. 383—384.

Сага говорит здесь о Хальфдане Черном, которого она знает как местного вестфольдского конунга. Вестфольд — область древней Норвегии на западном берегу нынешнего фиорда Осло; Хрингарики примыкает к этому фиорду с севера, а Раумарики — с северо-востока; Хейдморк — соседняя с Раумарики область с северо-востока. В Fask. упоминается еще Хадаланд, к северу от Хрингарики и Раумарики. О значении, которое имели конунги из вестфольдского рода, говорят не только легендарные и полуисторические предания, изложенные в сагах,

но и многочисленные богатые погребения (Борре, Гокстад, Осеберг). Влияние этой местной династии распространялось и на соседние с Вестфольдом области. Эта территория имела выход к морю через фиорд Осло, что способствовало морским разбойничьим походам и торговым поездкам. Связи ее с Западом засвидетельствованы как археологическими находками, так и известиями западноевропейских хроник. Вестфольд — одна из древнейших культурных областей Норвегии. Вся указанная здесь территория по своему экономическому характеру — в значительной мере земледельческая. Надо сказать, что дошедшие до нас в сагах сведения по истории Норвегии IX в. весьма ненадежны и противоречивы. Современный норвежский ученый J. Schreiner на основании критического разбора и сопоставления этих данных пришел к выводу, что Хальфдан Черный, о котором здесь идет речь, был конунгом не Вестфольда со всеми примыкающими к нему областями, а лишь одной из них, сравнительно небольшой;[1] вообще, это — фигура довольно неопределенная с исторической и с хронологической точки зрения, использованная в XIII в. составителями сводов саг о норвежских конунгах для своей историографической и генеалогической схемы. Приведенный здесь рассказ о погребении Хальфдана тем не менее можно считать подлинным местным преданием типа известного мифа об Озирисе, интересным как свидетельство о древних религиозных представлениях, связанных с агрикультурой, и о значении этой последней в тех областях Норвегии, о которых говорит сага. В той редакции Fask., в составе которой мы находим это предание, а также у Снорри в его Hkr., оно приурочено к Хальфдану, чьими потомками являются, по этим сводам, дальнейшие норвежские конунги.

II

872 г. *„Тогда был урожай хороший и легко было достать то, что надо". Eg. IX, 23.*

Эта краткая заметка об экономическом положении во второй половине IX в. относится к северу Норвегии, к Халогаланду (ныне Helgeland). Хозяйственная жизнь этого края известна нам прежде всего не из саг, а из описания его у Альфреда Великого со слов находившегося у него на службе Оттара

[1] J. Schreiner, Harald og Havsfjord. Scandia, 1936, т. IX, вып. I, стр. 71 сл.

(др.-сев. Óttarr, англо-сакс. Ohthere), родом халогаландца.[1] Оттар, богатый местный вождь, жил далеко на севере, по его словам — дальше всех норманнов в его время, как полагают исследователи — между 68 и 70° северной широты, за полярным кругом. Рассказ Оттара, датируемый временем около 890 г., является ценнейшим источником по ранней истории Норвегии, главным образом — северной. Не менее интересно и описание путешествия Оттара в Белое море, а также те его сведения, которые освещают хозяйственную жизнь соседей скандинавов на дальнем Севере, саамов, которых они называли финнами, а позднее — лопарями.

Сведения, сообщаемые Оттаром, свидетельствуют о том, что земледелие в Норвегии уже заходило в его время весьма далеко на север, хотя несомненно в довольно ограниченном масштабе. Главным источником обогащения таких хозяев, как Оттар, была дань, взимаемая ими с саамов и состоявшая из продуктов охоты и морских промыслов. Сосредоточение этой дани в руках халогаландских вождей открывало им возможность широкого торгового обмена и, в частности, приобретения хлебных припасов в случае их недостатка.

Отмеченное здесь краткое известие из Eg. относится к Торольфу, сыну Квельдульфа, обосновавшемуся в Халогаланде, но значительно южнее, чем Оттар. Сведения, сообщаемые этим последним, в общем подтверждают то, что мы знаем о халогаландской знати из последующих глав Eg. В данном случае речь идет о пышно справляемой свадьбе Торольфа, для которой понадобилось много припасов. Так как дело происходит осенью, то можно полагать, что с этой свадьбой соединился и традиционный в древнескандинавском быту осенний пир. Эти пиры упоминаются в сагах очень часто как в Норвегии, так и в Исландии. Их полагалось устраивать три раза в год — осенью, зимой и в начале лета. Они были тесно связаны с агрикультурой и сопровождались торжественными жертвоприношениями „для мира и урожая". На той стадии развития, на которой мы застаем скандинавское общество эпохи викингов, в составе прежних

[1] А не датчанина, как ошибочно значится в статье М. П. Алексеева „Англо-саксонская параллель к поучению Владимира Мономаха". Труды отд. др.-русск. лит., ИРЛИ, т. II, 1935, стр. 43; автор ссылается на книгу К. Ф. Тиандера „Скандинавы в Белом море", стр. 51—58 (1906), где нет ни слова о датском происхождении Оттара; ср. там же, стр. 135—137.

родо-племенных объединений уже определился и выделился слой крупных собственников, окруженных многочисленными дружинниками и родичами. Указанные здесь традиционные торжества с их культовым значением, ведущие начало от древнего общинного производственного уклада и быта, являются в руках как вождей, потомков родо-племенной знати, так и крупных бондов одним из средств для поддержания и укрепления своего значения в обществе.

III

890 г. (и четверть X в.)

„Харальд конунг сидел тогда спокойно внутри страны, и был мир добрый и урожай". Hkr. I, 136.

Харальд hárfagri (т. е. прекрасноволосый) по сагам — сын Хальфдана Черного (см. I), как и он — местный вестфольдский конунг. Но, как уже было сказано выше, принадлежность Хальфдана к вестфольдской династии весьма сомнительна. Недостоверно и происхождение Харальда: возможно, что он происходил из Рогаланда (юго-западный прибрежный район Норвегии) и был сыном не того Хальфдана, которого ему дает в отцы сага, а какого-то другого.[1] На протяжении всего IX в. в истории Норвегии мы еще находимся в области весьма ненадежных полулегендарных преданий, к тому же перестроенных по-своему использовавшими их составителями саг о норвежских конунгах. Харальд hárfagri известен в истории Норвегии как первый объединитель этой страны, достигший своей цели после упорной борьбы с областными конунгами и вождями. Современные норвежские ученые считают, что это объединение, представление о котором издавна прочно укоренилось во всех учебниках, было весьма относительным: до преодоления независимости отдельных областей было еще далеко как во времена Харальда, так и позднее. Та цельная и стройная картина общественного и административного устройства, якобы введенного Харальдом, какую рисуют нам саги, несомненно является искусственной, сочиненной на основании данных более позднего времени. Очевидно, точных сведений об эпохе Харальда сохранилось мало, что и дало составителям саг простор для их собственных построений, отчасти, к тому же, противоречивых. О необычайном урожае и благополучии при Харальде саги вспоминают

[1] См. J. Schreiner, ук. соч., стр. 75 сл.

и в повествовании об одном из его потомков во второй половине XI в. (см. XII). В данном отрывке говорится об урожае в связи с „миром добрым". Единственный конкретный вывод, какой можно было бы пытаться сделать из этого известия — это то, что урожай был, так сказать, не абсолютный, т. е. не зависящий от метеорологических условий, о которых мы в данном случае ничего не знаем, а относительный: если Харальд после всех своих походов „сидел спокойно", то экономическая жизнь страны не страдала, по крайней мере, от разграбления и расхищения, связанного с внутренними войнами; недаром в сагах так часто говорится о жертвоприношениях „для урожая и мира" (см. выше, комментарий к II). Но дошедшие до нас сведения о времени Харальда настолько ненадежны, что и этот вывод нельзя считать обоснованным; как мы увидим далее на целом ряде примеров, „мир добрый и урожай" является в сагах своего рода формулой, стереотипной фразой, для характеристики того конунга или вождя, которого автору хочется выставить в выгодном свете.

IV

935—961 гг. (ок. 945 — ок. 960 гг.)

„Хакон... был счастлив и на друзей, и на урожай." *Fask. 31.*

„Когда Хакон был конунгом в Норвегии, был мир добрый у бондов и купцов, так что никто не вредил другому, или чужому добру; тогда был урожай великий и на море и на суше." *Hkr. I, 181.*

„...Хакон конунг правил в Норвегии; был тогда и урожай хороший в стране и добрый мир; его и любили как нельзя более". Hkr. I, 199.

Хакон, по прозванию góði, т. е. добрый, один из многочисленных сыновей Харальда hárfagri, принадлежит к числу конунгов, пользующихся симпатиями авторов цитируемых здесь сводов; поэтому они охотно приписывают ему традиционные для „добрых конунгов" свойства, чтобы усилить производимое им как героем саги положительное впечатление. К тому же, эти свойства авторы, очевидно, хотят изобразить наследственными в роду Харальда hárfagri. Независимо от этого обычного литературного приема и идеализированного изображения всеобщего мира и согласия при Хаконе, мы можем допустить некоторое правдоподобие цитируемых здесь известий, принимая во внимание

сравнительно мирный общий характер его времени. Выражение „счастливый на друзей", vinsaell, т. е. любимый, популярный (ср. аналогичное „àrsaell", счастливый на урожай), в применении к Хакону, вероятно, соответствует тому, как обрисовывали его народные предания. Воспитанный в Англии, он с детства был христианином, но его столкновения с язычеством в Трандхейме (район нынешнего Трондьема) по поводу торжественных жертвоприношений „для урожая и мира" обошлись, как видно из саг, сравнительно благополучно и не могли создать ему репутации искоренителя древних обычаев.

V

X в. *„Турид sundafyllir и Vǫlu-Стейн, сын ее, поехали из Халогаланда в Исландию... Ее потому назвали sundafyllir, что она во время голода в Халогаланде колдовала для того, чтобы каждый пролив стал полон рыбы". Landn. 147.*

Прозвище Турид „sundafyllir" значит „тот (или та), кто наполняет проливы"; прозвище ее сына Vǫlu-Steinn образовано через присоединение к его личному имени слова vǫlva, прорицательница, вещунья, в род. ед. vǫlu. У нас нет данных для точной датировки переселения Турид и ее сына в Исландию; можно полагать, что это было около середины X в., а голод у них на родине, с которым связано местное предание о Турид-чародейке, — немного раньше. Мы не знаем, заключалось ли бедствие, постигшее Халогаланд, в недороде хлеба, компенсацией которого должен был явиться обильный улов, или же в „неурожае на море" как таковом. По одному списку Landn. в этом месте говорится не о рыбе вообще, а более точно о сельди, которая, на ряду с треской, являлась главной добычей рыбной ловли на северо-западном побережье Норвегии. Начиная с XII в., халогаландская треска становится в норвежской внешней торговле одним из важнейших предметов вывоза в обмен на зерно, муку и т. д. Современные исследователи установили, что обилие рыбы зависит от необходимых для нее питательных веществ, так наз. планктона, ежегодно приносимого течением к берегам Норвегии; количество его в свою очередь определяется целым рядом метеорологических условий.[1] Предание

[1] См. A. Brøgger, Kulturgeschichte des norwegischen Altertums, стр. 27—28. Осло, 1926.

о Турид интересно как свидетельство об относящейся к рыболовству производственной магии, носительницей которой является в данном случае женщина. С чародейством Турид можно сопоставить наблюдаемые в Норвегии позднее пережитки древних языческих культов, связанных с этим же промыслом.[1] Поселившись в северо-западной Исландии и став, повидимому, довольно крупной хозяйкой, Турид устроила у себя рыбную ловлю, которую эксплоатировала уже не при помощи магии, а путем взимания за пользование ловлей натурального побора с окрестного населения.[2]

VI

961—970 или 976 г. (ок. 970—974 гг.)

1. „Были в их время в Норвегии голод и оскудение и всякого рода бедствия". Ágr., 19—20.

2. „У тех братьев, сыновей Гунхильд, было много дружины, и ходили одни внутри страны той, а другие по побережью. И наступил голод великий в их время, потому что уменьшился улов сельди и вся добыча на море; хлеб стал плох, и народ в стране приписывал это гневу богов своих и тому, что конунги разрушали их жертвенные места. Эйвинд skáldaspillir сказал так: «снег идет на земле в середине лета; мы, как финны,[3] держим коз на привязи в стойлах». Из этого можно видеть, какое тогда было тяжелое время". Fask. 53.

3. „В их время урожай стал плох в стране, потому что конунгов было много, и каждый из них имел дружину при себе; им много надо было на содержание, и были они как нельзя более жадны". Hkr. I, 229.

4. „Когда сыновья Гунхильд правили в Норвегии, наступил голод великий, и становилось тем хуже, чем они дольше правили страной. А бонды видели причину тому в конунгах и в том, что они были жадны, и трудно было бондам под их властью. Дошло, наконец, до того, что в стране почти не стало хлеба и рыбы. В Халогаланде был так велик голод и оскудение, что хлеб там почти не уродился, и лежал снег по всей земле в середине лета, и весь скот был на привязи в стойлах..." Hkr. I, 252—253.[4]

---

[1] Brøgger, ук. соч., стр. 25—26.

[2] Landn., 147—148.

[3] Т. е. саамы.

[4] Hkr. приводит здесь ту же строфу скальда Эйвинда, как и Fask. 53.

5. „В их время был в Норвегии недород великий и на море и на суше; был тогда голод и оскудение во всей стране, и было так, что знатные не терпели[1] *насилия. Клюпп, сын Торда, сына Хорда-Кари, убил Сигурда конунга... Эрлинга конунга убили также бонды". Ősh. '53, 11; ср. Fms. IV, 22.*

6. „Говорят люди, что то время было самым тяжелым, когда сыновья Гунхильд правили страной, потому что зимы стали плохи, урожай хлеба изменился,[2] *сельдь пропала. И пускались люди в такие торговые поездки и встречали голод и оскудение, а после и гибель, а еще ограбление и изгнание тех людей, которые не поддавались насилию. Много труда было у Харальда в его стране и мало пользы ее жителям. Его мужи все же очень любили его, потому что он был к ним добр, хотя и жесток к бондам". Flat. I, 70—71.*

„... В его время был неурожай великий и на море, и на суше. Тогда был голод великий и неправда по всей стране". Flat. I, 583.

7. „Тогда был плохой урожай в стране, но все же Гунхильд дала ему муки, сколько он хотел получить. И собрался он в Исландию..." Nj. VI, 6.

8. „Харальд конунг, сын Горма, послал... в Норвегию к конунгу Харальду... и велел сказать, что конунг данов узнал о нужде и голоде в Норвегии и о том, что конунгу дорого обходится содержание дружины, потому что бонды не могут платить податей из-за бедности. И звал он Харальда... к себе в Данию и предлагал ему весь Иотланд[3] *на зиму и на объезд*[4] *с 200 людей". Fask. 63—64.*

9. ... Тогда был такой великий голод в Норвегии, что конунги едва могли прокормить свою дружину". Hkr. I, 274.

Приведенные здесь отрывки из саг говорят о времени сыновей норвежского конунга Эйрика Кровавая секира, сына Харальда hárfagri. После гибели в борьбе с ними их дяди Хакона Доброго (см. о нем IV) они захватили власть над Норвегией, которую делила с ними их мать, вдова Эйрика, властолюбивая и энергичная Гунхильд. Саги очень часто называют

---

[1] Т. е. не хотели терпеть.

[2] Т. е. изменился к худшему, не удался.

[3] Ныне Ютландия.

[4] Yfirferð; об этом термине см. далее, стр. 28, прим. 1.

всех этих братьев „сыновьями Гунхильд" согласно весьма распространенному у древних скандинавов обычаю метронимического обозначения сыновей, в частности — после смерти отца. Во главе их стоял старший, Харальд grafeldr, т. е. Серый плащ, по имени которого и названа в Hkr. сага, повествующая об этом времени. Бедственное положение Норвегии при сыновьях Эйрика, изображенное, как мы видим, во всех дошедших до нас сводах саг, представляется как нельзя более правдоподобным. Непрестанная борьба между ними и их двоюродными братьями, а также и другими областными вождями, среди которых наиболее ярко выступают могущественные трандхеймские ярлы из Хладир (ныне Lade близ Тронд'ьема), все вообще хищническое хозяйничанье этих нескольких конунгов, конечно, было чрезвычайно разорительно для народных масс. Замечание Flat. I, 70 „зимы стали плохи" указывает на целый ряд годов, неблагополучных и в метеорологическом отношении. Таковыми можно считать, принимая во внимание неясность и несогласованность хронологических данных для этого времени, 60-е и 70-е гг. X в. (см. предисловие, стр. 12). До сих пор в скандинавской научной литературе обычно говорилось более точно о голоде 974/75 г., как об особенно тяжелом; под 975 г. он значится и в исландских анналах. Может быть, эту дату и следует оставить в силе своим чередом, но, принимая во внимание новые хронологические соображения норвежских ученых, — приурочивать бедствия, описанные в приведенных здесь текстах, не только к ней, а ко всему промежутку времени (лет около десяти), приходящемуся на сыновей Эйрика в Норвегии. Эти тексты интересны не только как свидетельство об экономическом состоянии страны: они впервые раскрывают перед нами социальную борьбу, происходившую в условиях хозяйственных невзгод, в связи с которыми общее положение неизбежно должно было обостриться. Когда Flat. I. 70 упоминает о торговых поездках, то под этим, повидимому, подразумеваются попытки добывать хлеб из соседних районов — не из других стран, так как в тексте тут же говорится о положении внутри самой Норвегии. О гибели двух сыновей Эйрика, Сигурда в Хордаланде (район нынешнего Хардангер-фиорда в западной Норвегии) и Эрлинга — в Трандхейме, знают и своды более ранние, чем Flat.; из них Ágr. 20 и Fask. 57 говорят только о Сигурде, а Hkr. I, 249—250 и 252 — об обоих братьях.

Сообщения этих саг о недовольстве бондов, которых притесняли и обирали сыновья Эйрика, а затем — об организованных вооруженных выступлениях, кончившихся тем, что Сигурд и Эрлинг были убиты, вводят нас в ту внутреннюю борьбу, которая позднее, начиная с XII—XIII вв., в эпоху установившегося феодализма, развертывается шире и приобретает более четкий классовый характер. Здесь она еще связана с борьбой, которую можно назвать междуобластной: как для Хордаланда, так и для Трандхейма сыновья Эйрика и их дружина — люди чужие, захватчики, хищники. В Хордаланде мы видим во главе движения против Сигурда представителей местной родовой знати; что касается Трандхейма то здесь бонды собрали целое ополчение против Эрлинга, вступившее в бой с его дружиной. Косвенное участие в этом деле наиболее выдающегося представителя династии ярлов из Хладир, Хакона ярла (родился около 935 г., умер в 995 г.), который сам в это время был в Дании,[1] представляется весьма вероятным. И здесь, надо думать, было то же самое, что в Хордаланде: предводительствовали местные родовитые вожди и, выражаясь древнерусским термином, „мужи лучшие", крупные и влиятельные бонды, т. е. представители двух высших слоев общества, которых в эту эпоху, на данной стадии социального развития, не всегда легко отличить друг от друга. Было бы величайшей ошибкой видеть в том, что за общественной верхушкой идет основная масса бондов-общинников, какое-то объединение классов для достижения общей цели и т. п. Это лишь проявление еще неполной классовой диференциации общества: народные массы идут за местными вождями не потому, что они им милее чужих как таковые, а потому, что они еще не достигли в отношении свободного населения того положения эксплоатирующего слоя, при котором интересы этих двух элементов общества могут быть только антагонистическими. Весьма характерно замечание саги о том, что сыновья Эйрика старались держаться в стороне от тех местностей Норвегии, где было много „больших", т. е. знатных и влиятельных, людей, stórmenn.[2]

По свидетельству большинства саг, сыновья Эйрика убили своего двоюродного брата Трюггви, сидевшего в восточной

[1] Hkr. I, 267.
[2] Hkr. I, 225.

Норвегии, отца известного нам по своим связям с Русью Олафа. Из числа сводов саг только Ágr. 30 сообщает, на ряду с этой общепринятой версией, другое, весьма интересное, предание, а именно, что Трюггви был убит бондами, которым тяжело приходилось под его властью.[1] Здесь, следовательно, было какое-то местное движение, развернувшееся, может быть, вне прямой зависимости от борьбы, которую вели со своими врагами сыновья Эйрика, но в тех же условиях экономических бедствий и обостренных отношений между конунгом и свободным населением. Походы викингов в эту эпоху были в порядке вещей, но попытки перенести их внутрь страны (а к этому в сущности и сводилось по своему характеру владычество сыновей Эйрика в Норвегии) встречали, как мы видим, энергичный отпор. Отмеченное в Hkr. I, 238 временное примирение сыновей Эйрика с Хаконом ярлом было результатом того, что „бондам надоели грабеж и немирье внутри страны". Здесь невольно вспоминаются „bondefreder", крестьянские договоры о мире в феодальную эпоху, известные в Швеции начиная с XIV в., а в Норвегии — несколько позже; эти неофициальные мирные соглашения заключались по инициативе крестьянства в противовес войнам и раздорам среди королей и феодалов.[2]

Социальные условия в это время, конечно, были уже совершенно иные, чем в эпоху саг, что и следует учитывать, проводя эту параллель.

Судя по преданию, к сожалению, лишь очень кратко изложенному в Ágr., Трюггви не меньше сыновей Эйрика заслужил вражду к себе со стороны населения той области, где он сидел. Насколько мне известно, это „иное сказание" о его гибели,

---

[1] Об этом знает и латинская „Historia Norvegiae", написанная, как полагают, в начале XIII в. Monum. hist. Norv., изд. G. Storm, 1880 г., стр. 110—111.

[2] См. F. Lindberg „Bondefreder under svensk medeltid" (Svensk) Historisk Tidskrift, 1928, стр. 1—32, и H. Koht „Les luttes des paysans en Norvège", стр. 114—125, 1929. Не могу не отметить, что краткое изложение чрезвычайно интересной статьи Lindberg'a было исключено из моего библиографического обзора по современной шведской исторической науке, помещенного в „Историческом сборнике", т. III, 1934, стр. 371—386, так как редакция нашла эти договоры о мире невероятными для феодальной эпохи (!). Таким образом была обойдена молчанием целая страница из социальной истории скандинавских стран, поскольку она не укладывалась в историческую схему, согласно которой крестьянству не полагается организованно выступать на защиту своих интересов.

вошедшее в состав Ágr., не обратило на себя внимание западноевропейских исследователей саг. Что касается других первоисточников, то замалчивание его объясняется, по всей вероятности, благосклонностью их к Олафу, сыну Трюггви, занимающему видное место в сагах о норвежских конунгах, и желанием создать цельную и последовательную картину преследования как отца, так и сына злыми родичами, сыновьями Эйрика, особенно — их матерью Гунхильд. Седьмой из комментируемых мною здесь текстов говорит о Хруте, сыне Херьольфа, знатном исландце, приехавшем в Норвегию по делу о наследстве после своего брата, умершего в этой стране. Хрут получает муку от конунга Харальда Серый плащ, вернее — от его матери Гунхильд, распоряжавшейся их общим хозяйством. Запасов здесь, очевидно, было достаточно, несмотря на неурожайный год и на весеннее время, когда недостаток хлеба обычно ощущался сильнее всего (ср. далее под 975 г. эпизод из этой же саги с другим исландцем, Гуннаром из Хлидаренди, приехавшим в Трандхейм к Хакону ярлу). Район, в котором происходит встреча Хрута с Гунхильд и Харальдом — юго-восточная Норвегия, та самая область Ránríki (ныне Bohuslän в Швеции), где, по некоторым сведениям, сидел уже упомянутый выше Трюггви; если это так, то Харальд мог обосноваться в этих местах лишь после смерти Трюггви. Даты тут опять-таки расходятся: по Nj. Хрут встречается с Харальдом в 963 г., а Трюггви по Hkr. был убит в 969 г.

Сведения об экономическом положении в это время на дальнем Севере, в Халогаланде (об этой области см. комментарий к II), Hkr., цитируемая в четвертом из приведенных здесь текстов, сообщает на основании строфы скальда Эйвинда, уже использованной составителем Fask. Повествование Hkr. в этом месте является в сущности пересказом этой строфы, которая вслед за тем приведена в подлиннике, как это очень часто делается в сагах, когда они непосредственно основываются на свидетельстве скальдов. Эйвинд — современник описываемых событий. Он происходил из знатного халогаландского рода и владел усадьбой на острове Тьотта, но был, повидимому, сравнительно небогат; до нас дошло еще несколько его строф, из которых видно, что он был из тех халогаландских хозяев, чье имущественное положение сильно пострадало в голодные годы: ему приходилось продавать имевшиеся у него ценности,

чтобы покупать скот и рыбу.[1] Очевидно, „неурожай на море" сильно давал себя знать в Халогаланде; Hkr. говорит на основании тех же строф Эйвинда о том, как однажды сельдь подошла к берегу, и Эйвинд поспешил снарядить своих челядинцев и других зависимых людей на ловлю; часть улова он был намерен продать своим друзьям, вероятно — в обмен на хлеб Строфы Эйвинда, на которых основываются Fask. и Hkr., интересны по заключающимся в них сведениям экономического характера, сравнительно редким в песнях скальдов. В научно-исследовательской литературе до сих пор на эту сторону было обращено слишком мало внимания; между тем, как мы видим на примере Эйвинда, в поэзии скальдов отражался не только дружинный быт и идеология, подвиги конунгов и вождей, звон оружия и т. д., но порой также и хозяйственная жизнь их времени. Несмотря на родство с Харальдом Серый плащ и его братьями, Эйвинд был с ними в недружелюбных отношениях. В связи со всеми этими обстоятельствами, его строфы, вставленные в Fask. и Hkr., являются весьма подходящей иллюстрацией к описанию положения Норвегии в это время. Захватнические стремления сыновей Эйрика, впрочем, не распространялись на дальний Халогаланд. Здесь, повидимому, достаточно бед причинили метеорологические условия, от которых пострадало скотоводство и рыболовство. Можно думать, что смуты и разорение в остальной Норвегии должны были во всяком случае отразиться на халогаландском хозяйстве в смысле затруднения или даже полного прекращения ввоза хлеба с юга на север.

По поводу приведенных здесь текстов остается сказать несколько слов об отношении сыновей Эйрика к язычеству, отмеченному в Fask. 53; об этом же говорит и Hkr. I, 228—229. Они были крещены в Англии, куда бежал в свое время их отец после неудачной борьбы со своим братом, Хаконом Добрым. Современные норвежские историки полагают, на основании некоторых косвенных данных, что при сыновьях Эйрика были сделаны первые систематические попытки христианизации Норвегии.[2] При этом они действовали с большей настойчивостью, чем их предшественник Хакон Добрый. Саги во всяком случае

[1] Hkr. I, 253—254.

[2] Det norske folks liv og historie..., т. I, стр. 241.

не выдвигают их в этой роли и не пытаются таким путем смягчить (со своей точки зрения) то резко отрицательное впечатление, какое производит их самоуправство, хищничество и т. д. Fask. в этом тексте остается вполне на почве народных преданий, которые приписывали бедствия, постигшие страну, разрушению жертвенных мест, связанных, как мы знаем, с аграрными культами „для мира и урожая". В Hkr. эта причинная связь уже ослаблена и заменена изложением более рационалистического характера.

Упоминаемый в восьмом из цитируемых здесь текстов Харальд сын Горма — конунг Дании (ум. в 986 г.). Последние два известия относятся к концу правления Харальда Серый плащ в Норвегии. Он был убит в Дании своим тезкой, зазвавшим его к себе и состоявшим в союзе с Хаконом ярлом, наиболее сильным противником сыновей Эйрика в Норвегии. Hkr. I, 274 говорит следующее: „в Дании урожай был неплохой, и думали тогда люди добыть себе там пропитание, если Харальд получит там лен и объезд",[1] что и было ему обещано датским конунгом. Дания как страна вообще более хлебная, чем Норвегия, не могла не быть привлекательной для Харальда и его дружины, особенно — при условиях длительного недорода и разорения в их родной стране. Охотно можно также поверить сообщению Fask. 64 о том, что „бонды и весь народ" очень желали отъезда Харальда в Данию. Дата смерти этого конунга относится к числу неясных в норвежской хронологии; вероятно, это — начало 70-х годов X в.

VII

970 или 976—995 гг. (нач. 70-х гг. — 995 г.)

1. „Хакон ярл был могуществен, и стал он приносить жертвы настойчивее, чем это делалось раньше. Тогда улучшился вскоре урожай, и снова появились хлеб и сельдь; процвела земля, как говорит Эйнар... Тогда был мир добрый и урожай, как еще говорит Эйнар..." Fask. 69—70.

2. „В первый год, когда Хакон правил страной, появилась повсюду сельдь у берегов, а в предыдущую осень хлеб уродился

[1] Yfirsókn — то же, что yfirferd. Оба эти термина перевожу как „объезд", смысл их заключается в том, что конунг предоставлял своему ставленнику управление определенной территорией, в пределах которой он совершал поездки по подведомственным ему делам и кормился при этом со своей дружиной за счет местного населения.

всюду, где был посеян. А весною люди добыли себе семян на посев, так что большинство бондов засеяло свои земли, и вскоре стало видно, что можно надеяться на урожай". Hkr. I, 281.

3. „Пока Хакон ярл правил Норвегией, был хороший урожай в стране и добрый мир внутри страны у бондов". Hkr. I, 343.

„Ярл тот сказал, что скуден урожай в стране «и мало Ок. 975 г. *уйдет отсюда кораблей, но все же ты получишь муку и лес, чтобы погрузить себе на корабль, как ты и хочешь»". Nj. XXXII, I.*

После того как Хакон ярл победил сыновей Эйрика при помощи датчан, датскому конунгу досталась южная Норвегия, где остались, правда, и местные конунги, но уже на правах его вассалов. Датским вассалом был и сам Хакон — по крайней мере, в западном прибрежном районе Норвегии, между тем как в своем родном Трандхейме он сохранил самостоятельное положение. Вскоре он освободился от всякой зависимости от своего датского сюзерена, причем обратился и против попыток христианизации Норвегии со стороны этого последнего. Внезапное появление при Хаконе всяких благ и на суше и на море в связи с восстановлением языческого культа, как это рисует Fask., вероятно, соответствует народным преданиям, сложившимся на севере Норвегии, где Хакон пользовался наибольшим влиянием. В песнях цитируемого в Fask. исландского скальда Эйнара skálaglamm — лица, близкого к Хакону и прославляющего его возврат к язычеству как причину наступившего в стране расцвета, а позднее — в сагах, основывающихся на строфах Эйнара, эти предания получили соответственное литературное оформление. Нет надобности доказывать, что все это не может служить характеристикой действительного экономического положения Норвегии при Хаконе. Возможно тем не менее, что связи Хакона с Данией могли несколько улучшить состояние земледельческого хозяйства, поскольку они открывали возможность ввоза датского хлеба в Норвегию. Но наладить ввоз могли прежде всего наиболее состоятельные люди, обладавшие средствами для снаряжения кораблей и для закупки в больших размерах. Бонды, засеявшие свои земли, на что в голодные годы нехватало семян, были, очевидно, обязаны этим не внезапному урожаю, столь идиллически изображенному у Эйнара и в сагах,

а ссуде зерном, которую им могли предоставить владельцы крупных хозяйств, располагавшие большими запасами и возможностью пополнять их по мере надобности. Таковым был и Хакон ярл у себя в Трандхейме. Это обстоятельство содействовало, конечно, укреплению экономической зависимости средних и мелких хозяйств от крупных. Цитируемый здесь небольшой отрывок из Nj., относящийся по хронологии этой саги ко времени около 975 г., вносит поправку к той картине благоденствия при Хаконе, которую рисуют нам Эйнар и Fask. Неблагоприятное положение в это время после целого ряда голодных годов вполне правдоподобно. Речь идет здесь об исландце Гуннаре сыне Хамунда, который гостит у Хакона ярла в Трандхейме и весною собирается в обратный путь.[1] Несмотря на плохой урожай, Хакон находит возможным отпустить приезжему исландцу некоторое количество муки — едва ли, впрочем, особенно большое, так как у Гуннара был всего один корабль, на который надо было еще погрузить строевой лес. О ввозе муки и зерна в Исландию из Норвегии мы знаем и из других источников. Строевой лес, о котором здесь говорится, зажиточные исландцы также привозили из Норвегии за неимением подходящего материала у себя на родине, где для построек был в ходу главным образом тот лес, который пригоняло к берегу течение в Атлантическом океане.

Интересной чертой является в приведенном здесь отрывке из Fask. отношение ее составителя к языческому преданию, вошедшему в состав этого свода. Как в приведенном мною выше тексте, касающемся времени сыновей Эйрика и голода, приписываемого народом гневу богов (Fask. 53), так и здесь, говоря об экономическом расцвете как о следствии восстановления языческого культа, составитель Fask. излагает все эти предания, не внося никаких поправок, не вдаваясь ни в какие рассуждения в христианском духе о языческих заблуждениях и т. п. Такому объективному отношению исландских авторов к языческой старине, отделенной от их времени двумя веками, мы обязаны тем, что в сагах до нас дошло много сведений об этой старине и притом достаточно точных и неискаженных. Это не значит, что исландские авторы были во всем остальном объективны и беспристрастны — да и эти же языческие веро-

[1] О Гуннаре и его хозяйстве см. обзор по Исландии, VII.

вания, сведения о которых так ценны для нас в их произведениях, они зачастую используют тенденциозно, как мы уже видели на примере преданий о конунгах, „счастливых на урожай". Совершенно иной подход к известиям о X веке в Норвегии мы встречаем в одной из наиболее поздних редакций исландских анналов, относящейся к XVI—XVII вв. (Isl. Ann., 463, под 975 г.): „тогда был великий голод и языческие требы". В этой краткой и сухой заметке можно прочесть между строками, что автор считает то и другое явлением отрицательным; никаких следов того освещения, которое дают этим „языческим требам" саги, здесь уже не осталось.

„Добрый мир внутри страны" при Хаконе ярле, о котором говорят Fask. и Hkr., оказался в конце концов нарушенным. Падение и гибель Хакона являются результатом восстания против него в Трандхейме в 995 г. Относительно причин этого восстания саги удовлетворительного с нашей точки зрения объяснения не дают. Во всяком случае тут было какое-то социальное движение против чрезмерной власти Хакона, вызвавшей как недовольство местной знати, из среды которой вышла династия ярлов из Хладир, так и протест широких масс свободного населения, бондов, которые, по характерному отзыву Hkr., I, 343 „сильно роптали, как это обычно у трондов,[1] когда им что-нибудь приходится не по душе". Падение Хакона было одним из условий, облегчивших приход к власти в Норвегии Олафа, сына Трюггви (см. о нем комментарий к VI).

VIII

„Когда они, Гизур и Хьяльти, были в Нидаросе у Олафа конунга, был урожай великий в Норвегии и мир добрый внутри страны... В ту зиму погода была хорошая и рано стало расти..." Flat. I, 447. 999 г.

Упоминаемые здесь Гизур и Хьяльти — исландцы, приехавшие к норвежскому конунгу Олафу, сыну Трюггви (995–1000 гг). Нидарос — древнее название нынешнего Трондьема; в эпоху саг Трандхеймом назывался не город, а вся область. В этом же месте Flat. передает далее эпизод с веткой дягиля (Angelica archangelica), который в ту весну был „удивительно большой для того времени года". В Норвегии и в Исландии это растение

[1] Т. е. населения области Трандхейм.

употребляли в пищу и разводили в огородах. Известие Flat. о хорошей весне в 999 г. само по себе, может быть, и соответствует истине, но вообще и в этом позднем своде и в более ранней саге об Олафе исландского монаха Одда (вторая половина XII в.), которую я здесь не цитирую, тенденциозность в отношении этого конунга очевидна. И Одд и компиляторы Flat., проникнутые специфическим церковным направлением, стремятся создать апофеоз Олафа как христианизатора Норвегии. Унаследованное от языческих времен представление о конунге, „счастливом на урожай", приспособлено у них к христианской идеологии. „Был тогда (т. е. при Олафе) хороший урожай, как и можно было ожидать", говорит Flat. в другом месте (I, 583).

IX

1000—1012 гг. *„Мир добрый был тогда и урожай большой". Fask. 138.*

Эта краткая заметка относится ко времени сына Хакона ярла, Эйрика, в борьбе с которым погиб в 1000 г. Олаф, сын Трюггви. Эйрик был в союзе с шведским и датским конунгами, из которых первый захватил часть восточной, а второй — южной Норвегии. Эйрику ярлу и его брату Свейну досталось западное побережье от Халогаланда на севере до Агдир на юге. Если эту заметку принимать как некоторое отражение действительности, а не только как панегирический прием со стороны автора Fask., вообще сочувственно относящегося к Эйрику, то известие о сравнительно благополучном состоянии земледелия в конце X и в начале XI в. относится, вернее всего к Трандхейму, с которым Эйрик был наиболее тесно связан по своему происхождению и местному значению, и может быть в той или иной мере — к остальному западному побережью Норвегии.

X

1019 г. *1. „Олаф конунг пришел в Тунсберг перед пасхой и был там долго в ту весну; в город тот пришло тогда много торговых кораблей, саксы и даны, и с востока из Вика и с севера; было там великое множество людей. Тогда был урожай большой и пиры большие". Hkr. II, 150.*

1021 г. *2. „В ту осень был в Трандхейме недород хлеба, а раньше был долго хороший урожай. Голод был по всему северу страны,*

и тем больше, чем дальше к северу; а на востоке страны хлеб был хорош, и в Уплонд тоже. А в Трандхейме пользовались тем, что у людей было там много старого хлеба.“ Hkr. II, 218.

3. „Был тогда урожай хороший по всему Вику и неплохой повсюду к северу до Стада, а к северу оттуда — голод великий. Олаф конунг в ту весну послал на запад в Агдир и на север в Рогаланд и Хордаланд объявить, что он не позволит продавать оттуда ни хлеб, ни солод, ни муку, а также, что он придет туда со своей дружиной и будет гостить по обычаю“. Hkr. II, 238. 1023 г.

4. „Вскоре после того как Асбьорн принял наследство после отца стал урожай ухудшаться и посев у людей не удался. Асбьорн продолжал попрежнему справлять пиры, и пользовался он тогда тем, что был старый хлеб и старые припасы, какие нужны. Но прошел год и наступил другой, а хлеб нисколько не был лучше, чем в прошлый. Тогда хотела Сигрид отменить пиры — все или некоторые. Асбьорн не хотел этого; поехал он в ту осень к друзьям своим и покупал хлеб там, где мог достать, и получил от некоторых. И опять было так в ту зиму, что справлялись все пиры. А весною той мало было засеяно, потому что никто не мог купить семян на посев. Сигрид говорила, что надо сократить число домашних людей; Асбьорн не хотел этого и оставил все попрежнему в то лето; хлеб не обещал урожая. К тому же рассказывали с юга страны, что Олаф конунг запретил вывозить с юга на север хлеб, солод и муку“. Hkr. II, 243—244. Ок. 102 г

1021—1023 гг.

Все эти тексты говорят о времени Олафа, норвежского конунга из рода Харальда hárfagri (1015—1030 гг.), известного в сагах под прозванием „толстый“, а более официально — „святой“. Если сопоставить эти известия с теми, которые относятся к 999 и к 1000—1012 гг., то у нас получается довольно последовательная картина положения земледелия в Норвегии в конце X и в начале XI в., преимущественно — в Трандхейме. В отношении этой области сведения 999—1012 гг., весьма неопределенные и с сильной литературной окраской, повидимому, подтверждаются значительно более конкретными по своему характеру и довольно обстоятельными данными Hkr.: здесь мы находим указание на длительный хороший урожай до 1021 г. и на накопленные в связи с этим запасы зерна, а также

обзор по областям, среди которых Hkr. в точности отмечает голодные и благополучные; к последним относится южная часть западного побережья, юг и юго-восток Норвегии; упоминаемый в числе таких мест Вик, Vík, — район нынешнего фиорда Осло. В переводе известия 1021 г. выражением „гостить" я передаю др.-сев. „fara at veizlum". Термин „veizla" имеет в языке саг несколько значений, из которых здесь надо отметить „пир", „угощение", „прием". Дело идет об установленных обычаем поездках конунга с дружиной по той или иной области с остановкой в каждом округе, населению которого при этом и приходилось кормить их. „Fara at veizlum" довольно сходно с древнерусским хождением в полюдье. Hkr. далее (стр. 239) сообщает о пребывании конунга в 1023 г. летом в Вике — местности в то время урожайной; урожайными были и остальные местности, которые Олаф собирался объезжать. Тяготение его к наиболее благополучным в экономическом отношении районам — явление вполне понятное. В XI в. в сагах неоднократно наблюдается, что бонды на основании старых обычаев протестуют против увеличения численности дружины конунга, составляющей его постоянное окружение (независимо от военных походов), и настаивают на ограничении ее издавна установленными пределами. На ряду с нежелательным для них усилением политического веса власти конунга, наличие у него при поездках по стране многочисленной дружины, для прокормления которой требовались большие натуральные поборы, создавало для их хозяйства весьма нелегкую нагрузку. В первом из цитируемых здесь текстов отмечено длительное пребывание Олафа в Тунсберге весною, в начале навигационного сезона. Hkr. рисует Тунсберг как оживленный торговый центр, куда приходят корабли из Германии и Дании, а также собираются местные, норвежские, купцы. Как известно из других мест саги об Олафе, сам он иногда принимал участие в торговых предприятиях вскладчину со стоявшими во главе их богатыми судовладельцами. Пребывание в приморском торговом центре могло, таким образом, послужить для него источником обогащения не в меньшей мере, чем походы викингов, в которых он смолоду принимал деятельное участие. На добыче и дани, доставшейся предводителям этих походов, и строилась та материальная база, которая давала возможность выдвинуться таким фигурам, как Олаф, и вести борьбу с областными конунгами и вождями. Пиры, которые

поставлены здесь в связь с хорошим урожаем, носят очевидно уже иной характер, чем те, о которых говорилось выше (см. комментарий к II и IV), и придется еще говорить по поводу цитируемых здесь далее отрывков саги об Олафе. В районе фиорда Осло христианство пустило корни раньше и прочнее, чем в остальной Норвегии, и эти торжества, вероятно, были уже приурочены к празднику пасхи, прежде всего — в ближайшем окружении Олафа, ревностного приверженца христианства, а может быть также и в торговой среде, где они связываются с внутренним строем и обычаями купеческих объединений, гильдий, выступающих несколько позднее, по мере экономического развития городов и роста городского торгового населения. Самый обычай пиров-братчин несомненно очень древний и восходит к упомянутым выше традиционным языческим торжествам в сельскохозяйственном быту, обозначаемым часто термином gildi.

Запретительные меры, принятые Олафом во время голода в северной Норвегии, были направлены против многочисленных и сильных в этом крае местных вождей, упорных противников его власти. Сосредоточение хлебных запасов в их руках, особенно в неурожайные годы, укрепляло их значение и влияние, объединяло вокруг них те группы и слои населения, которые были так или иначе связаны с ними и зависимы от них, начиная с их собственных родичей и дружинников, а также челядинцев, рабов и т. д., и кончая общей массой свободного населения, среди которого, конечно, более всего страдали от неурожая наименее зажиточные бонды. С политикой Олафа, направленной к достижению единовластия в Норвегии, соединялась и его роль христианизатора: наиболее резкие столкновения его с языческими традициями происходят именно на севере, в Трандхейме, главным образом — по поводу обычных жертвоприношений для урожая. Борьба Олафа с местной знатью отнюдь не указывает на демократический характер его власти: его опорой, на ряду с дружиной, являются те же вожди и крупные бонды, но уже на положении его вассалов. Если среди его противников и были такие вожди, которые в ходе процесса феодализации общества в их крае уже заняли антагонистическое положение в отношении основной массы населения, то и в таких случаях не приходится говорить о благоприятном для этой последней характере той власти, которая слагалась в лице

Олафа: она готовила новые формы подчинения и эксплоатации, свойственные ранней феодальной монархии, основы которой уже намечаются в XI в.

Четвертый из цитируемых здесь отрывков взят из введенной в состав Hkr. целой отдельной саги об Асбьорне, сыне богатого и влиятельного землевладельца в Халогаланде Сигурда и жены его Сигрид. Сага эта чрезвычайно интересна во многих отношениях. То, что она дает для экономической истории Норвегии в XI в., выгодно отличается, как и данные 1019—1023 гг., по своему четкому и конкретному характеру, по своей, если можно так выразиться, деловитости, от многих неопределенных и тенденциозных известий, с которыми нам приходится иметь дело в настоящем обзоре. Герой этой саги, Асбьорн — весьма типичный представитель своей общественной среды. Мы видим, как он прилагает все усилия, чтобы не отстать, несмотря на трудное для его хозяйства время, от того традиционного порядка, который велся при его отце, и не сокращать, вопреки советам матери, своего многочисленного домашнего окружения. По дальнейшему рассказу саги Асбьорн отправляется на грузовом корабле на юг, в Рогаланд, но его попытка закупить там хлеб в усадьбе конунга Олафа, во главе которой стоит его управляющий и где было достаточно хлебных запасов, кончается неудачно. Он едет дальше на юг, к своему родичу Эрлингу, сыну Скьялга, который предлагает ему купить хлеб у его рабов, „потому что они не подчинены закону и земскому праву вместе с другими людьми", после чего Асбьорн и закупает у них хлеб и солод.[1]

Об этом Эрлинге та же Hkr. сообщает чрезвычайно интересные данные, рисующие его, с одной стороны, как предприимчивого военного вождя, добывавшего себе богатство в грабительских походах, а с другой — как могущественного магната в южной Норвегии, где его поставил в свое время конунг Олаф, сын Трюггви; сам Эрлинг происходил из знатного хордаландского рода. В своем большом и богатом хозяйстве он является систематическим эксплоататором рабского труда: днем рабы должны были работать на него, а желающие работать для себя в сумерки или ночью получали от него пахотные участки для собственного пользования, что создавало для них возможность дать

[1] Hkr. II, 244—247.

за себя выкуп в течение двух-трех лет — возможность, которая доставалась им, таким образом, ценою весьма тяжелого труда. На эти деньги Эрлинг покупал других рабов, но, по сведениям саги, в его хозяйстве численно преобладали вольноотпущенники, которым он предоставлял ловлю сельди и другие промыслы; некоторые расчищали леса и селились на чищобе.[1] Рассказ саги о хозяйстве Эрлинга дает нам интересный пример, во-первых — применения подсеки в условиях феодализирующегося хозяйства, а во вторых — той системы мелких пахотных участков, reitbruk, которую историки земледелия в Норвегии считают очень древней и возводят к начальному периоду культуры хлебных злаков, ко времени мотыжного земледелия. Архаический прием обработки мотыгой, а впоследствии — лопатой, долго сохранялся в Норвегии на ряду с уже вошедшими в употребление ралом и плугом. В эпоху саг, как мы видим по рассказу о хозяйстве Эрлинга, а также и несколько позднее, как свидетельствуют норвежские правды XII—XIII вв., система reitbruk практиковалась в более или менее крупных хозяйствах путем раздачи мелких участков зависимым людям для их собственного пользования.[2] Рассказ об Асбьорне и сведения о хозяйстве Эрлинга известны уже в составе более ранней, чем Hkr., редакции саги об Олафе, так называемой легендарной редакции.[3]

XI

1030—1035 гг.

„Юноша будет долго помнить время Альфифы, когда мы у себя ели пищу быков, как козлы — скобленую кору; не то было, когда Олаф-воин правил страной — каждый мог похвастаться высушенным в скирдах хлебом". Ágr. 52; Ósh. '49, 75.

Привожу здесь в прозаическом переводе строфу исландского скальда Сигвата, сына Торда, человека близкого к конунгу Олафу, погибшему в 1030 г. в борьбе с норвежскими, преимущественно трандхеймскими, вождями. Последние воспользовались при этом поддержкой датского конунга Кнута Великого (1018—1035 гг.), который посадил в Норвегии в качестве правителей своего сына Свейна с его матерью Альфифой. „Дат-

[1] Hkr. II, 29—31.

[2] См. об этом S. Hasund, ук. соч., стр. 171 сл. и 215—216.

[3] Óláfs Saga hins helga, изд. 1849, стр. 35 сл.

скую ориентацию" многих представителей норвежской знати S. Hasund объясняет в значительной мере тем, что Дания являлась источником ввоза хлеба в Норвегию; к тому же владычество Кнута распространялось в это время и на Англию, имевшую для Норвегии такое же значение.[1] Но эта ориентация была использована Кнутом согласно его собственным завоевательным намерениям: его власть не осталась номинальной, а описываемая в сагах систематическая эксплоатация страны ложилась всей своей тяжестью, разумеется, не на высшие слои, а на рядовых бондов, отягощенных многочисленными поборами и повинностями. Говоря о времени Альфифы в Норвегии как о тяжелом и голодном, скальд Сигват, вероятно, не преувеличивает. Что же касается благополучия при Олафе, противопоставляемого этим бедствиям, то воспоминания о хлебных запасах, имевшихся при нем у каждого норвежского земледельца, отзываются, конечно, панегирической фразой. Строфа Сигвата интересна содержащимся в ней впервые в литературе саг указанием на употребление суррогатов: она говорит о „пище быков" и более конкретно — о толченой древесной коре, skaf, которая обычно употреблялась в сельском хозяйстве в качестве подсобного корма для скота, а в голодные годы служила примесью к муке. Строфа Сигвата является, таким образом, примером тех экономических „realia", какие можно встретить иногда у скальдов (ср. комментарий к VI, о скальде Эйвинде). На ней же основывается и легендарная редакция саги об Олафе, повествуя о притеснениях и о голоде в Норвегии при Свейне и Альфифе (ук. изд., стр. 75).

XII

„Урожай большой в Норвегии и много всякого рода добра; ни при одном конунге не жилось народу так хорошо, как в его дни, с тех пор как был Харальд hárfagri". Fms. VI, 441. 1067 1093

Как и во многих предыдущих подобных случаях, этот похвальный отзыв о времени конунга Олафа, сына Харальда hardráði, очевидно, следует понимать в смысле относительного, а не абсолютного урожая. Олаф недаром получил прозвище kyrri, т. е. спокойный, а также bóndi, что значит не только

[1] Ук. соч., стр. 189.

„свободный землевладелец и земледелец", как это было объяснено выше (см. введение, стр. 6, прим. 1), но и „хозяин": внутренних войн при нем не было, и в этом уже заключалось весьма существенное условие для народного хозяйства. Но это все-таки лишь обстоятельство внешнего характера. Саги сравнительно мало освещают наиболее важные стороны развития агрикультуры в Норвегии; историку приходится обращаться к другим источникам, каковыми являются, прежде всего, древнейшие областные правды. В XI в. в Норвегии происходит освоение новых пашенных земель, а самая система земледелия становится более рациональной; и то, и другое, конечно, — не в одинаковой мере в разных районах. С прекращением походов викингов землевладение приобретает бóльший вес для высших слоев общества. Обогатившиеся в течение походов крупные вожди обращают свою экономическую силу на утверждение себя как класса землевладельцев в бóльшей мере, чем это было возможно раньше. Обработка новой земли, а следовательно, расширение общей площади запашки, происходит в XI в. частично уже на земле, принадлежащей конунгу, знати, а несколько позднее также и церкви. Для нового поселенца тем самым создается положение зависимого человека, сидящего на чужой земле и обязанного ее собственнику определенной повинностью, прежде всего — натуральной и денежной, в меньшей мере — трудовой. По мере разложения рабства, завершившегося в Норвегии в XII в., такое же положение занимают и рабы, посаженные на землю. Если долговое рабство и исчезает из обихода, то задолженность лично свободного в юридическом смысле бонда-бедняка, получающего ссуду инвентарем, зерном и т. д. от крупного хозяина, создает и закрепляет новые формы зависимости; это происходит как в тех случаях, когда непосредственный производитель вынужден прибегать к ссуде, имея свой пахотный участок, так и в тех, когда он обосновывается на чужой земле. По мнению норвежского историка E. Bull'я, можно полагать, что в XI в. большинство норвежских бондов еще сидело на собственной земле;[1] тем не менее, процесс консолидации знати как землевладельческого класса был в это время уже в ходу со всеми вытекающими из него последствиями.

[1] Det norske folks liv og historie..., т. II, стр. 121.

XIII

1103—1130 гг. *„Стало хорошо в его время — был и урожай, и много всякого другого добра". Ágr. 89.*

„Было в его время хорошо народу в стране; был тогда и урожай, и мир". Hkr. III, 314.

Оба эти известия относятся ко времени конунга Сигурда jórsalafari; все это — общие фразы, для проверки которых у нас нет данных, но если даже в Норвегии в первой половине XII в. и не случалось серьезного голода, то сомнительно, чтобы широким народным массам жилось особенно хорошо в период, когда продолжается уже вполне четко обрисовывающийся перед нами в XI в. процесс обезземеления непосредственного производителя и захвата земли крупными владельцами. В течение XII—XIII вв. общинная земля, almenning (термин более известный у нас в его немецкой форме almende), переходит в распоряжение короля.[1]

XIV

1182—1183 гг. *1. „Здесь ныне голод и оскудение, как и можно ожидать там, где большая рать собралась в одном месте и кормилась две зимы". Flat, II, 599.*

1207 г. *2. „Тогда был такой великий голод в Трандхейме, что они ушли оттуда осенью на юг." Fms, IX, 48.*

1208 г. *3. „... Там ныне голод и оскудение, а здесь — урожай хороший". Fms. IX, 51.*

1213 г. *4. „В Трандхейме был тогда такой великий голод, что конунг не мог собрать податей с бондов". Fms. IX, 203.*

Приведенные здесь краткие известия взяты из саг, описывающих наиболее бурный и сложный период истории Норвегии в тех хронологических пределах, которыми ограничивается настоящий обзор. Это — период непрестанной борьбы за власть

[1] Начиная с этого времени, я заменяю как в переводе текстов, так и в комментариях к ним архаический термин „конунг" термином „король". „Конунг" по самой этимологии своей восходит к родовому строю со значением „глава рода", „родовой старейшина"; см. Энгельс „Происхождение семьи, частной собственности и государства", стр. 93, замечания о переводе др.-греч. basileus как нем. König (Партиздат, М., 1934 г). Для эпохи установившегося феодализма термин „конунг" уже является непригодным в переводе. В языке саг он остается, но обозначает уже феодального государя, для которого более подходит русский термин „король".

между претендентами, выдвигаемыми различными феодальными группировками, и сильного обострения классовых противоречий между крупными землевладельцами и крестьянством; классовая борьба принимает в эту эпоху уже более четкий и резкий характер. В составе высшего слоя королевских вассалов, распоряжающихся выбором и смещением королей и опирающихся на крупное землевладение, мы находим сравнительно мало потомков старой родовой знати, выступающей перед нами в эпоху викингов. При короле Сверрире (1184—1202 гг.) в составе сменившей ее новой знати видное место занимают лица, которых он ставил во главе своего административного аппарата на местах и для которых королевская служба давала возможность выдвинуться и обогатиться. Эти королевские ставленники, попадая в качестве таковых в тот или иной район Норвегии, уже не имели связей с местным обществом и его традициями. Сверрир, энергичный и предприимчивый авантюрист, выдававший себя за сына одного из норвежских королей середины XII в., добился власти при поддержке партии так называемых биркибейнеров. Необходимость бороться с крупными феодалами как светскими, так и духовными заставила Сверрира и биркибейнеров в самом начале их выступления, в 70-х гг. XII в., искать поддержки общественных низов, причем классовые группировки носили неодинаковый характер в разных областях Норвегии. Насколько непрочен был „демократизм“ политики Сверрира показывает, начиная с 1183 г., ряд больших крестьянских восстаний против него, а также и против его преемников. Классовый характер этих восстаний выражен уже вполне отчетливо. На ряду с ними мы видим весьма серьезное движение против Сверрира сильной церковной партии баглеров, во главе которой стояли крупные церковные магнаты, и выступления небольших отрядов, возглавляемых претендентами на власть, вышедшими из светской феодальной среды. Несмотря на то, что крестьяне входили в состав ополчения и Сверрира, и баглеров, и указанных только что других участников борьбы, этот класс всюду проявляет и утверждает себя как таковой. Говоря об этом, следует, конечно, учитывать начавшееся уже задолго до этого расслоение в среде самого крестьянства и противоположность интересов между его зажиточными и беднейшими слоями. Для положения крупных бондов в Трандхейме, где они имели большое значение в это время, характерен

эпизод в начале выступления Сверрира в Норвегии, в 1179 г.: из опасения перед его противниками, сидевшими в этом крае, бонды не пошли с ним сами, а снарядили своих работников в числе 300 человек, притом — весьма плохо вооруженных.[1] Наиболее энергично крестьянство проявляет себя в восточной и юго-восточной Норвегии; восстание 1200 г., вызванное наложением на бондов двойного побора хлебом, к тому же — в зимнее время, носило планомерный и организованный характер; оно охватило целый ряд районов, и Сверрир с трудом справился с ним. Вместе с тем активно выступают в том же районе Норвегии и беднейшие слои населения, как мы это видим около 1218 г. на примере движения слиттунгов, slittungar (от slitti — рвань, лохмотья), которых сага и характеризует как бедняков (Flat. III, стр. 25 сл.). Характерно, что это движение направлено как против биркибейнеров, так и против баглеров.

Приведенное здесь под 1182—1183 гг. известие о голоде в Трандхейме (по саге — слова самого Сверрира) вносит мало нового в летопись земледелия о Норвегии как таковую. О метеорологических условиях в это время сага ничего не сообщает, но и помимо них „голод и оскудение" как нельзя более вероятны в районе, где непрерывно шла междоусобная война — даже в таком сравнительно хлебородном, как Трандхейм. Здесь первоначально был главный центр партии Сверрира. Во время вновь разгоревшейся после его смерти борьбы между баглерами и биркибейнерами, осложненной соперничеством между претендентами на власть, сага вновь отмечает под 1207 г. голод в Трандхейме, занятом баглерами; последние были вынуждены покинуть этот край, где они только что водворили своего ставленника Филиппа. При заключении соглашения между ними и биркибейнерами в 1208 г. один из вождей баглеров, епископ Николай, по приведенному здесь под этим годом тексту саги, советовал трем выдвинутым в это время претендентам поделиться между собой; при этом Филиппу, приходившемуся племянником Николаю, должен был достаться не разоренный и голодный Трандхейм, а более благополучное побережье фиорда Осло и ближайшие к нему земледельческие районы. Трандхейм достался поддерживаемому биркибейнерами племяннику Сверрира, Инги, по отцу происходившему из мест-

[1] Fms. VIII, 96.

ной трандхеймской знати (1208—1217 гг.). Из дальнейшего повествования саги, приходящегося на 1213 г., мы видим, что тяжелые поборы, которыми Инги облагал трандхеймских бондов, вызвали с их стороны вооруженное восстание против него. „Великий голод" 1213 г. является, повидимому, результатом разорения, которому подвергался этот край в течение многих лет, а эксплоатация его при новом короле обострила положение и вызвала отпор.

XV

„Когда Хакон был поставлен конунгом, был урожай великий в стране той. То лето было такое хорошее, что во многих местах в стране той деревья дважды давали плоды, а дикие птицы дважды клали яйца". Flat. III, 22. 1217 г.

Этот текст саги о короле Хаконе, внуке Сверрира (1217—1263 гг.), представляет собою точный прозаический пересказ цитируемых в ней тут же строф двух исландских скальдов; оба они, Олаф hvítaskáld и Стурла, сыновья Торда, принадлежали к знатному исландскому роду Стурлунгов и приходились племянниками знаменитому исландскому историку Снорри. Из них к Хакону особенно близок был Стурла, автор цитируемой здесь саги об этом короле, написанной около 1265 г. и дошедшей до нас в нескольких редакциях и списках, старшие из которых очень близки ко времени ее написания. Само собою разумеется, что этим строфам Олафа и Стурлы реального значения придавать нельзя. В течение первых десятилетий правления Хакона в Норвегии наступает успокоение: борьба феодальных партий прекращается, народные волнения затихают, отношения королевской власти к церкви хотя бы временно урегулированы. В лице этого выдающегося и энергичного представителя династии Сверрира в Норвегии впервые утверждается феодальная монархия, опирающаяся на подчиненное ей служилое и землевладельческое дворянство и располагающая организованным административным и фискальным аппаратом. Из крестьян в саге о Хаконе в это время выступают лишь крупные бонды; так, в 1247 г., когда папский легат кардинал Гильельмо Сабинский (Vilhjálmr cardinalis, как называет его сага) был в Бергене на торжественном коронованнии Хакона, туда собрались и „лучшие бонды из каждого округа" и добились от кардинала разрешения на сельскохозяйственные работы и ловлю сельди

в праздничные дни, когда по церковным уставам всякая работа обычно воспрещалась. Желая поддержать добрые отношения с Норвегией, кардинал согласился на это. Аналогичные уступки со стороны церкви в области сельского хозяйства и рыболовства встречаются в целом ряде памятников норвежского и исландского церковного права в XIII в. Исключительно дождливое лето 1247 г. отмечено как в саге о Хаконе, так и в грамоте папского легата, который имел возможность лично убедиться в непостоянстве климата на далеком Севере, встретившего гостя-южанина дождем и ненастьем.[1]

Никаких сведений об урожае и недороде в Норвегии за это время сага не сообщает. Спрос на хлеб в течение этого периода неизбежно должен был возрастать в связи с развитием городов, где наличную потребность в нем не могло удовлетворить земледелие, которым занималось в небольшом размере городское ремесленное и торговое население. Одновременно увеличиваются те группы населения, которые вообще являются лишь потребителями, а не производителями: духовенство, королевский двор и чиновничество, личное окружение крупных феодалов. Привозный хлеб становится тем самым более важной статьей обмена во внешней торговле. Первоначально преобладает пшеница, т. е. сравнительно дорогой сорт хлеба, потребляемый, главным образом, богатыми, а к концу XIII в. появляются и более общедоступные сорта, прежде всего — рожь. В связи с развитием торговли нельзя не указать на характерное для этого времени тяготение к ней беднейших слоев сельского населения, засвидетельствованное грамотами и законами, начиная с середины XIII в. Для них торговля являлась выходом из тяжелого экономического положения, создаваемого эксплоатацией со стороны крупных землевладельцев и зажиточных хозяев. Принимая меры, ограничивающие для сельских бедняков доступ к торговле (повышение денежного ценза), правительство, с одной стороны, устраняло лишних конкурентов городской торговли, а с другой — закрепляло за хозяевами рабочую силу, в которой ощущался недостаток. Вместе с тем, мы встречаем в первом общенорвежском своде законов 1274 г. статью (отд. VII, § 14), согласно которой в голодные годы запрещалось употреблять зерно на солод для продажи и (что особенно

[1] Norges gamle love, т. I, стр. 453—456 (латинский и норвежский тексты).

важно) допускалась конфискация излишка хлебных запасов и принудительная продажа их по умеренной цене.[1] Благодаря этому малоимущие крестьяне имели возможность покупать по пониженной цене хлеб, в котором они нуждались не только „для посева и пропитания семьи", как сказано в этом законе, но и для уплаты церковной десятины и натурального поземельного побора. S. Hasund не без основания сомневается в большой действительности этой меры, указывая на то, что королевское чиновничество едва ли было склонно портить свои отношения с землевладельческой знатью и зажиточными хозяевами.[2] Объяснение этого демократического мероприятия, подтвержденного и позднее, в 1293 г., и представляющегося на первый взгляд несколько неожиданным в тех условиях общественного строя, какие мы видим в Норвегии в XIII в., заключается, повидимому, в следующем: для государственной власти, являвшейся орудием землевладельческого класса, который выступает перед нами в это время вполне организованным и укрепившимся как таковой, не совсем даром прошел опыт сравнительно недавнего смутного времени в конце XII и в начале XIII в.; приходилось считаться с опасностью обнищания непосредственного производителя, а в связи с этим и с опасностью восстаний среди народных масс. Что в правящих кругах верно оценили значение весьма внушительных выступлений крестьянства, доказывает один замечательный норвежский памятник, известный в литературе под названием Konungsskuggsjá или Speculum regale и написанный, как полагают, около середины XIII в. Здесь говорится о проявившейся во время междоусобных войн независимости и неповиновении со стороны „крестьян и всего народа" и, что особенно интересно и показательно, — об их стремлении к самоуправлению; объединяясь, они привыкают полагаться на свою силу в численность.[3] Этот интереснейший памятник древненорвежской литературы заслуживает того, чтобы остановиться на нем несколько подробнее, хотя он и не содержит в себе определенных хронологических указаний. Точная дата его и вопрос об авторе остаются до сих пор невыясненными. Он представляет собою поучение отца к сыну в форме вопросов и ответов, содержание которых освещает

[1] Norges gamle love, т. I, стр. 112—113.

[2] Ук. соч., стр. 187.

[3] Konungsskuggsjá, изд. 1848 г., гл. 36, стр. 77.

социально-экономическую, политическую и культурную жизнь данной эпохи. В наставлениях и объяснениях, которые отец дает сыну, сказывается большой и разнообразный личный опыт, многочисленные сведения, полученные от других, и солидная книжная образованность. H. Koht полагает, что автор является представителем новой служилой знати и ее идеологии.[1] Он, повидимому, связан с северной, соседней с Халогаландом, частью района Трандхейм, близок к королевскому двору, знаком с торговыми предприятиями. К сожалению, та наиболее интересная для нас часть его сочинения, которая должна была касаться норвежского крестьянства, не сохранилась или вообще не была написана. Остались лишь излагаемые им по другому поводу соображения о крестьянском хозяйстве, об урожае и недороде, о ввозе хлеба извне и т. д. Как и в предыдущих цитированных здесь текстах, термины „урожай" и „недород" не ограничиваются у этого автора одним земледелием, а распространяются также и на другие отрасли хозяйства.

„Бывает, говорит автор (стр. 73—74), что бонду, привыкшему к хорошему хлебу и к чистой пище,[2] приходится иной раз примешивать мякину и отруби к хлебу для себя или для своих домашних... Причина этой беды — неурожай... Иногда бывает неурожай хлеба, но земля все-таки дает траву и солому, а иногда — ни того, ни другого. Бывает также, что земля дает достаточно и хорошо, а люди все-таки не могут этим воспользоваться из-за непогоды, и портит она то, что вырастает, в такое время, когда надо беречь; а иногда портит сорная трава,[3] хотя уродилось достаточно, и погода хороша. Бывает иной раз и так что все, что выросло на земле, процветает как нельзя лучше, и нет неурожая, но большой недород в хозяйстве человека, и среди скота, или в море, или на водах,[4] или во всяком промысле. Бывает иной раз также, когда приходит неудача, что все эти беды наступают сразу, и тогда у людей отруби так же дороги,

---

[1] Les luttes des paysans en Norvège, стр. 26. Другой современный норвежский ученый, F. Paasche, видит в нем определенное историческое лицо, норвежского архиепископа Эйнара (ум. в 1263 г.), близкого к партии биркибейнеров и к королю Хакону; см. статью F. Paasche „Om Kongespeilets forfatter", Festskrift til H. Falk, стр. 170—181 (Осло, 1927).

[2] Т. е. без примесей.

[3] Skjaðak — пырей, Lolium temulentum.

[4] Т. е. в реках и озерах.

как чистое зерно в урожайное время, или дороже... Почти можно назвать это опустошением страны, если все[1] приходят сразу и длятся три года... Много можно сделать, чтобы помочь стране, постигнутой неурожаем, если хорошо в соседних с нею странах и распоряжаются мудрые люди... Если настает недород во дворе бонда, где раньше было хорошо и где он давно жил, или его родичи до него, то он не станет наносить великий вред себе и беду своему двору тем, что откажется от него, не заботясь о том, что с ним станется, а будет беречь траву и мякину даже больше, чем раньше берег хорошее, чистое зерно, и будет кормить, как может, свой дом, пока по воле божьей не станет лучше".

Этот текст является в древне-северной литературе единственным, где мы находим нечто в роде специального трактата о земледелии. Несмотря на то, что он входит в состав нравоучительного рассуждения, не имеющего никакого отношения к интересующим нас экономическим вопросам, он несомненно имеет для историка реальную ценность. Указание на „три года" как будто подразумевает какие-то конкретные условия; автор, может быть, имеет здесь в виду определенные неурожайные годы, случившкеся в его время, т. е. приблизительно в первой половине XIII в. Если указание на эти три года не является просто определением максимальной длительности недорода, какую могут выдержать, по мнению автора, все упомянутые им отрасли хозяйства в Норвегии, то можно думать, что он сам неоднократно наблюдал отмечаемый им случай отказа крестьянина от своего хозяйства в голодное время. Если это так, то его отрицательное отношение к этому явлению основано, вероятно, на личном опыте и личных соображениях: он мог испытать на своем собственном хозяйстве, насколько невыгодно для него запустение на пашенной земле, покинутой сидевшим на ней крестьянином.

Особенно ценно то, что данные автора относятся не к наиболее зажиточным хозяйствам с большой запашкой, многочисленными работниками, организованными запасами и т. д., а к хозяйственной единице не выше среднего уровня, к непосредственному производителю, который работает один со своей семьей.

---

[1] Т. е. все упомянутые только-что бедствия.

XVI

1283 г. *„...Болезнь и мор среди людей, голод и падеж скота". Bisk. I, 743.*

Это краткое известие, касающееся Норвегии, носит случайный характер. Мы находим его в саге об Арни, епископе в южной Исландии с 1269 по 1298 г. По своему изложению оно напоминает те записи, которые мы постоянно встречаем в исландских анналах. Оно весьма неопределенно, поскольку в нем нет конкретных указаний на ту или иную местность Норвегии. Сага об Арни относится ко времени длительной и ожесточенной борьбы исландской церкви за земельные владения и за независимость ее законодательства от светского. Пока дело шло о распрях Арни с исландской землевладельческой знатью, этот энергичный и настойчивый поборник прав и претензий церкви пользовался поддержкой норвежского короля и сам был его сторонником. Но стремление Арни к юридической независимости церкви привело к расхождению его с норвежской властью в связи с введением норвежских законов в Исландии в 80-х и 90-х гг. XIII в. Эти обстоятельства и отразились на саге об Арни, написанной его приверженцем, таким же убежденным сторонником прав церкви, как и он сам; это лицо к тому же, как полагают исследователи, было его родным племянником. На происходившую в самой Норвегии борьбу церкви со светскими феодалами с королем во главе автор сам смотрит с соответствующей его идеологии точки зрения и видит в бедствиях, постигших Норвегию, результат божьего гнева и наказание за неуважение к церкви. В таком же духе он говорит и о голоде в Исландии, наступившем немного позднее (см. обзор по Исландии под 1284—1285 гг.).

ИСЛАНДИЯ

I

Ок. 940 г. *„В то время настал голод такой великий в Исландии, какого еще не бывало; пропал тогда почти весь улов на море и все, что оно приганяло к берегу. Длилось это много лет". Grett. XII, I. Северная Исландия.*

Это известие относится к северу Исландии, где земледелие было сравнительно мало распространено; голод, о котором говорит сага, очевидно — результат „неурожая на море". Даль-

нейший рассказ саги повествует о ките, прибитом к берегу после сильной бури весною, и о возникшей из-за него ссоре между двумя группами местных жителей, претендовавшими на эту добычу, редкую и ценную в голодное время.

II

„В то лето мало выросло травы, и была она нехороша, 962 или 963
потому что редко бывало сухо, и люди очень мало собрали сена... Вот прошло лето и наступила зима, и стала вскоре очень суровой к северу от Хлид, а припасов было мало; тяжело пришлось людям. Так продолжалось и после иола; а когда настал четвертый зимний месяц, трудно стало людям... Зима та становилась чем дальше, тем хуже, и многим пришлось совсем плохо". Нøп.-Þór., 4—5. Западная Исландия.

В связи с бедствием, постигшим, как мы видим, луговое хозяйство, сага рисует интересную картину социальных отношений. Богач Блундкетиль, владелец большого стада и земли на которой сидит много зависимых людей, обязанных ему натуральной повинностью, требует от них, несмотря на плохое, лето, исправной поставки сена в той мере, в какой оно необходимо для его скота. Зависимые от него бедняки просят освободить их от этого, а также помочь им купить сена для их собственного скота у другого богача, Торира (героя саги), путем поручительства за них перед этим последним. Торир, человек незнатного происхождения, нажившийся на торговле и ростовщичестве — типичный homo novus в исландском обществе своей эпохи. Дело происходит уже в самом конце зимы, продавать сено Торир отказывается, после чего Блундкетиль отнимает сено насильно и увозит к себе. Далее сага сосредоточивает свое внимание на возникшей из-за этого ссоре. Досталось ли похищенное сено тем людям, которые в нем более всего нуждались, остается неизвестным; из предыдущего рассказа видно, что, если Блундкетиль и оказывал им некоторую помощь, то во всяком случае недостаточную даже для наиболее зажиточных из них. Упоминаемый здесь иол — зимний языческий праздник, впоследствии замененный христианским рождеством. Четвертый зимний месяц, так называемый Þorri, по современному счету приходится на время с середины января

до середины февраля. Хлид — селение, к которому принадлежал хутор Блундкетиля.

III

975 г. *„Голод". Isl. Ann., 104, 315.*

„Голод первый". Isl. Ann., 15, 48, 178, 248.

975—976 гг. *„Очень голодная зима была в Исландии в языческое время, когда пал Харальд Серый плащ, а Хакон ярл взял власть в Норвегии — самая тяжелая, какая была в Исландии; ели тогда люди ворон и лисиц, и много дурного и несъедобного ели... Тогда умерло много людей от голода". Landn. 323.*

Определенные известия об этом голоде в Исландии сохранились лишь в таком сравнительно позднем источнике, как исландские анналы, и в цитируемой здесь очень поздней компилятивной редакции Landn. В сагах прямых указаний на него нет. Относительно приурочения его к году смерти норвежского конунга Харальда Серый плащ, или, вернее, смерти этого последнего — к 975 г., см. обзор по Норвегии, стр. 23; эта дата принадлежит к числу неясных и неопределенных. О „голоде втором", подразумевающемся в известии о первом, см. далее, под 1056 г.

IV

70-е или 80-е гг. X в. *„... В ту весну перевел Гейтир свое хозяйство в Кроссавик, и было у него много людей. Голод был большой". Vápnf. 52. Восточная Исландия.*

Датировка неточна. Если принимать время около 974 г., на что есть некоторые указания, то это близко к „великому голоду" 975—976 гг.; с другой стороны, есть больше основания датировать эту заметку временем около 986 г. Имеет ли она лишь местное значение, или более широкое, остается неясным. Сага упоминает здесь о голоде лишь мимоходом. Гейтир — сын зажиточного бонда из Кроссавика; его переход с родного хутора на другое место, а после — возвращение обратно, о котором и говорит сага, не связаны с экономическим положением в данном районе: по ходу рассказа, ему пришлось временно перебраться подальше из опасения перед сильным противником, с которым у него были семейные счеты.

V

„...*Когда был недород великий и голод*". |>*orv.* |>. *VII,* 80-е гг. X в.
2. Северная Исландия.

Эти слова мы находим в небольшом легендарном рассказе, вставленном в |>orv. |>.; в тексте этого последнего есть данные, указывающие на 80-е гг. X в. В дальнейшем тексте этой же главы в качестве источника пропитания во время голода упоминается ловля лососей в определенно указанном месте в северной Исландии, где она производилась и в XIX в.

VI

„...*Наступил в Исландии такой великий неурожай, что множество людей умерло от голода*". *Flat. I, 435. Северная Исландия.* Между 985 и 1000 г.

Это известие заключается в небольшой повести, где далее говорится о суровой погоде зимой, а в заключение — о наступившем улучшении и о быстром росте травы, обеспечившем скоту обильный подножный корм. Сама по себе эта повесть, написанная в благочестивом и назидательном духе, является вполне неисторической. Что касается времени, к которому она приурочена, то F. Jónsson полагает, что здесь подразумевается 976 г.[1]; между тем, в тексте ее совершенно ясно указано, что действие происходит немного спустя после одного события, датируемого, согласно другим памятникам, 985 годом, и за несколько лет до 1000 г. Неисторический характер ее от этого не меняется; тем не менее, указание на голод в северной Исландии заслуживает, может быть, доверия, особенно, если сопоставить с ним предыдущее известие (из |>orv. |>.), близкое к нему по времени и относящееся к местности, соседней с той, где происходит действие данной повести. Возможно, что оба эти текста, несмотря на их легендарный характер, в какой-то мере отражают действительные метеорологические и хозяйственные условия на севере Исландии в конце X в.

VII

„*В то время настал голод великий, так что людям не хватало и сена, и еды, и было так по всем округам*". *Nj. XLVII, 10. Южная Исландия.* 983—984 гг.

[1] Den oldnorske og oldislandske Litteraturs Historie, т. II, 1901, стр. 759.

Как указывает издатель Nj., F. Jónsson, дело идет во всяком случае не о голоде 975—976 г., а о времени более позднем, довольно точно устанавливаемом хронологией этой саги. „Все округа" могут обозначать не всю Исландию, а лишь ее южный район, где и происходит действие.[1] Nj. говорит здесь о большом хуторе Хлидаренди на юге Исландии, владельцем которого является Гуннар, сын Хамунда, один из главных героев этой саги. Насколько можно судить по другим сведениям той же саги, у Гуннара, было довольно много пахотной земли, и агрикультура имела в его хозяйстве немалое значение. Исландские авторы XVIII в. говорят о заметных следах тех пашен, о которых упоминает Nj., на том самом месте, где в X в. были владения Гуннара.[2] В обзоре по Норвегии (VII, ок. 975 г.) мы уже видели, что он вывозил на своем корабле муку из этой страны к себе в Исландию. В той же Nj. III, 5 сл., мы встречаем интересные черты, показательные как для того патриархального характера, какой еще сохранял хозяйственный быт Исландии того времени, так и для взаимоотношений между крупными хозяевами: Гуннар сам идет сеять хлеб у себя на пашне, взяв с собой корзину зерна и топор на случай нападения со стороны своего врага Откеля. Причиной вражды между ними была кража съестных припасов у Откеля, совершенная в описываемое здесь голодное время рабом, которого подослала жена Гуннара без ведома мужа. По рассказу той главы саги, отрывок из которой здесь приведен, у Гуннара нехватало своего сена и съестных припасов, из которых он в начале голодного времени много уделял другим; он был вынужден покупать и то и другое у соседей. Как предметы потребления, в которых ощущался недостаток, в саге указаны продукты не земледелия, а молочного хозяйства — масло и сыр. Нехватка сена, о которой говорит этот текст, естественно, должна была неблаго-

---

[1] Так, по крайней мере, полагает F. Jónsson; если же принять во внимание предыдущие известия, относящиеся, повидимому, к 80-м гг. X в. (см. IV—VI), то получается картина неблагополучия одновременно и на севере и на юге Исландии.

[2] K. Kålund „Bidrag til en histor.-topogr. Beskvivelse af Island", т. I, 1877, стр. 244—246. В этом классическом труде по топографии Исландии есть целый ряд подобных указаний, которые можно сопоставить с нынешними археологическими исследованиями еще более древних пашенных участков в Дании (см. предисловие к настоящему обзору, стр. 1).

приятно отразиться на производительности молочного скотоводства.

VIII

„В конце зимы настал голод великий и падеж скота. Торгейр бонд в Храфнкельстадир потерял много скота". Dropl. 151. Восточная Исландия. Нач. 90-х гг. X в.

Намечаю здесь приблизительную датировку на том основании, что, судя по тексту саги, дело происходит за несколько лет до одного события, датируемого точно 998 годом. О Торгейре из Храфнкельстадир сага говорит очень мало; что он был из числа зажиточных хозяев, можно заключить из покупки им 50 овец у другого богатого скотовода. Следовательно, его положение было не безвыходным и он, несмотря на тяжелое для скотоводства время, имел возможность принять меры для восстановления прежнего поголовья скота в своем хозяйстве.

IX

„Лето было совсем не сухое, а к осени наступила хорошая сухая погода". Eyrb. LI, I. Западная Исландия. 1000 г.

Цитирую здесь лишь краткую заметку, касающуюся лугового хозяйства и имеющую хронологическое значение. Об Eyrb. как о саге, интересной в смысле заключающихся в ней подробных описаний покоса и уборки сена, см. предисловие, стр. 7.

X

„...Большой голод у людей на севере". Ljósv. 17. Северная Исландия. Нач. 1-го десятилетия XI в.

Ljósv. говорит здесь о голоде как о явлении, вызванном не метеорологическими условиями, а иными причинами: она рассказывает о весьма известном и по другим сагам Гудмунде из Модрувеллир, богатом и влиятельном вожде, разорявшем свой округ поездками по местным делам и длительными постоями с многочисленной конной дружиной; к тому же это происходило обычно весной, когда заготовленные на зиму запасы уже кончались, особенно — в мало зажиточных хозяйствах, что и отмечено в саге (стр. 20). Дело идет главным образом о недостатке сена, которое местным жителям приходилось выдавать на корм для лошадей Гудмунда. Рассказ этот является частью вставки более поздней, чем основной состав

саги; эта вставка, как полагает F. Jónsson[1] на основании выраженного в ней недружелюбного отношения к Гудмунду, принадлежит автору, происходившему из лежащего к востоку от Модрувеллир района Рейкьядаль, где Гудмунд в конце концов встретил отпор, заставивший его сократить свои претензии. Весь этот рассказ датируется лишь приблизительно. Неясно, насколько трудное экономическое положение в данной местности действительно было создано указанными в саге причинами, или же тут имели значение и неблагоприятные условия погоды на севере Исландии в это время. На них косвенно указывает то обстоятельство, что Гудмунду, несмотря на его богатство, оказывается не по силам кормить наехавших к нему людей из Рейкьядаля, когда их местный вождь Офейг со своей стороны ответил на постои Гудмунда продолжительным визитом, опять-таки — в весеннее время; в результате Гудмунду пришлось покупать на-стороне сено и съестные припасы. В нормальное время такое хозяйство, каким он владел, казалось бы, должно было справиться своими силами с подобной задачей. Ljósv. 13 говорит о нем, как о первом богаче в своем округе, имевшем у себя 100 челядинцев и державшем 100 коров. О земледелии в его хозяйстве сага не упоминает.

XI

1010 г. *„Рано настала весенняя погода в ту весну и посеяли люди у себя хлеб". Nj. CIX, 27. Южная Исландия.*

Судя по этому замечанию, составитель саги считал нужным особо отметить раннюю весну и возможность раннего сева даже в таком сравнительно благоприятном для земледелия районе Исландии, как ее южная часть. По дальнейшему рассказу саги, местный вождь Хоскульд, совершенно так же как Гуннар из Хлидаренди (см. выше комментарий к VII), отправляется сам на посев и берет с собой меч, так как опасается нападения.

XII

Ок. 1015 г. *„...В Хеллугнупускард и Бардардаль теперь голод, а на севере близ Тьорнес — обильный китовый улов". Ljósv. 58. Северная Исландия.*

---

[1] Den oldn. og oldisl. Litter. Hist., т. II, стр. 504.

О продуктах земледелия здесь, как мы видим, не говорится; голоду в двух названных местах данного района противопоставляется удачный китовый улов в третьем. Термин ár, урожай, обилие, применен в этом тексте, как и во многих других, к морским промыслам.

XIII

„Было тогда здесь неурожайно, и Одд пригласил его к себе". Msk. 109. Северная Исландия (западная часть). Середина XI в.

Дело происходит в районе одного из северных фиордов Исландии, где живет Одд, сын Офейга, хорошо известный по другим сагам богатый землевладелец, смолоду занимавшийся рыболовством, а позднее наживший себе богатство в заморских торговых поездках. Он побывал, между прочим, и в Норвегии, в Финмаркене, где вел торговлю с финнами (т. е. саамами), которая в то время уже была монополией конунга Норвегии. Нарушение этих порядков повлекло за собой неприятности для Одда; его выручил один норвежец из Халогаланда, родич которого, в бытность свою в Исландии немного спустя, и был радушно принят Оддом. Приезжие норвежцы обычно останавливались в Исландии у богатых бондов и вождей и иногда проводили у них целую зиму; они становились на время как бы членами семьи хозяина, принимали участие в его делах и зачастую играли видную роль в его личном окружении. Замечание о голодном времени, сделанное в тексте Msk. лишь мимоходом, имеет, может быть, не только местное значение, если сопоставить его с известиями о „великом голоде" 1056 г.

XIV

1. „Голод". Isl. Ann. 250. 1051 г.

2. „Голод". „ „ 108. 1056 г.

3. „Голод второй", Isl. Ann., 250.

3. „Голодный год великий". Isl. Ann. 470.

5. „Голод среди христиан". Flat. III, 508.

6. „Ислейф был в Норвегии на следующий год после того, как был посвящен в епископы, а затем поехал в Исландию и прибыл туда летом после великой голодной зимы". Bisk. I, 152.

7. „80 лет спустя был второй голод; начался он в тот год, когда Ислейф был посвящен в епископы Альбертом,

епископом Бременским; было это во время Харальда конунга, сына Сигурда". Landn. 323.

8. „...Когда там[1] был голод, Харальд конунг разрешил четырем кораблям везти муку в Исландию и постановил, чтобы skippund[2] стоил не дороже 100 сукна.[3] Он разрешил выезжать из страны всем бедным людям, добывавшим себе пропитание на море, и от этого стала страна сыта и благополучна". Fask. 263; Hkr. III, 129; ср. Flat. III, 345, а также 415, где говорится о «великом голоде в Исландии, какого еще не бывало»".

Известие о голоде в 1051 г. мы находим только в одной редакции исландских анналов; все остальные указывают на 1056 г., кончая той поздней редакцией Landn., которая здесь цитирована. Этот „голод второй" (о первом см. под 975—976 гг.) не отразился в сагах об исландцах, как и первый, но в этом случае объяснение заключается в том, что данный хронологический период, т. е. середина и 2-я половина XI в., вообще очень мало отразился в них. Дружественные отношения с исландцами норвежского конунга Харальда hardráði (1045—1066 гг.), неоднократно подчеркиваемые в сагах о конунгах, объясняются следующим: Харальд провел молодость вне Норвегии, на Руси (где он, как известно, женился на дочери Ярослава Мудрого) и в Византии, и не имел местных связей у себя на родине и поддержки со стороны большинства норвежской знати; в своей борьбе за власть в Норвегии он опирался на свою дружину и на ту экономическую силу, которую представляло собою богатство, добытое им в грабительских походах и на военной службе в Византии. В состав своей дружины он и привлекал исландцев как ближайший подходящий элемент для пополнения ее. Серьезных попыток распространить свою власть на Исландию он не делал, но поддерживал с нею дружественные отношения, в связи с чем и оказывал ей помощь в голодное время. Четыре корабля с грузом муки — это уже больше, чем то, что мы знаем из саг для X в., когда исландские вожди вывозят муку из Норвегии в сравнительно ограниченном количестве для своего хозяйства и, очевидно, для связанных

---

[1] В Исландии.

[2] Мера веса, составляющая 143.4 кг.

[3] Т. е. 100 локтей сукна; локоть, alin, = 0.8 м.

с ними ближайшим образом зависимых людей (см. в обзоре по Норвегии, стр. 26 и 30). Разрешение беднякам, „добывавшим себе пропитание на море", выезжать из Исландии, очевидно, подразумевает их переселение в Норвегию, хотя бы временное. На этом основании можно думать, что экономическое положение в самой Норвегии было в это время сравнительно благополучным. К сожалению, источники не указывают той местности Исландии, к которой относится это известие; вероятнее всего, что это — северное побережье. Начиная с XI в., экономическая зависимость Исландии от Норвегии в смысле ввоза хлеба все более определенно сказывается в источниках как основное условие, подготовившее падение независимости Исландии и присоединение ее к Норвегии в середине XIII в.

XV

После 1106 г.

1. „...*Худо стало людям, одолевал их голод великий и погода холодная, так что ничего не выросло на земле ко времени весеннего тинга...*" *Bisk. I, 171.* „...*Морские льды, которые причинили этот голод*"... *Bisk. I, 244, Северная Исландия.*

Между 1106 и 1118 г.

2. ...„*Еще была однажды такая поздняя весна, что мало выросло к дням перехода. Тогда поехал святой Ион епископ на альтинг и обещал там людям ради улучшения урожая мессу Иоанну крестителю... Лето было сначала сухое, так что не было росы и трава поэтому почти не выросла... Но когда он в тот день запел «gloria in excelsis» во время мессы, полил с неба такой дождь, что людям показалось плохо под открытом небом. С тех пор в то лето была роса по ночам, а днем светило солнце, и было так некоторое время; трава в то лето выросла довольно хорошо.*" *Bisk. I, 172; ср. там же, 245. Южная Исландия.*

Весьма существенно указание цитируемой здесь саги о епископе Ионе на то, что причина голода, наступившего после 1106 г. и проявившегося главным образом в отсутствии травы для скота, заключалась в большом скоплении льдов у берегов северной Исландии.[1] Это явление, обусловленное течениями и дрейфом льда в Ледовитом океане, нередко отмечается в исландских анналах, начиная с XII в. По словам

[1] Сообщение о льдах приведено здесь мною по второй редакции саги (Bisk. I, 244), но о них упоминается и в первой.

2-й редакции саги (Bisk. I, 244) епископ Ион дает обещание построить церковь ради улучшения урожая, в данном случае — урожая на лугах, и в ту же неделю льды разошлись и травы для скота выросло вдоволь. События, излагаемые в первом отрывке, датируются лишь приблизительно, поскольку они произошли, по словам саги, немного спустя после того, как Ион был поставлен епископом в северной Исландии, т. е. после 1106 г. Для исландского хозяйства, в большей мере скотоводческого, чем земледельческого, недостаток травы был едва ли не худшим бедствием, чем недород хлеба; последний можно было хоть в каком-то размере получить извне. На засуху, упоминаемую во втором приведенном здесь отрывке, исландские источники жалуются вообще сравнительно редко; большей частью они говорят, наоборот, об отсутствии сухой погоды как о явлении, неблагоприятном для сельского хозяйства. Датировать это второе „чудо" епископа Иона можно так же приблизительно, как и первое: по порядку изложения в 1-й редакции саги оно приходится между предыдущим „чудом", приуроченным ко времени вскоре после 1106 г., и 1118 г. Интерес его сосредоточивается опять-таки на луговом хозяйстве. Ион чудесным образом прекращает засуху не у себя на севере, а на юге, где собирался альтинг, т. е. ежегодное общеисландское народное собрание, на котором он и присутствовал. Сведения о метеорологических условиях сами по себе, независимо от трактовки их автором саги в духе церковного житийного предания, носят вполне реальный характер. „Дни перехода", fardagar, о которых говорит здесь сага, — установленный законом срок перемены места жительства; по современному счету эти дни приходились на конец мая. Это относится в исландских законах к людям, живущим на чужой земле, с владельцем которой они связаны договором и определенными обязательствами. Термин этот встречается и в норвежских правдах.

XVI

1118 г. *1. „В тот год, когда Гизур епископ умер, настал голод великий в Исландии". Kr. XVIII, I; ср. Hv., VIII, 2—4 и Landn. 328—329.*

1119—1120 гг. *2. „В тот год был мор великий среди людей, и Семунд священник говорил на тинге, что от болезни умерло не*

меньше людей, чем пришло тогда на тинг". Kr. XVIII, 8; ср. Flat. III, 512, под 1120 г.

3. „Смерть епископа Гизура указала путь всякому злу в Исландии от неурожая, и кораблекрушения, и гибели людей, и потери имущества, которые произошли вслед за тем, а после того настало немирье и беззаконие, а сверх того — такой мор по всей стране той, какого не было с тех пор, что заселена страна та". Hv. VIII, 6.

4. „Мор великий среди людей". Isl. Ann., 19, 112, 320.

Kr. в той же главе XVIII, 2—5, говорит о сильных бурях весною и летом того года, указывая на южный район Исландии, затем — о многочисленных кораблекрушениях у берегов этой страны и, в связи с ними, — о появлении „множества людей", спасшихся с разбитых судов, в чем автор саги и усматривает причину голода, постигшего Исландию. Как замечает издатель этой саги B. Kahle, такое объяснение явно неправдоподобно: пребывание в Исландии моряков с нескольких кораблей, конечно, не могло вызвать голода. Правильнее освещает дело Hv. VIII, 4, говоря об усилении, а не о возникновении, голода во многих округах как о результате увеличения числа потребителей съестных припасов. Если голод уже сказывался довольно остро, то лишние рты могли действительно оказаться нелегкой нагрузкой даже для зажиточных исландских хозяйств. Основной причиной являются, конечно, не они, а условия погоды. Kr. XVIII, 5 и Hv. VIII, 4, говорят о 35 кораблях, шедших в то лето в Исландию; по Hv., из них восемь вернулось в Норвегию осенью. Возможно, что они везли муку в Исландию, как это часто бывало в голодные годы, и что груз погиб во время кораблекрушения.

Гизур, со смертью которого Kr. и Hv. связывают все постигшие Исландию бедствия, был епископом на юге этой страны с 1106 по 1118 г. Семунд священник, на которого ссылается Kr., — Семунд, сын Сигфуса, по прозванию „мудрый", fróði, знатный исландец, крупный ученый своего времени (род. в 1056 г., ум. в 1133 г.). Его исторические труды до нас не дошли и известны лишь по тем памятникам, которые основываются на них. „Великий мор", очевидно, — следствие голода 1118 г. Вероятно, и многие другие случаи эпидемии с высокой смертностью, часто отмечаемые в исландских анналах для более позднего времени (например, в середине XII в.), следует

отнести за счет голода, даже если прямых указаний на это нет. „Немирье и беззаконие", о котором говорит Hv., можно понять в ограниченном смысле как распрю между двумя крупными исландскими вождями, с саги о которых начинается цикл Sturlunga Saga, или же в более широком — как характеристику всей вообще эпохи Стурлунгов (XII—XIII вв.) с ее непрерывной борьбой среди исландской знати.

Интересно, что к 1119 г. относится одно место Sturl. (т. I, стр. 19), согласно которому в Рейкьяхолар (западная Исландия) земля была в то время такая хорошая, что поля всегда давали урожай. В начале августа здесь обычно уже была новая мука. Рейкьяхолар — один из лучших крупных хуторов в Исландии в эпоху саг; владелец его Ингимунд, сын Эйнара, судя по тексту Sturl., жил как ни в чем ни бывало во время голода, о котором эта сага даже не упоминает. Если это бедствие и не совсем миновало данный район, то он все-таки относился, повидимому, к числу достаточно благополучных по сравнению с другими. По поводу урожайности полей в этой местности можно привести пример такой же оценки плодородия почвы в более суровом по климату районе одного из северных фиордов Исландии в X в.: здесь было поле, славившееся тем, что неизменно давало урожай; владельцам соседних хуторов было предоставлено пользоваться им поочередно, через каждый год.[1]

XVII

1171 г. *„Тогда было плохое сухое лето и погибло сено у людей". Sturl. I, 63. Западная Исландия.*

В этой небольшой заметке, несмотря на простоту конструкции с точки зрения языка, есть некоторая неясность. Употребленное здесь слово „þerrisumar" G. Vigfusson в свом исландско-английском словаре переводит как „сухое лето", a dry summer, со ссылкой именно на это место Sturl.; следовательно, ближайшим образом можно понять его в том смысле, что в западной Исландии в то лето была засуха — явление, сравнительно редко отмечаемое в сагах и анналах (см. выше, XV, 2). На ряду с этим, может быть, не исключено и понимание в обратном смысле: „плохое сухое лето", illt þerrisumar, как лето, плохое

[1] Viga-Gl., 340. На этот интересный для истории древне-исландской агрикультуры текст ссылаются обычно все авторы соответственных очерков.

тем, что было мало сухой погоды, а это равносильно постоянно встречающемуся в текстах определению лета, как „ó|)errisamt", т. е. несухое, дождливое, „|)errileysu-sumar" и „vaetu-sumar", т. е. несухое, мокрое лето. У нас нет других данных, относящихся к этому же году, при помощи которых можно было бы точно установить смысл этого известия.

XVIII

„Это лето называли летом без травы". Sturl. I, 99; Bisk. I, 425; Isl. Ann., 118, 180, 323; Flat. III, 518. 1181 г.

В нескольких редакциях анналов под этим же годом значится „болезнь зимою", а в двух (Isl. Ann., 118 и 323) имеется и то и другое известия — сначала о зиме, а потом о лете. Причина зимней эпидемии не указана; летом, как мы видим, на смену ей пришло другое бедствие, постигшее луговое хозяйство, а следовательно, и скотоводство.

XIX

1. „... Дело шло тогда к великому голоду и беде..., тогда началось немирье на севере страны". Bisk. I, 113. После 1185 г.

2. „В тот год было много событий... Зимою был падеж скота. Был большой недостаток травы и голод весною той, и не пришел ни один корабль в Исландию из Норвегии". Sturl. I, 104. 1187 г.

3. „... Тогда плохо было с едой в округе. Называли ту весну злой весной". Sturl. I, 196. Западная Исландия.

4. „Падеж скота по всей стране... Не пришел ни один корабль из Норвегии". Isl. Ann., 180.

5. „Падеж скота зимою. Не пришел ни один корабль из Норвегии в Исландию". Flat. III, 519.

Хронология известия о „голоде и немирье" по Bisk. не вполне ясна. Все это происходит вскоре после смерти Торлака, епископа в южной Исландии, умершего, по цитируемой здесь саге о нем, в 1186 г. Как полагает издатель Bisk., G. Vigfusson,[1] под „немирьем" подразумевается длительная вражда между двумя северноисландскими вождями, о которой мы знаем из одной из саг, входящих в состав Sturl., и которая действительно началась около этого времени. Что же касается смерти Торлака,

[1] Bisk. I, 113, прим. 3.

то исследователи устанавливают для нее как более точную дату, 1193 г.; отнесение ее к 1186 г. является ошибочным. В саге о Торлаке описан ряд чудес, совершенных им уже после смерти; он был канонизирован в 1198 или 1199 г. Несколько чудес приурочено ко времени „голода великого" (Bisk. I, 122): благочестивым исландцам, призывающим на помощь Торлака, достаются киты и тюлени. Эти предания, очевидно, имеют в виду один из прибрежных районов Исландии. Точных топографических данных сага не сообщает; есть основание полагать, что дело идет о севере Исландии, так как в другой саге (Bisk. I, 451) говорится о почитании Торлака в этом районе в 1196 или 1197 г., т. е. незадолго до его канонизации. Упоминание о китах в рассказе о чудесах Торлака также, повидимому, указывает на северное побережье, где соответственный промысел и был наиболее распространен.

Приведенный здесь под 1187 г. первый текст из Sturl. обнаруживает, как и многие другие места этой саги, тесную связь с исландскими анналами. Сведения 1187 г. о кораблях из Норвегии указывают на отсутствие помощи с этой стороны, т. е. ввоза муки, которая была тем более нужна, что молочные и мясные ресурсы, очевидно, сильно сократились вследствие гибели скота. Перебой в снабжении Исландии, отмеченный под 1187 г. и совпавший с голодным временем в этой стране, объясняется, может быть, смутами и междоусобиями в самой Норвегии в эти годы (см. обзор по Норвегии, комментарий к XIV).

XX

1192 г. *„Умерло в северной четверти от болезни и голода 20 сотен людей с зимних ночей до дней перехода". Isl. Ann., 61. Северная Исландия.*

„Мор великий среди людей и болезнь" в эту зиму отмечены и во всех остальных редакциях анналов, но без обозначения определенного района. Четверть, fjórðungr — термин территориального деления, известный и в Норвегии. Исландия издавна делилась на четыре больших района: северный, южный, западный и восточный. „Зимние ночи", vetrnaetr, обозначают начало зимы, приходящееся по современному счету на 24—26 октября. Термин „дни перехода" уже разъяснен выше (см. комментарий к XV). Помощь извне, очевидно, была ка-

нельзя более нужна в это время. К 1194 г. относится один документ, где говорится о снабжении Исландии мукой из Норвегии, из Трандхейма, причем посылает ее местный архиепископ.[1] Экономическая зависимость Исландии от Норвегии проявляет себя таким образом и в области церковных отношений. Другие два документа такого же содержания относятся уже ко времени после присоединения Исландии к Норвегии, к 1273 и 1277 гг.[2] Предназначаемое для Исландии количество муки составляет по нынешнему счету свыше 50 000 кг, но во всех этих грамотах оговорено, что возможность вывоза ее зависит от экономического положения в самой Норвегии.

XXI

1. „Недород великий и льды". Isl. Ann., 121; Flat. III, 521. 1197 г.

2. „Великий падеж скота зимою в Норвегии[3] и льды". Isl. Ann., 62. 1198 г.

Известие о ледяных заторах относится, вероятно, к северному побережью Исландии; можно думать, что указанные здесь бедствия 1197—1198 гг. постигли если не исключительно, то преимущественно северный район.

XXII

„В это время тяжело приходилось людям от сильных бурь и холодной погоды; дело шло у людей к величайшей беде и голоду, и было так по всей Исландии". Bisk. I, 184. Ок. 1200 г.

Описываемое в саге о епископе Ионе тяжелое время сравнительно точно датируется по ее тексту: о нем говорится в рассказах о чудесах, совершившихся через 77 лет после смерти Иона, т. е. в 1198 г.; на этом основании можно думать, что голод, ко времени которого они приурочены, наступил около 1200 г., вернее сказать, — не наступил как нечто новое, а явился лишь продолжением и усилением тех тяжелых условий, о которых говорится под 1197 и 1198 гг. Действие цити-

[1] Norges gamle love, т. IV, стр. 102.

[2] Norges gamle love, т. II, стр. 459 и 465; перевод латинского текста грамоты 1277 г. на древненорвежский язык см. там же, стр. 472.

[3] Повидимому, ошибка писца — вместо „в Исландии".

руемой здесь саги происходит на севере, где и был в свое время епископом Ион, но сага, как мы видим, говорит о бедственном положении во всей стране.[1]

XXIII

Ок. 1206 г. *„... Людей угнетал голод, и плохо стало у них с посевами и с уловом на море и с бо́льшей частью запасов, заготовленных на зиму, и оскудели сначала запасы для скота, а потом и для людей". Bisk. I, 137. Южная Исландия.*

Сага повествует здесь о молебствиях и тому подобных благочестивых мероприятиях „ради улучшения урожая", в том числе об установленных Павлом, епископом в южной Исландии, пожертвованиях в день памяти св. Торлака, его предшественника по епископской кафедре; Павел был, кроме того, близким родичем Торлака, сыном его сестры. Пожертвования эти состояли из определенного количества продуктов скотоводства, лугового хозяйства и земледелия — молока, сена и муки. „С тех пор, говорит сага, не было больше голода, пока он был жив". Павел умер в 1211 г.; по ходу изложения приведенное здесь место саги можно датировать временем около 1206 г. То обстоятельство, что церковь назначает какой-то побор мукой, лишний раз свидетельствует, как здесь, так и в некоторых исландских актах XII—XIII вв., о том, что земледелие имело известное значение в исландском хозяйстве, главным образом — в юго-западном районе. Такие указания есть и в других местах цитируемых здесь саг о епископах, несмотря на то, что и эти саги и анналы, говоря о голодных годах, указывают, как мы видим, преимущественно на скотоводство, рыбную ловлю и морские промыслы.

---

[1] После приведенного только-что известия, датируемого временем около 1200 г., следующим по хронологическому порядку должно было бы стоять под 1204 г. то, что говорится в компилятивной редакции одной из саг о епископах по списку XVII в.: „великий голод... по подсчету умерло 2000 человек за время от зимних ночей до дней перехода, большей частью от голода и лишений, в северной четверти". Издатель Bisk., G. Vigfusson, в предисловии, стр. LXV, особо отмечает это сообщение как не известное в анналах. Оно было бы действительно ценно, как всякое дополнение к настоящему обзору, если бы текст его не совпадал почти дословно с имеющимся в анналах известием 1192 г. (см. XX), чего не учитывал Vigfusson. Отнесение его к 1204 г. оказывается, таким образом, подозрительным, и его интерес как сообщения нового или, по крайней мере, малоизвестного тем самым теряется.

XXIV

„... Тогда были сильнейшие дожди,[1] *и много было вреда от этого... Погибла большая доля того, что выросло на земле". Bisk. I, 144—145.* 1211 г.

Неблагоприятные метеорологические условия сага ставит в связь со смертью своего героя, епископа Павла, описывая при этом разные небесные знамения и т. п., и вспоминая бедствия, постигшие Исландию после смерти другой знаменитости в истории исландской церкви, епископа Гизура, умершего в 1118 г. (см. XVI). Чрезмерно дождливое лето нанесло, очевидно, одинаковый вред и лугам и посевам. О „мокром лете" сообщают под этим же годом и исландские анналы (Isl. Ann. 123 и 182).

XXV

1. „Великий мор среди людей от болезни и голода". Bisk. I, 548. 1229 г.

2. „Весна была тяжелая, и людям приходилось нелегко". Bisk. II, 142. Северная Исландия.

3. „Около дня троицы прибыл господин Гудмунд епископ к... бонду, у которого был хутор близ большого озера; там бывал обильный улов..., но в ту весну было так скудно в том самом озере, что почти никто из людей в селении не мог добыть себе пропитание... Зимнее время было очень суровое..." Bisk. II, 144—145; ср. I, 593—594. Северная Исландия.

„Великий мор", о котором говорит приведенный здесь отрывок из первой редакции саги о северно-исландском епископе Гудмунде (см. о нем введение, стр. 8), значится и в анналах, но на два года раньше, в 1227 г. (Isl. Ann. 127 и Flat. III, 527). В этом месте, как и в нескольких других, в сагу о Гудмунде вставлены известия анналов, с отметкой, к какому они относятся году пребывания Гудмунда на епископской кафедре, которую он занимал с 1203 г. по 1237 г. По ходу изложения цитируемой здесь саги о нем (2 и 3), ее известия о голодной весне на севере Исландии приходятся на 1229 г.; сообщение о плохом улове в озере, на берегу которого было расположено селение, где гостил Гудмунд, представляет собою отдельный эпизод из

[1] Þerraleysi hit mesta, буквально — величайший недостаток сухой погоды.

голодного времени в этом районе. Говоря далее о суровой зиме в этом же году, вторая редакция саги о Гудмунде (Bisk. II, 145) отмечает весьма обычную в исландском сельскохозяйственном быту нехватку сена в это время года, очевидно — в результате неблагоприятной весны и лета; хозяйка, о которой идет речь в этом месте саги, повидимому, — довольно зажиточная, запасла сена больше, чем требовалось для ее собственного скота, распродавала эти излишки тем, кто в нем нуждались, и не терпела недостатка ни в чем. Приведенные здесь по поводу голода 1229 г. отдельные черты хозяйственного быта являются примером тех конкретных экономических данных, которыми особенно богата и особенно ценна эта вторая редакция саги о Гудмунде, составленная в середине XIV в. Арнгримом, аббатом монастыря в Тингэйрар (Северная Исландия).

XXVI

1231 г. *„Это лето называли песчаным, потому что был огонь возле Рейкьянес на море, и очень мало было травы". Sturl. I, 302. Южная Исландия.*

Песчаные заносы вследствие вулканических извержений, гибельные для травы и для посевов, неоднократно упоминаются в исландских анналах и в сагах, начиная с XIII в. В данном случае речь идет о вулканах на островах близ мыса Рейкьянес на юго-западном побережье Исландии.

XXVII

1259 г. *1. „Голод". Isl. Ann., 382.*

2. „Снегопад большой перед мессой Лаврентия[1] *и голод". Flat. III, 534.*

XXVIII

1284 г. *1. „Болезнь великая, падеж скота, и умерло много народа от голода и многие селения запустели". Flat. III, 541.*

1284—1285 гг. *2. „...Настал великий голод на севере страны, как было и в Норвегии... Годом позже настал голод и на юге страны, как говорится в изречении, что „стена нагревается, когда ближайшая к ней горит". Bisk. I, 744.*

---

[1] 10 августа.

3. „В те времена было несколько очень суровых зим подряд и мор среди людей от голода после того". Isl. Ann. 260. 1287 г.

XXIX

„Сухое лето. Большой недостаток травы". Isl. Ann. 338. 1293 г.

Между известиями 1231 и 1259 гг., а также между 1259 и 1284 гг. мы имеем большие промежутки времени. Такие промежутки в настоящем обзоре наблюдаются не впервые: между 1056 г. и временем вскоре после 1106 г. у нас имеется еще бо́льший пробел (см. XIV и XV). Как и в обзоре по Норвегии, такие пробелы, конечно, нельзя считать указанием на полное экономическое благополучие, а разве только на отсутствие голода в катастрофическом размере. Известия 80-х гг. XIII в. дают нам последовательную картину бедствий на протяжении четырех лет. Данные 1284 и 1285 гг. подтверждаются известием 1287 г. о нескольких тяжелых годах подряд. Эпидемию на юге и на западе Исландии отмечают под 1284 и 1285 гг., на ряду с Flat., и две другие редакции анналов (Isl. Ann. 337 и 50). Падеж скота не только лишал исландцев молочных продуктов и мяса как предметов потребления, но подрывал и торговый обмен, поскольку одной из важнейших статей вывоза из Исландии была овечья шерсть. Изречение, приведенное по поводу голода 1284—1285 гг. автором цитируемой здесь саги об Арни, епископе в южной Исландии с 1269 г. по 1298 г., представляет собою передачу латинского „tunc tua res agitur, paries quum proximus ardet".[1]

Суровые зимы, эпидемии и падеж скота отмечены в исландских анналах также под 1290—1292 гг. Не более утешительно и приведенное здесь известие 1293 г. о засухе — последнее из относящихся к XIII в. Грамота норвежского короля Эйрика от 2 июля 1294 г., запрещающая вывоз большого количества трески из Исландии, пока там длится голод,[2] является дополнением к известиям анналов об экономическом положении в Исландии в 90-х гг. XIII в.

[1] См. G. Vigfusson, Icelandic-English dictionary, под словом veggr, стена.
[2] Norges gamle love, т. IV, стр. 346.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ И КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ О ЦИТИРУЕМЫХ ИСТОЧНИКАХ

Agr. — Ágrip af Noregs konunga sögum, т. е. краткое изложение саг о конунгах Норвегии (заглавие позднее). Свод, начинающийся с IX в. и заканчивающийся на событиях второй половины XII в.; составлен в конце XII в. или в начале XIII в. Изд. V. Dahlerup, 1880.

ASB — Altnordische Saga-Bibliothek, изд. с 1892 г.

Bisk. — Biskupa Sögur, саги о епископах. Биографии житийного характера, составленные в XIII и XIV вв.; важнейший источник по истории исландской церкви в XII—XIII вв. Изд. G. Vigfusson, т. I и II, 1858 и 1878.

Dropl. — Droplaugarsona Saga, сага о сыновьях Дроплауг (имя матери героев саги). Восточная Исландия; вторая половина X в. Время возникновения — 2-я половина XII в. Изд. J. Jakobsen 1902—1903 (Austfirðinga Sǫgur, стр. 139—180).

Eg. — Egils Saga Skallagrímssonar, сага об Эгиле, сыне Скаллагрима. Западная Исландия; середина IX в. — конец X в. Составлена около 1200 г. Изд. F. Jónsson, 1924 (ASB. III).

Eyrb. — Eyrbyggja Saga, сага о жителях Эйр. Западная Исландия; конец X в. — 1031 г. Составлена во второй половине XIII в. Изд. H. Gering, 1897 (ASB. VI).

Fask. — Fagrskinna. Свод саг о норвежских конунгах, начинающийся с IX в. и заканчивающийся на второй половине XII в. Составлен в первой половине XIII в. Изд. F. Jónsson, 1902.

Flat. — Flateyjarbók. Свод саг компилятивного характера, составленный в конце XIV в. двумя исландскими священниками. Изд. C. R. Unger и G. Vigfusson, т. I—III, 1860—1868 гг. Цитаты из т. III в пределах стр. 475—583 относятся не к тексту этого свода, а к дошедшей до нас в той же рукописи редакции исландских анналов, известной под названием Flatø-annaler, частью изданной у G. Storm'a (см. Isl. Ann.).

Fms. — Fornmannasögur. Собрание саг, составленное издателями по разным спискам дошедших до нас сводов и отдельных саг. Т. I—XII, 1825—1835.

Grett. — Grettis Saga Ásmundarsonar, сага о Греттире, сыне Асмунда. Сев. Исландия; X в. и часть XI в. (до 1031 г.). Составлена в середине XIII в. Изд. R. C. Boer, 1910 (ASB. VIII).

Hkr. — Heimskringla. Свод саг о норвежских конунгах, составленный около 1230 г. исландским историком Снорри, сыном Стурлы (род. ок. 1178 г., ум. в 1241 г.). Изложение начинается с легендарных времен и заканчивается на 1171 г. Изд. F. Jónsson, т. I—IV, 1893—1900.

Hv. — Hungrvaka, т. е. книга, возбуждающая духовный голод. Небольшой по объему памятник по истории исландской церкви с 1056 г. до 1176 г., написанный в начале XIII в. Изд. B. Kahle, 1905 (ASB. XI).

Høn.-Þór. — Hønsna-Þóres Saga, сага о Торире, исландце, разбогатевшем на торговле курами; hønsna — род. мн. от høns, курица. Западная Исландия; 60-е гг. X в. Составлена во второй половине XIII в. Изд. A. Heusler, 1897 (Zwei Isländergeschichten, стр. 1—26).

Isl. Ann. — Islandske Annaler, исландские анналы. Время расцвета этого вида литературы в Исландии — вторая половина XIII в. и особенно XIV в. Эти записи продолжались и позднее; наиболее поздний последний год — 1578, а наиболее ранний год, на котором кончаются анналы,—1295. Дошедшая до нас обработка и рукопись каждой отдельной редакции анналов в некоторых случаях довольно близка к году, на котором заканчиваются записи, а иногда составлена значительно позднее. Анналы составлены по образцу западноевропейских средневековых хроник и пользуются средневековыми историческими трудами; в той части, которая касается скандинавских стран, тесно связаны по содержанию и по хронологии с сагами, особенно для XII—XIII вв. Изд. G. Storm, 1888 (десять редакций).

Kr. — Kristni Saga, сага о крещении Исландии (1000 г.). Вторая половина X в. — первая половина XI в. Составлена в начале XIII в. Изд. B. Kahle, 1905 (ASB. XI).

Landn. — Landnámabók, книга о заселении Исландии в IX — X вв. Один из важнейших и интереснейших памятников по истории Исландии, по содержанию тесно связанный с целым рядом саг. Время возникновения — начало XIII в. Изд. 1843 г. В настоящий обзор вошли и цитаты из позднейших редакций Landn., менее интересных с исторической точки зрения; цитаты эти являются лишь дополнением к сведениям, взятым из других источников.

Ljósv. — Ljósvetninga Saga, сага о жителях Льосаватн. Северная Исландия; вторая половина X в. — первая половина XI в. Время возникновения — первая половина XIII в. Изд. 1830.

Msk. — Morkinskinna. Свод саг о норвежских конунгах; начинается с 30-х гг. XI в. и кончается на середине XII в. Составлен около 1200 г. Изд. C. R. Unger, 1867.

Nj. — Brennu-Njáls Saga, сага о Ньяле. Южная и западная Исландия; начало X в. — 1015 г. Самая большая и одна из лучших саг об исландцах. Составлена около середины XIII в. Изд. F. Jónsson, 1908 (ASB. XIII).

Ósh' 49—Óláfs Saga hins helga, сага об Олафе святом, конунге Норвегии с 1015 г. по 1030 г. Так называемая легендарная редакция, возникшая во второй половине XII в. Несмотря на свой церковно-легендарный характер, содержит не мало исторических данных. Изд. R. Keyser и C. R. Unger, 1849.

Ósh' 53 — сага об Олафе святом. Редакция, составленная в середине XIII в. и ближайшим образом связанная с той сагой об Олафе, которую мы имеем у Снорри в его Hkr. Изд. P. A. Munch и C. R. Unger, 1853.

Sturl. — Sturlunga Saga, сага о Стурлунгах, знатном западно-исландском роде, выдвинувшемся во второй половине XII в. и игравшем видную роль в истории Исландии в XII—XIII вв. Под этим общим заглавием объединен ный свод саг, описывающих события с первой половины XII в. и заканчи-

вающихся на второй половине XIII в. Время возникновения — около 1300 г. Изд. G. Vigfusson, т. I и II, 1878.

Sverr. — Saga Sverris konungs Sigurđarsonar, сага о Сверрире, норвежском короле с 1184 г. по 1202 г. В основе своей составлена в самом начале XII в. исландским аббатом Карлом, долго жившим при дворе Сверрира. Входит в состав Flateyjarbók (т. II, стр. 533—701).

Vápnf. — Vápnfirđinga Saga, сага о жителях Вапнфиорда. Вост. Исландия; вторая половина X в. Составлена в начале XIII в. Изд. J. Jakobsen, 1902—1903 (Austfirđinga Sǫgur, стр. 23—72).

Viga-Gl. — Viga-Glúms Saga, сага о Глуме-бойце. Северная Исландия; вторая половина X в. Составлена в конце XII в. или в начале XIII в. Изд. 1830 г.

|>orv. |>. — |>orvalds |>áttr ens vidförla, повесть о Торвальде путешественнике, исландце, принимавшем участие в христианизации Исландии. По времени и по содержанию тесно связана с Kr., но заключает в себе больше легендарного элемента, чем эта последняя. Изд. B. Kahle, 1905 (ASB. XI).

С. А. АННИНСКИЙ

ИЗВЕСТИЯ ВЕНГЕРСКИХ МИССИОНЕРОВ XIII—XIV вв. О ТАТАРАХ И ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ

О первом нашествии татар на половецкую землю и затем на Русь в центральной Европе узнали очень скоро. Древнейшая Хроника Ливонии, написанная в Риге в 1226—1227 гг., кратко, но вполне определенно говорит об этом. Нет никакого сомнения, что и в дипломатических и в торговых сношениях, в письмах и личных сообщениях эта грозная новость уже в течение нескольких месяцев долетела с окраин Руси до ближайших западных соседей, а затем — до имперских центров и до Рима, словом — стала общим достоянием.

Однако, более или менее подробные сведения и о татарах и о странах, ими захваченных, появились в Европе значительно позднее в результате нескольких специальных путешествий, предпринятых в 30-х, 40-х и 50-х гг. XIII в.

Наиболее известны из них по оставшимся подробным описаниям путешествия Плано Карпини и Рубрука (1246 и 1253 гг.), но первыми были не они.

В недавно вышедшей книге Archivum Europae Centro-Orientalis (t. III, fasc. 1—3. Budapest, 1937, pp. 1—52) L. Bendefy опубликовал два венгерских памятника XIII в., говорящих о предшественнике Плано Карпини, доминиканском миссионере, брате Юлиане из Венгрии.

Один из этих памятников представляет собою запись рассказа бр. Юлиана о первом его путешествии, сделанную позднее бр. Рихардом. Другой — письмо Юлиана о втором путешествии.

Исследованию этих памятников и истории путешествий Юлиана посвящена большая работа L. Bendefy (Az ismerelten Juliánusz. Az elzö magyar ázsiakutató eletrajza és kritikai mélta-

tása. Budapest, 1936), к сожалению известная нам лишь в авторском извлечении на латинском языке.[1]

Из записи Рихарда видно, что еще до Юлиана, может быть, в 1231—32 гг., венгерские доминиканцы, зная из хроник, что где-то на востоке есть их единоплеменники венгры-язычники, отправили четырех миссионеров их искать. Трое из них погибло в течение трехлетних странствований, но четвертый, брат Отто, вернулся, кое-что разведав. Он побывал, повидимому, где-то в киргизских степях близ Волги, получил некоторые сведения о восточных венграх и, хотя уже на девятый день по возвращении умер, „сломленный многими трудами", но перед смертью успел рассказать о пути в „Великую Венгрию".

По его следам и отправляется новая миссия из четырех человек, включающая и Юлиана.

Время этого путешествия можно определить вполне точно, сопоставив разные хронологические указания в описании его и второго путешествия.[2]

В самом заглавии рихардовой записи „открытие" Великой Венгрии отнесено ко времени „господина папы Григория IX", то есть к 1227—1241 гг. Затем, в тексте, о Беле IV, короле венгерском, сказано: „с охранной грамотой и на средства Белы, ныне короля Венгрии", из чего можно умозаключить, что путешествие началось до вступления Белы на престол, то есть до сентября 1235 г.

При второй поездке Юлиан нашел город Булгар разоренным татарами (осень 1237 г.), но Суздаль еще нетронутым (разорен весной 1238 г.). Отсюда видно, что второй раз он был в Булгарии и на Руси зимой 1237—38 г. Поэтому, 27 декабря, как день возвращения из первого путешествия в Венгрию, может относиться скорее всего к 1236 г. Тогда и день отправления в обратный путь из Великой Венгрии, 21 июня, также относится к 1236 г., а соответственно располагается и ряд предшествующих дат.

Расчет расстояний между отдельными пунктами маршрута Юлиана в первом путешествии и расчет продолжительности

[1] Этим извлечением мы в дальнейшем преимущественно и пользуемся в комментировании издаваемых текстов.

[2] Для этого, впрочем, необходимо заранее принять одно условие, о котором L. Bendefy умалчивает: надо допустить (а это, хоть и весьма удобное, но, кажется, произвольное допущение), что первое и второе путешествия Юлиана следовали почти непосредственно одно за другим.

стоянок позволяет наметить следующую схему этого путешествия.

Выехав из Венгрии (из какого-то доминиканского монастыря в Пеште, Буде, Альбарегиа,[1] Стригонии) в первые дни мая 1235 г., Юлиан и три его спутника на лошадях, через Штульвейссенбург, Фюнфкирхен, Белград, Ниш, Софию (Сердика), Филиппополь и Адрианополь, в течение месяца добрались по этой дороге крестоносцев до Константинополя. Сев там на корабль, они в течение 33 дней (очень долго), явно, вдоль берегов Малой Азии плыли до Тмуторокани (Матрика), где, следовательно, оказались около 2 июля. Пробыв там 50 дней в ожидании попутчиков, около 21 августа они вновь пустились в путь — по линии р. Кубани, а от изгиба реки (примерно, от нынешней Ладовской) повернули на северо-восток к горам Эргени, оттуда пошли в западную (от Волги) часть киргизской пустыни и, пройдя ее в 13 дней, в конце сентября оказались в населенной и возделанной Алании. Там в большом городе (очевидно, Итиль-Торгикан-Астрахань) провели в сильной нужде шесть месяцев (зиму), пытались даже продать в рабство двоих из своего числа, чтобы добыть средства на дальнейший путь, но потом двоих братьев отправили обратно в Венгрию, а оставшиеся двое, Юлиан и Герард, вероятно, не ранее 20 марта 1236 г. пошли дальше к северу, 37 дней голодали в пустыне, имея с собой лишь пятидневный запас хлеба, и едва живые добрались наконец до страны Vela.[2] Там, в городе Бунда жили подаянием; 7 мая умер последний спутник Юлиана, Герард, а сам Юлиан, нанявшись слугой, около 20 мая, вместе с хозяином, был уже в Великой Булгарии, где-то близ нынешнего Оренбурга. По указанию встреченной там женщины, он к концу мая или началу июня дошел до р. Этиль (Белая) и до восточных венгров, был ими ласково принят, познакомился с их бытом, видел татар и татарского посла, грозившего походом на Алеманию, и наконец, несмотря на просьбы венгров, решил вернуться. В обратный путь он пустился 21 июня, сначала водой, по рр. Белой и Каме, затем в течение 15 дней вверх по Волге прошел через землю мордванов и около половины августа был в Нижнем Новгороде. Повидимому, в конце августа на лошадях он выехал из Влади-

[1] Stuhlweissenburg.

[2] По предположению L. Bendefy — на р. Уил, посередине между реками Уралом и Эмбой.

мира, около 15 сентября был в Рязани, 22 октября — в Чернигове, 5 ноября в Киеве, в половине декабря прибыл в Галич, а 27 декабря перешел Карпаты.[1] Около 8 января 1237 г. Юлиан, вероятно, был в Буде для доклада королю, а весной 1237 г. — в Риме, где его доклад папе и был записан бр. Рихардом. Осенью того же года Юлиан начал свое второе путешествие, законченное им, как выше сказано, до весны 1238 года. Сведения, собранные им при этом, составляют содержание другого памятника, письма Юлиана.

Какова историческая ценность этих двух памятников?

Отметим прежде всего, что это — наиболее ранние [2] описания восточно-европейской части нашей территории, то есть памятники, которые даже при малой содержательности имели бы серьезный документальный интерес. Между тем они далеко не бесцветны по содержанию.

Если запись Рихарда любопытна главным образом, как очень выразительная, при всей летописной сухости, картинка из истории культуры, содержащая однако характеристику и Сихии и Алании и Великой Венгрии, много ценных географических данных, и важнейшее известие о наступательных планах татар против Европы, то второй документ, письмо Юлиана к епископу Перуджи, обладает большой и непосредственной ценностью именно в описаниях появления и первых успехов татар, в характеристике их военных и административных приемов и т. д., притом ценностью, почти не умаляемой и позднейшими более подробными описаниями Плано Карпини и Рубрука.

Юлиан действительно, как указывает L. Bendefy, охватил своим путешествием территорию, равную, примерно, Австралии. Назвать его „Колумбом Востока", как делает тот же автор, было бы преувеличением, так как, открыв Великую Венгрию, Юлиан отнюдь не первый „открыл" татар, не говоря уже о восточно-русских землях, достаточно известных на Западе, но то, что он первый рассказал о европейской опасности татар и первый из европейцев писал об окраинах восточной Европы, остается неоспоримым фактом.

[1] Было бы крайне интересно, если бы русские пункты маршрута Юлиана с той же ясностью показаны были в записи Рихарда, как это сделано L. Bendefy. К сожалению, этого нет: топографическая точность маршрута — результат исследовательской композиции L. Bendefy. В самом памятнике находим гораздо более общие указания.

[2] Из европейских.

Третий опубликованный L. Bendefy памятник относится к началу XIV в. Это — письмо венгра-францисканца, брата Иоганки, к генералу ордена о положении, деятельности и задачах католической миссии „в стране Баскардов" (в Башкирии).

Хотя письмо посвящено преимущественно церковно-миссионерским темам, оно очень интересно некоторыми частностями: отчетливой характеристикой веротерпимости татар, сведениями о численности христиан среди населения Башкирии, о „стране Сибур" и др.

В целом, таким образом, публикацию L. Bendefy нельзя не признать весьма ценной, а это делает понятным решение Института истории Академии Наук СССР издать у нас латинский текст упомянутых памятников с русским переводом.

*

Из трех изданных L. Bendefy документов только третий, письмо бр. Иоганки, издается впервые. Запись Рихарда доныне издавалась уже не менее 8 раз,[1] в том числе трижды по рукописям.

Письмо Юлиана издано было до L. Bendefy дважды. В оправдание своего издания L. Bendefy указывает на малую доступность подлинников, несогласованность и противоречивость старых изданий, их дефекты в транскрипции имен и др. Его издание действительно ценно в трех отношениях: в нем — а) выявлены все известные доныне и некоторые новые рукописи, б) даны превосходные факсимиле их (репродукции со снимков, сделанных в инфракрасных лучах) и в) даны интересные пояснения к содержанию памятников и истории путешествия Юлиана.

Тексты каждой рукописи изданы L. Bendefy раздельно.

Предпринимая вновь издание латинского текста[2] тех же памятников, мы даем первый (запись Рихарда) в сводном

---

[1] Jos. Inn. Desericius (Desericzky). De initiis ac maioribus Hungariae commentarii. Budae, 1748; Pray. Annales veteres Hunorum, Avarum et Hungarorum. 1761; Bél Andras. Solemnia magistrorum philosophiae et artium creandorum in diem iovis h. e. d. III martii indicit atque ad ea concelebranda invitat ord. phil. decanus Car. Andr. Bel. Lipsiae, 1763; Fejér György. Codex diplomaticus Hungariae. IV. 1. 50—57; Endlicher. Rerum Hungaricarum monumenta Arpadiana. San-Galli, 1849; Theiner A. Vetera monumenta hist. Hung. T. I. Romae, 1859; Szabó Károly. Magyarorsz. tört. forrásai. Budapest, 1861; Fejérapataky L. (Fraknoi összehasonlitása). A magg. honf. kútföi. Budapest, 1900.

[2] В русской печати его до сих пор не было.

тексте по трем рукописям, факсимилированным у L. Bendefy. Это, во первых, старейшая рукопись XIII в., хранящаяся в Ватиканском архиве (в замке св. Ангела) под шифром Miscell. Arm. XV, t. I, впервые найденная русским ученым П. Кеппеном (в сносках мы обозначаем ее *K*); во вторых, рукопись того же архива XIV в., под шифром Pal. Lat. 965, обнаруженная Jos. Inn. Desericzky (обозначаем ее *D*); в третьих, рукопись XIV — XV в., хранящаяся во Флоренции в Biblioteca Riccardiana под шифром Riccardianus 228; открыта E. Varady (обозначаем ее *V*). В основу мы полагаем текст последней рукописи, дающий правильное чтение наиболее сомнительных мест.

Письмо Юлиана также даем в своем тексте из двух ныне наличных рукописей: а) ватиканской, повидимому, XIII в., под шифром Pal. Lat. 443, открытой B. Dudik'ом (обозначаемой нами *Du*), и б) ватиканской же, кажется, несколько более поздней, под шифром Vat. Lat. 4161, обнаруженной W. Fraknoi (обозначаемой нами *F*). В основу полагаем текст *Du*, от которого, вероятно, идет и *F* (сокращенная редакция). Текст издания Hormayr'a, рукописный оригинал которого, в свое время найденный Böhmer'ом, ныне неизвестен, мы не перепечатываем, но при переводе пользуемся им для вариантов (именуя его *B*).

Третий документ, письмо бр. Иоганки, известен лишь в одной рукописи библиотеки Кембриджской Академии, под шифром D. Ii. 3. 7, каковой мы (в факсимиле) и пользуемся.[1]

Латинские тексты у нас отличаются от издания L. Bendefy не только тем, что это (в двух случаях) тексты сводные, но и тем, что идут они не от упомянутого издания,[2] а непосредственно от подлинника (факсимиле), причем наши разночтения с L. Bendefy везде отмечены в сносках.

Русский перевод письма Юлиана и письма Иоганки издается впервые, но запись Рихарда имеет хороший старый перевод В. Юргевича в „Записках Одесского общества истории и древностей" (т. V, Одесса, 1863, стр. 998—1002), правда, основанный только на издании А. Тейнера.

---

[1] Все рукописи, кроме последней, прекрасного письма, отличной сохранности и читаются очень легко. Это все пергаменные рукописи (codices membranacei), судя по факсимиле, хотя у L. Bendefy почему-то обозначены, как chartacei.

[2] Не безошибочного в транскрипции подлинника.

I

О СУЩЕСТВОВАНИИ ВЕЛИКОЙ ВЕНГРИИ, ОБНАРУЖЕННОМ БРАТОМ РИХАРДОМ[1] ВО ВРЕМЯ ГОСПОДИНА ПАПЫ ГРИГОРИЯ ДЕВЯТОГО

Найдено было в истории венгров христиан, что есть будто бы другая Венгрия, старейшая (Maior), из которой вышло когда-то семь вождей со своими народами искать себе место для жительства, потому что земля их не могла вместить многочисленности жителей. После того как они прошли и разрушили много царств, пришли они наконец в страну, которая ныне называется Венгрией, а тогда называлась пастбищами римляи. Ее они предпочли всем прочим странам и избрали себе для жительства, а народы, тогда жившие там, подчинили себе. Там наконец они были обращены в католическую веру первым их королем, святым Стефаном,[2] тогда как прежние венгры, от которых эти произошли, оставались в неверии, как и доныне остаются язычниками.

Так вот, братья проповедники, найдя об этом в истории венгров, пожалели, что венгры, от которых, как они знали, сами они произошли, все еще остаются в заблуждении неверия, и послали четверых из братьев искать их повсюду, где, с помощью господа, сумеют их найти. Ибо по писаниям древних они знали, что те находятся на востоке, но, где находятся, вовсе не знали.

Вышесказанные братья, что были посланы, подвергаясь многим трудам, три с лишним года искали их по морю и по суше, но вследствие многих опасностей пути найти не могли. За исключением одного из них, священника по имени Отто, который только под именем купца прошел дальше; в некоем языческом царстве он нашел кое-кого, [говоривших] на том языке, и узнал от них, в какой стороне те живут, но в область их не входил, а наоборот вернулся в Венгрию, чтобы взять большее число братьев и они, возвратившись с ним, проповедали бы тем веру католическую. Однако, сломленный многими трудами, восемь дней спустя по своем возвращении, он ушел

---

[1] В рукописи *D* ошибочно добавлено „ордена братьев проповедников."

[2] Королем был в 1000—1038 гг.

ко Христу, после того как объяснил всю дорогу для розыска их.

Братья же проповедники, стремясь к обращению неверных, вновь послали четырех братьев искать вышесказанное племя. Те, получив благословение братьев своих, сменив монашеское платье на мирское, отпустив бороды и волосы по примеру язычников, [отправились] через Булгарию Ассана и Романию[1] с охранной грамотой и на счет господина Белы, ныне короля Венгрии, и добрались до Константинополя. Выйдя там на море, они через 33 дня прибыли в страну, что зовется Сихия, в город, что именуется Матрика,[2] где вождь и народ называют себя христианами, имея греческое писание и греческих священников. Государь там, говорят, имеет сто жен. Все мужчины наголо бреют головы и тщательно растят бороды, кроме знатных людей, которые, в знак знатности, оставляют над левым ухом немного волос, выбривая всю остальную голову.

Там они сделали остановку на 50 дней в надежде на ожидаемых попутчиков. Бог же даровал им милость пред лицом госпожи, которая была главной над ста женами короля, так что она отнеслась к ним с удивительной лаской и заботилась обо всем, для них необходимом. Отправившись оттуда дальше, по совету и с помощью вышесказанной госпожи, они в течение 13 дней прошли через пустыню, где не нашли ни людей, ни домов. Тут пришли они в страну, что называется Аланией,[3] где живут вместе христиане и язычники. Сколько [там] селений,

---

[1] Булгария Ассана — в отличие от Великой Булгарии на Волге. Под именем Ассана разумеется Иоанн Асень II, могущественнейший государь этой династии, царствовавший в 1218—1241 гг. и носивший титул „царя всех болгар и греков".

Романия — долина р. Марицы, и поныне именуемая у турок Румили; в XIII в. принадлежала к Византийской империи.

[2] Народ Zich или (у Юлиана) Sich — черкесы, адыгэ, некогда занимали западные склоны Кавказа, но им же принадлежала и равнина р. Кубани и большая часть Кабардии.

Матрика-Тмутороканъ, средневековый город на месте нынешней Тамани, в древности богатая греческая колония, с X—XI в. в обладании черкесов. У Рубрука Matrica и Matriga, у Константина Порфирогенета То Tamatarcha. Имя производят от хазарского наместника города — из двух слов Taman-Tarchan (первое — титул, второе — соб. имя).

[3] В то время границами Алании (у Каспийского моря) были рр. Терек, Кума и Яик. Арабы называли аланов ossi, русские — яссы, соседи на Кавказе — ossi и osset.

столько и вождей, и ни один из них не имеет подчиненного отношения к другому. Там постоянно идет война вождя против вождя, села против села. Во время пахоты все люди одного селения при оружии вместе идут на поле, вместе также и жнут, и так делают по всему пространству той земли; и если есть у них какая-либо надобность вне селения, добыча ли леса или другая работа, то они равным образом идут все и при оружии. И всю неделю не могут они никоим образом в малом числе выйти из своих селений за чем бы то ни было без личной опасности, за исключением единственно воскресного дня с утра до вечера; этот день так у них чтится, что тогда всякий, сколько бы зла он ни сделал и сколько бы противников ни имел, в безопасности может, невооруженный или в оружии ходить даже среди тех, у кого родителей убил или кому причинил иной вред. Те, кто там считаются христианами, соблюдают [обыкновение] не пить и не есть из сосуда, в котором случайно издохла мышь или ела собака, прежде чем их священник не благословит сосуд, а кто поступает иначе, отчуждается от христианства.

И если кто из них по какому-либо случаю убивает человека, то за это не получает ни кары, ни благословения; у них человекоубийство не считается ни за что. Кресту оказывают такое почтение, что бедные люди, местные или пришлые, кто не может иметь многочисленных спутников при себе, во всякое время безопасно ходят и среди христиан и среди язычников, если водрузят на копье со знаменем хоть какой-нибудь крест и будут нести, подняв кверху.

В том месте братья не нашли попутчиков, чтобы итти дальше, из-за боязни татар, которые по слухам были близко. Вследствие того двое из них воротились назад, но остальные двое, упорно оставаясь в той стране, жили там в величайшей нужде шесть месяцев, не имея в это время ни хлеба, ни питья, кроме воды. Один брат, священник, делал ложки и кое-что другое, за что иногда они получали немного проса и этим только могли поддержать себя в крайней скудости. Поэтому решили они продать двоих из своего числа, чтобы на полученную плату другие могли завершить начатое путешествие, но они не нашли покупателей, так как не умели ни пахать, ни молоть. Поэтому в силу необходимости двое из них воротились из тех краев в Венгрию, но другие остались там, не желая отказаться от начатого путешествия.

Наконец эти, имея попутчиками каких-то язычников, снова пустились в путь и непрерывно шли по безлюдной пустыне 37 дней, в течение которых питались 22 хлебцами, испеченными в золе, такими маленькими, что могли бы все их съесть в пять дней и то бы не насытились. Поэтому брат, который был здоров, но обессилен, с большим трудом и страданиями, но всетаки самостоятельно выбрался из пустыни. Больной же брат, больше жалея здорового, чем себя, часто просил оставить его в пустыне, как мертвого и как бесполезную обузу, чтобы, занимаясь им, не пренебречь делом божьим. Тот никак не согласился на это, но вплоть до смерти страдал в пути с ним вместе.

Язычники, спутники их, думавшие, что у них есть деньги, чуть не убили их, доискиваясь.

Пройдя пустыню без всякой дороги и тропы, на 37 день пришли они в страну сарацинов, что зовется Вела, в город Бунда.[1] Там они никак ни у кого не могли получить пристанище, а пришлось остаться в поле на дожде и холоде. Сказанный[2] брат, который был здоров, просил милостыню по городу для себя и для больного брата, и питьем и иным, что мог найти, особенно у государя города, который, узнав, что он христианин, охотно подавал ему милостыню, так как и государь и народ той области открыто говорят, что вскоре им предстоит сделаться христианами и подчиниться римской церкви.

Оттуда они дошли до другого города, где вышесказанный больной брат, священник по имени Герард, почил во господе в доме сарацина, принявшего их ради бога, и был там же погребен.

После того брат Юлиан, оставшись один и не зная, как ему итти дальше, сделался слугой одного сарацинского священника с женою, который собирался в Великую Булгарию.[3] Туда они вместе и добрались.

Великая Булгария — великое и могущественное царство с богатыми городами, но все там — язычники. В том царстве говорят в народе, что вскоре они должны стать христианами и

---

[1] См. выше стр. 73.

[2] „Сказанный — dictus. Во всех рукописях, однако, не dictus, а считаемое ошибочным diebus, что значило бы: „днями", „днем".

[3] Великая Булгария в бо́льшей своей части лежала к востоку от изгиба Волги, между рр. Волгой, Камой, Белой и Яиком, частью же выдавалась к западу, вверх по Волге.

дчиниться римской церкви, но дня, как говорят, они не знают, а слышали так от своих мудрецов.

В одном большом городе той же области, из которого выходит, по слухам, пятьдесят тысяч бойцов, брат нашел одну венгерскую женщину, которая выдана была замуж в те края из страны, какую он искал.

Она указала брату пути, по которым ему надо итти, утверждая, что через две дневки он, без сомнения, может найти тех венгров, которых ищет. Так и случилось. Ибо нашел он их близ большой реки Этиль.[1] Те, увидев его и узнав, что он венгр, не мало радовались его прибытию: водили его кругом по домам и селениям и старательно распрашивали о короле и королевстве братьев своих христиан. И все, что только он хотел изложить им, и о вере и о прочем, они весьма внимательно слушали, так как язык у них совершенно венгерский: и они его понимали и он их. Они — язычники, не имеют никакого понятия о боге, но не почитают и идолов, а живут, как звери. Земли не возделывают; едят мясо конское, волчье и тому подобное; пьют лошадиное молоко и кровь. Богаты конями и оружием и весьма отважны в войнах. По преданиям древних они знают, что те венгры произошли от них, но не знали, где они. Татарский народ живет по соседству с ними. Но те же татары, столкнувшись с ними, не могли победить их на войне, наоборот в первой битве были побеждены ими. Поэтому избрали их себе в друзья и союзники, и таким образом, соединившись вместе, они совершенно опустошили 15 царств.

В этой стране венгров сказанный брат нашел татар и посла татарского вождя, который знал венгерский, русский, куманский, тевтонский, сарацинский и татарский [языки] и сказал, что татарское войско, находившееся тогда там же по соседству, в пяти дневках оттуда, хочет итти против Алеманнии, но дожидались они другого, которое послали для разгрома персов. Он же сказал, что за страной татар есть народ чрезвычайно многочисленный, выше и больше всех людей, с такими большими головами, что они как будто вовсе не подходят к своим телам. И будто бы тот народ предполагает выйти из своей страны,

---

1 Река Этиль обычно — Волга, но тут р. Белая, которую башкиры еще XIX в. звали Ак-Идель.

Две дневки — два дневных перехода в е р х о м.

чтобы сразиться со всеми теми, кто захочет им противостать, и чтобы опустошить все царства, какие будут в силах покорить.

Узнав обо все том, брат, хотя венгры и приглашали его остаться, отказался по двум основаниям. Во первых, потому, что если языческие царства и русская земля, находящиеся посредине между венграми-христианами и теми, услышат, что тех призывают к вере католической, то будут недовольны и станут следить за всеми дорогами из страха, что, если те и эти как-либо объединятся в христианстве, то покорят все между ними лежащие царства. Другим основанием была мысль, что, если ему случится вскоре умереть или заболеть, то труд его окажется напрасным, так как и сам он не достиг там успеха, и братья в Венгрии не смогут узнать, где находится тот народ.

Итак, когда он пожелал вернуться, те венгры указали ему иную дорогу, по которой он бы мог быстрее добраться. Начал же брат обратный путь за три дня до праздника св. Иоанна Крестителя,[1] по дороге отдыхал немного дней и, [путешествуя] то по воде, то по суше, на второй день после рождества господня вступил в ворота Венгрии, а по Руси и Польше ехал верхом. Возвращаясь из вышесказанной Венгрии, он в 15 дней прошел по реке царство мордванов;[2] это — язычники и настолько жестокие люди, что у них тот человек, кто не убил многих людей, ни за что не считается; и когда кто-либо идет по дороге, то перед ним несут головы всех убитых им людей, и чем больше голов перед кем несут, тем выше он ценится. А из голов человеческих они делают чаши и особенно охотно пьют из них. Тому, кто не убил человека, не позволяют жениться.

Узнав от своих пророков, что им предстоит стать христианами, они послали к князю великой Ландемерии[3] (это соседняя с ними русская страна), чтобы он послал к ним священников окрестить их. Тот ответил: „Не мне надлежит это делать, а папе римскому. Ведь близко время, когда все мы должны принять веру римской церкви и подчиниться ее власти".

---

[1] 20 июня 1236 г.

[2] Царство мордванов — к западу от Великой Булгарии, с севера было ограничено Волгой, с запада Окой и княжеством Рязанским.

[3] Правильнее Лаудамерия. Это — гор. Владимир.

II

ПИСЬМО БР. ЮЛИАНА О МОНГОЛЬСКОЙ ВОЙНЕ

Достопочтенному во Христе отцу, божьей милостью епископу Перуджи, легату апостольского престола, брат Юлиан ордена проповедников в Венгрии, слуга вашего святейшества, шлет столь же должное, как и преданное почтение.

Когда, в силу вмененного мне послушания, я должен был итти в Великую Венгрию с братьями, данными мне в спутники, и мы, желая выполнить порученное нам путешествие, дошли до крайних пределов Руси, мы узнали[1] действительную правду о том, что все те, что называются венгры-язычники, и булгары и множество царств совершенно разгромлено татарами.

А что такое татары и какой они веры, об этом, насколько сумеем, расскажем в настоящем письме.

Сообщалось мне некоторыми, что татары прежде населяли страну, населяемую ныне куманами, и называются по правде сынами Измаила (отсюда — измаэлиты), а ныне желают называться татарами.

Страна же, откуда они первоначально вышли, зовется Готта, и Рубен звал ее Готтой.[2]

Первая татарская война началась так. Был государь[3] в стране Готта, по имени Гургута,[4] у которого была сестра — дева, по смерти родителей стоявшая во главе своей семьи и, как говорят, державшая себя по-мужски. Она нападала на некоего соседнего с ней вождя и отнимала у него его имущество. Когда же по истечении некоторого времени[5] она вновь с татарским народом попыталась напасть, как прежде, на вышесказанного вождя, тот, поостерегшись и начав войну с вышесказанной девушкой, одолел в бою и эту прежнюю свою противницу взял в плен, войско ее обратил в бегство, а ее, уже пленницу, изнасиловал, в знак еще более тяжкой мести, лишив девственности,

---

[1] Это место в *B* читается иначе и правильнее: „мы узнали истинность нижеписанного. О, горестное зрелище, внушающее ужас всякому! Венгры-язычники..." Из текста *Du* опускаем явно ошибочное Tartari (quod omnes T.)

[2] В других рукописях Готиа (*B*) и Гота (*F*). L. Bendefy поясняет Gothia: scilicet Kathai.

[3] *BF* вождь (князь).

[4] Так *BF*, в *Du* Гургатам. Это, очевидно, Чингиз, но самое имя, вероятно, есть испорченное Угедей, Оккодай.

[5] „Некоторого времени" в *BF*; *Du* ошибочно: „нескольких дней".

постыдно обезглавил. Услышав об этом, брат помянутой девушки, вышесказанный вождь Гургута, отправив посла к вышереченному мужу, дал, говорят, ему такое поручение: „Я узнал, что ты, взяв в плен и лишив девственности сестру мою, обезглавил. Знай, что ты совершил дело, враждебное мне. Если, быть может, сестра моя причиняла тебе беспокойство, то ты, направляя свою месть на движимое имущество, мог обратиться ко мне, ища против нее справедливого суда, либо, если ты, желая отомстить за себя собственными руками, победив ее, захватил в плен и лишил девственности, то мог взять ее в жены; а если у тебя было намерение убить ее, то никак ты не должен был лишать ее девственности. А теперь ты отомстил вдвойне: и девственную стыдливость опозорил, и жалким образом осудил ее на смертную казнь. Вследствие того, в отмщение убийства вышереченной девушки, знай, что, я пойду на тебя всеми силами".

Услышав это и видя, что противостоять он не может, вождь, виновник убийства, бежал со своими к султану Орнах,[1] покинув собственную землю.

После того как это произошло, был некий вождь в стране куманов, по имени Витут,[2] богатства которого были, по слухам, столь замечательны, что даже скот [у него] на полях пил из золотых канав.

Другой вождь с реки Буз,[3] по имени Гурег,[4] из-за его богатства напал на него и победил. Побежденный с двумя сыновьями своими и кое с кем еще, с немногими, кто уцелел от военной опасности, бежал к сказанному султану Орнах. Султан же, вспомнив об обиде, которую тот, будучи соседом, случайно нанес ему некогда, приняв его, повесил на воротах, а народ его подчинил своей власти. Двое сыновей Витута тотчас обратились в бегство[5] и, так как у них не было иного убежища, вернулись

---

[1] У Плано Карпини Ornas (Ornac, Orna); в наших летописях Орначь, Ворнац, Арначь (ПСРЛ[1], IV, 57; V, 225; VII, 210 и др.). По объяснению, L. Bendefy — город Тана.

[2] Так *Du*; *B* — Витоф; *F* — Врокк.

[3] Так *DuF*, а не Бук и Букс, как ошибочно читает L. Bendefy. О правильности или неправильности Buchs в *B*, за отсутствием рукописи, ничего нельзя сказать. L. Bendefy понимает под этим именем р. Буг.

[4] Так *Du*; *B* — Урех; *F* — Гавез (но не Гавекс, как у L. Bendefy).

[5] Следуя *BF*, опускаем ошибочную вставку „ad Euthet", а самое имя читаем далее Гурег.

к вышереченному Гурегу, который ранее ограбил их отца и их самих. Тот в звериной ярости убил старшего, разорвав конями.[1] Младший же бежал, прибыл к вышеупомянутому вождю татарскому Гургуте и усердно стал просить его отомстить Гурегу, который ограбил его отца и убил брата, говоря, что честь добудет себе этот вождь,[2] то есть Гургута, а сам он — воздаяние и отмщение за смерть брата и ограбление отца. Это и было сделано, и по одержании победы, вышеназванный юноша вновь просил вождя Гургуту отомстить султану Орнах за жалкую смерть отца, говоря, что и оставшийся по отце его народ, который там держали как бы в рабстве, будет помощью ему при наступлении его войска.

Тот, упоенный двойной победой, охотно согласился на просьбу юноши и, выступив против султана, одержал славную для себя и почетную победу.

Итак, имея почти повсюду достойные хвалы победы, вышесказанный вождь татарский Гургута со всей военной силой выступил против персов из-за каких-то распрей, бывших прежде у него с ними. Там он одержал почетнейшую победу и совершенно подчинил себе царство персидское.

Став после этого более дерзким и считая себя сильнее всех на земле, он стал выступать[3] против царств, намереваясь подчинить себе весь мир. Поэтому, подступив к стране куманов, он одолел самих куманов и подчинил себе их страну. Оттуда они воротились в Великую Венгрию, из которой происходят наши венгры, и нападали на них четырнадцать лет, а на пятнадцатый год завладели ими, как нам сообщали словесно сами язычники-венгры. Завладев ими, и обратившись к западу, [татары] в течение одного года или немного большего [срока] завладели пятью величайшими языческими царствами: Сасцией, Фулгарией, взяли также 60 весьма укрепленных замков, столь людных, что из одного могло выйти пятьдесят тысяч вооруженных воинов. Кроме того они напали на Ведин, Меровию, Пойдовию, царство морданов. Там было два князя: один князь со всем народом и семьей покорился владыке татар, но другой с немно-

[1] Следуя *BF*, вместо cupiens, читаем rapiens, а вместо interficere — interfecit.

[2] Вместо ista duo, читаем isti duci (*B*).

[3] Cepit facere (стал делать) дополняем (по *F*) словом progressum (наступление, выступление).

гими людьми направился в весьма укрепленные места, чтобы защищаться, если хватит сил.[1]

Ныне же, находясь на границах Руси, мы близко узнали действительную правду о том, что все войско, идущее в страны запада, разделено на четыре части. Одна часть у реки Этиль на границах Руси с восточного края подступила к Суздалю. Другая же часть в южном направлении уже нападала[2] на границы Рязани, другого русского княжества. Третья часть остановилась против реки Дона, близ замка Воронеж (Ovcheruch),[3] также княжества русских. Они, как передавали нам словесно сами русские, венгры и булгары, бежавшие перед ними, ждут того, чтобы земля, реки и болота с наступлением ближайшей зимы замерзли, после чего всему множеству татар легко будет разграбить всю Русь, всю страну русских.

Поймите все это таким образом, что тот первый вождь, по имени Гургута, который начал эту войну, умер. Ныне же вместо него царствует сын его Хан (Chayn)[4] и живет в большом городе Орнах, где отец его воцарился первоначально. Живет же он таким образом: дворец у него такой большой, что тысяча всадников въезжает в одни двери и, преклонившись перед ним (ханом), не сходя с коней, всадники выезжают [в другие].

Вышеназванный вождь устроил себе громадное ложе, возвышающееся на золотых колоннах, ложе, говорю я, золотое с драгоценными покровами, на котором восседает он в славе прославляемый, облеченный в драгоценные[5] одеяния. Двери же в этом дворце целиком золотые, и через них преклоняясь проходят спокойно и безопасно его всадники. Чужие же послы, пешими ли они проходят двери или верхом, если коснутся

---

[1] *B* дает иной перечень завоеванных мест: „(завладели) Фасхией, Меровией, завоевали царство Булгар, имевшее сорок весьма укрепленных замков... Напали на Вдин, где было два князя...“

L. Bendefy считает Faschiam — Basciriam или Bascardiam, отвергая мнение Gombocz'a, что это Saksyn. Между тем и Faschia (*B*) и Sascia (*Du*) по форме очень напоминают именно Саксин.

Фулгария, несомненно, Булгария. Меровия — к северу от Волги, между рр. Ветлугой и Унжей. Вдин — севернее Меровии до р. Сухоны.

[2] В *Du* перед expugnavit (нападала) вставка: quem nunquam (на которое никогда не). Устраняем ее, как ошибочную.

[3] *B* — Orgenhusin. L. Bendefy считает, что это Воронеж.

[4] Юлиан принял титул за собств. имя. Разумеется тут, вероятно, Угедей.

[5] Вместо gloriosissimis (славнейшие), читаем (*F*) preciosis (драгоценные).

ногами порога двери, тут же поражаются мечом; всякому чужому надлежит проходить с наивысшим почтением.

Восседая в такой пышности, он послал войска по разным странам, то есть за море, как мы думаем; и вы также слышали, что он там совершил. Другое же многочисленное войско послал он к морю на всех куманов, которые и бежали в венгерские края. Третье войско, как я сказал, осаждает всю Русь.

Сообщу вам о войне по правде следующее. Говорят, что стреляют они дальше, чем умеют другие народы. При первом столкновении на войне стрелы у них, как говорят, не летят, а как бы ливнем льются. Мечами и копьями они, по слухам, бьются менее искусно. Строй свой они строят таким образом, что во главе десяти человек стоит один татарин, а над сотней человек один сотник. Это сделано с таким хитрым расчетом, чтобы приходящие разведчики никак не могли укрыться среди них, а если на войне случится как-либо выбыть кому-нибудь из них, чтобы можно было заменить его без промедления, и люди, собранные из разных языков и народов, не могли совершить никакой измены.[1] Во всех завоеванных царствах они без промедления убивают князей и вельмож, которые внушают опасения, что когда-нибудь могут оказать какое-либо сопротивление. Годных для битвы воинов и поселян они, вооруживши, посылают против воли в бой впереди себя. Других же поселян, менее способных к бою, оставляют для обработки земли, а жен, дочерей и родственниц тех людей, кого погнали в бой и кого убили, делят между оставленными для обработки земли, назначая каждому по двенадцати[2] или больше, и обязывают тех людей впредь именоваться татарами. Воинам же, которых гонят в бой, если даже они хорошо сражаются и побеждают, благодарность невелика; если погибают в бою, о них нет никакой заботы, но если в бою отступают, то безжалостно умерщвляются татарами Потому, сражаясь, они предпочитают умереть в бою, чем под

[1] *Du*: „народ, собранный с разных сторон, не мог совершить никакой измены, который собран из разных языков и наций“ (sic!). Конец фразы, повидимому, звучал иначе. Ср. *B* — особая фраза: „Они собрали из разных языков каждого десятого“; *F* „(чтобы не могли...) они собрали из разных народов и языков каждого десятого“. Эта фраза вызывает некоторое сомнение только в сопоставлении с ниже сказанной: „О численности всего их войска...“, где Юлиан как будто не знает о выше данной цифре и выражается совсем неопределенно.

[2] *B* „по десяти“.

мечами татар, и сражаются храбрее, чтобы дольше не жить а умереть скорее.

На укрепленные замки они не нападают, а сначала опустошают страну и грабят народ и, собрав народ той страны, гонят на битву осаждать его же замок.

О численности всего их войска не пишут вам ничего, кроме того, что изо всех завоеванных ими царств они гонят в бой перед собой воинов, годных к битве.

Многие передают за верное, и князь суздальский передал словесно через меня королю венгерскому, что татары днем и ночью совещаются, как бы притти и захватить королевство венгров-христиан. Ибо у них, говорят, есть намерение итти на завоевание Рима и дальнейшего. Поэтому он [хан][1] отправил послов к королю венгерскому. Проезжая через землю суздальскую, они были захвачены князем суздальским, а письмо, посланное королю венгерскому, он у них взял; самих послов даже я видел со спутниками, мне данными.

Вышесказанное письмо, данное мне князем суздальским, я привез королю венгерскому. Письмо же писано языческими буквами на татарском языке. Поэтому король нашел многих, кто мог прочесть его, но понимающих не нашел никого. Мы же, проезжая через Куманию,[2] нашли некоего язычника, который нам его перевел. Этот перевод таков: „Я Хан, посол царя небесного, которому он дал власть над землей возвышать покоряющихся мне и подавлять противящихся, дивлюсь тебе, король[3] венгерский: хотя я в тридцатый раз отправил к тебе послов, почему ты ни одного из них не отсылаешь ко мне обратно, да и своих ни послов, ни писем мне не шлешь. Знаю, что ты король богатый и могущественный, и много под тобой воинов, и один ты правишь великим королевством. Оттого-то тебе трудно по доброй воле мне покориться. А это было бы лучше и полезнее для тебя, если бы ты мне покорился добровольно. Узнал я сверх того, что рабов моих куманов ты держишь под своим покровительством; почему приказываю тебе впредь не держать их у себя, чтобы из-за них я не стал прот...

1 В этом случае — Батый.

2 *Du* — Carmaniam — ошибка; читаем Cumaniam (*BF*). Слов civitatem magnam нет в *B*, где, вместо paganam (civitatem), paganum (quendam). Так и переводим.

3 *B* regule, то есть „королек", с пренебрежением.

тебя. Куманам ведь легче бежать, чем тебе, так как они, кочуя без домов в шатрах, может быть, и в состоянии убежать; ты же, живя в домах, имеешь замки и города: как же тебе избежать руки моей?"[1]

Не умолчу и о следующем. Пока я вновь находился при римском дворе, [на пути] в Великую Венгрию меня опередили четверо братьев моих. Когда они проходили через землю суздальскую, им на границах этого царства встретились некие бежавшие пред лицом татар венгры-язычники, которые охотно приняли бы веру католическую, лишь бы добраться до христианской Венгрии. Услышав об этом, вышесказанный князь суздальский вознегодовал и, отозвав вышеуказанных братьев, запретил им проповедывать римский закон помянутым венграм, а вследствие того изгнал вышесказанных братьев из своей земли, однако без неприятностей. Те, не желая воротиться обратно и с легкостью отказаться от сделанного уже пути, повернули к городу Рецессуэ (?), ища пути, чтобы пройти - Великую Венгрию, либо к мордуканам, либо к самим татарам. Оставив там двоих братьев из своего числа и наняв переводчиков, они в день апостолов Петра и Павла, недавно прошедший (?),[2] пришли ко второму князю мордуканов, который, выступив в тот же день, когда они пришли, со всем народом и семьей, как мы выше говорили, подчинился татарам. В дальнейшем что случилось с этими двумя братьями: умерли ли они или были отведены к татарам сказанным князем, совершенно неизвестно.

Двое остальных братьев, удивляясь промедлению тех, в день [св.] Михаила недавно отпразднованный (?),[3] послали некоего переводчика, желая удостовериться о их жизни, но мордуканы напав убили его.

Мы же с товарищами, видя, что страна занята татарами, что области укреплены (?) и успеха делу не предвидится, возвра-

---

[1] *B*, вместо дальнейшего, имеет следующее окончание: „Да будет ведомо всем верным Христу, что это письмо король Венгрии направил патриарху аквилейскому, а патриарх переслал епископу Бреши и графу тирольскому, чтобы они разослали всем верным Христу с просьбой ревностно молить бога за церковь. Кроме того, мы хотим, чтобы все, к кому дойдет настоящее письмо, знали, что податель настоящего честен и правдив".

F опускает дальше все до слов: „пусть ваше святейшество".

[2] Очень неясно. Может быть: „вскоре по прошествии дня..."

[3] Неясно. Может быть: „вскоре по отпраздновании.. "

тились в Венгрию. И хотя шли мы среди многих войск и разбойников, но ради молитв и заслуг святой церкви благополучно и невредимыми добрались до братьев наших и обители.

Впрочем же, когда надвигается такой бич божий и приближается к сынам церкви, невесты христовой, пусть ваше святейшество в своей дальновидности соблаговолит заботливо предусмотреть, что̀ надлежит делать братьям и как поступать.

Кроме того, чтобы ни о чем тут не умолчать, сообщаю вам, отец, что один русский клирик, выписавший нам кое-что историческое из книги Судей, говорит, что татары — это мадианиты, которые, точно так же напавши на Кетим, на сынов Израиля, были побеждены Гедеоном, как читается в книге Судей. Бежав оттуда, оставшиеся мадианиты поселились близ некой реки, по имени Тартар (Thartar), почему и названы татарами.[1]

III

ПИСЬМО БРАТА ИОГАНКИ ВЕНГРА, ОРДЕНА МИНОРИТОВ, К ГЕНЕРАЛУ ОРДЕНА, БР. МИХАИЛУ ИЗ ЧЕЗЕНЫ

Во Христе чтимому отцу, брату Михаилу ордена миноритов, брат Иоганка венгр и прочие братья минориты, ради бога паломничающие в ревности о чести и душах в пространнейшей северной империи татар, [шлют] смиренное почтение с усердными молитвами в господе Иисусе Христе.

Да ведает ваше благочестие, отец наш, что те, кто желают трудиться во имя Христа, следуя за кочевьями татар, величайший получат урожай душ, так что, крестя и укрепляя в вере, проповедуя и наставляя, исповедуя и поддерживая, мы почти постоянно заняты, чаще всего и обычно вплоть до глубокой ночи, потому что в некоторых областях люд христианский настолько умножается, что, по нашему мнению, язычников остается лишь немногим больше половины. Ведь татары военной

---

1 *F* далее заканчивает так:

„Татары утверждают также, будто у них такое множество бойцов, что его можно разделить на 40 частей, причем не найдется мощи на земле, какая была бы в силах противостать одной их части. Далее говорят, что в войске у них с собою 240 тысяч рабов не их закона и 135 тысяч отборнейших [воинов] их закона в строю. Далее говорят, что женщины их воинственны, как и они сами: пускают стрелы, ездят на конях и верхом, как мужчины; они будто бы даже отважнее мужчин в боевой схватке, так как иной раз, когда мужчины обращаются вспять, женщины ни за что не бегут, а идут на крайнюю опасность. Конец письма о жизни, вере и происхождении татар".

мощью подчинили себе разные племена из народов христианских, но позволяют им попрежнему сохранять свой закон и веру, не заботясь или мало заботясь о том, кто какой веры держится — с тем, чтобы в мирской службе, в уплате податей и сборов и в военных походах они [подданные] делали для господ своих то, что обязаны по изданному закону. Они даже сохраняют такую свободу христианам, что многие, женясь и содержа большую семью, становятся иногда богаче своих господ, причем господа те не решаются коснуться имущества рабов и даже зовут их товарищами, а не рабами; но когда господа идут в бой, те вооружившись следуют за ними, честно служа против сарацинов, сражаясь с ними и соблюдая верность договору.

Сарацины[1] же, рыскающие поблизости, нападают на них и стремятся совратить новообращенных из татар и других, а иногда и отвращают от веры людей, которых некому научить христианскому закону.

Сарацины, у которых свой магометов закон, имеют некую секту, считаемую религиозной, братья которой зовут фалькариями [факирами]: они носят обнаженные мечи, чтобы тотчас истребить тех, кто говорит против веры. Они однако терпимо позволяют христианам проповедовать наш закон, Христа, Марию и святых, с тем чтобы не презирали Магомета. В своем законе они многое заимствуют из евангелия Луки и Марию считают девой, а Христа, ею зачатого, божьим духом. Но богом Христа не признают, однако чтят его семь раз на день, непосредственно после Магомета при звуке большой трубы на некоей башне или колокольне и называют его величайшим из пророков после Магомета; по седьмым дням [?] согласно закону оставляют работу, предаваясь молитвам и поклонению; христиане в городах Апулии и Испании, среди которых они живут, постоянно видят, что они это соблюдают.

Братья же наши, которые близ них живут в Татарии в монастырях или обителях, пожинают обильную жатву, проповедуя, совершая для обращенных и прочих церковные таинства, и на милостыню, им подаваемую, выкупают множество бедных пленников.

Но гораздо бо́льшая жатва ждет тех, кто пожелает следовать за их кочевьями: этому учит верный опыт и труд. Поэтому, так

[1] Местное мусульманское население.

как братья, живущие в городах, не могут покинуть своих мест без утраты множества душ, следовало бы вашей мудрости, отец наш, позаботиться как можно скорее для татарских областей и разных их войск, собранных из разных и многих стран, направить сюда подходящих братьев, вдохновленных на это, преимущественно из англичан, венгров и немцев, которые легче могут выучиться языку, зная, что если они пожалеют таким образом о душах неверных, искупленных кровью христовой, и придут к нам на помощь, то приобретут богу много тысяч душ. Если же кого отпугнет скудость и бедность питания, пусть омочат губы в уксусе и желчи, вкушенных Христом на кресте; если кого испугает труд, пусть вспомнят об усталости и трудах Христа, и так все станет легким для них, ибо иго его приятно и бремя легко.

Сообщу кое-что верное, что подействует на всех. Когда я, брат Иоганка, с двумя братьями-венграми и одним англичанином дошли до Баскардии,[1] большого народа, подчиненного татарам, двое братьев-венгров по делам веры отошли от нас, а я со сказанным англичанином, по имени Вильгельмом, оставался там 6 лет непрерывно. Были там татары, судьи баскардов, которые, будучи крещены, а исполнены несторианской ереси, когда мы стали проповедовать им нашу веру, с радостью приняли [ее]. Государя же всей Баскардии с большей частью его семьи мы нашли совершенно зараженным сарацинским заблуждением. Когда мы проповедовали им, они сказали: „Если бы вы сначала пришли, то мы во всяком случае приняли бы эту веру, но государям постыдно, принявши один закон, с легкостью отступать от него и переходить к другому". Когда же мы участили поучения о вере и доказали сарацинским ученым всеми доступными нам способами, и писанием, и знамениями, и доводами, и примерами, что весь их закон ложный и языческий, не основанный ни на каком разумном основании и на очевидных чудесах, как закон христианский (в котором, как я вскоре сообщу, явились в тех краях славные чудеса), и когда мы обнаружили, что их закон — закон дьявола, коварно смешавшего там добро со злом, чтобы устранить подозрения и таким образом ввести простодушных в еще больший обман, они, придя

[1] По объяснению L. Bendefy, в этом случае под именем Баскардии надо разуметь не пройденную Юлианом область, прилегающую к р. Этиль, где жили венгерские племена, а территорию более восточную, вплоть до Урала.

в ярость, пытались нас умертвить. Нас схватили и с жестокостью заключили в тюрьму, заковав в железо, и мы, мучаясь голодом в тюремной грязи среди ужасных червей и смертоносной вони, с радостью ждали смерти, но они, боясь татар, не смели на это решиться. Ибо татары любят христиан, а их ненавидят и преследуют.

Когда мы еще были в Баскардии, пришел некий посол из страны Сибирь (Sibur),[1] которая окружена Северным морем. Страна эта обильна съестным, но зима там жесточайшая до такой степени, что из-за чрезвычайного количества снега зимой почти никакие животные не могут ходить там, кроме собак той страны: четыре большие собаки тащат сани, в которых может сидеть один человек с необходимой едой и одеждой.

Тот народ стягивает с головы мертвого человека кожу с волосами и почитает ее своим богом, а кожу, содранную с лица, они держат в домах своих и чтят, как домашнего бога. Они однако говорят, что христианский бог сильнее всех других богов: когда их иной раз вынуждает какая-то необходимость, они призывают христианского бога и часто получают просимое. Так, когда однажды [шедшее] на них войско должно было перейти очень большой лед, они в страхе стали призывать христианского бога с громким ревом и криком и принесли ему жертвы; вскоре, по милости божьей, в то время как прочие части родной страны оставались замерзшими, та, через которую переходило войско, вскоре вся растаяла, и многие погибли, как войско фараона в Красном море, другие же с пустыми руками и без успеха вернулась во-свояси. Далее, когда однажды начался у них мор, их прорицатели сказали: „Все вы погибнете смертью, если не станете христианами". Услышав это, многие из них крестились у некоего русского клирика-схизматика. Ведь царство русское откололось от римской церкви, как царство греческое, преимущественно из-за утверждения об исхождении св. духа не от сына, чего они не желают признать. И крестят они иначе, чем мы, говоря: „Да будет крещен раб христов и проч.", как судья, произносящий приговор (?). Так как однако сказанный русский и не умел и не решался должным образом наставить их, они, и крещенные, как некрещенные, остались

[1] Это не Сибирь в нашем понимании, а область в районе Тюмени, с главным городом Sibur или Sybur.

в прежнем заблуждении. Из этого достаточно ясно, что тот народ быстро обратился бы, если бы было кому научить их вере христовой. Это и сами они признают. Это явствует и еще кое из чего, чем не следует пренебрегать. Ибо вышесказанный посол, прибывший из Сибири, принес послание от некоего татарского судьи у вышесказанного народа к нашему христианскому судье баскардов в таких именно словах: „Слышал я, что при тебе, брат мой, есть 4 христианских латинских священника. Я прошу, чтобы ты соблаговолил послать к нам двоих из них: они могли бы и должны были бы окрестить наш народ; и если они пожелают жить в городах, мы построим для них церкви и дома в любом месте Сибири, где они пожелают; если же пожелают следовать за нашими кочевьями, то мы будем служить им во всем необходимом; если же они не пожелают остаться с нами, мы на своих головах донесем их к вам, лишь бы они окрестили нас и научили своей вере. Если же они не пожелают прийти к нам, то пусть бог спросит с них (de manibus eorum) души всех тех, кого они могли бы спасти".

Наш христианский судья, выслушав послание, послал к нам с просьбой итти к тому народу. Нам же, несмотря на большое желание, весьма сильно препятствовала болезнь, схваченная в сказанной тюрьме, и мы никак не могли [сделать этого], а вынуждены были либо вернуться к братьям, либо остаться на месте.

После этого вышереченные господа баскардов, придя ко двору императора, настойчиво просили братьев, но, по малочисленности, мы ни одного не могли дать им, не губя тех, среди которых жили. Ибо мало нас для соблюдения [всех] мест и некоторые мы упустили, но Христос вдохновит вас, отец, и римскую церковь для исправления такого недостатка. И пусть знают братья, что это совершенная правда и пусть предпримут что-либо ради Христа, особенно те, кто выделяются превосходными знаниями, мало как будто помогающими им в их странах: тут они были бы тем более выдающимися и полезными, чем высшей отличаются ученостью. Поэтому, пусть рассудят, что̀ нужно сделать, чтобы их книжная мудрость, добытая столькими трудами и бдениями, не оставалась дома, прямо сказать, как бы погребенной, тогда как здесь, то есть у нас, она была бы, как горящий светильник.

Дано в татарском лагере близ Баскардии в год господень 1320.

I

DE FACTO VNGARIE MAGNE A FRATRE RICARDO [a] INVENTO TEMPORE DOMINI GREGORII [b] NONI.[c]

Inventum fuit in Gestis Vngarorum xpistianorum, quod esset alia Vngaria Maior, de qua septem duces cum populis suis egressi fuerant, ut habitandi quererent sibi locum, eo quod terra ipsorum multitudinem inhabitantium sustinere non posset; qui cum multa regna petransissent et destruxissent, tandem venerunt in terram, que nunc Vngaria dicitur, tunc vero dicebatur pascua Romanorum; quam inhabitandam [d] pre terris ceteris elegerunt subiectis sibi populis, qui tunc habitabant ibidem. Ubi tandem per sanctum Stephanum, primum ipsorum regem, ad fidem catholicam sunt reversi, prioribus Vngaris, a quibus isti descenderant, in infidelitate permanentibus, sicut et hodie sunt pagani.

Fratres igitur predicatores, hiis in gestis Vngarorum inventis, compassi Vngaris, a quibus se descendisse noverunt, quod adhuc in errore infidelitatis manerent, miserunt quatuor [e] de fratribus ad illos querendum, ubicumque [f] possent eos [f] iuvante domino invenire. Sciebant enim [g] per scripta antiquorum, quod ad orientem essent; ubi essent, penitus ignorabant.

Predicti vero fratres, qui missi fuerant, multis se exponentes laboribus, per mare, per terras eos usque post annum tertium quesiverunt; nec tamen propter multa viarum pericula poterant invenire; uno eorum [h] excepto sacerdote, nomine Otto, [i] qui tantum sub mercatoris nomine processit; qui in quodam regno paganorum quosdam de lingua illa invenit, per quos certus efficiebatur, ad quas partes manerent; set illorum provinciam non intravit; ymmo [k] in Vngariam est reversus pro fratribus pluribus assumendis, qui, cum ipso redeuntes, fidem illis catholicam predicarent. Sed [l] multis fractus [m] laboribus, post octavum reditus [n] sui diem, cum omnem viam illos querendi exposuisset, migravit ad Xpistum.

---

[a] *V* Riccardo. *Porro* ordinis fratrum predicatorum, *quae in KV desunt, removemus.* [b] *KV* Gregorii pape. [c] *D* IX[i], *non* noni, *ut L. Bendefy.* [d] *KV* ad inhabitandum. [e] *K* IIII[or]; *V* quattuor. [f—f] *KV* eos possent. [g] *K deest.* [h] *KV* ipsorum. [i] *K* Octo, *non* Otto, *ut L. Bendefy.* [k] *V* inmo. [l] *KV* Set. [m] *K* fractis. [n] *Sic et V, non* redditus, *ut L. Bendefy (unum* d *in cod. expunctum).*

Fratres vero predicatores, infidelium conversionem desiderantes, quatuor[a] fratres ad querendum[b] gentem predictam iterato miserunt; qui accepta fratrum suorum benedictione, habitu regulari in secularem mutato, barbis et capillis ad modum paganorum nutritis, per Bulgariam Assani et per Romaniam cum ducatu et expensis domini Bele, nunc regis Vngarie, usque Constantinopolim pervenerunt; ubi intrantes in mare, per XXXIII[c] dies venerunt in terram, que vocatur Sichia,[d] in civitate, que Matrica nuncupatur;[e] quorum dux et populi se xpistianos dicunt,[f] habentes litteras[g] et sacerdotes Grecos. Princeps centum dicitur habere uxores; omnes viri caput[h] omnino radunt et barbas nutriunt delicate, nobilibus exceptis, qui in signum nobilitatis super auriculam sinistram paucos relinquunt capillos cetera parte capitis tota rasa. Ubi propter societatis spem, quam expectabant,[i] quinquaginta diebus moram fecerunt. Deus autem dedit ipsis gratiam in conspectu domine, que super centum uxores regis maior erat, ita ut mirabili eos amplexaretur affectu et in omnibus eis necessariis providebat. Inde progressi consilio et adiutorio predicte[k] domine, per desertum, ubi [l]nec homines, nec domos[l] invenerunt, diebus XIII[m] transiverunt; ibique venerunt in terram, que Alania dicitur, ubi xpistiani et pagani mixtim[n] manent; quot sunt ville, tot sunt duces, quorum nullus ad alium habet subiectionis respectum. Ibi continue[o] est guerra ducis contra ducem, ville contra villam. Tempore arandi omnes unius ville homines armati simul ad campum vadunt, simul omnes metunt, et contiguo terre spatio hec exercent; et quidquid[p] extra villam[q] sive in lignis acquirendis, sive in aliis operis habent, vadunt omnes pariter et armati; nec possunt[r] ullo modo pauci per totam septimanam de villis suis quacumque de causa egredi absque periculo personarum, excepta sola die dominica[s] a mane usque ad vesperam; que in tanta devocione[t] apud eos[u] habetur, quod tunc quilibet, quantumcum-

---

[a] *V* quattuor. [b] *KV* querendam. [c] *KV* triginta et tres.
[d] *KV* Sychia. [e] *K* vocatur nuncupatur (*sic!*), *quod L. Bendefy omittit.*
[f] *D correctum e* ducunt. [g] *K* literas. [h] *K* capud. [i] *V correctum ex* expectabunt. [k] *KV* dicte. [l—l] *KV ordine inverso.* [m] *K* tresdecim; *V* tredecim. [n] *Sic KVD. L. Bendefy in K falso legit* mixtum.
[o] *KV* continua. [p] *KV* quicquid. [q] *KV* villas. [r] *K* post (*?*)
[s] *Sic et D, ubi L. Bendefy* domenica *falso legit.* [t] *KV* devotione.
[u] *KV* illos.

que mali fecerit vel quotcumque[a] habeat adversarios, securus[b] potest sive nudus, sive armatus, etiam inter illos, quorum parentes occidit vel quibus alia mala intulit, ambulare. Illi, qui xpistiano ibi censentur nomine, hoc observant, quod de vase illo nec bibunt, nec comedunt, in quo murem mori contingeat,[c] vel de quo canis comedit, nisi prius fuerit[d] a suo presbitero benedictum; et qui aliter facit, a xpistianitate efficitur alienus; et si quis eorum quocumque casu hominem occidit, pro eo nec penitentiam, nec benedictionem accipit: ymmo[e] apud[f] eos homicidium pro nichilo reputatur.

Crucem in tanta habent reverentia, quod pauperes, sive indigene, sive advene, qui multitudinem secum habere non possunt, si crucem qualemcumque super hastam[g] cum vexillo posuerint et elevatam portaverint, tam inter xpistianos, quam inter paganos omni tempore secure incedunt.

De loco illo fratres societatem habere non poterant procedendi propter timorem Tartarorum, qui dicebantur esse vicini; propter quod duobus ex ipsis revertentibus, reliquis duobus perseverantibus in eadem terra, in penuria maxima sex mensibus sunt morati, infra quos nec panem, nec potum preter aquam habebant; set unus fratrum, sacerdos, coclearia et quedam alia preparavit, pro quibus aliquando parum de milio receperunt,[h] de quo non nisi tenuiter[i] nimis poterant sustentari; unde decreverunt duos ex se vendere, quorum pretio alii ceptum iter perficerent; sed non invenerunt emptores, quia arare et[k] molere nesciverunt. Unde necessitate coacti duo ex eis de illis partibus versus Vngariam redierunt, alii vero remanserunt ibidem, nolentes[l] desistere ab itinere inchoato. Tandem ipsi, habita quorumdam paganorum societate[m] iter arripientes, per deserti solitudinem XXXVII[n] diebus continue iverunt; infra quos XXII[o] panibus subcinericiis usi sunt, adeo parvis, quod in quinque diebus potuissent, et non ad satietatem, totaliter comedisse. Unde frater, qui sanus quidem, sed[p] sine viribus fuit, cum maximo labore et dolore,

---

[a] *K* quocumque. [b] *Sic VD*; *K* secum, *non* securus, *ut L. Bendefy*. [c] *KV* contingit. [d] *Sic et D; L. Bendefy falso legit* fuit. *KV* nisi prius a suo presbitero fuerit; *K pro* prius *(ut L. Bendefy legit)* — pris. [e] *K* ymo; *V* inmo. [f] *V* aput. [g] *K* astam. [h] *Sequuntur* pro quo *delineata*. [i] *KV* tenuerit. [k] *KV* vel. [l] *K* volentes. [m] *Sic et D, ubi L. Bendefy* societatem *falso legit*. [n] *KV* triginta septem. [o] *KV* viginti duobus. [p] *KV* set.

libenter tamen de deserto eduxit. Infirmus autem frater, plus sano, quam sibi, compaciens, [a]illi frequenter dicebat, quod ipsum in deserto relinqueret, tamquam [b] mortuum et truncum inutilem, ne propter [c] occupationem ipsius negligeret [d] opus dei; qui nequaquam consensit, sed [e] usque ad mortem ipsius secum in itinere laboravit. Pagani, comites vie ipsorum, credentes [f] ipsos habere pecuniam, fere eos occiderant perquirendo. Transito autem deserto sine omni via et semita XXXVII° [g] die venerunt in terram Sarracenorum, que vocatur Vela, [h] in civitatem Bundam; [i] ubi nullo modo apud aliquem poterant hospitium obtinere, sed in campo manere oportuit, in pluvia et frigore. Diebus [k] vero frater, qui sanus fuit, sibi et infirmo fratri elemosinam [l] per civitatem querebat, et tam in potu, quam in aliis potuit invenire, precipue a principe civitatis, qui, eum xpistianum esse intelligens, libenter et elemosinas [m] porrigebat, quia tam principes, [n] quam populus illius regionis publice dicunt, quod cito fieri debebant xpistiani et ecclesie Romane subesse. Inde ad aliam civitatem processerunt, ubi predictus frater infirmus, Gerardus nomine sacerdos, in domo Sarraceni, qui eos propter deum recepit, in domino [o] obdormivit et est sepultus ibidem. Postmodum frater Iulianus, qui solus remanserat, nesciens, qualiter posset habere recessum, [p] factus est serviens unius Sarraceni sacerdotis et uxoris ipsius, qui fuit in Magnam Bulgariam profecturus, quo et pariter pervenerunt. Est vero Magna Bulgaria regnum magnum et potens, opulentas [q] habens civitates; set omnes sunt pagani. In regno illo publicus est sermo, quod cito [r]fieri debeant[r] xpistiani et Romane ecclesie subiugari; set diem asserunt se nescire, sic [s] enim a suis sapientibus audierunt. [t] In una magna eiusdem provincie civitate, de qua dicuntur egredi quinquaginta milia pugnatorum, frater unam Vngaricam mulierem invenit, que de terra, quam querebat, [u] ad partes illas tradita fuit viro. Illa docuit fratrem vias, per quas esset iturus, asserens, quod ad duas dietas ipsos pos-

---

[a] *KV* compatiens. [b] *K* tanquam. [c] *KV* per. [d] *KV* negligenter. [e] *KV* set. [f] *K* credendentes. [g] *KV* tricesimo septimo. [h] *Sic (recte) K; VD* Veda. [i] *Sic (recte) KD: V* Bundaz (?); *D* in civitate B. [k] *Sic KVD, fortasse pro* dictus. [l] *K* helemosinam; *V* helemosynam. [m] *K* helemosinas; *V* helemosynas. [n] *KV* princeps. [o] *Sic (recte) KV; D* domo. [p] *KV rectius* processum. [q] *K* apolentas; *V* apulentas. [r—r] *KV ordine inverso.* [s] *KV* sicut. [t] *KV* audiverunt. [u] *Sic corrigendum est ex KV; D* haberet.

set Vngaros, quos querebat, procul dubio invenire; quod et factum est. Invenit enim eos iuxta flumen magnum Ethyl; qui eo viso et, quod esset Vngarus, [a] intellecto in adventu ipsius non modicum sunt gavisi, circumducentes eum per domos et villas et de rege et regno Vngarorum xpistianorum, fratrum ipsorum, fideliter perquirentes; et quecumque volebat, tam de fide, quam de aliis eis proponere, diligentissime audiebant, quia omnino habent Vngaricum ydioma; et intelligebant eum, et ipse eos.

Pagani sunt, nullam dei habentes noticiam; [b] sed [c] nec ydola venerantur, sed, [c] sicut bestie, vivunt; terras non colunt, carnes equinas, lupinas et huiusmodi comedunt; lac equinum et sanguinem bibunt. In equis et armis habundant et strenuissimi sunt in bellis. Sciunt enim per revelationes [d] antiquorum, quod isti Vngari ab ipsis descenderant; sed, ubi essent, ignorabant.

Gens Tartarorum [e] vicina est eis, [f] sed [g] iidem [g] Tartari, [h] committentes cum eis, non poterant [i] in bello eos [i] devincere; ymmo, [k] in primo prelio devicti sunt per eos. Unde ipsos sibi amicos et socios elegerunt, ita quod simul iuncti XV [l] regna vastaverunt omnino.

In hac Vngarorum terra dictus frater invenit Tartaros [m] et nuntium ducis Tartatorum, [n] qui sciebat Vngaricum, Ruthenicum, Cumanicum, Theotonicum, Sarracenicum et Tartaricum; [o] qui dixit quod exercitus Tartarorum, [p] qui tunc ibidem ad quinque dietas vicinus erat, contra Alamanniam [q] vellet ire; sed [r] alium, [s] quem ad destructionem Persarum miserant, [t] expectabant. Dixit etiam idem, quod ultra terram Tartarorum [n] esset [u] gens multa nimis, omnibus hominibus altior et maior, cum capitibus adeo magnis, quod nullo modo videntur [v] corporibus suis [v] convenire, et quod eadem gens de terra sua exire proponit, pugnaturi cum omnibus, qui eis resistere voluerint, et vastaturi omnia regna, quecumque poterunt [x] subiugare.

---

[a] *KV* Vngarus xpistianus. [b] *KV* notitiam. [c] *KV* set. [d] *KV* relationes. [e] *V* Thartarorum. [f] *KV* illis. [g] *KV* hiidem. [h] *V* Thartari. [i–i] *KV* eos in bello. [k] *Sic et K, ubi L. Bendefy falso legit* ymo: *V* inmo. [l] *KV* quindecim. [m] *KV* Thartaros. [n] *V* Thartarorum. [o] *V* Thartaricum. [p] *KV* Thartarorum. [q] *KV* Alemaniam. [r] *KV* set. [s] *KV* alium exercitum. [t] *Sic (ex KV) corrigendum videtur D* (miserat). [u] *KV* esse. [v–v] *KV ordine inverso.* [x] *V* poterant, *correctum in* poterunt.

Frater hiis omnibus intellectis, licet ab Vngaris invitaretur, ut maneret, non [a] decrevit, duplici ratione: una, quia, si regna paganorum et terra Ruthenorum, [b] que sunt media inter Vngaros xpistianos [c] et illos, audirent, quod illi ad fidem catholicam invitarentur, dolerent et vias omnes forsitan de cetero observarent, timentes, quod, si illos istis contingeret xpistianitate [c] coniungi, omnia regna intermedia subiugarent; alia ratione, quoniam cogitabat, quod, si eum in brevi mori aut infirmari contingeret, frustratus esset labor suus, eo quod nec ipse profecisset in illis, nec fratres Vngarie, ubi esset gens [d] eadem, scire possint. [e] Cum igitur vellet reverti, docuerunt eum [f] iidem [g] Vngari viam aliam, [h] per quam posset citius pervenire.

Incepit autem frater redire tribus diebus ante festum nativitatis beati Iohannis baptiste et, paucis diebus in via quiescens, tam per aquas, quam per terras, secundo die post nativitatem domini Vngarie portas intravit; et tamen per Ruciam [i] et per Poloniam eques venit. In redeundo de predicta Vngaria transivit [k] in fluvio regnum [l] Morduanorum XV [m] diebus; qui sunt pagani et adeo homines crudeles, quod [n] pro nichilo reputatur homo ille, qui multos homines non occidit; et cum aliquis in via procedit, omnium hominum capita, quos occidit, coram ipso portantur, et quanto plura coram unoquoque portantur capita, tanto melior reputatur; de capitibus vero hominum cifos [o] faciunt et libentius inde bibunt. Uxorem ducere non permittitur, qui hominem non occidit. Isti, a prophetis suis accipientes, quod esse debeant xpistiani, miserunt ad ducem Magne Laudamerie, [p] que est terra Ruthenorum illis vicina, quod eis mitteret sacerdotem, qui ipsis baptismum conferret; qui respondit: Non meum hoc est facere, set pape Romani; prope enim est tempus, quod omnes fidem ecclesie Romane debemus suscipere et eius obedientie [q] subiugari.

---

[a] *KV* donec, *quod L. Bendefy recte scriptum putat.* [b] *KV* Ruthinorum. [c] *Sic et D (recte), ubi L. Bendefy* chrispianos *falso legit, nota „Sic!" addita Cf. quoque* xpistianitate — chrispianitate *inferius.* [d] *Sic et K, ubi L. Bendefy falso* genus *legit (in cod.* u *expunctum).* [e] *Sic D corrigendum est ex KV.* [f] *K* docuerurunt *(sic!), non* docuerunt eum, *ut L. Bendefy.* [g] *KV* hiidem. [h] *K* aliquam. [i] *Sic KV, rectius, quam D* — Ruthiam. [k] *K sequuntur* et tamen *delineata.* [l] *K* regum. [m] *KV* quindecim. [n] *KV* qui. [o] *D alia manu (posteriore) additum* s (scifos). [p] *D* Sandemerie, *ubi* S *alia (posteriore) manu.* [q] *D* obediencie.

II

EPISTOLA FR. IULIANI DE BELLO MONGOLORUM

Viro venerabili[a] in Xpisto, patri, [b]dei gratia[b] Perusino[c] episcopo, [b]apostolice sedis legato,[b] frater Iulianus fratrum ordinis predicatorum [b]in Vngaria,[b] servus vestre sanctitatis, [b]reverentiam, tam debitam, quam devotam.[b]

Cum, secundum iniunctam mihi obedientiam, ire deberem ad Magnam Vngariam[d] cum fratribus, mihi adiunctis, iniunctum nobis iter arripere cupientes, cum ad ultimos fines Ruscie[e] devenissemus, rei didicimus[f] veritatem, quod omnes [b]Thartari, qui etiam[b] Vngari[g] pagani [b]vocantur, et Bulgarii[b] et regna quam plurima a Thartaris[h] penitus sunt[i] devastata.

Quid[k] autem sint[l] Thartari cuiusve secte sint,[m] [b]prout melius potuimus,[b] directe vobis tenore presentium enarrabimus.[n]

Relatum est mihi[o] a quibusdam, quod Thartari[p] inhabitabant terram prius, quam nunc Cumani inhabitant, et dicuntur[p] in veritate filii Ysmahelis, [q]runde et Ysmahelite, volunt nunc Thartari nuncupari.[r] Terra autem, de qua prius sunt egressi [s]Gotta vocatur, [s]quam Ruben [t]Gottam vocaverat.[t]

Primum autem bellum Thartarorum [u]sic est[u] inchoatum. Dominus[v] erat in terra Gotta, Gurgatam[x] nomine, qui sororem habebat[y] virginem, parentibus[z] defunctis sue familie presidentem et more virili, ut dicitur, se gerentem. Expugnabat quendam ducem vicinum et eundem suis[aa] spoliabat. Elapsis autem quibusdam diebus,[bb] cum [cc]ducem iterum predictum[cc] Thartarorum natione, sicut consueverat, expugnare niteretur, ille, sibi precavens, com-

---

[a] *F* Venerabili viro. [b—b] *F absunt.* [c] *F* Perusimo, *non* Perillustrissimo, *ut L. Bendefy (LB) legit.* [d] *F* Hungariam; *sic* (Hung...) *et infra ubique.* [e] *Maculatum; fortasse* Ruisiie; *correctum secundum quod infra in cod.; LB* Brussie; *F* Prucye. [f] *Sic in codd. DuF, non* dedicimus, *ut bis LB.* [g] *F* Hungarii. [h] *F* Tartaris; *et infra ubique* Tart..., *non* Thart... [i] *F* sunt penitus. [k] *F* Qui, *non* Quid, *at LB.* [l] *F* sint illi. [m] *F abest.* [n] *F* enarrabo. [o] *F* autem michi. [p—p] *F* prius inhabitabant Romam. Dicitur. [q] *F* Hismaelis. [r—r] *F* Unde Hismaelite non Tartari volunt vocari: ñ *codicis legimus* non, *LB* — nunc. [s—s] *F* Gotha vocabatur. [t—t] Vocaverat *rectius lectum videtur, quam* vocavit, *ut LB; F* Gotham vocavit. [u—u] *F* est taliter. [v] *F* Dux. [x] *F* Gurguta. [y] *F* habuit. [z] *F* Cuius parentibus. *Non* eius, *ut falso LB.* [aa] *F* suis bonis frequentius; *non* et requisitis (*!?*), *ut falso LB.* [bb] *F* temporibus. [cc—cc] *F* iterum predictum ducem; *porro* Thartarorum natione *absunt.*

misso[a] bello cum puella supradicta prevaluit in pugna[b] et eam, quam prius [c]habuit adversariam,[c] captivavit conversoque in fugam suo exercitu ipsam, in captivitate positam, violavit et, in signum maioris vindicte, defloratam iam turpiter decollavit. Quo audito frater [d]puelle memorate, Gurgatam[d] supradictus dux, nuntio ad prefatum virum delegato tale fertur mandatum transmisisse: „Intellexi, quod sororem meam captam et defloratam decollasti. [e]Noveris, quod[e] opus mihi contrarium exegisti.[f] Si soror mea [g]tibi forsitan fuit[g] inquieta, dampnificans te in rebus mobilibus, poteras ad me accedere, equum de ea [h]iuditium petiturus;[h] vel, si, volens [i]te propriis manibus vindicare, debellatam[i] captivasti et deflorasti, ducere eam poteras[k] in uxorem. Si autem [l]eam occidendi propositum[l] habuisti, [m]nullatenus debueras[m] eam deflorare. Nunc vero, [n]in duobus dampnificans,[n] et virginali pudicicie[o] turpitudinem intulisti et capitali[p] eam morte[q] miserabiliter condempnasti. Propter quod, in vindictam necis puelle nominate, scias me tecum totis viribus congressurum".[r] Hoc[s] audiens, dux, necis perpetrator, et videns se non posse resistere, fugit cum suis ad soldanum de Ornach terra propria derelicta.

Hiis itaque gestis erat dux quidam in terra[t] Cumanorum, nomine Vithut,[t] cuius divitie tam preclare predicantur, quod etiam[u] pecora [v]in campis[v] in aureis canalibus adequantur.[x] Quem dux alius [v]Cumanorum[v] de flumine Buz,[y] nomine Gureg,[z] expugnavit[aa] propter divitias et devicit. Qui devictus cum duobus filiis et quibusdam paucis, qui de belli periculo [bb]evaserant, ad iamdictum[bb] soldanum de Ornach transfugerunt.[cc] Soldanus vero, memor[dd] iniurie, quam [ee]sibi quondam forte[ee] intulerat, quia

---

[a] *Sic DuF, non* comisso, *ut LB.* [b] *F* pugnando. [c—c] *F ordine inverso.* [d—d] *F* memorate puelle Gurguta. [e—e] *F* Noveris te. [f] *F* exegisse. [g—g] *F* Forsitan tibi fuit; *non* forsitan tam, *ut falso LB.* [h—h] *F ordine inverso.* [i—i] *F* debellatam quam propriis manibus. [k] *F Post* deflorasti. [l—l] *F* propositum occidendi eam. *Ad* propositum *in Du LB notam addit — „recte: propositam" (?).* [m—m] *F* nullo modo debuisti. [n—n] *F* eam dampnificans in duobus. [o] *F* pudicicie *post* intulisti. [p] *F* carnali. [q] *Non* mortem, *ut LB (in Du) falso legit.* [r] *Sic in Du, non* congressum, *ut LB.* [s] *F* Hec vero. [t—t] *F* Chananeorum nomine Wroccus. [u] *Sic DuF, non* et, *ut falso LB.* [v—v] *F abest.* [x] *Sic Du; LB* adaquantur, *quod certe rectius est; F* adaquabantur. [y] *Sic DuF, non* Buc (*Du*) *aut* Bux (*F*), *ut LB legit.* [z] *F* Gauez, *non* Gauex, *ut LB.* [aa] *F Post* divitias. [bb—bb] *F* effugerunt, ad dictum. [cc] *F* fugerunt. [dd] *F bis scriptum.* [ee—ee] *F* ei quondam.

vicinus[a] extiterat, receptum[b] in porta ipsum[c] suspendit et populum[d] suo dominio[d] subiugavit. Duo vero[e] filii eius [f]ad Euthet fugam protinus[f] arripuerunt et, quia refugium alias non habebant, ad prefatum Euthet, [g]qui patrem eorum et eosdem ante[h] spoliaverat, sunt reversi. Qui, ferali attritus[i] rabie, [k]cum equis cupiens maiorem interficere;[k] minor [l]autem, cupiens fugere, venit ad Gurgatam,[l] ducem Thartarorum, iam ante[m] nominatum, rogans eum[c] obnixius, ut de Euthet, [g]qui [n]patrem spoliavit et fratrem interfecit,[n] vindictam exerceret, dicens, quod [o]ista duo, videlicet, quod Gurgatam[o] honor remaneret et sibi pro nece fratris et [d]patris spolio[d] retributio fieret et vindicta. Quod ita[c] factum est. Hac[p] habita victoria rogavit iterum[q] [r]ducem Gurgatam iuvenis prefatus,[r] ut de soldano de Ornach vindictam acciperet[s] pro miserabili nece patris, dicens, quod etiam populus, relictus a patre, qui ibi quasi captivus tenebatur, esset in presidio sui exercitus in progressu. Ille iam de victoria duplici corde et animo debachatus, sedulo consessit, quod iuvenis postulavit et, egressus contra soldanum, victoriam habuit sibi glorificam et honestam. Igitur, quasi undique victoria[t] fretus laudabili, [u]Gurgatam, supradictus[u] dux Thartarorum, cum toto impetu belli [v]progressum fecit[v] contra Persas pro quibusdam guerris, quas [x]primitus habebant ad invicem; ubi victoriam habuit perhonestam[x] et regnum [y]Persie sibi[y] totaliter subiugavit. Ex hiis audatior effectus et fortiorem se reputans omnibus super terram, cepit[z] facere contra regna, totum mundum[aa] sibi subiugare[aa] proponens. [bb]Unde primum ad terram Cumanorum accedens, ipsos Cumanos superavit, terram sibi subiugans eorundem.[bb] Inde reversi[cc] ad Magnam Vngariam, a quibus nostri Vngari[dd] originem habuerunt, [ee]expugnaverunt eos

---

[a] *F* vicinus eius. [b] *F* recepit eum et. [c] *F abest.* [d—d] *F ordine inverso.* [e] *F* autem. [f—f] *F* protinus fugam. [g] *F* Gruez, *non* Gruex, *ut LB.* [h] *F* iam antea. [i] *F* concitatus. [k—k] *F* maiorem cum equis interficit. [l—l] *F* fugiens ad Gurgutam. [m] *F* antea. [n—n] *F* patrem suum spoliaverat et fratrem occiderat. *In Du LB falso legit* interficit. [o—o] *F* Gurgute; *pro* ista duo *corrigendum videtur* isti duci (*ut B*). [p] *F* Ac. [q] *Correctum ex* alterum (*Du*). [r—r] *F* Gurgutam. [s] *F* reciperet. *Porro omnia absunt usque ad* et, egressus contra soldanum. [t] *F Post* fretus. [u—u] *F* Gurguta predictus. [v—v] *F* cepit progressum facere. [x—x] *F* ibi primitus habuit. [y—y] *F* Persarum. [z] *F* progressum cepit. [aa—aa] *F* debellare. [bb—bb] *F* et ad terram Romanorum accedens, eam sibi subiugavit; *in Du* Cumanorum *supra lineam.* [cc] *F* reversus. [dd] *F* Hungarii. [ee—ee] *F* expugnavit eam XIIII annis.

XIIII annis et in XV° optinuerunt eos,[ee] sicut [a]nobis ipsi pagani Vngari retulerunt viva voce.[a] [b]Illis optentis reversi[b] versus occidentem, spacio unius anni vel parum amplius [c]V regna maxima paganorum obtinuerunt, Sasciam, Fulgariam, etiam LX[a] castra munitissima capiebant,[c] tam populosa, quod de uno eorum [d]poterant exire[d] L[a] milia militum armatorum. [e]Ceterum quoque et Wedin et Merowiam, Poydowiam, Mordanorum regnum expugnabat. Cuius duo principes fuerunt, et unus princeps cum toto populo et familia Thartarorum domino[f] se subiecerat,[g] alter vero munitissima loca ad tuendum se petiit cum paucis populis, si valeret.

Nunc autem, cum nos in finibus Ruscie maneremus, prope rei scimus veritatem, quod totus exercitus Thartarorum, veniens ad partes occidentis, in IIII^or partes est divisus. Una pars ad fluvium Ethyl, in finibus Ruscie, a plaga orientali ad Sudal applicuit. Altera vero pars versus meridiem iam fines Recennie, quod est alius ducatus Rucenorum, quem[h] nunquam expugnabant. Tercia autem pars contra fluvium Den, prope castrum Ovcheruch, qui est alius ducatus Ruthenorum, residebant; hoc[i] tamen expectantes, quod, sicut et ipsi Rutheni, Vngari et Bulgari, qui ante eos fugerant, viva voce nobis referebant, quod terra, fluviis et paludibus in proxima hyeme congelatis, totam Ruziam toti multitudini sic facile est eis depredari, totam terram Ruthenorum.

[k]Sic tamen intelligatis hec omnia, quod ille[k] Gurgatam dux, primus qui bellum[l] inchoavit, est defunctus. Nunc autem filius eius Chaym[m] regnat pro eodem et residet in civitate magna Ornach, [n]cuius regnum obtinuit pater eius prima fronte.[n] Residet autem tali modo. Palatium habet tam magnum, quod mille equites[o] intrant per unum hostium et, eidem[p] inclinantes, equites[q] exeunt, nichilominus insidentes.[r] Dux autem prefatus paravit sibi [s]lectum grandem[s] et

---

[a—a] *F* ipsi Hungarii pagani nobis retulerunt. [b—b] *F* Reversus inde. [c—c] *F* quinque regna paganorum maxima obtinuit. Que LX castra fortissima habebant. [d—d] *F ordine inverso.* [e] *F Omnia porro absunt usque ad relationem de morte Gurguta.* [f] *Sic Du, non* dominio *(l,B), quod quidem peius non esset.* [g] *Vel* subiecerunt (subiecert)? [h] *Sic Du, non* Rutenorum, quam, *ut LB.* [i] *Sic Du, non* Hic, *ut falso LB.* [k—k] *F* scientes, quod Gurguta, dux ille. [l] *F* hoc bellum. [m] *F* Chayn. [n—n] *F absunt.* [o] *F* milites. [p] *In Du LB notam addit — „recte: iidem" (?).* [q] *F abest.* [r] *F* residentes. [s—s] *F* tectum pergrande.

altum, [a]columpnis aureis innixum. Lectum, inquam,[a] aureum et preciosissime coopertum, in quo sedet quasi gloriosus et circumdatus gloriosissimis[b] indumentis. Hostia autem ipsius palatii per totum aurea sunt.[c] Per que equites sui transeunt inclinantes, et incolomes et inmunes. Alieni sui nuntii, si equites transeunt per hostia vel pedites, etiam[d] si pedibus limen hostii tangunt, ibidem gladio feriuntur, set cum summa reverentia oportet alienum quemlibet transire. [e]In tali ergo pompa residens, misit exercitus[e] suos per diversas terras, videlicet ultra [f]mare, sicut credimus, et, quanta ibi fecerit, etiam vos audivistis.[f] Alium [g]autem exercitum copiosum[g] misit iuxta mare super omnes Cumanos,[h] qui ad partes[i] Ungarie transfugerunt.[i] Tercius autem[k] exercitus obsidet [l]totam Rusciam, sicut dixi.[l] [m]Verum, ut de bello vobis significem, dicitur, quod[m] [n]longius iaciunt sagittis, quam cetere consueverint nationes,[n] et in[o] prima congressione belli,[m]sicut dicitur,[m]non sagittare,[p] set quasi [q]pluere sagitte videntur.[q] Gladiis et lanceis dicuntur minus apti ad bellum. [r]Taliter enim[r] suum cuneum ordinant, quod X hominibus unus Thartar[o] preest; [s]item C hominibus unus centurio preest.[s] Hoc[t] in tali astucia faciunt, ne exploratores supervenientes possint aliquatenus [u]latere inter eos, et, si [v]forte contingeret eorum aliquem[v] diminui propter bellum, [x]possit restitui[x] sine mora, et[y] populus, collectus ex [z]diversis, infidelitatem aliquam facere non [aa]possit, quem ex diversis linguis et nationibus collegerunt.[aa] Omnium regnorum, [bb]que obtinent, duces et magnates,[bb] de quibus [cc]est spes,[cc] quod aliquando[o] possint facere resistentiam, interficiunt sine mora.[dd] Milites autem et rusticos, fortes ad prelium, ante se mittunt armatos ad preliandum sine sponte. Alios autem rusticos, ad preliandum minus

---

[a—a] *F* aureis columpnis inmixtum; lectum aureum. *Du* innixum, *non* inixum, *ut LB.* [b] *F* preciosis. [c] *F Porro omnia absunt usque* misit... exercitus. [d] *LB in Du omittit.* [e—e] *F* Misit autem exercitus. [f—f] *F* mare imum. [g—g] *F* Alium copiosum exercitum. [h] *F* Comanos. [i—i] *F* Hungarie (h *supra scriptum*) fugerunt. [k] *F* vero. [l—l] *F* totam Hungariam et Ruziam. [m—m] *F absunt.* [n—n] *F* Longius quoque iaciunt sagittas, quam cetere nationes. [o] *F abest.* [p] *F* sagittare dicuntur. [q—q] *F* sagittas pulverizare videntur. *Porro* Gladiis... ad bellum *absunt.* [r—r] *F* et taliter autem. [s—s] *F* Centum vero unus centurio. [t] *F* quoque. [u] *F Post* latere. [v—v] *F* contigerit eundem numerum. [x—x] *F* restituitur. [y] *F* et ut. [z] *F* de. [aa—aa] *F* possint, quemlibet denarium numerum ex diversis nationibus et linguis collegerunt. *Du* linguis, *non* linquis, *ut LB.* [bb—bb] *F* reges, magnates, duces. [cc—cc] *F Ordine inverso.* [dd] *F Omnia porro absunt vocibus* sponse Xpisti *inclusis.*

aptos, relinquunt ad excolendam terram et omnium occisorum, quam ad prelium compulsorum[a] uxores et filias et cognatas dividunt ad singulos viros, cultui terre relictos, cuilibet XII vel plures assignantes; et imponunt eisdem, ut Thartari de cetero nuncupentur. Milites vero, qui ad preliandum compelluntur, si bene pugnant et vincunt, parva gratia;[b] si vero in prelio moriuntur, nulla cura; si vero in prelio retrocedunt, sine mora a Thartaris occiduntur. Ideoque preliantes appetunt occidi potius in prelio, quam gladiis Thartarorum feriri. Pugnant ergo fortius, ut non vivant in posterum, set ut citius moriantur. Castra munita non expugnant, set prius terram devastant et populum depredantur, et eiusdem[c] terre populum simul congregant et compellunt ad pugnam, ad expugnandum ipsum suum castrum. De multitudine omnium exercitus sui vobis[d] non rescribo aliquid, etiam[e] quod omnium regnorum [f]milites, que obtinuit,[f] ad pugnam aptos ante se compellit preliari.

Fertur a pluribus re certa, et dux de Sudal mandavit per me regi Vngarie viva voce, quod die noctuque consilium habent Thartari, qualiter veniant et obtineant regnum Vngarie xpistianum. Propositum enim habere dicuntur, quod veniant et expugnent Romam et ultra Romam. Unde legatos misit regi Vngarie, qui venientes per terram Svdal, captivati sunt a duce Svdal, et litteras, regi missas, dux ille recepit ab eis, et legatos ipsos cum sociis, mihi deputatis, etiam vidi. Predictas litteras, a duce Sudal mihi datas, ad regem Vngarie deportavi. Littere autem scripte sunt litteris paganis, set lingua Thartarica. Unde rex, eas qui possint legere, multos invenit, set intelligentes nullos invenit. Nos autem, cum transiremus per Carmaniam,[g] civitatem magnam paganam, quendam invenimus, qui eos nobis est interpretatus. Est autem hec interpretatio: „Ego Chaym, nuncius regis celestis, cui dedit potentiam super terram subicientes mihi se exaltari et deprimere adversantes. Miror de te, rex Vngarie, quod, cum miserim ad te iam tricesima vice legatos, quare ad me nullum remittis ex eisdem, set nec nuncios tuos vel litteras mihi remittis. Scio, quod rex dives es et potens, et multos sub te habes milites solusque gubernas magnum regnum. Ideoque difficile sponte te mihi subicis, melius

---

[a] *Sic Du, non* missorum, *ut falso LB.* [b] *Hic notam „Recte:* parva eis gratia" *LB frustra addit.* [c] *Sic Du, non* eisdem, *ut LB.* [d] *LB omittit* vobis. [e] *Sic Du falso, credimus, pro* nisi; *LB* nisi etiam. [f—f] *Sic Du; non* que obtinuit, milites, *ut LB.* [g] *Falso pro* Cumaniam (*cf. B*).

tamen esset et salubrius, si te subiceres sponte mihi. Intellexi insuper, quod Cumanos, servos meos, sub sua protectione detineas. Unde mando tibi, ne eos de cetero apud te non teneas et me adversarium tibi non habeas propter ipsos. Facilius est enim eis evadere, quam tibi, quia illi, sine domibus in tentoriis[a] ambulantes possunt forsitan evadere, tu autem, in domibus habitans, habens castra et civitates, qualiter effugies manus meas?"

Sed hoc[b] non pretermittam. Iterum dum ego remansi in curia Romana, precesserunt me ad Magnam Vngariam IIII^{or} fratres mei, qui, pertransientes per terram Sudal, in finibus regni eius occurrerunt quibusdam Vngaris paganis, fugientibus a facie Thartarorum, qui libenter fidem catholicam recepissent, et dum versus Vngariam xpistianam venissent. Audiens dux predictus de Sudal, indignatus, fratribus predictis revocatis inhibuit, ne legem Romanam predicarent Vngaris memoratis, et propter hoc expulit[c] fratres predictos de terra sua; tamen absque molestia. Qui, nolentes redire et viam factam facile dimittere, delinaverunt[d] ad civitatem Recessue, si viam haberent, ut in Magnam Vngariam, vel ad Morducanos, vel ad ipsos Thartaros pertransirent. Duobus autem fratribus ibi relictis ex ipsis, conductis interpretibus, in festo apostolorum Petri et Pauli proximo transacto, venerunt ad ducem Morducanorum alterum, qui eodem die egressus, quo isti venerant, cum toto populo et familia, sicut superius diximus, Thartaris se subiecit. De cetero, quid de duobus fratribus illis factum sit, utrum mortui sint vel a duce iamdicto ad Thartaros deducti, penitus ignoratur. Duo fratres relicti, ammirantes de mora eorumdem, de [e] .estum Michaelis proximo celebratum miserunt quendam interpretem, de eorum vita cupientes certificari; quem etiam Morducani invadentes occiderunt. Ego autem et socii mei, videntes terram a Thartaris occupatam et regiones munitas conspicientes, etiam nullum fructum fructificandi, reversi sumus ad Vngariam; et licet per multos exercitus et latrones transivimus, sancte tamen ecclesie orationibus et meritis suffragantibus, pervenimus ad fratres nostros et claustrum incolumes et immunes. Ceterum cum tale dei flagellum adveniat et adproximet ad filios ecclesie, sponse Xpisti, quid super[f] [g]his agendum,[g] quidque faciendum sit, vestre sanctitatis

---

[a] *Non* tenoriis, *ut LB.* [b] *Non* hec, *ut LB.* [c] *Non* expluit, *ut LB.* [d] *Sic cod. Corrigendum videtur* declinaverunt, *ut LB.* [e] *Sic cod. Corrigendum videtur* circa, *ut LB.* [f] $\overline{\text{Sr}}$ *cod., non* fratribus, *ut falso, credimus, LB legit.* [g—g] *F* hiis consulendum.

discretio dignetur sollicite providere. Preterea, ut [a] nichil ex his maneat [a] pretermissum, paternitati vestre significo quod, cum [b] quidam clericus Ruthenorum [c] nobis aliqua rescriberet de hystoria libri Iudicum, dicebat,[c] quod Thartari sunt Madyanite, qui cum Cethym [d] pariter contra filios Israel expugnantes,[e] devicti sunt a Gedeone, sicut [f] in libro [g] Iudicum continetur. Unde fugientes dicti Madianite habitaverunt iuxta [h] fluvium quendam [h] nomine Thartar, unde [i] et Thartari sunt vocati.[k]

EPISTOLA FRATRIS IOHANCAE HUNGARI O. F. M. AD MINISTRUM GENERALEM, FR. MICHAELEM CAESENATEM

LITERA MISSA GENERALI MINISTRO

In Xpisto reverendo patri, fratri Michaeli, ordinis minorum fratrum, frater Iohanca Hungarus ceterique fratres minores, pro deo peregrinantes honoris et animarum zelo in latissimo aquilonari Tartarorum imperio, reverenciam humilem cum oracionum instanciis in domino Ihesu Xpisto.

Noverit pia paternitas vestra, quod pro nomine Xpisti laborare volentibus castra Tartarorum sequendo, fructus est maximus [l] animarum, ita quod baptizando et confirmando, predicando et informando, confessando et confortando quasi continue vacamus crebrius et comuniter usque ad profundam noctem, quoniam in aliquibus partibus populus xpistianus in tantum multiplicatur, quod vix modo, iudicio nostro, parum ultra medietatem de infidelibus extant. Nam diversa[s] [m] naciones sibi potencia preli de populis xpistianis (sibi) [n] Tartari subiecerunt, quos permanere sinunt in sue legis et fidei observanciis, non curantes ve modicum, quis quam sectam tenuerit, sic ut in temporalibus

---

[a—a] *F* nil ex hiis remaneat. [b] *F abest.* [c—c] *F* dixit. [d] *F* Cetheis. [e] *F* pugnantes — *post* pariter. [f] *F sic.* [g] *Sic Du, non* librum *ut falso LB.* [h—h] *F Ordine inverso.* [i] *F* et inde. [k] *F Porro haec sequuntur:* Tantam quoque asserunt Tartari se bellatorum habere multitudinem, quod in XL partes dividi possit ita, quod nulla potestas inveniatur super terram, que uni parti eorum valeat resistere. Item dicitur, quod habent in exercitu suo secum servos CCLX milia, qui non sunt de lege sua, et CXXXV milia de lege sua probatissimorum in acie. Item dicitur, quod mulieres eorum, sicut et ipsi, bellicose sunt et iaciunt sagittas et insident equis et iumentis, sicut et viri, et animosiores sunt viris in conflictu belli. Quia viris aliquando terga vertentibusil le nullatenus fugam arripiunt, sed omni discrimini se exponunt. Explicit epistola de vita, secta et origine Tartarorum. [l] *Sic cod., non* maximum, *ut L. Bendefy (LB) legit* [m] *Cod.* diversa. [n] *In cod. bis* sibi, *quod LB omittit sine nota.*

serviciis, tributis et vectigalibus ac sequelis bellicis suis faciant dominis, ad que obligantur secundum edictam legis. Quinimo in tanta libertate eosdem conservant xpistianos, quod multi, ducentes uxores et familiam mangnam tenentes, efficiuntur quandoque suis dominis diciores, et non audent domini illi de rebus contingere eorum, [a] quin et eos appellant socios et non servos; set cum domini ad prelia vadunt, ipsos armati sequuntur fideliter serviendo contra Saracenos, cum eis pugnando, pacti fidem conservando.

Saraceni autem, iuxta discurrentes, eos infestant et conversos de Tartaris ac alios nituntur subvertere ac quandoque pervertunt a fide, non habentes, qui eos docent legem xpistianam. Saraceni autem, qui propriam legem Makometi habent, sectam quamdam habent, religiosam reputatam, cuius fratres falsarios[b] vocant, gladios in promtu ferentes, ut statim interminent contra legem loquentes. Sinunt tamen pacienter xpistianos legem nostram et Xpistum et Mariam ac sanctos commendare, sic quod Makometum non contempnant. In lege sua multa tenent de ewangelio Luce et Mariam virginem asserunt et Xpistum, in ea conceptum, flatum divino. Set Xpistum deum esse negant, venerantur tamen eum sepcies in die, inmediate post Makometum, ad tube mangne sonitum in quadam turri vel campanili eumque maiorem prophetarum dicunt post Makometum. Et 7os sic secundum legem mecanica dimittunt oracionique incumbunt et veneracioni, et hec eos servare in civitatibus Apulie, Hyspanie cotidie vident xpistiani, inter quos ibi degunt.

Fratres autem nostri, qui in Tartatia iuxta eos morantur in claustris vel locis mansivis, fructum faciunt multum predicando et ministrando conversis et aliis ecclesiastica sacramenta plurimosque captivos redimunt pauperes de elemosinis, sibi datis. Set est multo maior fructus castra sequi volentibus, sicut experiencia certio[r] [c] docet cum labore. Unde, licet fratres, in civitatibus commorantes, loca deserere non possunt absque perdicione quam plurimarum animarum, convenit vestre[d] paternitati et prudencie providere, quo cicius valueritis, pro provinciis Tartarorum et exercitibus variis de diversis rengnis et multis fratres ydoneos providere, ad hoc inspiratos, et ibidem destinare, de Anglicis, Hungaris et Teutonicis precipue, qui levius linguam scient; scientes, quod qui in

---

[a] *Sic cod., non* servorum, *ut LB.* [b] *Pro* falsarios, *LB* (*iure, credimus*) falcharios, falcherios *legendum putat* (*quod Turcis fakir*). [c] *Cod.* certio. [d] *Non* vestri, *ut LB.*

hoc compacientur infidelium animabus, Xpisti sanguine redemptis, [et][a] in adiutorium nostrum venerint, deo lucrifaciant[b] multa milia earum. Si quos vero retraheret victus parcitas et penuria, suam buccelam tingat in aceto et felle, que Xpistus in cruce gustavit, et sic levia fient cuncta eis, cuius iugum suave est et honus leve.

Certa quedam referam, que cunctos[c] movere habent. Cum enim ego, frater Iohanca, cum duobus fratribus Hungaris et uno Anglico ascendissemus usque in Baschardiam, nacionem mangnam Tartaris subiectam, duobus fratribus Hungaris pro fidei negociis a nobis recedentibus ego cum dicto Anglico, nomine Willemo, pes 6 annos continue commorati sumus. Et ibi erant Tartari, iudices Baschardorum, qui licet baptizati non essent, heresi tamen Nestorianorum imbuti, cum eis fidem nostram predicaremus, cum gaudio susceperunt. Set principem tocius Ba[s]cardie[a] cum maiori parte familie invenimus errore Saracenorum totaliter infectum.[d] Quibus cum predicaremus, dixerunt: „Si vos utique primum venissetis, suscipissemus[c] utique fidem istam, set turpe est principibus, cum unam legem susceperint, ab illa leviter discedere ad aliam transseundo. Frequentantibus autem nobis fidei doctrinam et, cum totam peritiam Saracenorum probavimus omnibus modis nobis possibilibus, scripturis, singnis, racionibus et exemplis, eorum legem frivolam et prophanam, que nulla racione nec evidencia miraculi fulta, sicut est lex xpistianorum, cuius in partibus illis, ut cito referam, patuerunt miracula clara, ac ostendimus iam legem esse diabolicam et ab eo cautelose bonis et malis esse admixtam, ut suspicio tolleretur et sic magis simplices deciperet, ipsi, in furorem versi, interficere nos querebant. Nobis autem captis et atrociter incarceratis, ferris onustis et fame cruciatis ac carceris s[q]ualore,[a] vermium horrore et mortali fetore, mortem cum gaudio prestolantibus, ipsi, Tartarorum timore attoniti, presumere non audebant. Xpistianos enim Tartari diligunt et illos odiunt atque persequuntur.

Cum autem adhuc essemus in Bascardia, venit quidam nuncius de terra Sibur, que cingitur mari 7-trionali et est terra fertilis in

---

[a] *Omissum in cod.* [b] faciant *supra lineam.* [c] *Supra lineam.*
[d] *In fol. 101 r. codicis Musaei Britannici „Nero A.IX." sg. invenitur textus, qui a quodam fratre anonymo O. F. M. est scriptus:* „Sed iam de proximo baptizatus est per fratrem Henricum Alemanum filius cuiusdam magni millenarii, vocatus Tharmagar. Item Estokis, dominus totius Baschardie, cum uxore et filiis et familia multa". *Nota a L. Bendefy addita.* [e] *Sic, cod.*

victualibus, set hyemem habet gravissimam in tantum, quod pre nimia nivium magnitudine vix tunc aliqua animalia ambulare possunt preter canes istius terre. Quatuor enim canes magni trahunt unum vehiculum, in quo potest unus homo sedere cum necessario victu et vestitu. Ista autem gens de capite hominis mortui cutem cum crinibus abstrait,[a] quam pro deo suo adorant; pellem vero faciei excoriatam in domibus suis tenent et pro domestico deo venerantur. Dicunt tamen deum xpistianorum omnibus diis aliis esse forciorem. Cum enim quandoque aliqua necessitate perurgentur, deum xpistianorum invocant et sepe optinent, quod petunt. Nam cum semel super eos exercitus debuit transsire super glaciem valde magnam, ipsi, timore perterriti, deum xpistianorum invocare ceperunt cum magno rugiti[a] et clamore ac ei sacrificia optulerunt, moxque dei gracia ceteris patrie partibus remanentibus induratis ista, per quam exercitus transsiret, mox tota resolvitur, et multis periclitantibus, ut in mari Rubro exercitus pharaonis, alli vacui [et][b] frustrati ad propria redierunt. Item cum semel eis pestilencia accidisset, eorum phitones dixerunt: „Omnes morte peribitis, nisi efficimini xpistiani". Quod audientes, multi eorum baptizati sunt a quodam clerico Ruthenо scismatico. Est enim regnum Ruthenorum scismaticum ab ecclesia Romana, sicut regnum Grecorum, propter precipue dictum de spiritus sancti emanacione non a filio, quod revocare volunt. Et eciam aliter, quam nos, baptizant, dicentes: „Baptizetur servus Xpisti" etc, sicut recitat magister sentenciarum. Quia tamen dictus Ruthenus neque scivit neque audebat eos debite instruere, tam baptizati, quam non[c] baptizati, in pristino errore permanserunt.

Ex hiis satis liquet, quod illa gens cito converteretur, si haberent, qui eos docerent fidem Xpisti. Quod et ipsi fatentur.

Hoc eciam patet ex quodam, quod negligi[d] non debet. Nam predictus nuncius, qui venerat de Sybur, legacionem attulit a quodam Tartarico iudice populi supradicti ad nostrum xpistianum iudicem Bascardorum in hec verba certa: „Audivi, quod tu, germane mi, habes tecum 4^or^ sacerdotes latinos xpistianos. Rogo, ut duos ex ipsis ad nos mittere velis, qui possint et debeant nostrum populum baptizare. Et, si voluerint in civitatibus morari, nos eis ecclesias et domos edificabimus, in quocunque loco voluerint de Sybur. Si vero voluerint castra nostra sequi, omnia necessaria eis ministra-

[a] *Sic cod.* [b] *Omissum in cod.* [c] *Sic corrigendum est e* nos, *ut cod.* [d] *Sic cod., non* neglici, *ut LB.*

bimus. Si vero nobiscum stare noluerint, eos usque ad vos super capita nostra conducemus, tantum nos baptizent et doceant fidem suam. Si autem ad nos venire noluerint, deus eorum animas omnium, quos[a] salvare possent, de manibus eorum requirat".

Noster autem xpistianus iudex audita legacione misit ad nos, rogans, quod ad gentem istam transsiremus. Nos vero, habentes maximam voluntatem, set infirmitate, ex dicto carcere sumpta vehementissima, perpediti, nullo modo potuimus, coacti ad fratres redire vel remanere.

Post hec vero prefati domini Bascardorum, venientes ad curiam imperatoris, fratres cum instancia petiverunt, set propter paucitatem, nullum eis dare potuimus sine eorum perdicione, inter quos eramus. Pauci enim sumus pro locis servandis[b] et aliqua dimisimus, set Xpistus vobis, pater, inspiret et ecclesie Romane de remedio tanti defectus. Et advertant hec fratres verissima et, quid pro Xpisto attemptent, illi precipue, qui quanto sunt excellencioris sciencie, qua in suis provinciis quasi parum curantur, maioris ibi essent utilitatis et eminencie, qui magis eximie, scilicet, sunt intelligencie. Ideo videant, quid facto opus sit, ne eorum literalis sapiencia, tot laboribus vigiliisque conquisita, domi rectissime quasi sit sepulta, cum ibi, scilicet apud nos, foret velud ardens lucerna.

Data in castris Tartarorum iuxta Bascardiam, anno domini 1320.

---

[a] *Sic cod., non* quas, *ut LB.* [b] *Sequitur una vox minus clara, fortasse* hic (*a LB omissa*).

П. А. САДИКОВ

ИЗ ИСТОРИИ ОПРИЧНИНЫ XVI в.

Опричнина была глубоким социальным переворотом. Тем не менее в общей массе дошедших до нас сведений ощущается недостаток документального материала, который позволил бы более тщательно осветить отдельные стороны опричнины. Опубликование за последние годы отчасти уже известных, но теперь только переведенных на русский язык и потому ставших доступными для широкого использования, отчасти совершенно новых, мемуаров иноземцев, непосредственных опричных деятелей, уясняет многое, до сей поры остававшееся неясным или непонятным в истории опричнины. Однако эти свидетельства не исчерпывают всего круга источников, необходимого для решения проблемы во всей ее полноте. Поэтому введение в научный оборот хотя бы небольшого количества мало известных документов представляется своевременным и целесообразным.

Вполне понять опричнину можно лишь при пересмотре, в сущности, всех так называемых реформ, предпринятых московским правительством на протяжении 30—50-х гг. XVI в. Корни опричнины, ее предпосылки, уходят далеко в глубь московской старины.

Резкий антагонизм между двумя группами московских землевладельцев — крупным вотчинником, князем и боярином, и поместным сыном боярским, — обнаружился задолго до „опричнины". Классовая борьба кипела в Московском государстве. Она нашла яркое отражение в московской публицистике в виде писаний „Ивашки Пересветова" и в других подобных социально-политических трактатах, не скрыта была она и от глаз современников как русских, так и иностранных. Этот процесс

не был исключительным для Московского царства: во всей Западной Европе XV—XVI вв. происходили подобные же явления.[1]

Вводная статья к вполне определенным историческим актам не может, конечно, ставить перед собой задачу осветить вопрос во всей его полноте. Для этого потребовалось бы и привлечение значительно большего количества источников и, прежде всего, — широкое раздвижение хронологических рамок. Наоборот, следуя за материалом, приходится эти рамки ограничить тем моментом, когда в московском быту впервые прозвучало слово „опричнина" не в его старинном значении наименования выделенной вдове умершего великого князя ее „вдовьей части", а в качестве нового названия образуемого великим князем какого-то „особного двора" для самого себя, особого учреждения, преследующего строго определенную цель — т. е. началом 1565 г. и обстоятельствами, непосредственно этому времени предшествующими. Это — с одной стороны. Другим хронологическим рубежом естественно является смерть Грозного, когда „опричнина" и „двор" были „отставлены" официально, хотя „опричный порядок" не только не кончился, но продолжал углубляться.

Публикуемые документы относятся главным образом до „перебора" в опричнине земель и „людишек". Естественно поэтому в вводной статье остановиться прежде всего на этой стороне вопроса, а также сообщить несколько фактов из „внешней", можно сказать, истории учреждения опричнины, когда подобный перебор был обставлен Грозным особенно мелодраматически.

1

До нас дошли вполне ясные указания современников на конкретных „советников" Ивана Грозного, подсказавших ему мысль о необходимости и своевременности установления опричного порядка. Современники опричнины устанавливали преемственную связь между реформами Ивана Грозного и политикой его предшественников. Так, наблюдавший московский современный ему быт, сам один из участников опричнины, немец-опричник Генрих фон-Штаден, рассказав о продажности

[1] См. статью Фр. Энгельса, „О разложении феодализма и развитии буржуазии" (К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. XVI, ч. I, стр. 440—450).

московской администрации, о всех беззакониях, творимых боярами, дьяками и духовными лицами, передает буквально следующее: „Так управляли они при всех прежних уже умерших великих князьях. Некоторые из последних заводили было опричные порядки, но из этого ничего не выходило. Также повелось и при нынешнем великом князе, пока не взял он себе в жены княжну, дочь князя... из Черкасской земли. Она-то и подала великому князю совет, чтобы отобрал он для себя из своего народа 500 стрелков и щедро пожаловал их одеждой и деньгами и чтобы повседневно и днем, и ночью они ездили за ним и охраняли его. С этого и начал великий князь Иван Васильевич всея Руси и отобрал из своего народа, а также и из иноземцев, особый избранный отряд. Итак устроил опричных и земских".[1]

Это известие неожиданно подкрепляет и предание старинных книжников, что вторая жена Грозного, Мария Темгрюковна, оказывавшая на него „злое" влияние („на злые дела подущая"),[2] была главной причиной его свирепости и казней, и сохранившиеся до наших дней народные эпические песни, в которых и Мария Темгрюковна, и, особенно, ее братья Михаил и Мамстрюк Темгрюковичи выступают обычно как герои с резко отрицательными чертами.[3] Подобное убеждение, что Темгрюковичи явились одними из инициаторов казней и преследований, выразившихся в устроении опричнины, было, повидимому,

---

[1] Генрих Штаден. О Москве Ивана Грозного, перев. И. И. Полосина, М., 1925, стр. 85—86. Немецкий текст: „So haben diese alle regiret bei allen vorgewesenen vorstorbenen grossfürsten. Ezliche haben den aprisniche handel wohl angefangen, habens aber nicht ausführen können. Und bei dem itzigen grossfürschten auch also gehandelt, bissolange er eine fürstin, knese Michael Imerukowix tochter aus Circassenland, nahm. Dieselbige gab dem grossfürsten einen rat; er solte ihme 500 hakenschützen aus seinem volke erwehlen und dieselbigen mit kleidern und gelde wohl begnadigen, welche tegelich bei ihme ritten und tagk und nacht bei ihme wacheten. Hirmit fing der grosfürschte knese Iwann Wassilowitz aller Reussen (an) und erwehlet ihnen aus denselbigen und auch aus frembden nationibus ein sonderlich auserwehlet volk, machet also Aprisna und Semsky" („Heinrich von Staden. Aufzeichnungen über den Moskauer Staat. Herausgegeben von Fritz Epstein", Hamburg, 1930, SS. 19 — 20. Hamburgische Universität Abhandlungen aus dem Gebiet der Auslandskunde, Bd. 34. Reihe A. Rechts- und Staatswissenschaften, Bd. 5).

[2] Карамзин, т. IX, прим. 82.

[3] Народные предания о Темгрюковичах см. у С. К. Шамбинаго, Песни времени царя Ивана Грозного, Серг. посад, 1914. Также: В. Ф. Миллер, О неко-

прочным и ходовым в Московском государстве: его несколько лет спустя записал другой иноземец, англичанин Джером Горсей, правда, в довольно путанной и недостоверной передаче.[1] Наконец, ту же связь опричнины с Темгрюковичами отмечает и одна русская летопись, неофициального происхождения (так наз. „Морозовский летописец").[2] „В лето 7073, читаем мы там, государь царь и великий князь Иоанн Васильевич учинил опришнину, из града и из двора своего перевезся жити за Неглинну на Воздвиженскую улицу на князь Михайловской двор Темрюковича и велел на том дворе хоромы ставити царские и ограду учинити и все строение новое ставити, город и двор свой..." Следуя этому известию, надо было бы даже считать, что Иван учредив опричнину, немедленно перебрался из кремлевского дворца на временное жительство в дом своего шурина, где, очевидно, чувствовал себя в безопасности, и оттуда уже стал распоряжаться строительством нового своего „особного дворца".

Зато другое летописное свидетельство, также „частного" характера, указывает в качестве непосредственных виновников опричнины уже иных лиц, перенося центр внимания на те группировки боярства, которые были враждебно настроены к основной массе московской знати: „В лето 7072 попущением божиим за грехи наши возъярися царь Иван Васильевич на все православие: по злых людей совету Василья Юрьева да Алексея Басманова и иных таких же учиниша опришнину, разделение земли и градам; а сам царь живяше на Петровке и хождаше

торых песенных отголосках событий царствования Ивана Грозного (Журн. мин. народн. просв., 1913, № VIII), и Б. М. Соколов, Шурин Грозного, удалой борец Мамстрюк Темгрюкович (там же, стр. 20).

Самые песни опубликованы В. Ф. Миллером, Исторические песни русского народа XVI—XVII вв., стр. 35—244 (Сборник. отд. русск. яз. и словесн. Акад. Наук, 1915).

[1] „Иоанн усилился не только завоеванием царств Казанского и Астраханского, не только пленением могучих государей и военачальников, но его второй брак доставил ему непреодолимую силу татар, отважных воинов, лучших, чем были русские. Он пользовался ими для укрощения и обуздывания тех князей и бояр, которые, по его замечанию, были им недовольны и готовы были возмутиться против него за жестокую резню, мучительства, беспрестанные убийства, грабительства и смертные казни лиц благородного состояния". (Записки о Московии XVI века сэра Джерома Горсея, пер. Н. А. Белозерской, СПб., 1909, стр. 22).

[2] Рукописи Гос. Публичн. библиотеки в Ленинграде, F. IV. 228, л. 69.

и ездяше в черном платье и все с ним; и бысть туга и ненависть на царя в миру и кровопролитие и казни учинилися многие".[1] Первый из упомянутых, Вас. Мих. Юрьев, происходил из того же рода Захарьиных, что и известный Никита Романович, и доводился двоюродным братом первой жене Грозного, царице Анастасии. Браком на сестре „первенствующего" боярина кн. Ив. Дм. Бельского он связал себя вновь родством с великокняжеским домом, так как его жена была правнучкой Василия Темного; наконец, выдав свою дочь за кн. Мих. Тюмгрюковича, Юрьев вошел в ближайшее родство и с новой царской семьей. Все эти родственные узы, конечно, тесно сближали Юрьева с семейным кругом царя, т. е. как раз с теми, которых, как мы видели уже, считали инициаторами учреждения опричнины. С другой стороны, и происхождение из дома Захарьиных, которым так открыто выражали свою ненависть княжата и бояре в 1550-х гг., накладывало на Юрьева обязательство поддерживать всех, кто выступал против этого княжья. В своей служебной деятельности Юрьев, повидимому, не был человеком военным и провел свой век преимущественно отправляя разные придворные и дипломатические поручения: в то время как другие члены того же рода Захарьиных (Данило и Никита Романовичи, Яковлевы) постоянно ходят воеводами в походы, имени боярина Василия Михайловича Юрьева нет в разрядных книгах. С 1548 г. он был боярином и дворецким Тверского дворца; в 1562 г. выступал в качестве царского уполномоченного, который отбирал „поручную" в неотъезде у своего же шурина кн. И. Д. Бельского: очевидно, родство не помешало Юрьеву, в этом случае, стать целиком в „ориентации" царя, а не заподозренного последним в „измене" княжья. В 1566 г. Юрьев участвовал на Земском соборе, а в начале 1567 г. вел переговоры с польско-литовскими послами в Москве. Это было последним служебным делом боярина—3 апреля 1567 г. он умер.[2]

---

[1] Сокращенный временник до 1691 г., л. 250 об. (Рукописи Гос. Публичн. библиотеки в Ленинграде, Q. IV. № 149).

[2] Н. И. Салтыков, Сборник материалов по истории предков царя Мих. Фед. Романова, ч. I, СПб., 1901, стр. 263—267; Собр. госуд. гр. и дог., т. I, № 176; Полн. собр. русск. летоп., т. XIII, ч. 2, стр. 405; М. Г. Рогинский, Послание Иоганна Таубе и Элерта Крузе, стр. 41 (Русск. истор. журнал, кн. 8, Л., 1922).

Таким образом Юрьев был членом все той же семейной царской „думы", очень близким лицом к Темгрюковичам, являясь одновременно и представителем одной из группировок московского феодального класса.

Алексей Данилович Басманов-Плещеев в дальнейшем, как хорошо известно, был одним из первых лиц в опричнине, вместе со своим сыном Федором — интимным фаворитом Грозного. Оба они, в противоположность В. М. Юрьеву, постоянно бывали в походах, особенно А. Д. Басманов, хорошо, безусловно, знали и ратное дело — все достоинства и недостатки тогдашнего московского войска — и, постоянно соприкасаясь со служилой массой дворян и детей боярских, знали и видели, что̀ ждет и чего жаждет средний и мелкий феодальный московский люд. Происходя из старинного московского „честного" рода Плещеевых, Басмановы, однако, также должны были уступать первые места тому огромному количеству служилого княжья, которое занимало главенствующее место в московском правительстве конца XV — первой половины XVI в., и потому, естественно, не могли не оказаться к нему в положении глухой, до времени, оппозиции.

Для того чтобы яснее себе представить, как сложилась у этих „советников" Ивана и у него самого мысль о необходимости устроения „опричнины", следует вспомнить политическую обстановку, которая создалась в московской жизни к исходу 1564 г.

Разрыв царя с „избранной радой", распад состава ее участников, казни и опалы начала 60-х гг. произвели сильное впечатление на московское боярство. Царский двор принимал все более и более распущенный вид, и Грозный всего менее напоминал образ „благочестивого" самодержца, каким желали бы видеть его ревнители московского благочестия и традиционной старины. Повидимому, стали носиться какие-то смутные вести и о задуманных новых реформах. Уже упомянутый Штаден даже побег Курбского связал со слухами об учреждении опричнины.[1] Убийство по приказанию царя Ивана князя Дмитрия

[1] „Как только понял этот, — пишет Штаден про Курбского, — штуку с опричниной, пристроил он свою жену и детей, а сам отъехал к королю польскому Сигизмунду-Августу" („О Москве Ивана Грозного", в пер. И. И. Полосина, стр. 87). Это показание, конечно, неверно (Курбский бежал 30 апреля 1564 г., т. е. за 7 месяцев до „отъезда" Ивана из Москвы), но очень характерно как показатель циркулировавших в Москве слухов.

Овчинина-Оболенского из-за ссоры его с царским любимцем Федором Басмановым, который нажаловался на Овчинина Грозному, сыграло решающую роль во внешней истории опричнины. Поднялся открытый протест со стороны митрополита Афанасия и некоторых „знатных лиц". „Слуга и переводчик" царского доктора, Альберт Шлихтинг, попавший в плен к москвичам в ноябре 1564 г. и записавший разные рассказы, циркулировавшие в Москве о недавних событиях, которые предшествовали его там появлению, так передает это событие: „Пораженные жестокостью этого поступка некоторые знатные лица и вместе верховный священнослужитель сочли нужным для себя вразумить тирана воздержаться от столь жестокого пролития крови своих подданных невинно без всякой причины и проступка. Они говорили, что христианскому государю не подобает свирепствовать против людей так, как против скотов; пусть он побоится справедливой кары бога, который наказует за невинную кровь даже в третьем поколении. Несколько пристыженный этим внушением и особенно тревожимый стыдом перед священнослужителем, он, не находя никаких причин к оправданию, подал надежду на исправление жизни и в продолжение почти шести месяцев оставался в спокойствии. Между тем среди нового образа жизни он помышлял, как устроить опричнину, т. е. проворных или воинов, стражей своего тела, или скорее покровителей своей тирании, как бы убийц, чтобы под защитой их охраны явиться на всеобщее избиение".[1] Дело было, конечно, не совсем так, как описывает его морализирующий шляхтич, стремившийся выставить в наилучшем свете „невинное" боярство и подчеркнуть лютость „московита". Приостановка казней и опал крылась не в том, что Иван был „пристыжен" протестом — Грозный всегда был слишком прямолинеен в своих поступках, — но его, очевидно, поразил самый факт протеста, в котором легко можно было заподозрить „измену" и „бунт". А внешнеполитические обстоятельства складывались так, что невольно эту мысль подтверждали.

В длительной борьбе с Польско-Литовским государством за Ливонию после блестящих успехов в 1563 г., когда был взят Полоцк, наступила для Москвы полоса неудач. Грозный

[1] „Новое известие о России времени Ивана Грозного. Сказание Альберта Шлихтинга", под ред. А. И. Малеина, Л., 1934, стр. 17—18. Расчет времени (за 6 месяцев до начала опричнины) дает дату протеста: май-июнь 1564 г.

выработал широкий план наступления на Литву. Кн. П. И. Шуйский должен был итти из Полоцка, другие воеводы из Вязьмы, и, соединившись вместе, воевать Минск и Новогрудок. Но Шуйский шел „оплошася небрежно"; у Витебска на его отряд напал гетман Радзивилл и разбил его наголову при Уле; сам Шуйский был убит в сражении. Другой московский отряд потерпел поражение при Орше. Бывший в Москве в то время датский посланник, „высокоученый доктор" Захарий Фелинг, 20 февраля 1564 г. доносил своему королю Фредерику II, что поляки разгромили русских (пало, будто бы, до 60 000), гнали их до Смоленска и зажгли город, а другое польское войско дошло до Пскова и опустошает Псковскую область.[1] В письме от 5 марта Иерониму Теннеру („jureconsulto, regio in Dania consiliario") Фелинг писал, что положение русских очень тяжелое („Ruthenicae res ad summas hoc tempore sunt redactae angustias").[2] А весною, 30 апреля, побежал из Дерпта кн. Андрей Мих. Курбский после неудачной стычки под Невлем и „малого гневного слова" по этому поводу со стороны Грозного.[3] Перед бегством он получил, повидимому, какие-то „листы" от польского короля, а затем прислал свое первое „укорительное" послание царю, на что тот отвечал 5 июля 1564 г. „широковещательным и многошумящим" писанием.[4]

Между тем, пока шла эта ожесточенная полемика, стоившая Ивану, очевидно, большой затраты нервной энергии, особенно в виду неожиданно обнаружившейся открытой ему оппозиции-„протеста", о котором мы упоминули выше, дела на военном фронте как будто несколько поправились: наступило затишье, и к осени дворянское ополчение, основные кадры московского

---

[1] „... der pohle hat jm sechtzig tausent man abgeschlagen vnd biss an Smolenscho verfolget, die stadt abgebrant, darneben auf ein ander ort bis an Pleskou gestreuffet, das jm also der mut etwas gesuncken". (Ю. Н. Щербачев, Копенгагенские акты, относящиеся к русской истории. Первый выпуск, 1326—1569 гг., стр. 222. Чтения Общ. ист. и древн., 1915, кн. IV). Это же как свежую новость Фелинг сообщал 28 февраля датскому наместнику в Лифляндии (ibid., стр. 223).

[2] Ibid., стр. 224.

[3] Обстоятельства бегства Курбского разобраны у А. Н. Ясинского, Сочинения князя Курбского, как исторический материал, Киев, 1889, стр. 63—69.

[4] В дальнейшем изложении военных и других событий конца 1564 — начала 1565 г. там, где нет особых оговорок, следуем Никоновской летописи Полн. собр. русск. летописей, т. XIII, ч. 2).

войска, все разошлось по домам. Нападения ниоткуда — ни со стороны Литвы, ни с „дикого поля" из Крыма — не ждали. Лишь в Вязьме стояли московские войска. Царь с семейством отправился на богомолье в Суздаль, в Москве с боярами оставался только малолетний царевич Федор. Неожиданно, 1[2] сентября 1564 г., под Полоцком появилось вновь большое товско-польское войско, которое и осадило город. В передовом олку вражеской рати шел воеводою недавний беглец — кн. А. М. Курбский: измена родине сделала его активным интервентом. В Москве не имели достаточных сведений о движении врагов: всего за день до появления литовцев под Полоцком к войскам, находившимся в Вязьме под начальством касимовского хана Шиг-Алея, кн. И. Д. Бельского и Дан. Ром. Юрьева, пришла весть, что „литовские люди идут к Лукам", и воеводы „пошли к Лукам наспех". Под Великими Луками они, однако, никого не застали: „А как пришол царь Шигалей на Луки, читаем в разрядных книгах, и в ту пору были литовские люди под Полоцком по полком".[1] Шиг-Алей потянул за собою и разбредшееся было дворянское ополчение: „А по городом послал царь Шегалей к бояром и воеводам гонцов, а велел итти за собою наспех". Полная неосведомленность была налицо. Это должна была признать и подчеркнуть даже официальная московская летопись, хотя в ней явно видно стремление обелить и выгородить виновников неудачных военных действий.

Не успели еще оправиться от впечатления при известии о приходе литовцев, как два события также привели, видимо московские умы в сильное смущение: 25 сентября внезапно произошел большой пожар в Москве, отмеченный даже в летописи (сгорел двор окольничего Аф. А. Бутурлина), и в тот же день выгорел Троице-Сергиев монастырь, чем „царь зело оскорбися" (т. е. был сильно удручен).[2]

Но худшее было еще впереди. Пока московское войско топталось около Великих Лук без всякого, кажется, стратегического плана, союзник Литвы, крымский хан, сделал опустошительный набег на Рязань. Так глубоко в Московские пределы крымцы не заходили уже давно. „Город" в Рязани был старый

[1] В. В. Вельяминов-Зернов, Исследование о касимовских царях и царевичах, ч. I, СПб., 1863, стр. 468—469 (выписка из „Башмаковской" разрядной книги).

[2] Полн. собр. русск. летописей, т. XIII, ч. 2, стр. 386—387.

и ветхий, население совершенно отвыкло от татарской опасности, не знало, как и где спастись от татар. Крымцы захватили „языков", „на Поле казаков и по украйнам украинных людей", которые и поведали положение дел, „что царь и великий князь сам на Литовского не пошел, а поехал с Москвы молитися не в далные места". Татары произвели жестокое опустошение Рязанской области, „воевали" места между Рязанью и Пронском; их отряды проникали даже севернее, жгли и „пустошили" селения по р. Воже, „перелезли" через Оку и достигали с. Кузьминского. Население металось в страхе и делалось жертвою татар. 1 октября хан подошел к самой Рязани (очевидно, к Переяславлю Рязанскому) и осадил ее. Героями отражения татарского набега случайно стали отец и сын Басмановы, проживавшие в это время в своих рязанских поместьях. Услыхав о появлении татар, они „со своими людьми" (с холопами и крестьянами) и с приглашенными соседями-землевладельцами (с „тутошними не со многими") направились за крымскими отдельными отрядами и „шед под люди, крымцев побили и языки поимали". Пленных Басмановы отправили к Грозному, а сами со своим отрядом „сели" в Рязани в осаду. Басмановы укрепляли ветхий рязанский „город", „обнадежили" находившихся в осаде немногочисленных защитников (по словам летописи в городе „не сущу бо тогда служилым людем никому, кроме городских людей, ту живущих, и селян, которые во град прибежали") и выдержали осаду. Татары стояли под Рязанью 4 дня, сожгли посады, ловили пытавшихся спастись за Оку горожан и, наконец, ушли, получив очевидно, сведения об уходе литовцев из под Полоцка и начавшихся приготовлениях против них в Москве. О своих успехах Басмановы тотчас же довели до сведения Грозного, за что и получили сейчас же награду: „Октября в 14 день писал с Рязани к царю и великому князю Алексей Басманов да сын его Федор, что приходил царь крымской к Рязани и приступал к городу; и за ту службу государь послал к Олексею и к сыну ево з золотыми князя Петра Хворостинина".[1]

Боярская дума, оставшаяся „Москву ведать", не знала, повидимому, тем временем, что́ предпринять. Против хана

[1] „Синбирский сборник", „Разрядная книга", стр. 7. Награждение „золотыми" (червонцами заграничной чеканки) равной стоимости было выдающейся наградой — пожалованием своего рода орденом за „военные заслуги".

„на берег" (т. е. на обычную старинную защитную линию против татарских набегов по берегу Оки) был отправлен только царский личный, так сказать, гвардейский полк: „двор царя и великого князя, немногие, кои бяше в то время на Москве, занеже не бе убо время в ту пору людскому собранию быти; все розпущены были по домом" — вновь оправдывается официальная летопись. Во главе этого немногочисленного войска шли бояре Ив. П. Федоров-Челяднин и Ив. П. Яковлев (из рода Захарьиных). В городах к югу от Москвы стояли лишь „лехкие воеводы" (с немногочисленными гарнизонами), да к тому же и те, как мы знаем уже, были по приказанию царя Шиг-Алея в значительной степени, вероятно, стянуты еще в сентябре к западу, для операций против литовско-польской рати. Все же, по летописи, Челяднину и Яковлеву удалось произвести разведки и установить связь с Михайловскими и Дедиловскими воеводами. Царевича Федора из Москвы отправили к отцу.

Грозный, извещенный Басмановыми, поспешил принять свои меры. Прежде всего он отправил семью (царицу Марью Темгрюковну и сыновей Ивана и Федора) из Суздаля, который мог быть отрезан от Москвы, в Александровскую слободу, откуда легче было, в случае нужды, пробираться далее на север, а сам поспешил в столицу; ехал он „наспех, с великим трудом" (из-за осенней распутицы) и прибыл к Москве 6 октября. Немедленно же он стал давать распоряжения. Положение оказалось не столь опасным, как оно рисовалось издали. На следующий же день был послан гонец за царской семьей, а затем начались деятельные приготовления к походу — сборы дворянского войска, во главе которого должен был стать сам царь, „хотя итти для своего дела и земского против крымского царя к Коломне... сам свою вотчину боронити". От войска, отправившегося к Великим Лукам, известий, повидимому, все еще не было, так как 8 октября Грозный отправил гонца к царю Шиг-Алею с приказанием выделить отряд для действия против литовского городка Озерища, который и был взят в начале ноября.[1] Наконец, пришла (10 октября) запоздалая реляция и из-под Полоцка — что войско (50 тысяч литовцев и 12 тысяч поляков) сняло осаду 4 октября и ушло от города. Официальная летопись занесла это известие как очередную победу москвичей, но принуждена

[1] „Синбирский сборник", „Разрядная книга", стр. 7.

была все же обмолвиться, что в русской рати „токмо один изменник государьской убежал с сторожи к литовским людям, новоторжец сын боярской Осмой Михайлов сын Непейцын". Однако сведения иностранные, идущие, вероятно, также из русских источников, наоборот, рисуют всю осеннюю кампанию 1564 г. против литовцев как новое поражение русских.[1]

С получением известия от Басмановых об уходе крымцев поход на Коломну был отложен. Грозный остался в Москве, после совещания с двоюродным братом кн. Владимиром Андреевичем „и со всеми бояры" ограничившись приказанием (17 октября) об отправке „за реку в берегу" (т. е. к югу от берегов Оки) стоявших там отрядов Ив. П. Яковлева и некоторых городовых „легких воевод".[2] Царь, видимо, несколько успокоился и с детьми (Иваном и Федором) даже отправился 8 ноября на несколько дней в подмосковное село Черкизово на свою „государеву потеху" — велел там по островам „осеки осечи и медведи пущати". Но это успокоение было чисто внешним: полная неосведомленность во вражеских намерениях (связь обоих нападений, литовцев и крымцев, была слишком очевидной), неумение и растерянность в военных действиях, отсутствие стратегического плана, неуспехи под Полоцком и Великими Луками, неискупаемые даже взятием Озерища, наконец, присутствие в армии короля изменника Курбского и новые побеги туда прямо с поля военных действий (Непейцына) — все показывало необходимость каких-то решительных и радикальных действий. А память о недавнем протесте тех же „знатных лиц", которые так неудачно действовали и распоряжались, была еще, конечно, слишком свежа. Очень возможно, что и в самой Москве, по получении там известия о появлении не только под Рязанью, но и за рекою Окою, татарских полчищ, произошел какой-то переполох, который при желании и подозрительном

---

[1] З. Фелькнер, в это время находившийся уже по пути в Данию, задержавшийся в Ивангороде, но оттуда постоянно сносившийся с Москвою, писал Фредерику II 18 ноября: „Mit Polen vnd Reussen jst fast noch die vormeltte gelegenheitt, den es sein die reussen gar stille, das gewisslich, do sie nitt eine grosse nidderlage erlitten, je aufs minste eine schlapfen vom polen enpfangen haben" (Ю. М. Щербачев, op. cit., стр. 235).

[2] „Синбирский сборник", „Разрядная книга", стр. 7. „Древняя российская вивлиофика", т. XIII, М., 1790, стр. 356—357.

отношении легко можно было счесть за „мятеж". В таких обстоятельствах совершился знаменитый „выезд" Грозного 3 декабря 1564 г.

Современники сейчас же и поставили его в тесную зависимость от внешних и внутренних причин. Так, не раз упомянутый уже нами „многоученый" З. Фелинг 13 января 1565 г. успел сообщить об этом подробно королю датскому шифрованным письмом. Фелинг рассказывал, что поляки заключили союз с татарами для совместных действий; вторжение хана настолько испугало Грозного, что он, захватив жену, детей и всю казну, поехал 3 декабря на хорошо защищенное Белоозеро.[1] О необычайном отъезде царя — с точной датой события — Фелингу сообщил, конечно, кто-либо из его московских агентов, который не смог в столь короткий срок правильно определить действительные причины события; ошиблись и определением места, куда направился Грозный. Возможно, впрочем, что, кочуя по подмосковным селам и празднуя рождество „у Троицы", в погорелом монастыре, Грозный, действительно, первоначально думал засесть на Белоозере (вероятнее — в Кириллове монастыре, за его крепкими стенами), но затем все-таки предпочел забраться в Александровскую слободу, старинное место для „прохладу" московских великих князей, к которой он незадолго до опричнины стал приписывать села от соседних владельцев (троице-сергиевские).[2] А опричник Генрих фон Штаден указывает в своих записках, что Грозный уехал в слободу „из-за мятежа" и тотчас превратил ее в вооруженный лагерь — „оцепил эту слободу воинской силой и приказал привести к себе из Москвы

---

[1] „... derhalben sich der tatter erhoben vnd dem reussen ohne alle zuuersicht jns landt gefallen, neben grossen raub viel volcks mit sich hinweg gefhuret, daher dem reussen ein solcher schrecken gemacht, das er den dritten Decembris nechst verschienen, samptt seinem gemal, ij kindern vnd gantzem schatz, die Moscha verlassen vnd nach Belosero soll verreiset sein, dahin er dan, als auff die vornembste feste, zufliehen pflegt". Фелинг сообщал также и о взятии Озерища: „Nichts desto minder, leit er starck jn Lyttawen zu felde vnd hat newlich dem poln ein stettlein genommen, die leutte nach Moscha fuehren vnd jemmerlich verkauffen lassen" (Ю. Н. Щербачев, op. cit., стр. 238).

[2] О роли Александровской слободы как одной из великокняжеских загородных дач — см. Н. С. Стромилов, Александрова слобода. Слобода до Грозного (Чтен. Общ. ист. и древн., 1883, ч. II); указание на подбор земель к ней Грозным — см. у С. Б. Веселовского, Село и деревня в северо-восточной Руси XIV—XVI вв., М.—Л., 1936, стр. 135.

и других городов тех господ, кого он потребует".[1] Наконец, летописец, пересказывая содержание грамоты, присланной из слободы Грозным к боярам, внес в число других укоризн провинившимся и недвусмысленный намек на поведение служилых людей в момент нашествия литовцев и татар 1564 г.: „Также и бояре его и воеводы... собрав себе великие богатства и о государе и его о государьстве и о всем православном християнстве не хотя радети и от недругов его от Крымского и от Литовского и от Немец не хотя крестиянства обороняти, наипаче же крестияном насилие чинити, и сами от службы учали удалятися и за православных крестиян кровопролитие против безсермен и против латын и немец стояти не похотели".[2]

Если принять теперь во внимание все только-что изложенное выше, то вполне понятной становится и роль царицы Марии с ее родными, и роль других лиц в „создании" опричнины. Со стороны царской семьи, неожиданно очутившейся в возможной опасности, речь, конечно, шла об образовании для охраны царя и его семейных избранного, одному только Ивану подчиненного и безусловно преданного, отряда телохранителей — по образцу „нукеров" и „узденей" у кабардинских („черкасских") князей и других восточных владетелей. Подобный отряд был необходим в тревожных условиях момента; он — „братство" в 500 человек — и был сформирован Грозным в ближайшие же месяцы. Но Ал. Дан. Басманов с сыном и, вероятно, Вас. М. Юрьев развернули перед Грозным совсем иную, гораздо более серьезную картину. Басмановы, герои отражения страшного татарского набега, вернулись из провинции. Они привезли свои свежие впечатления о том, как им пришлось с немногими „тутошними" людьми, с горожанами и своими холопами отсиживаться от крымцев — дворянская масса не сдвинулась с места даже в грозные моменты опасности. Очевидно, для того чтобы побудить ее к этому необходимо было какое-то исключительное средство. Нужен был новый набор людей, подобный уже произведенному за не-

[1] „О Москве Ивана Грозного", стр. 86. Подлинный текст: „Der grossfürschte zeucht aus der Musca in die Slaboda Alexandry zwo tagereise von der Moskauw, ufruhrs halben, besetzte diese Slobodam mit einer wacht und lest aus der Moscau und anderen steten holen, welche herren er begehrete" (Fr. Epstein op. cit., 21—22).

[2] Полн. собр. русск. летописей, т. XIII, ч. 2, стр. 392.

сколько лет перед тем в „избранную тысячу", но вновь набранные люди не должны были раствориться в общей служилой массе, став ее верхушкой, а должны быть поселены так, чтобы быть всегда под рукою, стать гибким в маневренном отношении войском, жить „близко около царя" (в переносном смысле, конечно, а не в территориальном). Единственным и возможным выходом для этого могло быть только накопление запаса земель, целых уездов, которые и стали бы в непосредственную зависимость от царя — выделение ему „опришнины", удела".[1] В этот удел, пользуясь старинным способом „вывода" землевладельцев, можно было подобрать себе тех „людишек", которые были бы „годны", подобрать „особый двор", новых слуг. Подобное формирование всего штата удельного обихода заново Грозный как раз незадолго до этого времени (в 1563 г.) произвел для своего двоюродного брата — князя Владимира Андреевича; теперь это же он решил произвести для себя самого. События осени 1564 г. были решительным и ускоряющим толчком.

В новом уделе надо было завести и полное хозяйство, обеспечить достаточные ресурсы, чтобы „жаловать" своих будущих слуг, устроить особую казну (старая расхищалась приказными людьми, и сильно „потощала" в тяжелых военных обстоятельствах). Все это можно было сделать лишь как можно сильнее централизуя управление, приняв за образец старинное удельное управление на системе „личного приказа", вне той сложной, громоздкой, пропитанной взяточничеством и лихоимством приказной системы, которая уже действовала в эту пору в Московском государстве. Отсюда — исключительная роль на первых порах в опричнине дворецкого и казначея, „бояр введенных" и тому подобных пережитков удельной старины.[2]

Но не одна только эта сторона реформы должна была заботить ее инициаторов. Необходимо было подвести материальную постоянную базу под новый удел и для нового служилого корпуса. Здесь на сцену должен был выступить торгово-промышленный город с его посадским населением, доходы с которого и должны были пополнять „удельную" царскую казну. Этим и объясняется „поимание" в опричнину

[1] Об опричнине-„государеве уделе" — см. П. А. Садиков, Из истории опричнины царя Ивана Грозного („Дела и дни", в. II, П., 1922).

[2] Об управлении в опричнине — см. ibid., в моих заметках.

центров московской торговли, принятие туда таких крупнейших торгово-промышленных организаций, как Строгановы или Московская английская компания.

Все намеченное развернулось в полной мере уже в процессе самого роста „опричнины". Новая, „опричная" структура государствования сейчас же была учтена теми, кто рвался в XVI в. к власти и господству, кто вынудил Грозного стать на этот путь: классом среднего и мелкого феодала — дворянином-помещиком, с вожделением смотревшим на вотчины крупных феодалов-бояр и княжат; недаром сказания Ивашки Пересветова и тому подобные публицистические произведения были широко популярны и появлялись одно за другим. Начался настоящий социальный переворот, резко расшатавший основы старого московского быта и строя.

В этой борьбе в опричнине против князя и боярина из-за земли и власти дворянин-помещик не мог не бороться и за те рабочие руки, которые должны были обрабатывать получаемую землю — за крестьянина, чтобы тот оказался действительным, постоянным жильцом на „землице", а не временным, переходящим на ней гостем; помещик не отступил также и перед прямым грабежом — экспроприацией крестьянских „животишек", когда порой оказывалось более выгодным лучше „запустошить" свое владение или ограбить соседа „земского", чем хозяйствовать самому. Публикуемые нами документы, к сожалению, не отражают этой стороны опричнины вовсе, но зато дают не мало любопытных черт того, как устраивалась и что предпринимала та часть служилых людей, которую всколыхнул до глубины опричный „перебор" и „вывод" из старых гнезд на новые места.

2

Самый отъезд Грозного из Москвы 3 декабря 1564 г. не был чем-то таинственным, как любили иногда изображать это дело старые исследователи, но он был действительно несколько странным на первый взгляд. Официальная, боярско-клерикальная летопись не сообщает нам некоторых существенных фактов, происшедших перед отправкой царского „поезда", равно как и описания непосредственно последовавшего по возвращении в Москву „перебора" царем людишек, ограничившись суммарным изложением событий. Более подробные сведения сохранились зато у современников-иностранцев, правда, повидимому, пе-

дававших в значительной степени только рассказы, но не бывших, по своему положению, непосредственными наблюдателями сообщаемого.

Судя по их рассказам, перед своим выездом царь Иван устроил, будто бы, торжественное прощание. Альберт Шлихтинг передает, что Грозный заявил „знатнейшим вельможам" о своем пресыщении властью и рекомендовал им в качестве правителей сыновей, а затем, „упорядочив дела", удалился в свой опричный двор, где и начал заниматься устроением опричнины.[1] Такая передача фактов недостоверна в деталях, но само прощание засвидетельствовано ливонскими перебежчиками Таубе и Крузе в их известном „послании" и вполне соответствует настроению, которое переживал Грозный. Однако и у этих авторов есть некоторое смешение и недостаточное понимание отдельных подробностей московского царского обихода. По словам Таубе и Крузе, прощание царя длилось продолжительное время. Прежде всего Иван, якобы, сообщил „всем духовным и светским чинам" (т. е., очевидно, „освященному собору" и боярской думе), что „он хорошо знает и имеет определенные известия, что они не желают терпеть ни его, ни его наследников, покушаются на его здоровье и жизнь и хотят передать русское государство чужеземному господству; посему решил он вызвать их к себе и передать им свое правление". Затем, „в присутствии представителей всех чинов", он сложил с себя в „Ratstube" (т. е. в „Грановитой", думной палате) все знаки царского достоинства, а на следующий день отдал распоряжение готовиться к отъезду — собирать изо всех московских монастырей и церквей иконы, причем прикладывался к каждому изображению, и грузить их на возы. Спустя несколько дней Грозный сам лично предпринял паломничество по московским святыням и, наконец, через 14 дней после описанных событий отправился в дорогу. Утром 3 декабря началось торжественное митрополичье служение в Успенском соборе в присутствии всех „духовных и светских чинов"; на площади перед дворцом, между тем, собирался груженый обоз. Царь, выйдя из церкви с женою и детьми, начал прощание („благословил", как пишут Таубе и Крузе) с митрополитом, „освященным собором", боярами, „высшими чиновниками" и „купцами", с каждым в отдельности. Потом он сел в сани,

[1] Альберт Шлихтинг, op. cit., стр. 18.

посадив обоих сыновей с собою, и в сопровождении Алексея Басманова, Ивана Яковлевича Чоботова, Михаила Салтыкова, кн. Афанасия Вяземского и других „государственных мужей и придворных" тронулся в путь. Доехав до с. Коломенского, царский поезд остановился, так как наступила распутица; задержались на 10 дней; наконец, поехали дальше — в Александровскую слободу. Однако, не доехав до нее, царь вновь сделал остановку и послал в Москву Салтыкова и Чоботова [1] и „многих подьячих и воевод" с грамотами „чинам", т. е., выражаясь московским приказным языком, „всех московских чинов людям". В грамотах Грозный писал: „Он поедет туда, если бог и погода ему помогут; им же, его изменникам, передает он свое царство, но может притти время, когда он снова возьмет его".[2] Открылись переговоры с боярами и священством, изложенные Таубе и Крузе в общем сходно с летописным рассказом.

Первая часть этого повествования (отказ от власти до отъезда в Слободу) не находит подтверждения в других источниках. Ее не знает и официальная летопись, очень, повидимому, точно, хотя и тенденциозно, излагавшая обстоятельства „отъезда"; не упоминает о ней и такой наблюдательный современник, как Штаден. Последний, опуская все подробности, просто сообщает, что „великий князь послал в земщину приказ: Судите праведно, наши виноваты не были бы".[3] Нет данных и в донесении Фелинга (см. выше, стр. 125), который не преминул бы сообщить королю датскому о столь сенсационном факте, как отказ от престола страшного князя „московитов". Надо поэтому думать, что вполне прав был последний переводчик и комментатор „Послания" Таубе и Крузе, М. Г. Рогинский, предположивший в этом рассказе известный „забег вперед" со стороны не совсем разобравших в чем дело авторов.[4]

Все обстояло, вероятно, значительно проще. Иван IV, как мы знаем (см. выше, стр. 124), 8 ноября уехал с сыновьями на

[1] По летописи грамоты привез Константин Дмитриев с. Поливанов „с товарищи"; Поливанов впоследствии стал одним из видных „опричных" воевод.

[2] М. Г. Рогинский, Послание Таубе и Крузе, стр. 31—32.

[3] Штаден, в переводе И. И. Полосина, стр. 86. Подлинный текст: „Der grosfürschte schiket in die Semsky ein mandat, sie solten recht richten: „Sudite praueda nassi vinowath ne boliby", das ist: „Richtet recht, die unseren sollen nicht unrecht haben!" (Fr. Epstein, op. cit., S. 22).

[4] Русск. истор. журнал, кн. 8, стр. 13—14.

охоту в Черкизово; вернулся он оттуда к 14 ноября, так как с этого дня начинался рождественский пост. Сложение с себя царских одеяний, какие-то речи боярам и духовенству, затем паломничество по московским церквам и, наконец, торжественная служба и прощание станут понятными, если допустить, что Грозный перед отъездом *говел*, в „смирном" платье, действительно сняв с себя все царские регалии, „просил прощения" в грехах, по старому московскому обычаю, а затем принимал поздравления „с его государевой радостью" — с принятием „причастия"; торжественная служба в Успенском соборе была также и напутственной в дорогу. Все это не требовало пояснений для москвичей, лишь обставлялось оно с бьющим эффектом, что любил, как известно, делать Грозный всегда, но что совершенно не укладывалось в представлении лютеран-иноземцев. Возы нагружены были не одними только иконами, но и всей царской казной и имуществом, тщательно отобранным (в царском архиве, например, хранился даже вместе с указом об опричнине и особый „список судов серебреных, которые отданы в земское").[1] И сбор икон со всех церквей и монастырей также обычен — в московский дворец постоянно являлись те или иные „государевы богомольцы" с подобными подношениями. Повторяем — все это было естественно, хотя и казалось, может быть, чересчур мелодраматически обставленным по внешности.

Летопись заканчивает изложение событий примирительными нотками: „Архиепископы же и епископы, архимариты и игумены и весь освященный собор, да и бояре и приказные люди, то все положили на государьской воле". Таубе и Крузе, которым незачем было скрывать настроение тех московских людей, кого непосредственно затрагивала новая организация, вносят в эти слова существенные добавления: „Так как такое начало имело хороший вид, была ему [Ивану IV] выражена благодарность. Так поступили даже те, которые этого не хотели и считали образ действия царя опасным".[2]

В феврале 1565 г. опричный уклад начали проводить в жизнь. После некоторых казней заподозренных и действительно виновных в измене лиц Грозный стал набирать людей и устраивать „опричное" хозяйство.

---

[1] А. А. Э., т. I, № 289, стр. 338, ящ. 191.
[2] М. Г. Рогинский, op. cit., стр. 35.

Одна из первых мер нового правительства заключалась в организации территории будущего удела. Там, где в опричнину зачислялся целый территориальный комплекс, производилось отмежевание его от „земских" владений. Это был исконный прием при выделении всякого настоящего „удельного" владения в Московском государстве XVI в.[1] Только размежевание „опричных" и „земских" земель происходило, повидимому, с большим нажимом на население, в такой обстановке, которая сразу же внушала тревогу и опасения. Наиболее слабые элементы оказывались страдающей стороной и должны были уступать произволу межевщиков; более социально сильные сами тянулись к опричному управлению и уже оттуда получали подтверждение своих прав. Одно из позднейших судных земельных дел сохранило нам очень интересную картину опричного межевания, на фоне которой становятся ясными и некоторые указания публикуемых нами документов. Именно, у суздальского Спасо-Евфимьева монастыря шел давний, чуть не весь XVI в., спор с крестьянами дворцового подклетного села Борисовского о лугах по р. Нерли. Несмотря на то, что борисовцы были своего рода привилегированными людьми как жители царского подклетного села, они несколько раз проигрывали иск. В 1585 г. они вновь подняли тяжбу перед суздальскими писцами кн. Д. М. Борятинским с товарищи (а затем дело было перенесено на суд дворецкого Гр. В. Годунова) о луге „Веретее", который спасский игумен Иов называл „Задним Боровым" и принадлежавшим монастырю. Крестьяне утверждали, что монастырь владеет этим лугом „силою" уже 16 лет, монахи же в подтверждение своих прав ссылались на ряд письменных документов: на старинную жалованную грамоту великого князя Василия Василье-

[1] См., например, указание на „разъезд" межей между Кашинским уездом и Ростовским при выделе первого в 1504 г. в удел кн. Юрью Ивановичу, сыну Ивана III (Собр. гос. гр. и дог., I, № 137), межевую грамоту тому же князю при получке им городов Кашина и Дмитрова (ibid., № 138), г. Звенигорода (№ 139); установление рубежей Дмитровского, Рузского и Звенигородского уездов с Московским (№ 140) и их же с Можайским и Клинским уездами. В 7075 г. (1566/67 г.) особые писцы Ф. И. Бутурлин и подьячий М. К. Тукмачев „учинили межу в Стародубском уезде меж царя и великого князя земли Стародубского уезда и меж государя князя Володимира Ондреевича земли Стародубского уезда, что ему дано в вотчину в мене" (Л. М. Савелов, Князья Пожарские, II, „Приложения", № X, стр. 61. Летопись историко-родословного общества в Москве, 1906, вып. 2—3).

вича, на судебный приговор писцов Андрея Вас. Лодыгина с товарищи (7063 г., т. е. 1554/55 г.), „на писцовые на межевые книги Игнатья Борисовича Блудова с товарыщи, а писал он промеж межу Суздаля и Володимеря", на книги Ивана Огарева и, наконец, на писцовые книги суздальских „валовых писцов" 1577—1579 гг. кн. Гр. В. Звенигородского с товарищи. По словам спасских старцев, крестьяне во всех этих случаях ни разу не били челом о спорном луге. Борисовцы объяснили, прежде всего, причину своего молчания до 1585 г.: „Молчали мы посяместа потому, что Суздалской уезд был в опричьнине, а наше село Борисовское было в земском, и мы ждали времени, как государю побити челом, да не лучилося". Затем крестьяне отвели ссылки монастыря на старых писцов, заявив, что во время работы последних они „Веретеей" владели, а спорили тогда с монастырем о другом луге, за р. Печугою. „А как Игнатей Блудов писал, добавили борисовцы, и отмежевал в опришнину, и ему тогда была воля, что хотел, то писал, и отписал у нас тогда Игнатей луг за рекою за Нерлью против села Мордаша, а ставитца на нем сена 300 копен; да Игнатей же отмежевал у нас лесу Бору по ту же сторону Нерли 80 десятин, и тот лес отдал в Суздалской уезд к селу к Батыеву, а ныне то село за Савою за Фроловым". Суздальским писцам Ив. Огареву и кн. Г. Звенигородскому они били челом о луге Веретее, но „князь Григорей Звенигородцкой да Иван Огарев челобитья их не слушали, а отказали им, что у них дворцовым селом Володимерского уезда книг нет и писати им дворцовых сел не велено".[1]

В этом подробном рассказе борисовских крестьян о старых опричных временах очень выпукло обрисованы приемы межевщиков-опричников: Игнатий Блудов, один из виднейших опричных деятелей, „что хотел, то и писал" в опричнину, потому что получил, очевидно, в своем писцовом наказе особые, специальные полномочия.

В публикуемых актах есть прямые указания на подобные писцовые и межевые книги. Так, упоминаются книги „письма и меры и межевания" опричного окольничего кн. Вас. Ив. Вяземского, брата известного оружничего Грозного кн. Афанасия Вяземского. Вас. Вяземский и подьячий Сувор Васильев отме-

[1] А. А. Федотов-Чеховский, Акты, относящиеся до гражданской расправы древней России, т. I, Киев, 1860, № 83, стр. 230—235; ср.: № 56, стр. 86—92; № 67, стр. 133—144.

жевали и отписали, между прочим, ряд земель „от земского города от Одоева к опришному городу к Белеву". Перемышльский Шаровкин монастырь, перешедший в опричнину, в виду того, что межевание затрогивало и его владения выхлопотал себе из опричнины 19 сентября 1566 г. новую тарханную грамоту (№ 7). При таком же, повидимому, размежевании произошла и припись сел Симонова монастыря Дятлова и Демьянова от земского Костромского к опричному Галицкому уезду. Так как на месте галицкие опричные власти почему-то не учли это обстоятельство, то Симонов монастырь был вынужден в 1567 г. добиться специальной грамоты „с прочетом" (№ 11).

Содержание этих „книг", повидимому, заключалось не только в установлении рубежей между опричными и земскими владениями, но они представляли собою и „письмо" тех земельных владений уезда, которые должны были (или могли) попасть в опричнину. Таковы, кажется, были, например, упомянутые выше книги кн. Вас. Вяземского. Там, где среди землевладельцев особенно густа была „княженецкая" прослойка, составлялись особые книги для этих владений. Примером таких „книг" можно считать книги подьячего Максима Трифонова, в 1565/66 г. описавшего вотчины стародубских князей, которые частично и потеряли свои вотчины при опричнине (см. №№ 43, 17).[1]

---

[1] „Письмо" М. Трифонова безусловно было связано с „отпиской" на государя княжеских вотчин. Но в Стародубе Ряполовском отношения были очень сложными. Он несколько раз менял владельцев основного городка: то Стародуб становился вотчиной кн. М. И. Воротынского, то давался Грозным своему двоюродному брату кн. Владимиру Андреевичу. В меновной грамоте последнему (1566 г., марта 11. — Собр. гос. гр. и догов., т. I, № 188, стр. 531—532) книги М. Трифонова упоминаются в ряде других, также, повидимому, специальных описаний: „Да к Стародубу ж Ряполовскому судом и данью вотчины и купли и монастырские и церковные земли, по книгам писца Юшки Образцова лета 7072-го, село Сарыево; да по книгам писма подъячего Максимка Трифонова лета 7073-го села: Павловское, Чмутово, Федоровское, Мынчаково, Олферовское, Шетовка, Медветково, Иваново, Старые Зименки, Мазолово, Васильевское, да полсела Никольского, да полсела Ромоданова, да треть селца Василева, да селцо Михеево, да треть полуселца Троецкого, да селцо Зименки, деревня Косаево и иные; да по книгам писма князя Дмитрея Болховского да подъячего Третьяка Шарапова лета 7074, село Алексин, да по книгам Ляпуна Ковезина дияка лета 7064 село Дубакино: все те села вотчинные и монастырские с приселки и з деревнями и с починки, опричь иных Стародубских же вотчинных земель, которые в сей меновной писаны а раздаваны иные в поместья, а иные в вотчины, и оприч

Этот же подьячий в том же 1565 г. описывал вотчины и у князей ярославского дома. Характер его работы по отписи узнаем из одного земельного дела, возникшего в результате жалобы, в конце 1565 г., ярославского Спасского монастыря. Ярославские княжата задолго до учреждения опричнины стали терять свои родовые земли, отдавая их в монастыри, а с 1562 г. подвергшись действию и указа о княжих вотчинах. В числе последних были и некоторые вотчины кн. Засекиных, но в отдельных случаях для некоторой их части делались особые изъятия из общего правила. В этом последнем смысле 9 октября 1563 г. в Ярославль была послана грамота старостам и целовальникам, „которым приказано на... царя и великого князя ведати в Ярославском уезде княж Даниловская Засекина вотчина, Сандыревского села деревни", с приказанием „отказать" Спасскому монастырю на основании завещания вотчича, кн. Дан. Фед. Засекина, пять деревень по р. Роге.[1] В 1563 г. на те же деревни монастырские власти получили, по царскому указу, и данную грамоту от душеприказчиков кн. Засекина.[2] Дело, казалось, было исчерпано, и монастырь спокойно вступил во владение деревнями (Петрушиным починком, Копосовской, Зубаревым, Хреновской и Муравьевым).

государевых царевых и великого князя дворцовых сел и деревень и всяких земель, которые в сей меновной не писаны ж". Кроме этих „книг" в Стародубе известны и еще „отписные" книги: „Да по отписным книгам подъячего Третьяка Шарапова лета 7072-го городище Стародуб Ряполовской и посад и село Ряполово с приселки и з деревнями и с починки; да по отписным книгам подъячего Гриши Левонтьева 72-го ж году, княж Дмитреевскую вотчину Хилкова, село Ивановское с приселки и з деревнями и с починки" (ibid., стр. 530). Такое обилие разных „отписных" книг связано, очевидно, с тем, что, кроме упомянутого уже выше перехода Стародуба к кн. Владимиру и М. И. Воротынскому, это гнездо „княженецких" вотчин подвергалось особым описям и в связи с законом 1562 г. Многие из стародубских князей сохраняли свои вотчины и во времена опричнины и свободно ими распоряжались (см. акты их у Л. М. Савелова, Князья Пожарские, и его же, — Князья Ковровы, Сборник статей, посвященных М. К. Любавскому, СПб., 1917); другие потеряли их — см. № 17 и Дополн. к актам историч., т. I, № 222, „духовную" Ивана IV: часть упомянутых там вотчин, забранных непосредственно на царя, значится как раз в приведенном выше отрывке из „отписных книг" М. Трифонова. Возможно, что часть стародубских княжат стали опричниками и тем сохранили свои земли.

[1] И. А. Вахромеев, Исторические акты Ярославского Спасского монастыря, т. I, М., 1896, № XXXIII.

[2] ГАФКЭ, Грамоты Коллегии экономии, Ярославский уезд, № 14767/19.

Но когда в Ярославль явился со своей специальной задачей Максим Трифонов, у него с монастырем произошли столкновения. Монастырь в качестве юридического обоснования своих прав на деревни указывал, что вотчину ему „дал" сам князь Данило и что он владеет по княжеской „данной", а не по царскому указу душеприказчикам князя. Максим Трифонов, с своей стороны, не разобрался в юридических тонкостях и вынудил монастырь к жалобе на свои действия. Спасский архимандрит Кирилл бил челом, что подьячий пять деревень по р. Роге „отписал назад ко княж Даниловской вотчине к селу Сандырову, как отписывал вотчины ярославских князей", и приказал крестьянину Левке Ананьину заведывать ими. 1 ноября 1565 г. Левке Ананьину и был по монастырскому челобитью послан указ „отказать" спасским старцам деревни обратно, „по данной их грамоте"; „а в отписных книгах, прибавляли из Москвы, подъячего Максима Трифонова лета 7073 году деревня Зубарево, деревня Хреновская, деревня Копосовская, деревня Петрушинская написаны за Спасским же монастырем".[1] Вполне ясно, как развернулось дело. Максим Трифонов, посланный с особой задачей „отписи" княженецких вотчин для нужд опричнины, явно встал втупик перед тем, как рассматривать деревни по р. Роге: исконная, родовая, вотчина Засекиных, с. Сандырево,[2] уже перешла к царю в силу закона 1562 г. о вымороченных княжеских землях, но обладание монастырем частью приписанных к селу деревень нарушало, в глазах Трифонова, и этот закон[3], и собственные полномочия подьячего по „отписи" Засекинских в с е х вотчин. Трифонов побоялся счесть монастырь владеющим окончательно незаконно, в свои книги записал деревни за монастырем, но de facto отобрал их и поручил ведать особому лицу, предоставив монахам хлопотать и жаловаться, а центральной власти распутывать дело. Тесная связь составленных Максимом Трифоновым „отписных книг" с учреждением опричнины видно и из того употребления, которое получили они

---

[1] И. А. Вахромеев, „Акты", № XXXVII.

[2] Среди кн. Засекиных был кн. Дмитрий Владимирович, по прозвищу С а н д ы р ъ, от которого пошло и прозвание его „удельного" жеребья (А. В. Экземплярский, Великие и удельные князья северной Руси в Татарский период, с 1238 по 1505 г., т. II, СПб., 1881, стр. 100).

[3] „... А которого князя бездетна не станет, и те вотчины имать на государя" (Акты исторические, т. I, № 154 — XVIII).

впоследствии, когда на них ссылались только пострадавшие от опричнины княжата, добивавшиеся при царе Владиславе возвращения своих прежних владений; и приказным дьякам эти книги явно служили только для выяснения, какие княжеские вотчины были когда-то взяты Грозным в его государев удел.[1]

Составление „отписных книг", однако, еще не решало судьбы самих владельцев земель. Это можно видеть на примере судьбы хотя бы князей стародубского дома, из которых значительная часть (кн. Ромодановские, Ковровы и др.) продолжали сидеть в своем родовом гнезде спустя много лет после того, как были составлены отписные книги их вотчинам. Решающим моментом в срыве землевладельца с его земли был физический, можно сказать, „перебор людишек" в Москве (или в Слободе и других резиденциях Грозного), производившийся (на первых порах, по крайней мере) лично самим Иваном Грозным.

В этом процессе следует, кажется, различать два течения, в которых шло формирование опричного корпуса: именно — набор людей в охранный царский отряд и собственно „перебор" провинциального служилого люда.

Характер царского удела и по смыслу предварительных переговоров Грозного с приехавшими к нему представителями „всех чинов людей", и по последовавшему затем „указу об опричнине" не должен был как будто выходить с внешней стороны из рамок обычного удельного общества XVI в.; казалось, оно должно быть, в сущности, таковым же, какое отлилось к тому времени в самом Московском государстве; подчеркивалась лишь „особность", непосредственная, тесная зависимость будущих опричников от Грозного. „А бояр и околничих, и дворецкого, и казначеев, и дьяков, и всяких приказных людей, да и дворян и детей боярских, и столников, и стряпчих, и жильцов учинити себе особно" — читаем мы в летописном рассказе об условиях, на которых Иван соглашался вернуться; „и на дворцех: на сытном, и на кормовом, и на хлебенном — учинити клюшников, и подклюшников, и сытников, и поваров, и хлебников, да и всяких мастеров, и конюхов, и псарей, и всяких дворовых людей на всякой обиход, да и стрелцов приговорил учинити себе особно". „А учинити государю у себя в опришнине

[1] Л. М. Сухотин, Земельные пожалования в Московском государстве при царе Владиславе 1610—1611 гг., стр. 1—5 (Чтен. Общ. ист. и др., 1911, кн. 4); его же: К вопросу об опричнине (Журн. мин. нар. просв., 1911, № 11).

князей и дворян, излагает далее та же летопись указ об опричнине, и детей боярских, дворовых и городовых, 1000 голов, и поместья им подавати в тех городех с одново, которые городы поимал в опришнину. А вотчинников и помещиков, которым не быти в опришнине, велел из тех городов вывести и подавати земли велел в то место в-ыных городех, понеже опришнину повелел учинити себе особно". Точно такую же характеристику опричников дает и Штаден: „Опричники были его, земские же — весь остальной народ... Князья и бояре, взятые в опричнину, распределялись по степеням не по богатству, а по породе".[1] Удержав, таким образом, всю московскую „лествицу чинов", основанную по-старине на признании „чести" рода, опричнина с первых же шагов своего существования стала нарушать предположенный порядок, наполнять эту служебную иерархию в значительной степени новым классовым содержанием. Те же из „знатных", которые все-таки были приняты в опричнину, должны были встретиться там с такими „страдниками", по выражению Грозного в его письме к опричнику Василью Грязному,[2] каковые в земщине на них „и смотреть не смели", были по сравнению с ними слишком „молодыми" (т. е. незначительными) людьми, но в опричнине, благодаря приближенью к царю, под-

---

[1] Штаден, пер. И. И. Полосина, стр. 38—39; подлинный текст: „Aprisna seind gewesen die seinen, Semsky aber das gemeine volk... Welche knesen und boyaren in Aprisna genohmen worden, die wurden nach geburt, nicht nach reichtumb in gradus vorgleichet...", Fr. Epstein, op. cit., SS. 20—21). Действительно, если посмотреть „разряды из опришнины", то можно насчитать большое количество среди опричников людей титулованных и представителей „честных" московских фамилий (ср. П. А. Садиков, Из истории опричнины царя Ивана Грозного, стр. 10). В 1570 г. в составе „опришной" боярской думы, например, были бояре кн. М. Т. Черкасский, кн. В. И. Темкин-Ростовский, Ив. Я. Чоботов, Ф. И. Умного-Колычев, окольничий В. И. Умного-Колычев; „да дворяне, которые живут у государя з бояры" — И. Ф. Воронцов, П. В. Зайцев, И. С. Черемисинов, В. Гр. Грязной, Малюта Лукьян. Скуратов-Бельский (Сборник русск. историч. общ., т. 71, стр. 665—666) — 2 князя, 4 представителя старого московского боярства (Чоботов, Колычевы, Воронцов), 2 — из второстепенных, но тоже „честных" родов (Грязной и Малюта, происходивший по преданию из очень „захудалых" Плещеевых; ср., однако, ниже, стр. 172) и 2 (Зайцев и Черемисинов) — из высшего слоя провинциального дворянства, записанного в 1550 г. в число „тысячников" (ср. Н. П. Лихачев и Н. В. Мятлев, Тысячная книга 7059—1550 года, Орел, 1911, стр. 112, 248).

[2] П. А. Садиков, Царь и опричник, „Века", № 1, Пгр., 1924, стр. 73.

нялись „высоко". Дорога для мелкого феодала, дворянина или сына боярского, в опричнине открывалась широкая...

Особенно следует сказать это про основное ядро опричнины, тот отряд телохранителей в 500 человек, мысль о котором выросла в интимном семейном кружке царя Ивана; отряд представлял далеко не то, что̀ декларировалось официально. „Великий князь, пишут Таубе и Крузе, образовал из них над всеми храбрыми, справедливыми, непорочными полками свою особую опричнину, особое братство, которое он составил из пятисот молодых людей, большею частью очень низкого происхождения, все смелых, дерзких, бесчестных и бездушных парней".[1] „Царь начал жить в новом дворце своем, вторит им Альберт Шлихтинг, с многочисленной стаей своих опричников или убийц, которую он набрал из подонков разбойников. Именно, если примечал где-нибудь человека особо дерзкого и преступного, то скоро привлекал его к сообществу и делал слугою своего тиранства и жестокости".[2]

В обоих этих показаниях необходимо, конечно, учесть положение самих мемуаристов — шляхтичи-иноземцы, писавшие у себя на родине для собственного оправдания перед лицами „благороднорожденными", иначе и сказать бы не могли о замыслах „московитского тирана", возвышавшего „мужичье". Но состав „братства", действительно не отличавшийся моральными достоинствами, и не нуждался в последних — были бы лихость и отвага, необходимые качества для выполнения главной задачи — охраны царской семьи и царя от „изменников". Такими „удалыми головушками" были и Федор Басманов, и Василий Грязной, и Малюта Скуратов, и Афанасий Вяземский, и Константин Поливанов, и Гейнрих фон Штаден (по московски — „Андрей Володимирович"), и кн. Василий Темкин-Ростовский, и многие другие...

Более сложной и тщательной была переборка уездных „людишек", которая, начавшись в 1565 г., продолжалась с перерывами до самой смерти Грозного. Здесь организовывалась служилая опричная масса, и к подбору ее подходили осторожно, а в основу клались совершенно определенные признаки, характеризующие достоинства уездного феодала прежде всего как

---

[1] М. Г. Рогинский, op. cit., стр. 38—39.

[2] А. Шлихтинг, op. cit., стр. 19.

служилого человека. Иноземцы-наблюдатели, сами бывшие опричниками, оставили нам красочное описание всей процедуры.

„Вот что делал великий князь, пишет Штаден. Он перебирал один за другим города и уезды и отписывал имения у тех, кто по смотренным спискам не служил со своих вотчин его предкам на войне; эти имения раздавались опричникам ...“ [1]

Таким образом документальным основанием для отбора послужили обычные в подобных случаях материалы Разрядного приказа — „смотренные списки“, разборные и верстальные десятни, а из землевладельцев кара постигала тех, кто являлся в „нетях“, не служил со своих „вотчин“, хотя уже в 50-х гг. XVI столетия служба с вотчин была признана необходимой и требовалась правительством неуклонно к исполнению. Это указание Штадена очень ценно, так как еще раз вскрывает перед нами причины спешного образования опричного корпуса в зависимости от условий военной обороны страны: очевидно, осенние неудачи 1564 г. обнаружили уж очень большие непорядки в возможностях быстрой и точной мобилизации феодальной массы, прочно засевшей на зиму в медвежьих углах и плохо собиравшейся даже в минуты опасности.

С новых землевладельцев-опричников, расположившихся в вотчинах уже не в качестве наследственных вотчичей, а всего только временных обладателей-помещиков, и потребовали очень точного соблюдения военной повинности. Таубе и Крузе, подводя итоги своим многолетним впечатлениям от опричнины, резко подчеркнули и малое умение опричников справиться с выпавшим на их долю новым огромным хозяйством, и строгую ответственность их при несоблюдении всех требований по военной части: „Когда те, кто были привычны ходить за плугом и вдобавок не имели ни полушки в кошельке, должны были выставить в поле сто и больше лошадей, стали брать они с бедных крестьян, которые им были даны, все, что те имели;

---

[1] Штаден, перев. И. И. Полосина, стр. 86. Немецкий текст: „Also fingk der grosfürschte an und musterte eine stadt und gebiete nach dem andern, und welche nicht gefunden wurden in den krigsmusterregistern, dass sie nicht gedienet hetten seinen vorvetern gegen den feind von ihren erpgütern, denen wurden ihre gütere apgeschrieben und einem in Aprisnay gegeben“ (Fr. Epstein. op. cit., S. 21).

бедный крестьянин уплачивал за один год столько, сколько он должен был платить в течение десяти лет. Огромные имущества были разрушены и расхищены так быстро, как будто бы прошел неприятель, и все-таки эти люди не могли, как им подобало, выступить в поле. И кто тотчас же не явился на службу, соответствующую количеству его владений, тот был обезглавлен или брошен в тюрьму".[1]

При таких требованиях вполне понятно, что первые „переборы", как было уже упомянуто выше, сделаны были самим Грозным (в дальнейшем, с ростом опричнины и при повторении их, действовала, вероятно, обычная система поуездного разбора и верстания).

„На следующий день,[2] передают Таубе и Крузе, приказал он, великий князь, выписать в Москву всех военных людей областей Суздаля, Вязьмы и Можайска.[3] Когда они прибыли, сел он рядом со своим советом, Алексеем Басмановым, князем Афанасием Вяземским и Петром Зайцевым,[4] и приказал каждому

---

[1] М. Г. Рогинский, op. cit., стр. 36-37.

[2] В начале февраля 1565 г., после приезда в Москву из Александровской слободы. О вызове с Вологды детей боярских „служивых и неслуживых" в марте 1565 г. — см. № 1.

[3] Грозный не случайно остановился в первую голову на этих именно городах: весь подбор городов и уездов сложился у него во многом, видимо, на основании личного знакомства с ними. Так, незадолго до опричнины, в мае 1563 г., он объехал Оболенск, Калугу, Перемышль, Одоев старый, Белев, Козельск, Воротынск (Полн. собр. русск. летописей, т. XIII, ч. 2, стр. 368), с 21 сентября по 1 ноября того же года побывал в Можайске, в Старице, у кн. Владимира Андреевича, причем вместе с последним объехал дворцовые села князя, перебрался затем с ним в Верею и Вышгород и там осмотрел княжеские дворцовые села; вернувшись в Москву, Грозный сейчас же „выменил" у Владимира Андреевича Вышгород с уездом и в Можайском уезде волости Олешню, Воскресенскую и Петровскую (26 ноября 1563 г.; ibid., стр. 370, 372); 7 мая 1564 г. Грозный уехал с семьей к Троице, а оттуда в Можайск и Олешню; в этот „объезд", длившийся до 8 июля, он побывал также в Переяславле и „в селех своих, в Слободе, в Озерецком да в Можайску и в Можайском уезде в новых селех и в Вяземском уезде в Круговых селех, в Верее, в Вышегороде" (ibid., стр. 384); наконец, осенью 1564 г. он прожил в Суздале довольно долгое время. Большинство осмотренных местностей и было сразу же зачислено в опричнину.

[4] У Таубе и Крузе имеется неясное „Soytt", которое М. Г. Рогинский оставляет без толкования; расшифровываем это слово именем „Зайцева". Петра Васильевича, одного из видных впоследствии опричников.

отдельному отряду воинов, число которых было 6000,[1] явиться к нему и спрашивал у каждого его род и происхождение.[2] Четверо из каждой области должны были показать после особого допроса происхождение рода этих людей, рода их жен, и указать также, с какими боярами или князьями они вели дружбу. После того как он осведомился об этом, взял он к себе тех, против кого у него не было подозрения и кто не был дружен со знатными родами... Если опричник происходил из простого или крестьянского рода и не имел ни пяди земли, то великий князь давал ему тотчас же 100, 200 или 50, 60 и больше гаков земли...[3] Другие из тех же областей, представители знатных родов, были изгнаны безжалостным образом из старинных унаследованных от отцов имений и так, что они не могли взять с собой даже движимое имущество и вообще ничего из своих имений. Эти бояре[4] были переведены на новые места, где им были указаны поместья; им не разрешалось возвращаться домой, жены и дети были также изгнаны, и они должны были итти пешком и упрашивать, пока им не разрешали явиться к мужьям. Такие тиранства совершал он вначале с соблюдением некоторых приличий, все-таки терпимо. Но чем дальше, тем хуже..."[5]

[1] Такое количество „воинов" с трех уездов указывает, что явились на сбор служилые люди не одни, а „конны, людны и оружны", со своими холопами и крестьянами.

[2] Любопытно, что в царском архиве Грозного находился „ящик 200, а в нем сыски родства ключников и подключников и сытников и поваров и хлебников и помясов и всяких дворовых людей" (А. А. Э., т. I, № 28, стр. 350). Здесь речь идет, конечно, о слугах по хозяйству, но выяснение социальных связей своих непосредственных окружающих характерно для подозрительного Грозного.

[3] Верстание в служилые люди „разных чинов людей", лишь бы они были к „государевой службе годны", вне зависимости от их происхождения, было совсем не таким уже необычайным явлением в Московском государстве, как казалось, видимо, Таубе и Крузе. Особенно часто практиковалось это в „украинных" (пограничных) городах, где служилые люди были особенно нужны. При наборе опричников этот „прибор" был только, очевидно, обставлен царем более, так сказать, сценически эффектно.

[4] Здесь, конечно, следует подразумевать не „чин" боярский, а общеродовое понятие „служилого человека"; точно так же, как известно, вотчины у провинциальных служилых людей „поимались" не только у „знатных"; ср. вышеприведенное свидетельство Штадена об отобрании вотчин у всех тех, кто с них не служил.

[5] М. Г. Рогинский, op. cit., стр. 35—36. Штаден дает почти буквальную же картину, лишь несколько расширяя ее во времени, тогда как Таубе и Крузе

Таубе и Крузе в своем повествовании вообще сгущали краски, и картины, подобные нарисованной только-что, повторялись, вероятно, не всегда и не везде. По русским источникам мы также знаем, однако, массовое переселение землевладельцев, не попавших в опричнину;[1] но в других случаях, как не раз указывалось выше, часть их продолжала сидеть на своих прежних местах, хотя самый „город" и переходил уже в опричное владение. Повидимому, формулу, которую обыкновенно употребляли акты опричного времени, определяя характер „поимания" владения у его хозяина — „с городом вместе, а не в опале" — следует понимать с упором внимания на переход собственно города как торгово-промышленного центра, как источника денежных доходов для удовлетворения насущных нужд опричной казны;[2] но переход города не значил еще обязательного перехода всего уезда. Особенно ярко заметно это на примере Белоозера. В 1568/69 г. оттуда были „высланы" вотчинники Семен и Нечай Васильевы дети Ергольские и Андрей Иванов с. Бурухин, а вотчина их была „взята с городом вместе".[3] Таким образом в Белоозерском уезде стала действовать оприч-

безусловно описывают непосредственный, первый перебор людишек, сейчас же за учреждением „особного" царского удела: „Князь или боярин, не включенный в список, заносился в особый список, который пересылался князю [Ивану] Дмитриевичу Бельскому и прочим земским боярам, с тем, чтобы взамен вотчины ему было дано имение где-нибудь в другом уезде. Это случалось редко. А когда случалось, и великий князь перебирал уезды, а опричники отбирали от земских их вотчины, то отбирали они все, что в этих вотчинах находили, не оставляя ничего, что им полюбится" (Штаден, пер. И. И. Полосина, стр. 93—94; немецкий текст: Fr. Epstein, op. cit., S. 43).

[1] Ср., например, переселение новгородских детей боярских из взятых в опричнину в 1571 г. Обонежской и Бежецкой пятин в пограничные местности, Себеж, Нещерду, Озерище и Усвят („Писцовые книги XVI в.", II, стр. 540—566); также из Шелонской пятины в 1576 г. была выслана большая часть помещиков — те, „которым в государеве уделе быть не велено" (Писцовая книга 1576 г. Шелонской пятины, составленная по приказу „князя Ивана Васильевича Московского", „Новгородские Писцовые книги", в. V).

[2] О сборе в опричнину разных налогов говорит, например, публикуемая любопытная грамота № 18 „на Чаронду Аргуну Иванову сыну Захарьину и во все городы... опричнины таможником и мытчиком, которые емлют с купцов всякую.. пошлину"; от более позднего времени, когда опричнина была переименована во „двор", см. тарханную грамоту 1577 г. Кирилло-Белозерскому монастырю на его вотчины „во всех дворовых городех" (№ 72), также грамоту „с прочетом" 1567 г. в Соль галицкую" (№ 11) и № 59.

[3] См. №№ 74 и 75.

нина. Однако через некоторое время мы видим, что не тол в уезде, но даже и на посаде существуют и „земские", и „опри ные" люди, которые и подчинены в губных делах особым гу ным старостам — опричным и земским (последним сохрани наказ от 21 марта 1571 г.).[1] В 1576 г., 2 апреля, городово приказчик на Белоозере Леонтий Ошанин получил грамоту „земского" великого князя „всея Руси" Симеона Бекбулатов с извещением крестьян Кириллова монастыря, что „их госуд князь Иван Васильевич Московской пожаловал, оторха Кирилова монастыря вотчину ото всяких податей"; в грамот Симеона, в клаузуле „прочета", как обычно, упоминаются и „наши иные приказные люди".[2] А в выданной 11 марта 1577 г. тому же Кириллову монастырю тарханной грамоте Белоозеро и Белозерский уезд значатся в „городех нашего государства", а не во дворовых.[3]

Подобное же причудливое сочетание представляли и другие уезды. Так, во Владимирском, всегда остававшемся в земщине, в опричнину была, например, взята у князя Ром. Ив. Гундорова его недавно пожалованная вотчина, волость Вешкирц.[4] В Московском уезде среди земских владений не только были вкраплены целые опричные волости, но даже отдельные вотчинники теряли свои владения, отбираемые у них на царя (см., например, потерю Ив. Сем., Молчаном и Василием Васильевыми детьми Паховыми их деревни Дедернина).[5] Таких примеров по разным уездам можно было бы привести и еще несколько.

Равным образом и служилые люди, зачисленные в состав опричников, так сказать, персонально, продолжали сохранять иногда свои владения в „земском", несмотря на то, что „опришнинцев", как правило, в свою очередь должны были „высылать", о чем в „земщину" отправлялись и специальные грамоты.[6]

---

[1] А. А. Э., т. I, № 281.

[2] А. А. Э., т. I, № 292 (также в „Архиве П. М. Строева", т. I, № 261 — Русская Историческая библиотека, т. XXXII).

[3] См. № 73.

[4] См. № 17.

[5] См. послушную грамоту 1567 г. Паховым на вотчины, пожалованные „против" их подмосковной деревни Дедернина (№ 12); об опричных волостях в Московском уезде см. „Полн. собр. русск. летоп.", т. XIII, ч. 2, стр. 395.

[6] См., например, показание крестьян о Ю. А. Нелединском, помещике Вотской пятины: „А про Юрья, государь, про Ондриева сына Нелединского

Лишенные своих владельцев земли должны были составлять опричный земельный фонд, из которого опричники и получали наделы — не вотчины, но поместья.[1] Указания на такие массовые „дачи" опричникам сохранили и публикуемые нами документы. Так, напр., старицкие вотчины Луки Степановича с. Житова были розданы разным лицам, а часть не взял никто — осталась „в отписи за государем".[2] То же отмечено и по вотчинам Сахара-Прохора Константинова с. Писемского и семьи Зубатых, в Костромском уезде, розданным по „даче" 7075 г. (1567), когда Кострома сделалась опричной.[3] Иногда опричники не дожидались официальной „дачи" и „отдела" им в поместье соответствующим агентом власти на месте и захватывали имения „без государева указа". Это можно наблюдать на примере вотчины упомянутых уже нами Ергольских и Бурухина, которою завладел Иван Головленков, человек, записанный в разрядах в ряду лиц, причисленных к опричным служилым людям. Землею — неизвестно, в качестве ли вотчины или поместья — Головленков владел, повидимому, несколько лет, пока ее не выпросил себе Кирилло-Белозерский монастырь.[4]

Сорванные со старых мест вотчинники, которым „в государеве уделе быть не велено", не могли рассчитывать, что власти действительно быстро наделят их, как и опричников, „против" их земель, отобранных „с городом вместе". „Это случалось редко", замечает наблюдательный Штаден.[5] И сами „земские" даже много лет спустя, когда дело шло уже о возврате им их старых владений, выражали по поводу неполучения их целиком

ведомо нам, как из Новагорода привезли заповедную грамоту и высыльную в великое говино в лети 7070 осмом году, а велили опришных высылать из жемщины" (Д. Я. Самоквасов, Архивный материал, т. II, М., 1909, стр. 50). Г. фон Штаден в своих записках рассказывает, как он жил в опричнине, и даже указывает, какие пограничные знаки делали опричники, чтобы отделить свои имения от земских.

1 О наделении опричников поместьями сохранилось любопытное указание официального документа, наказа „валовым писцам" 7130 (1621/22 г.), когда вставал вопрос об упорядочении земельных владений: „Да писцом же смотреть того накрепко, которые вотчины у вотчинников иманы в опричнину и раздаваны были в поместья..." (В. Н. Седашев, Очерки и материалы по истории землевладения Московской Руси в XVII веке, М., 1912, стр. 160).

2 См. № 64.

3 См. №№ 67 и 71.

4 №№ 74 и 75.

5 См. выше, стр. 142-143, примеч. 5.

в прежнем объеме горькие сетования и сомнения в прочности своих владельческих прав.[1] В горячие же первые дни после опричной конфискации приходилось устраиваться как то самим — использовать обычный „прииск", т. е. отыскать по знакомству, родству или по собственной инициативе соответствующее количестве земли, „черной", „дворцовой" или бывшей владельческой, и затем начать хлопоты по получению ее от правительства.

Наши документы рисуют, как пробовали устроиться вотчинники на новые места. Документы принадлежат нескольким семействам, так что в некоторых случаях возможно проследить последовательные этапы подобных попыток.

Особенно много сведений и документов сохранилось от фамилии Зубатых, густым кустом с многочисленными разветвлениями сидевших в Костромском уезде. Все они потеряли свои вотчины, когда в феврале — начале марта 1567 г. в Костромском краю появилась опричнина.[2] Вдова Марья Степ. Аргамакова, рожденная Зубатая, была, пожалуй, одна из первых представительниц фамилии, которая устроилась на новом месте и которая быстрее других постаралась выгодно ликвидировать часть своего нового имения. Она „приискала" в Московском

---

[1] Так в „памяти" о совместной даче в Троицкий монастырь своих владений А. С. и Мих. Кудашев Зубатые в 1578/79 г. писали: „А которая наша вотчина за осподарем, и бог нас помилует, осподарь пожалует, старую ли нам вотчину отдаст или в прииск где против тое вотчины пожалует нас, и нам та вотчина делити пополам" (см. № 79); Ив. В. сын Будаев, продавая свою и своего дяди Г. И. Синцова-Вельяминова костромскую вотчину Д. И. Годунову, рассказал в купчей историю первоначальной потери ее в 1567 г.: „И ту вотчину дяди моего и мою купленную другую половину села Исаковского з деревнями и с пустошьми взял государь на себя з городом вместе, а не в опале, как государь взял Кострому в опричнину, а дяде моему и мне государь велел против тое вотчины в-ыных городех дати, где приищем" (см. № 81). Кажется, Будаев и Вельяминов так ничего и не „приискали" себе, так как далее в той же купчей Будаев высказывает возможность „против" с. Исаковского все-таки приискать иную вотчину и в таком случае обязывается дать Годунову „иная купчая".

[2] Время перехода в опричнину Костромы определяется очень точно — промежуток 14 февраля — 9 марта 1567 г. Именно от 14 февраля дошла до нас грамота (по челобитью Симонова монастыря) в Соль Галицкую, уже опричную; из грамоты видно, что приписанные при опричном размежевании к Галицкому уезду монастырские села Дятлово и Демьяново продолжали еще считаться попрежнему в земском Костромском уезде (см. № 11); с другой стороны, 9 марта М. С. Аргамакова не только уже потеряла вотчину в Костроме при опричной ломке, но и получила даже возмещение.

уезде вотчину (90 четей „средней“ земли в поле и лесу пашенного 33 чети с двумя „третниками“), принадлежавшую за несколько лет перед тем в качестве поместья Ив. Аф. Ергольскому, который запустошил и бросил его, чтобы поступить в число служилых людей, „государева удела“ — опричнины.[1] Эту часть Аргамакова сейчас же, как только получила, продала боярину Ив. Вас. Шереметеву-Большему за 200 руб. Вторую часть она нашла себе в Коломенском уезде, в виде бывшего поместья своего родича Петра Шестакова с. Романова[2] — 2 жеребья д. Занкиной (158 четей „доброй“ земли), и эту половину она сохранила за собою. В третий жеребей той же деревни переселились другие вотчинники, потерявшие земли в Костромском уезде, из близкой, повидимому, Зубатым фамилии Бестужевых (также вдова, Елена, жена Басенка Бестужева, с детьми Гришей, Кудашем и Нефедком) и Барык Князев.

Конечно, „прииск“ был удачен потому, что на него указал сам бывший помещик — Петр Шестаков. Последний вместе со своим племянником Петром Меньшим и целым выводком других костромичей (также Бестужевыми — Осипом, Иваном и Ларионом Васильевыми детьми — и Шастинскими — Атаем Ивановым и вдовою Ивана Ульяною с сыновьями Василием, Миней, Уланом и Андреем) поселились всей группой в Белозерском уезде в Надпорожском и Заозерском станах.[3] Илья Антонов сын Царегородцев, купивший у своей сестры Василисы, вышедшей замуж за Ивана Зубатого, часть ее костромской вотчины, нашел себе возмещение вместе с детьми, сестрою и племянниками в Быкове и Коровине станах Московского уезда.[4] Наконец, о дяде и племяннике Зубатых-Федчишевых нет точных сведений, получили ли они где-нибудь „против“ своих вотчин; наши документы, как увидим далее, рисуют нам их уже вернувшимися в 1570-х гг. на свои старые костромские пепелища.

---

[1] Об Ив. Аф. Ергольском см. Русскую историческую библиотеку, т. II, № 37 (ср. П. А. Садиков, Из истории опричнины царя Ивана Грозного, „Дела и дни“, № 2, стр. 5—6).

[2] В числе многочисленных Зубатых, упомянутых в купчей Аргамаковой, значится и Петр Шестаков с. Романова, по рукоприкладству же — просто „Петр Шестаков“ (см. № 15).

[3] См. № 25.

[4] См. № 44.

Другие костромичи также потянулись на Белоозеро: в Рабозерской волости устроились Мих. Яковлев с. Путилов [1] и его „брат" (родственник) Фед. Никиф. с. Олгов;[2] а иные приискивали себе возмещение за потерянные вотчины в других уездах. Петр-Шестой Григорьев с. Кренев, например, устроился в Меретском стане Кашинского уезда,[3] Исак Иванов с. Колтырин-Раков — во Владимирском у.,[4] а Ив. Дм. Воронцов — в Городецком стане Бежецкого уезда.[5]

Родич И. Д. Воронцова, Вас. Фед. Воронцов, впоследствии служивший в опричнине, смог, конечно, легко найти себе и своей матери возмещение в Дмитровском уезде (с января 1566 г. поступившем в удел кн. Владимира Андреевича), когда они потеряли свои вотчины в Пошехонье — у Воронцовых в Дмитровском уезде была старинная вотчина, с. Ольявидово; по соседству к нему-то и приискали себе „дачу" Воронцовы.[6]

[1] См. № 23.

[2] См. № 22. Неизвестно, где получила возмещение его родственница Екатерина, жена Федора Олгова, с детьми Василием, Суслом, Кислым, Никитою, Десятым и Замятнею; их конфискованные вотчины до 8 марта 1569 г еще не нашли себе охотников среди опричников и были отданы местному монастырю (Никольскому Строевы горы) взамен отписанных к дворцовому с. Писцову монастырских деревень (см. № 35. Напеч. неисправно в „Материалах для истории сел, церквей и владельцев Костромской губ. Отд. третий для Костромской и Плесской десятин Костромского уезда. XV—XVIII вв.", в. 5, М., 1912, стр. 114). Грамоту монастырю подписал дьяк Осип Ильин, один из опричных „деятелей" (Штаден, перев. И. И. Полосина, стр. 97, 142, 134).

[3] См. № 32. Очень вероятно, что Кренев не лично „приискал" себе поместье в Кашинском уезде, а попал в число редких, кажется, массовых испомещений детей боярских, выведенных из уездов, забранных для опричников; в позднейших известиях есть упоминание на раздачу именно в 1567 г. ч е р н ы х земель: „И в книгах письма и меры кашинского городового приказщика Ивана Воробьева да подъячево Якова Елисеева лета 7075-го в Суходольском стану написано: а что были черные деревни, а осталися за роздачею. у детей боярских, у костромич да у суздальцев, у Кудаша Боровсково, дер Хирино, дер. Денисово, дер. Митяево Меньшое, дер. Огрысково, дер. Самойлово-Матасово, и всего 5 деревень, пашни середние земли 122 четверти" (Л. М. Сухотин, Земельные пожалования при царе Владиславе, М., 1911, стр. 12). Эта раздача помещикам черных земель очень любопытна; Кудаш Боровской, очевидно, также был одним из выведенных из опричных Костромы или Суздаля.

[4] См. № 46.

[5] См. № 39.

[6] См. №№ 55 и 56. Дмитров с уездом был выменен Грозным кн. Владимиру в обмен на Старицу в январе 1566 г. (Полн. собр. русск. летописей, т. XIII, ч. 2, стр 400).

В том же Дмитровском уезде получил вотчины и Ив. Юр. Грязной, взамен отошедшей в опричнину земли в Ярославце Малом.[1] Наоборот, другим дмитровцам, как Григ. Ив. Заболоцкий, пришлось переселиться в далекий Новосильский уезд и там получить нераспаханные угодья в „диком поле", с большим количеством сена и леса.[2]

Можайские вотчинники Кишкины получили „против" их отобранных вотчин земли в Белозерском уезде. В истории их переселения любопытны два момента: во-первых, в Можайском уезде у них (у Ивана и Василия Яковлевых детей) были отобраны даже заложенные им кем-то вотчины и они привезли с собою старые „закладные кабалы", которые и отдали заимодавцу, закладывая в свою очередь свои новые белозерские имения за 100 р.,[3] во-вторых, отец только что упомянутых братьев, Яков Молчанов с. Кишкин, два раза потерпел от опричнины: первый раз, когда в 1565 г., в опричнину был взят Можайск, Я. М. Кишкин, лишившийся своих старых владений, перебрался в 1566 г. в только-что вымененную Грозным у кн. Владимира Андреевича Старицу и здесь получил „против" можайских потерь новое имение; во второй раз — когда и Старица, повидимому в ближайшее же время за выменом ее, была забрана в „государев удел"; Кишкин получил тогда вотчину в Белозерском уезде, в Надпорожском стане, которую и поспешил продать уже 2 октября 1567 г.[4] Его сыновья не прошли, так сказать, через „старицкий этап" мытарств и прямо переселились вместе с отцом в Надпорожский стан.

Подобное же двойное переселение испытал на себе и кн. Роман Ив. Гундоров. Лишившись еще в 1565 г. своей родовой стародубской вотчины (Гундоровы происходили от стародубских княжат), он получил, по всей видимости, недурное возмещение — по соседству, во Владимирском же уезде, целую волость Вешкирц. Но и она была отобрана в опричнину, и Гундорову были даны прежние поместные земли Ив. Фед. Воронцова (служившего в опричнине) в Московском уезде, в Пехорском и Васильцове станах; это бывшее поместье составлено было

[1] См. № 49.

[2] См. № 48.

[3] См. № 26; о другой части той же вотчины братьев Кишкиных, проданной ими за 50 руб. — см. № 24.

[4] См. № 21.

из разного рода деревень — „черных", „псарских", „бортных" и „конюшенной". Однако получение подмосковной являлось, очевидно, далеко не блестящим приобретением (недаром из него ушел и опричник Воронцов), и Гундоров продал деревни Константину Юрьевичу Греку.[1]

Из таких же поместий мелких служилых людей и оброчных земель получали вознаграждение в Московском уезде и другие вотчинники. Так упомянутые уже выше (см. стр. 144) Паховы получили 58 четей („в поле, а в дву по тому же") из бывшего поместья конюха Герасима Быкасова, в Лукомском стане, в дер. Федотовской-Шелудяково.[2] В остальной части того же владения, в дер. Басюнино-Поповском, всего на 19 четях, уселись братья Хомяковы, Иванко да Гриша Борисовы дети, получившие возмещение по послушной 25 февраля 1567 г. „против" их боровской вотчины, трех жеребьев дер. Елизаровой.[3] Их родственник, Иосиф Владимиров с. Хомяков, за боровскую потерю получил в том же Лукомском стане еще более мелкое владение — жеребий в дер. Сидоркове — 9 четей с полуосминою, которые в январе 1570 г. он дал вкладом в Симонов монастырь.[4] Фед. Григ. Желтухин получил взамен своей вышегородской вотчины бывшие поместья двух дьяков, Лаши Зиновьева и Ив. Гаврилова, причем в „послушной" грамоте были точно указаны как размеры потерянной вотчины, так и количество новой дачи.[5]

Подробное перечисление всех угодий особенно интересно в „отдельной отписи", выданной пяти суздальским вотчинникам Краснослеповым, целым родственным гнездом, во главе с Афанасием Мордвиновым сыном, переселившимся в Муромский уезд. Это были очень мелкие землевладельцы (в сентябре 1566 г.

[1] См. №№ 17, 45 и 47.

[2] См. № 12.

[3] См. № 13. Боровск, „город", посад и „станы около города" (стан Домля, Вешки, Онеги Спасские и Юрьевские, Ярцово, Тарасово, Песочна, Ефимово, Горбово, Коренево, Косиково, Турьи горы, Тереховская, Ловышино, Сосновец, Кицема, Козлов брод) в феврале 1566 г. Грозный отдал кн. Владимиру Андреевичу, отобрав у него Алексин, городище Любуцкое и Волково (Полн. собр. русск. летоп., т. XIII, ч. 2, стр. 400). В остальных частях уезда стала действовать, видимо, опричнина, от которой пострадали и Хомяковы. Еще раз получилось интереснейшее переплетение — царских „удельных" и настоящих удельных земель.

[4] См. № 42.

[5] См. № 4.

им отмерили „против“ прежних 72-х четей в поле 2 деревни с 4 дворами и 4 крестьянами в них). „Не дошло их меры“ 3 чети, за что они получили 30 копен лишнего сена и 3 десятины пашенного леса. В новой вотчине Краснослеповых находились государевы бортные „ухожаи“, и Краснослеповым и их крестьянам было строго запрещено как-либо портить „государев лес бортной“ или пользоваться медом для себя.[1] В 1571/72 г. Никита Афан. Краснослепов, сын старшего из вотчинников, оказавшийся, очевидно, единственным наследником всего земельного участка, поспешил отделаться от неудобной вотчины, продав имение за 83 руб. Бажену Никитину сыну Хвостову, который через три года в свою очередь перепродал („дал“ за 80 руб.) „вотчинку“ Троице-Сергиеву монастырю.[2]

Сам Бажен Хвостов также происходил из семьи бывших суздальских вотчинников, потерявших владения в результате опричной ломки. История устройства на новом месте Хвостовых крайне любопытна. Их было три брата, которые еще при жизни отца, Никиты Яковлевича, наметили уже по его „духовной“ раздел между собою суздальской вотчины „по третем“. Однако сделать это они, кажется, не успели, когда их застал опричный „вывод“ из Суздаля. Пришлось перебраться вместе со своими земляками Краснослеповыми и, может быть, другими вотчинниками, не принятыми в опричнину, в соседний Муром и делить в 1566/67 г. уже новую свою „дачу“. Старик-отец умер (был казнен Грозным)[3] и во главе семьи оказалась его вдова, Марья Ивановна. Хвостовы поделили „божее благословение“ (иконы и другие принадлежности культа), „животы“ (движимое имущество) и вотчину, а также и всех холопов — „людей“. Последних делили по семьям, но некоторых женщин и девушек (14 „голов“, а 15-я „голова“ оставалась „вопчей“) отдали своим незамужним сестрам, заботы о дальнейшей судьбе которых взяли на себя их мать и старший брат Бажен. Взамен уступленных девочек братья

---

[1] См. № 8.

[2] См. № 58. Характерно, что ни Н. А. Краснослепов в своей „записи купчей“, ни Б. Н. Хвостов ничем не обмолвились о судьбе бортных угодий.

[3] Он записан в известные „синодики“ Грозного (см. С. Б. Веселовский, Синодики опальных царя Ивана как историч. источник, — „Проблемы источниковедения“, 1938, № III). — Из Хвостовых потомков когда-то боярского рода, но сильно измельчавших и спустившихся в ряды дворянства, многие также были казнены.

выменивали у сестер „парней", которые приходились, почему-либо, на долю сестер; беглых холопов, вероятно воспользовавшихся моментом выселения своих господ из Суздальского уезда, Хвостовы обязались между собою, поймав, также поделить „на трое".[1] В 1567/68 г. умер второй брат, Богдан-Петр, оставивший „духовную",[2] интересную по ряду указаний на хозяйственные приемы (заем ржи и другого хлеба — вероятно для барской запашки — у крестьян своих деревень) и на домашний обиход среднего московского феодала. Из этой же духовной мы узнаем, что Хвостовы затеяли в Муроме какое-то „церковное строение", но потерпели крах и были даже „отданы на поруку" „от Малыгиных из опришнины",[3] причем ездить в Москву, таскаться там по приказам, нести убытки, „проедать" прожитки и терпеть „волокиту московскую" пришлось Петру-Богдану. В конце концов эта борьба с опричниками кончилась печально и для него: он также был казнен.[4] Из „духовной" видно, что Богдан Хвостов обладал библиотечкой духовных книг, которые приказывал раздать по церквам, а вотчину свою завещал дочери, жене и будущему своему ребенку; им же предназначены были и холопы, из которых только один „кабальный человек" отпускался на свободу, а другой получил приказ: „живи у жены моей", и по 1 рублю на члена семьи. Скоро, повидимому, умер и третий брат, Иван Никитич, сестры были выданы замуж, а Бажен и его мать Марья постриглись — стали „старцем Никоном" и „старицей Маремьяной". Несмотря на явно выраженный в документах достаточный вкус к жесткому и отнюдь не склон-

[1] См. № 10.
[2] См. № 28.
[3] Малыгины были ярославские вотчинники; один из них, Образец Третьяков сын, старался всячески увеличить свои достатки. Будучи сам очень некрупным землевладельцем (за ним, его матерью Прасковьей и братьями Никитой, Вторым, Федором и Гришкою в 1568/69 г. числилось вотчины в Ярославском уезде 4 деревни с 71 четями средней земли, 200 копнами сена и 18 десятин лесу непашенного), Образец старался получить бывшую вотчину д. Никиты Мотовилова (127 четвертей середней земли, 42 худой, 4 четверти перелогу, 500 копен сена и 1/2 десятины леса): „Вотчина, что была дияка Микиты Мотовилова",— записано было в писцовой книге Ярославского уезда,—„и тое вотчины, сказывают, на Москве перед бояры искал на Никите из опришнины Образец Малыгин, и ту вотчину велено отписати на царя и великого князя ярославскому городовому прикащику Мурзе Карачинскому до государева указу" (ГАФКЭ, Писцовые книги, № 7785, лл. 16—17, 18 об.).
[4] С. Б. Веселовский, op. cit.

ному мирволить „людям“ хозяйствованию, несмотря на стремление округлить прикупкою свою новую Муромскую вотчину, „старец“ Никон-Бажен и „старица“ Маремьяна Хвостовы чувствовали себя мало уверенными на своих новых землях: недаром они испытали „поруки“ от опричников Малыгиных, перенесли казнь двоих близких людей.

Уже самое обилие среди Хвостовых имен, производных от слова „бог“, может характеризовать общее умонастроение этой семьи. Вполне понятно, что главы семьи „старица“ Маремьяна и „старец“ Никон, обратились к местному монастырю, Борисоглебскому на Ушне, надеясь там получить помощь. Они дали в монастырь некий денежный вклад (очевидно — за себя), а новую вотчину свою отдали туда же, за 300 руб., на которые и должны были три молодые женщины кормиться и „устрои себе чинити“ — готовиться или к выходу замуж или также к постригу в монахини. Пришлось, однако, разочароваться; архимандрит Самуил не исполнил обещанного, хотя вотчину в ведение монастыря и принял: „И борисоглебский архимарит з братьею нам солгали“, — не удержался и гневно записал в новом акте Бажен-Никон: „тех денег, с вотчины скупа, не дали“. Вотчину Хвостовы и дали на тех же условиях в 1574/75 г. Троице-Сергиеву монастырю.[1]

С Суздалем связан и еще один из публикуемых актов. Именно, потерявший свои старинные вотчины при переходе в опричнину Переяславля Пятый Андреев сын Тумский в 1581/82 г. дал вкладом в суздальский Спасо-Ефимьев монастырь свою вотчину, пустошь-селище Лапицу в Опольском стане Суздальского уезда. Тумский был специалистом писцового дела, приказным человеком; возможно, что этим и объясняется особое положение, когда он смог получить возмещение в опричном городе. Возможно, впрочем, и иное, пожалуй, более вероятное предположение: что Суздальский уезд, как и многие другие, не был сплошным „удельным“ — опричным — округом и часть земель в нем оставалась за земщиной, тем более, что и получал то Тумский, видимо, не очень завидную дачу: вместо двух

[1] См. № 65. Скоро, однако, они помирились с архимандритом Самуилом, дали новую данную (см. № 68), в которой не только замолчали весь скандальный эпизод, но даже сумели заставить Самуила подписать в качестве послуха „данную“.

„селец" с деревнями — пустошь, хотя бы „и с пашнею и с луги и с лесы и с отхожими пожнями и со всякими угодьи"; за половину этой пустоши, однако, монахи согласились вернуть Тумскому денежную „кабалу" (его и его брата и племянников) в 100 рублях.[1]

Во Владимирском уезде нашел себе возмещение за потерю родовых ярославских вотчин кн. Даниил Иванович Засекин. Когда затем в опричнину попал Переяславль, Засекин прибрал „против" этой потери в том же Ильмехотском стане новые деревни.[2] Но возмещение за ярославские имения все еще не было, повидимому, полным; сверх того кн. Засекину вновь пришлось расстаться с частью своих имений, когда вслед за казнью кн. Владимира Андреевича (в начале 1569 г.) принадлежавший последнему Дмитровский уезд перешел в состав опричнины и „земский" вотчинник Засекин не мог сохранить свои дмитровские земли. Поэтому в 1576 г. он от вел. кн. Симеона Бекбулатовича „всея Руси" получил остаток (хотя все же „не дошло" против ярославской вотчины 67 четей пашни, 150 копен сена, 10 десятин лесу пашенного и 10 же десятин непашенного).[3] За это время получил он возмещение и за дмитровские вотчины и в 1576/77 г. дал их вкладом в Троице-Сергиев монастырь.[4] Все свои дачи он, конечно, присматривал себе сам, основавшись на новом своем гнезде, в Ильмехотском стане Владимирского уезда, и все-таки значительную часть их подавал в монастырь, очевидно, в надежде найти себе там в трудную минуту жизни пристанище как крупный вкладчик.

---

[1] См. № 82. Пятый Тумский „дозирал" земли в Костроме (в 1578/79 г.), в Нижнем Новгороде (1575/76 г.) и в Муроме (С. Б. Веселовский, Сошное письмо, т. II, стр. 603, 610, 611).

[2] См. № 62. В Боголюбовском стане того же Владимирского уезда получила возмещение „против" переяславльской своей вотчины и кн. А. П. Нагавицына-Засекина, затем променявшая новое владение д. Андр. Як. Щелкалову (см. № № 40 и 57).

[3] А. А. Э., т. I, № 290.

[4] См. № 70. Впоследствии кн. Д. И. Засекин служил боярином у царя Симеона Бекбулатовича; неизвестно, когда Засекин получил довольно приличное поместье в Угожском стане Звенигородского у. (1 село, 18 деревень да пустошь, пашни середней и худой земли 420 четей без полуосмины (в поле), сена 672 копен, лесу пашенного 12 четей, непашенного 35 четей)—„Писцовые книги XVI в.", I, стр. 709—710.

Со Старицким уездом связана была судьба старинных местных землевладельцев Житовых (из рода тверских бояр Бороздиных). Уже приходилось упомянуть выше (см. стр. 149), что те, кто пытался усесться было в Старицком уезде, были сорваны с места и принуждены искать новых возмещений.[1] И Житовы лишились владений. Андрей Петрович, потерявший не только старицкие вотчины, но и ярославские владения, приобрел новые в Шахове стану Московского уезда, которые он, став монахом Симонова монастыря под именем Арсения, и передал (совместно со своими сыновьями Захаром, Богданом-Максимом и Федором) 2 июля 1569 г. Симонову же монастырю.[2] Татьяна Житова владела вместе с сыном Дмитрием Никитичем в Старицком уезде половиною села Михайловского с деревнями: „против" них она получила в Волоколамском уезде вотчину, которую, также на помин души „в наследие вечных благ", передала местному крупнейшему монастырю — Иосифову в 1568/69 г.[3] Ее совладелец по с. Михайловскому, Лука Степанов сын Житов, вотчину которого в Старице роздали в поместье ряду опричников, получил, повидимому, вотчину в Коломенском уезде, в Скулневском стану, дер. Верткову на р. Северке (63 чети пашенной середней земли, 207 четей с осминою перелогу, кустарем поросло 100 четей, сена 150 копен, кроме непашенного леса).[4] Он был счастливее своих родичей, сохранил на время свою старую дачу, сумев в 1570-х гг. вернуться в старое свое имение.[5]

Выгнанные из опричнины „земские" вотчинники мало дорожили своими вотчинами. Этот факт уже отмечен в исторической литературе — выявлен усиленный наплыв вкладов в монастыри как раз во время наиболее интенсивной опричной земельной мены.[6] Такой прием был или замаскированной продажей, спосо-

[1] О поступлении Старицы в опричнину и произведенной там переборке людей, зачисленных в опричники, „по степеням" — см. у Штадена (пер. И. И. Полосина, стр. 134—135; подлинный текст: Fr. Epstein, op. cit., SS. 182—183). Любопытно, что опричник Штаден получил при этом в придачу не только новые поместные дачи, но и вотчину.

[2] См. № 38.

[3] См. № 31.

[4] „Писцовые книги XVI в.", I, стр. 451.

[5] См. № 64; ср. ниже, стр. 162-163.

[6] С. Б. Веселовский, Село и деревня в северо-восточной Руси XIV-XVI вв., М.—Л., 1936, стр. 137—138.

бом приобретения денежного капитала, столь необходимого уже для московского служилого человека второй половины XVI в., или же стремлением как-то спрятаться за спиною крупного феодала от дальнейших, возможных, переброс и передряг. Владеть новою вотчиною приходилось часто на довольно шатких основаниях — „по старым крепостям" на уже утраченные имения и по новым „послушным" („ввозным") грамотам и отдельным, дожидаясь настоящего обмера и межевания и записи в писцовые книги иногда много лет. Процесс перехода новых „земских" вотчин в монастыри наблюдается и в публикуемых актах. Наблюдается по ним и развитая, повидимому, прямая продажа (см., например, продажу вотчин М. Аргамаковой, Ис. Ив. Колтыриным-Раковым, кн. Р. И. Гундоровым). В иных случаях эта купля-продажа носила определенный спекулятивный характер, причем можно усмотреть и конкретных лиц, подобными операциями занимавшихся.

Двое таких дельцов орудовали среди вотчинников, которые получали возмещение в Белозерском крае. Оба они принадлежали к видным представителям московской администрации — служили дьяками центральных московских приказов, но по размаху спекулятивной деятельности первенство, безусловно, должно быть отнесено к дьяку Мясоеду-Константину Семеновичу Вислому.

Это был любопытный, типичный московский делец-дьяк. К интересующему нас моменту (1567/68 г.) Мясоед Вислый достиг уже преклонных лет. Происходя из служилых людей Белозерского уезда, где у него была родовая вотчина, Мясоед на Белоозере же, повидимому, начал свою служебную карьеру, будучи там в 1530-х гг. городовым приказчиком. За продолжительное время своей службы он довольно долго побывал дьяком в Дворцовом приказе, служил вместе с Вас. Щелкаловым в Разбойной избе и накопил очень крупное состояние, заключавшееся в богатом доме в Москве, хорошем капитале и большом количестве всяких ценностей. Деньги Мясоед Вислый не держал у себя и, повидимому, пускал их в оборот, давал в долг боярам и дьякам. Это был настоящий капиталист, завещавшик после смерти своей продать свой московский дом со всем находившимся в нем имуществом, а вырученные деньги раздать по монастырям и церквам. Дьяк был очень благочестив, как и подобало „истинно-московскому" человеку, хранил, приобре-

тал и раздавал по церквам иконы и прочую „святыню“ в драгоценных окладах, жертвовал колокола и обладал очень недурной библиотекой богослужебных и других церковно-учительных книг. Наконец, чтобы дополнить характеристику, можно прибавить, что он был бездетен, но женат, по некоторым известиям на молодой и красивой, видимо, женщине, которая погибла трагически и была косвенной причиной гибели и своего старика-мужа.[1]

Таков, в общих чертах, был человек, с именем которого главным образом и связывается вскрываемая публикуемыми документами эпопея скупки имений у вотчинников, пострадавших от опричнины.

2 октября 1567 г. Мясоед Вислый купил вотчины у Я. М. Кишкина за 30 руб.;[2] в 1567/68 г. у Ф. Н. Олгова — за 70 руб.,[3] у М. Я. Путилова — за 80 руб.,[4] у Ивана и Василия Яковлевых детей Кишкиных-Молчановых — за 50 руб. (им же он дал под заклад другой части их вотчины 100 руб,[5] всего, следовательно, на 230 рублей, или, считая с „закладными“, на 330 руб.). Сверх того он приобрел у другого „спекулятора“, дьяка Рахмана Житкова, всю его добычу.

Рахман-Парфений Иванов сын Житков пошел иными путями: он, может быть, не располагал столь крупными наличными средствами, как Вислый, и потому был более скромен: выменял у двух Шестаковых-Романовых, дяди и племянника, шести Шастинских и трех Бестужевых (по одной общей меновной) их

---

[1] Сведения о Мясоеде Вислом см. у Н. П. Лихачева, Разрядные дьяки XVI в., СПб., 1888, стр. 194, 266, 272; его „духовные“ 1568 и 1570 гг., в которых он дает полное описание своих богатств, помещены в „Актах юридических“, № 421—II (также „Архив Строева“, т. I, №№ 238 и 243 — Русская Историческая библиотека, т. XXXII). Альберт Шлихтинг рассказывает, что Грозный приказал похитить жену Вислого в 1569 г., долго держал ее у себя, а затем, изнасилованную, велел повесить перед дверями мужнина дома; 20 июля 1570 г. опричники отрубили голову по приказу царя и самому Мясоеду („О России времени Ивана Грозного“, стр. 37, 44). Казнь М. Вислого засвидетельствована также Гваньини и синодиком Кирилло-Белозерского монастыря (А. И. Ясинский, Сочинения князя Курбского, как исторический матерьял, Киев, 1889, стр. 202).

[2] См. № 21. Докладная купчая перед боярином Василием Юрьевичем Трахдниотом (подпись дьяка Рахмана Житкова).

[3] См. № 22.

[4] См. № 23.

[5] См. №№ 24 и 26.

белозерскую вотчину на свою, частью купленную, а частью также, видимо, вымененную, в Юрьев-Польском уезде.[1] На этом Житков и остановился, продав все Вислому за 300 руб.[2] Можно думать, что вообще вся операция Житкова явилась результатом его участия в составлении первого документа для Вислого — подписи им докладной купчей 1567 г. на покупку у Кишкина дьяк-делец почуял возможность обделать выгодное дельце и выступил на этом поприще самостоятельно; „заработав кое-что, он уступил затем полученное за хорошую сумму своему клиенту-сопернику.[3]

Сличая подписи послухов на всех перечисленных выше документах, можно притти к одному определенному выводу: все акты составлялись безусловно в Москве (не говорим, конечно, о докладных купчих — они в другом месте и составлены быть не могли), в непосредственном присутствии всех заинтересованных лиц. А отсюда невольно возникает догадка-вопрос: да не являлся ли и весь „прииск" вотчин в Белозерском уезде чисто канцелярским, так сказать, приемом? Толкаясь в Москве по приказам в ожидании „государевой милости", костромские и другие дети боярские нашли человека, который смог им в этом деле „помочь": указав на свободные, ему, конечно, хорошо как местному уроженцу известные, земли, провел все дела по приказам,[4] выправил самые необходимые документы („ввозные" или „послушные" грамоты), а затем предложил избавить от будущих, совершенно неведомых, очень возможно „лежащих в пусте" владений, вручив столь нужную в то время для сына боярского сравнительно приличную денежную сумму. На такую мысль невольно наводит и то обстоятельство, что, передавая при продаже все документы новому владельцу, продающие, ни один, не упомянули в своих купчих об „отдельных" грамотах, т. е. об актах, которые следовали за фактиче-

---

[1] См. № 25.

[2] См. № 27. Докладная купчая.

[3] Сам Рахман Житков был некрупным старинным землевладельцем Дмитровского уезда („Писцовые книги XVI в.", I, стр. 768); в 1569/70 г. он уже умер и по его „душе" родные давали вклады в монастыри (С. А. Шумаков, Обзор грамот коллегии экономии, в. III, стр. 17—18).

[4] В числе послухов на большинстве из публикуемых документов фигурирует и Степан Никитин сын Верещагин, подьячий Поместной избы, т. е. очевидно, тот, кто оформлял непосредственно все акты.

ским вступлением землевладельца во владение имением и которые составлялись уже на местах местными приказными властями. При таком, очень вероятном, допущении чисто-спекулятивный характер сделок становится особенно выпуклым и ярким.

Мясоед Вислый не оставил себе приобретенных вотчин; верный своему принципу накопления денежного капитала и ценностей, он немедленно же продал вотчины за 400 руб. местному духовному феодалу — Кирилло-Белозерскому монастырю.[1]

К сожалению, на этом и обрываются сведения (по нашим документам) о дальнейшей судьбе вотчинников, расставшихся и с новыми своими землями, полученными взамен отобранных у них в опричнину старых владений, и не успевших, повидимому, не только оценить хозяйственную значимость этих земель, но даже, весьма возможно, и просто взглянуть на них хозяйским глазом.

Начало 1570-х гг. ознаменовано было в опричной политике временным, но крупным переломом. Уже из русских источников мы знаем отрывочные известия, что в это время „государь опришнину отставил" и некоторых из изгнанных вотчинников велел „опять пустити" на старые места в прежние уезды, причем, если почему-либо прежняя вотчина не могла быть возвращена, то „против" нее давалось новое владение, но в том же уезде.[2] Известно также, что с 1572/73 г. самое название „опричнина" действительно исчезает из документов, заменяясь терминами „двор", „дворовые люди", „дворовые" учреждения, города и т. п.; термины „земское" и „земщина" продолжают существовать до самого конца жизни Грозного. В глазах иноземцев-современников идентичность нового „двора" царя и старой „опричнины" была несомненна. Так, Лев Сапега, литовский посол, 26 (16) апреля 1584 г., сообщая о попытке Б. Бельского произвести дворцовый переворот с помощью стрельцов, писал, что Бельский хотел воздействовать на царя Федора, чтобы тот

---

[1] См. № 30.

[2] Л. М. Сухотин, К вопросу об опричнине, стр. 57, челобитная И. А. Долгово-Сабурова; Сабуров не мог получить прежней вотчины, так как она была обращена в „раздачу"; поэтому он и был пожалован „противу старых вотчин" в том же Ярославском уезде с. Гавшинским, которое ранее было вотчиной кн. Сонцовых, а затем дано Сабурову в качестве поместья (очевидно, „противу" вотчины?). Это утверждение оспаривал старый вотчич с. Гавшинского кн. И. А. Сонцов-Засекин.

не отменял „двора“ и „опричнины“ своего отца („aby dwor i opritczyne chował tak jako ociec jego“).[1]

Самое точное описание этих перемен в опричнине мы находим все у того же исключительно ценного по своим показаниям Г. Штадена. Здесь его свидетельства особенно интересны и должны быть особенно достоверны, так как он был человеком, непосредственно испытавшим, как видный опричник, все последствия „отставки“ опричнины.

Штаден связывает перемены в опричных порядках с последовательными набегами крымцев 1571-1572 гг. Действительно, во время этих опустошительных погромов, когда в 1571 г. сгорела и сама Москва, опричнина, как воинский отборный корпус, не только не оказалась на высоте положения, но среди ее рядовых членов нашлись и прямые изменники, перебежчики к хану. Наконец, только что был завершен последний акт „розыска“ по большому изменному делу, который был начат еще в 1567 г. разбором обстоятельств боярского заговора и окончен новгородским погромом и последовавшими затем казнями в Москве и земских и виднейших опричных служилых людей. Все это заставляло пересмотреть отношения, а сверх того как-то, может быть, и пополнить ту страшную людскую убыль — „пустоту“ в уездах, которая обнаруживалась все более и более после непрерывных войн и хозяйничанья опричников, развернувших настоящий крестьянский разгром в своих временных поместных дачах.[2] Опричнина, учрежденная наспех (хотя, безусловно, и хорошо продуманная Грозным ранее), в обстоятельствах и под впечатлением неудач московских войск против литовцев и крымцев при набеге последних на Рязанскую украйну в 1564 г., кончила первую фазу своего существования благодаря нашествиям тех же татар. Необходима была некоторая

---

[1] „Scriptores rerum Polonicarum“, t. VIII, 1885, pp. 174—175.

[2] Описание этого „разгрома крестьянского хозяйства и экспроприации значительной части крестьянских земель в пользу феодалов“-опричников, в результате чего классовая борьба в отдельных случаях начинала принимать форму уже настоящей гражданской войны между опричниной (поместным дворянством) и крестьянами, дал И. И. Смирнов (Классовые противоречия в феодальной деревне в России в конце XVI в. — „Проблемы истории материальной культуры“, 1933, № 5—6, стр. 59—73). Кроме указанных им примеров из записок Штадена и русских источников, см. еще описание хозяйничанья опричников, пустошивших поместья и невероятно увеличивавших крестьянские платежи, сделанное Таубе и Крузе (см. выше, стр. 140-141).

передышка, тем более что, по справедливому замечанию И. И. Полосина, „вчерне социальная перетасовка была закончена, а потому естественной и неизбежной оказалась некоторая реакция".[1]

„С этим[2] пришел опричнине конец, повествует Штаден, и никто не смел поминать опричнину под следующей угрозой: виновного обнажали по пояс и били кнутом на торгу. Опричники должны были возвратить земским их вотчины. И все земские, кто оставался в живых, получили свои вотчины, ограбленные и запустошенные опричниками".

„Когда эта игра [отражение крымцев], читаем мы у него же в другом месте, была кончена, все вотчины были возвращены земским, так как они выходили против крымского царя. Великий князь далее не мог без них обходиться. Опричникам должны были быть розданы взамен этих другие поместья."[3]

Радикальный „перебор людишек" на этот раз коснулся опричников. Но уступки „земщине" были только временные, и в ближайшие же годы начались новые „переборы"; в этих случаях было изменено только название: города, уезды и люди брались не в опричнину, а во „двор". Когда „великим князем всея

---

[1] Вступительная статья к его переводу записок Г. фон-Штадена, стр. 41.

[2] С набегом хана Девлет-Герая 1572 г., окончившимся отражением татар в битве 1 августа при Молодях. О степени опустошения окрестностей Москвы после первого набега (в 1571 г.) яркую картину дает публикуемая нами грамота № 52.

[3] Штаден, перев. И. И. Полосина, стр. 110, 151—152. Немецкий текст: „Darmit nahm Aprisnay ein ende, und niemand dorfte Aprisnai mit einem worte gedenken bei nachfolgender poen. Er wart bis an den gürtel nacket ausgezogen, über den markt mit peitschen geschlagen, und alle die in Aprisnai musten den Semsken ihre erpgüter wieder apstan, und alle Semsken entpfingen ihre erpgüter, welche damals noch lebendigk und von Aprisnay ausgelündert und vorwüstet waren" (Fr. Epstein, op. cit., S. 77). „Da dis spil überhin war, da wurden alle erpgüter den Semsken wiedergegeben, darumb, dass sie dem keiser in Krimmen wiederstant getan hatten. Der grosfürschte kunte ihrer auch nicht lenger entraten. Den in Aprisnay solten wieder andere lantgüter ihnen an die stette gegeben werden" (ibid., S. 202). Штаден говорит и о других мерах, предпринятых в это время: 1) о составлении новых „смотренных списков" опричных князей и бояр и выделении служилых иностранцев в особый список (Штаден, пер. И. И. Полосина, стр. 152); 2) о смене всех начальников в опричнине: „Потом все князья и бояре, которые сидели в опричных дворах, были прогнаны; каждый, помня свою измену, заботился только о себе" (ibid., стр. 145) и 3) об уплате опричниками земским их долгов по „вымученным кабалам" полностью, на всю, якобы занятую земскими, сумму (стр. 96).

Руси" был сделан Симеон Бекбулатович, то состоялся и прямой указ о таком „переборе", правда, облеченный в очень своеобразную форму — известную челобитную „Иванца-Московского", якобы „холопа" великого князя Симеона.[1]

Трудно сказать, много ли нашлось охотников из „земских" возвращаться в запустошенные старые вотчины.[2] Многие, продав или вложив в монастырь свои новые дачи, вероятно, и формально потеряли права на свои родовые владения, так как не смогли вернуть пожалованных „против" них участков. Другие уже прочно осели на новых местах и могли не пожелать вновь переселяться.

Публикуемые документы дают несколько иллюстраций к такой редукции вотчинных земель прежним владельцам, начавшейся с 7080 (1572) г.,[3] причем два случая, однако, следует считать „сепаратными", так сказать, возвращениями, обусловленными особым положением, которое занимали сами возвращавшиеся.

Первый случай наблюдается по Старице — с возвратом вотчины Луке Степанову сыну Житову. 31 мая 1574 г. ему было „отказано" полсела Михайловского с деревнями, недавно еще розданного в поместья детям боярским — опричникам, а частично оставшегося за раздачею „в отписи за государем"; владеть он должен был „по старине, опроче тое половины, чем владела Никитина жена Житова Татьяна да сын ее Дмитрей"; последние, как мы видели уже (см. выше, стр. 155), отдали монастырю свою новую дачу, пожалованную им против этого их жеребья в Михайловском и потому, очевидно, не имели права на пре-

---

[1] Челобитная напечатана в „Русской исторической библиотеке", т. XXII („Дела Тайного приказа", т. II, № XI, стр. 76—77).

[2] Насколько запустели бывшие вотчины после нескольких лет пребывания в опричных руках, — можно найти указания не только в рассказах Штадена и Таубе и Крузе (см. выше, стр. 141), но и в русских источниках (ср. хотя бы отрывки из описания вотчин в Ярославле по книгам М. Трифонова 7073 г. и по книгам „письма и меры" Меньшого Колычева и Темиря Кайсарова 7086 г. — наблюдаются сплошь пустоши вместо бывших жилых деревень. Л. М. Сухотин, Земельные пожалования при царе Владиславе, стр. 1—2 А Ярославский уезд не подвергался за это время никаким другим испытаниям: ни военным действиям, ни особому, „опричному правежу", как это было, например, в Новгородской области).

[3] В этом году возвращены были, например, братьям Таратиным старые вотчины в Переяславле (см. № 66).

тензию получить обратно родовое владение.[1] Лука Житов был, повидимому, какими-то нитями тесно связан с последним старицким удельным владетелем, князем Владимиром Андреевичем, и его семейством: много лет спустя мать Луки, в то время уже монахиня „старица Пелагея", составляя перед смертью „изустную память" (завещание), прощалась в ней с дочерью кн. Владимира — „била ей челом" и „душу свою приказывала" „государыне своей королеве-старице Марфе Владимировне". Все имущество, в том числе и полсела Михайловского, старуха Житова завещала Троице-Сергиеву монастырю, оставив сыну Луке всего 4 деревни (Медведково, Маслово, Щеколдину и Починок).[2] По всей видимости она-то и была фактической владелицей и распорядительницей всего имущества, а номинальное возвращение вотчины ее сыну — результат именно этих давних связей Пелагеи Житовой с семьею старицких князей, у которых она состояла, вероятно, в числе боярынь при одной из дочерей. На близость к семейству Владимира Андреевича указывает и дата „отдельной" Л. Житову — 1574 г. Действительно, Иван Грозный после казни, в 1569 г., кн. Владимира, его жены и дочери, в начале 70-х годов изменил отношение к оставшимся в живых их детям: женил сына, княжича Василия, и выдал замуж в 1573 г. его дочь Марию за своего „голдовника" (вассала), „короля Ливонского" Магнуса. Вот эти-то события, безусловно, и повлияли на положение Пелагеи Житовой и были причиной возврата ей (юридически — ее сыну) старинной вотчины в полном, повидимому, объеме, какою она была до конфискации. Ту вотчину в Коломенском уезде, которую они получили „против" старицких земель, Житовы вернули, и она в 1577/78 г. числилась по писцовым книгам вотчиною некоего М. С. Андреева.[3]

Другой подобный случай представляет собой возвращение в 1575 г. в старинную костромскую вотчину Сахара Константинова сына Писемского. Основанием послужило особое пожалование выдающегося родича Писемского — Федора Андреевича. Этому крупному дипломату, проведшему много лет послом

[1] См. № 64.

[2] ГБИЛ, собрание рукописей Троице-Сергиева монастыря, № 532, лл. 363—364.

[3] „Писцовые книги XVI в.", I, стр. 451. О судьбе Марии-Марфы Владимировны см.: Д. Цветаев, Мария Владимировна и Магнус Датский („Журн. мин. нар. просвещ.", 1878, № 3).

в Крыму, а затем ездившему и в другие страны, Грозный писал еще в Крым, обращаясь к нему и его товарищу А. Ф. Нагому: „А ныне есте ни в земском, ни опришнине; и вы б нам послужили, чтоб вам к нам приехати, еже даст бог к нашей милости. А ныне есмя вас пожаловали для ваших нужд, послали с Севрюком Клавшовым своего жалованья из опричнины. А мы вас и вперед хотим своим жалованьем жаловати".[1] По приезде Ф. А. Писемский действительно занял очень близкое к царю положение, был зачислен во „двор" и сразу же получил, надо думать, возможность не только распоряжаться своим родовым земельным имуществом, но и помочь в этом отношении своим родичам.[2] В декабре 1573 г. он получил и жалованную грамоту о возвращении его роду всех вотчин; пожалование было сделано „в Слободе", почему и послушная грамота Сахару Писемскому была подписана „дворовым" (опричным) дьяком Андреем Щерефединовым.[3] Писемские сохранили свои родовые имения в Костромском крае в продолжение всего существования царской России.[4]

Значительно менее уверенными чувствовали себя те, кто вернулся на старое пепелище по собственной инициативе, обычным порядком путем челобитья. Уже было упомянуто выше о подобном настроении Ивана Васильева сына Будаева, который еще в 1578/79 г. предполагал, что новая волна конфискаций может затронуть и его, и вновь ему придется „приискивать" вотчины.[5] Вполне вероятно, что, опасаясь нового выселения, он и продал возвращенное имение своему влиятельному родичу (по Вельяминовым), Д. И. Годунову. Последний, опираясь, конечно, на игравшего уже в то время крупную роль при дворе кравчего Бориса Федоровича Годунова, благополучно

---

[1] ГАФКЭ, „Крымские посольские книги", № 13, лл. 427—431 об., грамота А. Ф. Нагому и Ф. А. Писемскому от июня 1571 г. Смысл этой фразы тот, что оба посла не были зачислены ни по земскому списку, ни в опричнину, так как последняя была учреждена, когда они оба были в Крыму. Грозный считает пребывание в опричнине и посылку оттуда жалованья своею особою „милостью" и обещает и впредь делать то же.

[2] „Приложение", № II („данная" 1571 г. М. В. и Ф. А. Писемских Троице-Сергиеву монастырю).

[3] См. № 67.

[4] Известный писатель А. Ф. Писемский владел имением в Костромской губернии.

[5] См. № 81.

и сохранил за собою вотчины до 1589 г., когда отдал их вкладом „по всех своих родителех,... по Годуновых и по Сабуровых и по Вельяминовых“ в Ипатьевский костромской монастырь; в „данной“ его не был упомянут почему-то только последний владелец имения — Будаев.[1] В „истории“ Будаево-Вельяминовской вотчины очень любопытна еще одна деталь: дело в том, что в самый момент, можно сказать, учреждения опричнины, в 7073 (1564/65) г., и незадолго до „поимания“ в опричнину Костромы (1567 г.), бабка Будаева и мать Г. И. Синцова-Вельяминова, Евдокия, дала эти же вотчины (кроме „жеребья“ Федора и Ивана Васильевичей Болвановых-Вельяминовых) в тот же Ипатьевский монастырь „по духовной грамоте“ и „по приказу“ своего сына Григ. Ив. Синцова — следовательно, уже к тому времени умершего.[2] Из сопоставления этих документальных данных можно заключить, что у Ипатьевского монастыря были отобраны при начале опричных порядков на Костроме вотчины Гр. Ив. Синцова-Вельяминова, и Ив. Будаев выхлопотал их себе обратно уже из опричнины-двора, когда задумал возвратиться на родину. Такие случаи отписки в опричнину земель, переданных уже монастырям отдельными вотчинниками, можно наблюдать по нашим документам и еще в некоторых случаях: так, например, даже у столь близкого к Грозному монастыря, как московский Чудов, были отобраны вотчины — Чешка Нечаева сына Житкова (в Костромском уезде) и Гаврилы Тарасовского (в Старицком уезде), давших свои земли „по своим душам в наследие вечных благ“; чудовский архимандрит Левкий, которого Курбский вспоминает с ненавистью, как одного из ближайших приспешников царя,[3] получил возмещение за потерю из порожжих поместий в Московском уезде (кн. Ив. Лыкова-Оболенского, кн. Ив. Туренина-Оболенского и Алек-

[1] См. „Приложение“, № III („данная“ 1589 г. боярина Д. И. Годунова Ипатьевскому Костромскому монастырю).

[2] См. „Приложение“, № I („данная“ 1564/65 г. Евд. Ив. Вельяминовой Костромскому Ипатьевскому монастырю).

[3] „История о великом князе московском“: „А за советом любимых твоих лекателей и за молитвами Чюдовского Левки и прочих вседукавых мнихов, что доброго и полезного и похвального и богу угоднаго приобрел еси? Развее опустошение земли твоея, ово от тебя самого с кромешники <опричниками> твоими, ово от предреченного пса бусурманского, и к тому злую славу от окрестных суседов, и проклятие и нарекание слезное ото всего народу“ („Сочинения кн. Курбского“, т. I, стр. 260—270 — Русск. историч. библ., т. XXXI).

сея Мих. Старого).[1] По всей видимости, нечто подобное произошло и с вотчинами Г. И. Вельяминова-Синцова; Ив. В. Будаев, получив вотчины обратно из опричной отписки, не вернул вклада своей тетки Ипатьевскому монастырю, предпочтя превратить его в деньги путем продажи, и только богатый Годунов выполнил первоначальное желание Евд. И. Вельяминовой.

Из других вернувшихся вотчинников, по нашим документам, можно назвать и некоторых представителей фамилии Зубатых, именно Алексея Степанова сына и его племянника Михаила Кудашева сына Зубатого-Федчищева с матерью Маврою. Кажется, первым вернулся Алексей Степанов, который уже в 1573/74 г. поспешил обеспечить себе более или менее спокойное существование в старом гнезде тем же способом, как сделали это муромские вотчинники Хвостовы (см. выше, стр. 153): он заложил вотчину Троице-Сергиеву монастырю, получив „сдачи" с монастыря 100 руб. и обусловив себе полную хозяйственную самостоятельность: „А жити мне Олексею и доходом владети тою вотчиною до своего живота, а вон меня Олексея из тае вотчины не выслати, ни в доходца мои не вступати тое мое вотчины".[2] Однако Ал. Зубатый, повидимому, не владел никакими документами на вотчину и не учел других претендентов-вотчичей на нее — племянника Михаила с матерью. Поэтому в 7085 (1576/77) г. последовал „отдел" той же вотчины обоим, дяде и племяннику, а затем была выдана общая „послушная" грамота.[3] Сейчас же племянник, человек привыкший к приказным порядкам и сам лично писавший свои документы, не обращаясь к профессионалам-подьячим, вместе с своею матерью сделал вклад „своего жеребья" в тот же Троицкий монастырь, также выговорив себе проживание в вотчине до смерти („до

[1] См. № 29; А. М. Старого-Милюков служил сам в опричнине и наводил порядки после „государева погрома" 1570 г. в Вел. Новгороде; однако он был казнен Грозным (не ранее 1575 г. — см.: С. Б. Веселовский, Синодики опальных царя Ивана как историч. источник). Ср. также отписку в опричнину к селу Чаронде деревень Кириллова монастыря, „против" которых монастырь получил деревни села Ирдомы в том же Белоозерском уезде (см. № 5).

[2] См. № 63. Документ называет себя „данной".

[3] См. № 71. Неизвестно, получили ли что-либо „против" своей вотчины Федчищевы-Зубатые, когда их вотчина была конфискована в 7075 г. в опричнину; надо полагать, судя по их документам, в которых об этом нет и намека, что им не было дано н и ч е г о.

живота").[1] Последовавшее вскоре, повидимому, примирение с дядею вызвало новую вкладную („данную"), на этот раз уже с оговоркою, что „дали есмя ту свою вотчину с дядей Олексеем Степановым сыном Зубатого вместе".[2] Все же Михаил Кудашев счел необходимым в следующем году составить с дядей особое обязательство („память") о записи общей вотчины у будущих костромских писцов за Троицким монастырем и о совместном челобитье перед архимандритом, „чтобы... обеих по... живот ис тое вотчины вон не выслати и владети до... живота", и, наконец, о разделении вотчины между собою „повытно". Так как получили Зубатовы-Федчищевы не сполна столько, сколько потеряли от опричной конфискации в 1567 г., то пришлось сделать и оговорку: „А которая наша вотчина за осподарем, и бог нас помилует, осподарь пожалует, старую ли нам вотчину отдаст или в прииск, где против тое вотчины пожалует нас, и нам та вотчина делити пополам".[3] В ближайшее же время дядя и племянник сумели „приискать" недостающее „из порожжих земель" бывшей вотчины своего родственника Пятого Зубатого[4] и также разделили ее пополам, выхлопотав из Поместной избы от дьяка Игнатия Зубова указ костромским писцам 7085 г. об „отказе" им этого их „прииска".

Новая придача была очень незавидна — пустошь, что было село Шипово, „в нем церковь была Никола-чюдотворец, пусто без пенья", да две пустоши Иканово и Высокое (тоже, вероятно, бывшие деревни), всего пашни „середней" земли в поле 128 четвертей. Так как по произведенному разделу всей вотчины этот „жеребий" достался Михаилу Кудашеву (дядя Алексей получил все ранее им освоенное — 2 сельца и 6 „живущих" деревень, 134 чети доброй земли в поле), то Михаил немедленно же и дал (верное продал за 150 рублей, взятых будто бы для

[1] См. № 76.

[2] См. № 77. Тогда же Михаил Зубатый, человек грамотный и знавший хорошо приказные порядки и возможность в дальнейшем разных судебных волокит, сделал, вероятно, и приписку на „данной" дяди (№ 63), что и он, Михаил, дает вместе с дядей Алексеем эту свою вотчину в Троицкий монастырь, хотя в самой „данной" и есть специальная оговорка: „А до тое вотчины моя роду моему и племяннику Михаилу Кудашеву дела нет".

[3] См. № 79.

[4] Дети Пятого Зубатого были в числе послухов при совершении купчей М. Аргамаковой (№ 15) среди других многочисленных представителей этой фамилии.

уплаты долгов) свою часть Троицкому монастырю, уже не вводя в составленную „данную" никаких обязательств о пожизненном проживании в вотчине: он явно сдавал позиции и уступил место дяде.[1]

Во всех этих мелочных перипетиях „борьбы" между дядей и племянником, вернувшимися после „отставки" опричнины в родные костромские места, очень примечательно то, что основное ядро объекта их первоначальных споров, сельцо Заречье, деревни Бараново и Налескино, не являлось в сущности их „старыми" вотчинами — оно когда-то принадлежало представителям другой ветви той же фамилии Зубатых и было именно у них отобрано в опричнину в 1567 г.[2] Но эти истинные вотчичи уже не только получили возмещение, а и использовали его — отдали в Чудов монастырь. Вероятно, все это знал Алексей Зубатый, когда возвращался в Костромской уезд. Был, конечно, и расчет на другое обстоятельство, если бы вдруг появились настоящие вотчичи — на исчезновение необходимых актов в Поместной избе во время пожара 1571 г. и на невозможность, в виду этого, доказывать свои права документально (все акты свои по земельным делам „земские" обязаны были записывать в „земских" вотчинных книгах, а опричники вели регистрацию их „в опришнине").[3] Этим отсутствием приказных данных объясняется, почему и из Поместной избы легко выдали указ костромским писцам 1577 г. о признании вотчины „старинной" Федчищевых-Зубатовых и свободно отделили им часть бывшей вотчины и другого их родича — Пятого Зубатого: приходилось поневоле действовать доверяя челобитчикам, так как „сыскати было нечем".[4]

[1] См. № 80.

[2] См. № 44 („данная" И. А. Царегородцова и Ив. Степ. Зубатого).

[3] Указания на записи актов в особые „земские" вотчинные книги — см. в № 46 („очищальная запись" 1570/71 г. Исака Колтырина-Ракова) и № 47 („духовная" 1570/71 г. Константина Грека). Запись вотчин и других земель „в опришнине" была сосредоточена у опричного казначея (см. № 37, грамоту опричному казначею У. Л. Пивову о записи вотчин Кирилло-Белозерского монастыря: „И ты б те купли... и дворы, что им давали за вклад... велел записаты у нас в опришнине в книги..."; подробнее — см. П. А. Садиков, Из истории опричнины царя Ив. Грозного, стр. 16).

[4] На утрату в пожар 1571 г. многих вотчинных документов см. указания в позднейшей челобитной ярославца Ив. Долгово-Сабурова, обвиненного вотчичем ярославского с. Гавшинского кн. Ив. Солнцевым как раз в незаконном пользовании родовой вотчиной кн. Солнцевых: ... и как, государь, в Москов-

Не вполне ясно, почему Алексей и Михаил Зубатовы-Федчищевы не взяли *своей личной* вотчины,— возможно, что она не была изъята из опричной раздачи 1567 г., т. е. в ней продолжали еще сидеть новые владельцы, опричники-помещики, хотя вообще, по всей видимости, Костромской уезд и даже самый город Кострома были возвращены в 1570-х гг. в „земское" (так, в городе распоряжался в 1576 г. „великий князь Симеон Бекбулатович всея Руси").[1]

Значительно сложнее обстояло дело с возвращением в старые вотчины прежних владельцев в таком уезде, который был наполнен в до-опричное время потомками местного удельного княжья. В наших документах есть один акт, связанный как раз с именем одного из таких потомков князей ярославских — князем Ив. Фед. Жировым-Засекиным.[2] Последний в 1578 г. проживал уже в своей старинной вотчине, но только в *части* ее: центр имения с. Прокшино, ему не было дано и приказано Грозным „ведати к нашему селу к Давыдкову". Возвращено, следовательно, было не все, хотя никем и не было занято в поместной раздаче. Сам владелец еле уцелел и в доставшихся ему двух деревнях, так как до Москвы дошел слух, что он передал их „в приданые" за дочерьми Вас. Кафтыреву и кн. Гр. Борятинскому, чем нарушил указ 1562 г. о княжих вотчинах. Лишь доказав, что он в „вотчине сам жив", Жировой остался на прежнем месте.[3]

екой пожар в помесном приказе погорели книги и дачи в 79-м году, и оне, государь, потому бьют челом, што сыскати нечем" (Л. М. Сухотин, К вопросу об опричнине, стр. 57).

[1] См. № 69 („купчая" по наказу Симеона на „немецкий двор"). Грамоты от имени царя Симеона за время его пребывания „великим князем" представляют большую редкость: в исторической литературе их насчитывается изданными всего пять (Н. В. Лилеев, Симеон Бекбулатович хан Касимовский, великий князь всея Руси, впоследствии великий князь Тверской, Тверь, 1891, стр. 25, 30; Н. П. Лихачев, Разрядные дьяки XVI в., СПб., 1888, стр. 472) публикуемая нами „купчая" увеличивает, таким образом, их число еще одною; невольно встает вопрос: не имеем ли мы здесь дело с последующим изъятием подобных актов, когда Симеон был сведен Грозным с „великого княжения"? Упоминаемый в грамоте „немецкий двор" — очевидно двор, куда были поселены сосланные Грозным из Ливонии (см. Штаден, перев. И. И. Полосина, стр. 87).

[2] См. № 78.

[3] Остались за Толгским монастырем и данные ему в 1555/56 г. отцом кн. Ив. Жирового другие две деревни. Интересно, что в грамоте № 78 имеется ссылка только на указ 1562 г. и не упоминается подобный же позднейший указ 1572 г.

Итак, почти все наши документы, связанные с земельной мобилизацией, относятся к людям „из земского". Но один акт (№ 41) заставляет предполагать, что он едва ли не вышел из рук человека, безусловно близко прикосновенного уже непосредственно к опричнине в качестве рядового ее деятеля. Именно, некий Андрей Радков продал в 7078 (1569/70) г. московскому архангельскому протопопу Григорью Иванову „с братьею" вотчину своей жены Пелагеи, полученную ею взамен ее костромской родовой („приданой") вотчины. Но это новое земельное владение находилось в Боровском у., часть которого поступила в удел князя Владимира Андреевича еще в начале 1566 г., а в другой хозяйничало опричное правительство, и вотчинники оттуда выселялись (см. выше, стр. 150); после смерти кн. Владимира (январь 1569 г.) и его часть была, повидимому, включена в состав „государева удела". Уже эти обстоятельства заставляют предполагать, что получить в Боровском уезде „дачу", а тем более сохранить ее и ею свободно распоряжаться, мог скорее всего человек, сам ставший опричником. На подобное предположение наводит и то наименование опричнины, единственное пока известное в актовом материале, которое дано ей в „очищальной записи" Радкова: „...ту ее выть, вотчину ‹в Костроме› государь взял в свою царьскую светлость в опришнину". Титулование „государева удела" „царской светлостью" в напряженнейший момент опричнины, в разгар ее репрессивной деятельности, — очень характерно в устах человека, „своего" Грозному, „живущему близко" около него.[1]

---

[1] Это бытовое наименование опричнины, повидимому, вообще существовало именно в эти годы, но в официальных документах не употреблялось. Так, напр., в Новгородской летописи „по архивскому списку" (конца XVI — нач. XVII вв., „Новгородской 2-й") после рассказа об опричном погроме Новгорода в 1570 г. и последовавшей в 1571 г. поимке в опричное ведение двух пятин (Обонежской и Бежецкой) и „Торговой" половины самого города занесено было следующее известие, относящееся как раз к территории опричнины: „Да того же лета ‹1571-го› месяца июня в 26, в петров пост [на] трете[й] недели вторник, горело на Торговой стороне, в государевой светлости, в поле, на Бордове улици, а згорело дворов 20, иные разметали; того же дни на мосту на великом решотки замкнули, людей не пущали с Софийской стороны из земщины в торг, доколе у Софии поблаговестят, а дворов згорело двадцать" („Новгородские летописи", СПб, 1879, стр. 105). — „Земщина", к которой принадлежал сам новгородец-летописец, переживший весь

Таковы те общие, хотя часто и мелочные, наблюдения, которые можно сделать относительно мены земли в опричное время по издаваемым актам, оставаясь в пределах только их изучения. Привлечение иного, частью уже известного, частью еще остающегося неизданным материала, особенно данных писцовых книг и тому подобных документов, конечно, должно расширить и углубить эти наблюдения и привести уже к определенным выводам и заключениям.

III

Среди публикуемых документов насчитывается довольно большое количество связанных с положением и отношением к опричнине духовных феодалов-монастырей. В специальном очерке, посвященном „государевым опричным богомольцам“,[1] уже было обрисовано, как постепенно один из таких монастырей, московский Симонов, стал под конец ведаться в опричнине. Печатаемые акты — в значительнейшей степени те, на которых базируется изложенное там.[2] Поэтому, не повторяя сказанного, останавливаемся лишь на тех документах, в которых отражается отношение к опричнине других монастырей.

Большой интерес представляет жалованная тарханная грамота (№ 7) „Шаровкина монастыря, что в Перемышле в опришнине“, выданная „на Москве в опришнине“ 19 сентября 1566 г. за подписью дьяка Петра Григорьева, постоянно скреплявшего подобные грамоты из опричнины. Шаровкин монастырь не был очень крупным вотчинником, его земельные владения замыкались Перемышльским и соседними уездами. Монастырь, очевидно, сразу же учел все выгоды нахождения только в опричнине и потому, когда производилось размежевание между земским Одоевым и опричным Белевым, он перевел свои одоевские деревни в Белевский опричный уезд — этим разрешались все хозяйственные осложнения, которые могли возникнуть, если бы часть монастырских крестьян оказалась в числе „иногородцев“, подобно тому, как это случилось с крестьянами Симонова монастыря в его селах Костром-

ужас опричного „правежа“ и погрома, не удостоилась от него все же никакого столь специфического наименования, как опричнина.

[1] См. П. А. Садиков, Из истории опричнины царя Ивана Грозного, II, „Дела и дни“, 1922, № 2.

[2] №№ 2, 3, 5, 6, 11, 19, 20, 34, 36.

ского и Галицкого уездов.[1] Сделавшись поэтому „опричными государевыми богомольцами" с самого, можно сказать, момента возникновения опричных порядков в Перемышле (т. е. с 1565 г.), шаровкинские старцы быстро ощутили преимущества этого положения: кругом пустели земли тех, кого из опричнины высылали, и монастырские власти могли уже в августе 1566 г. подобрать себе несколько деревень из поместий, еще в книгах 7072 (1563/64) г. записанных владельческими. Наконец, самая выдача „тарханной" полной грамоты со всеми финансовыми и судными льготами являлась для монастыря не малым достижением.

К сожалению, мы не располагаем другими документами того же монастыря, как-либо связанными с опричниной. Из частностей, которые можно наблюдать в тарханной грамоте, следует отметить: во-первых, указание на „суд" „боярина введеного в опришнине" — указание, известное и из других аналогичных грамот и лишний раз подтверждающее, что управление в „государевом" опричном „уделе" предполагалось в начале строить действительно по старо-удельному образцу; во-вторых, „данный пристав", которым жалуется монастырь, является лицом также прикосновенным к клиру — это „певчий дьяк" Яков Потапов, специально „кормившийся" „в неделех в опришнине" и отправлявший те же обязанности по приставству также и в отношении Симоновской вотчины с. Дикого, находившегося в опричном Вышгородском уезде;[2] в третьих, грамота выдана из опричнины „на Москве", т. е. видимо, в опричном царском дворе. Наконец, среди принадлежащих монастырю деревень невольно возбуждает интерес название одной: „Долгуша Гриши Малютина". Если учесть, что ряд деревень этого монастыря носит прозвание, связанное с именем своего основателя или первоначального владельца (с. Сюлюменевское, например),[3] то чрезвычайно соблазнительно и это название связать с именем Григория Лукьяновича Малюты-Скуратова. При этом надо принять во внимание, что Перемышль, равно как и Одоев, и Белев, и Воротынск и другие „Заоцкие города" — все старые „удельные" гнезда княжат Воротынских (владев-

[1] Ср. П. А. Садиков, op. cit., стр. 25—26.

[2] См. № 2 (грамота 18 февраля 1566 г.).

[3] См. „Чтения Общ. ист. и древн.", 1861, кн. I, стр. 15.

ших известное время и Перемышлем), собственно Перемышльских, Белевских, Одоевских и многих иных, менее значительных: можно было хорошо наблюдать и так на себе испытать всю прелесть сеньориального княженецкого режима, чтобы затем навсегда проникнуться самою лютою ненавистью и к режиму, и ко всему, что только близко его напоминало. Любопытно, что вторая фамилия пресловутого Малюты — „Бельский" — опять-таки заставляет обращать взор к опричному Белеву: среди „тысячников" 1550 г. известен некий Скутра Григорьев сын Скуратов, из новгородских детей боярских; вполне допустимо, что новый слуга царя Ивана, также Скуратов Малюта, принял добавочное прозвание „Бельский" — „Белевский", чтобы отделить себя от своих однофамильцев новгородцев.[1]

Из грамот других монастырей следует отметить некоторые, относящиеся к опричнине (а затем к „дворовому" управлению) по Кирилло-Белозерскому монастырю. Этот крупнейший духовный феодал оставался все время в „земском" ведении, но его владения, раскинутые повсюду, входили и в такие уезды, где хозяйничали опричные власти, а потому кирилловские старцы очень скоро принуждены были как-то войти с опричниной в непосредственное общение. В конце 1565 г. у них к опричному с. Чаронде были отмежеваны несколько деревень, и монастырь бил челом о возмещении. Результатом челобитья были акты, помещенные у нас под №№ 5 и 9 — об отделе новых земель монастырю от белозерского дворцового с. Ирдомы и о неправеже с нового пожалования „мелкого дохода и посопного хлеба".[2] В 1567 г. монастырю, ведшему крупные торговые операции, пришлось вновь хлопотать — на этот раз о нарушении чарондским опричным таможником Аргуном Ивановым сыном

[1] См. Н. П. Лихачев и Н. В. Мятлев, Тысячная книга 1550 года, стр. 32; примечательно, что и другой видный опричник Вас. Гр. Грязной был из „детишек боярских" соседнего Алексинского уезда (см. П. А. Садиков, Царь и опричник (Иван Грозный, В. Г. Грязной-Ильин и их переписка 1574—1576 гг.), „Века", Пгр., 1924, стр. 36—78). Местом погребения рода Скуратовых-Бельских был Иосифов-Волоколамский монастырь, находившийся недалеко от Белева („Чтения Общ. Ист. и древн.", 1863, кн. IV, смесь, стр. 2).

[2] Точно так же когда в опричнину были забраны Вологда и вологодские дворцовые села, откуда монастырю шла хлебная руга, то монастырским властям пришлось хлопотать о получении ржного хлеба из дворцовых сел Белозерского уезда (см. № 3).

Захарьиным привилегий монастыря в торговых делах. Давая грамоту „с прочетом“ по этому поводу на имя Аргуна, опричные власти распространили ее действие и на „все городы нашие опричнины“, запретив брать с „купленого товару“ (на монастырский обиход) каких-либо таможенных пошлин (№ 18). От 1569 г. мы имеем очень редкую грамоту (№ 37) — единственную, пока известную — опричному казначею Угр. Льв. Пивову о записи „в опричнине“ в книги за Кирилловым монастырем новых монастырских приобретений в опричном Поморье. Казначею предписывалось велеть выдать и жалованную грамоту на новые кирилловские вотчины; грамота по приказу Угр. Пивова была дана из опричной Четверти д. Кургана Лапина.[1]

В 1577 г. Кириллов монастырь решил заново оформить все свои тарханные права, так как „городовые... приказщики и всякие... пошлинные люди на них и на их на монастырских крестьянех и на слугах“ правили всякие подати и „посохи“, нарушая прежние тарханные грамоты и требуя новых „ежегод“. Нажим и усиленный сбор всяких податей вполне понятен — это были самые горячие моменты борьбы за Ливонию, и средства необходимы были, как „государевой удельной“-„дворовой“, так и общеземской казне. Но монастырь выставил не менее веский аргумент в качестве довода о необходимости выдать им привилегии заново: „и от тово... их монастырская вотчина досталь пустеет“. Угроза „пустоты“ в то время действительно нависла над Московским государством, и монастырю были даны две обширные тарханные грамоты: первая от 9 марта 1577 г. во все „дворовые“ города, за приписью „дворового“ дьяка Андрея Шерефединова (№ 72), а вторая — во все города „нашего государства“, за приписью дьяка приказа Большого Прихода Степана Лихачева — два дня спустя, 11 марта 1577 г. (№ 73). Этими двумя актами Кирилло-Белозерский монастырь утвердил за собою свои права феодала-„тарханщика“ на все время существования „раздела“ Московского государства на „дворовую“ и „земскую“ половины.

Два последних акта Кирилло-Белозерского монастыря (№№ 74 и 75) касаются уже специального вопроса о пожаловании монастырю земель, принадлежавших некоторым вотчин-

---

[1] ЛОИИ АН СССР, сборн. № 112, отд. IV, № 58; другие списки: ГПБ, рукоп. б. Спбургской духовной академии, AII/47, лл. 285 об. — 301.

никам при введении на Белоозере опричных порядков, и рассмотрены нами в другом месте (см. стр. 143, 145).

IV

Остается рассмотреть еще две группы документов, рисующих уже совершенно частные эпизоды эпохи опричнины, но достаточно красочных в бытовом отношении и являющихся дополнительной иллюстрацией к некоторым возможным теоретическим построениям.

Из документов первой группы, один (№ 51), датированный 13 февраля 1571 г. и называющий себя „купчей", переносит читателя на тот „суд бояр" в опричнине, о котором имеются упоминания и в других наших актах (см., напр., № 19).

Суд производился в самом начале февраля комиссией опричных бояр под председательством кн. Михаила Темгрюковича Черкасского; истцом выступал старый митрополичий дьяк Никита Авксентьев сын Парфеньев,[1] а ответчиком — один из виднейших опричников, кн. Вас. Ив. Темкин-Ростовский. Разбиралось два дела: об уголовном преступлении, убийстве[2] Темкиным сына Парфеньева, и о взыскании Парфеньеву с князя долга в 600 руб. Первое дело окончилось присуждением Темкина к трехсотрублевому штрафу, с заменой его конфискацией княжеской вотчины; второе тоже было проиграно князем, он был обвинен и присужден к уплате 600 руб. В уплату он предложил также свою вотчину, в Переяславском уезде, сельцо Хребтово с 21-й деревней, недавно полученную им, в свою очередь, „за бесчестье" (вместо 600 руб. штрафа) от печатника Ив. Мих. Висковатого. По первому делу Парфеньев получил публикуемую нами „купчую", о втором — мы узнаем из „послушной", которая была выдана ему 4 февраля 1571 г. (см. № 50).[3] Часть той же вотчины „за свой иск" в 150 р. получил с кн. Тем-

[1] В качестве дьяка московских митрополитов Парфеньев известен еще в 1559—1563 гг. (С. А. Шумаков, Обзор грамот коллегии экономии, в. IV, М., 1917, стр. 252—254).

[2] Термин „убитая голова", впрочем, может обозначать (по старинной фразеологии) только и попытку к убийству, причинение тяжелых увечий.

[3] Никита Авксентьев в том же году вотчину дал вкладом в Троицкий монастырь, указав в „данной": „А и купчюю есми грамоту на ту вотчину дал, ... которую купчюю со государева ведома кн. Михайло Темрюкович с товарищи дал за 600 рублев за дьячьею приписью государева дьяка Василья Щелкалова" (см. № 53); „сдачи" от монастыря Никита Парфеньев получил 200 руб.

кина некий В. И. Волков, который продал ее вскоре Троицкому монастырю за 200 руб.[1]

„Купчая" от 13 февраля подписана дьяком Вас. Як. Щелкаловым, по всей видимости, присутствовавшим и на самом судебном заседании в качестве думного дьяка. Но этот же дьяк через месяц, 15 марта 1571 г., получил жалованную вотчинную грамоту, в которой рассказывается история приобретения им вотчины: он искал своего „бесчестия" все на том же Висковатом и ему было присуждено 200 руб., вместо каковых Висковатый отдал Щелкалову свою вотчину. Однако лучшая часть ее („три жеребья"), с „боярскими" двором и садами, отошла к князю В. И. Темкину в уплату „его бесчестья" (это та часть, которую Темкин уступил Никите Авксентьеву).[2]

Одновременно с разбором дела между кн. Темкиным и Никитой Авксентьевым в „земщине" шло также заседание „суда бояр", во главе с боярином Василием Петровичем Яковля, посвященное обвинению подъячего Улана Айгустова, что он „доводил" на дьяка Вас. Щелкалова „многие лихие дела". Подвергнутый пытке по приказанию Грозного, Айгустов признался, „что он составливал на Василья многие дела по науку князя Михайла Черкасского". С Улана было присуждено Щелкалову „и в жены ево бесчестья 600 руб.", а в уплату также пошла вотчина и выдана подписанная 12 февраля 1571 г. дьяком Дружиною Володимеровым „купчая", аналогичная печатаемой нами.[3]

Все эти дела, безусловно, должны быть как-то связаны между собою, особенно если вспомнить некоторые обстоятельства, им предшествовавшие и вскоре последовавшие. Именно, Вас. Щелкалов был тем лицом, которое выступило незадолго перед тем в качестве представителя обвинения в новгородском „изменном деле" 1570 г.: он вычитывал на месте

---

[1] См. № 54.

[2] Акты исторические, т. I, № 180-I. Интересно, что 6 апреля 1571 г. тот же Вас. Щелкалов получил „послушную" и в поместье казненного Висковатова (ibid., № 180-II).

[3] А. А. Э., т. I, № 280 („Архив П. М. Строева", т. I, № 246. — Русск. историч. библ., т. XXXII). Следует отметить, что в 1560-х гг. Вас. Я. Щелкалов был дьяком Разбойной избы вместе с Мясоедом Вислым (см. выше, стр. 156), а в 1573 г. в той же избе начальствовал дьяк Дружина Володимиров (см. №№ 60 и 61).

зни всем осужденным их вины, а в отношении Ив. М. Виско-атого, вотчины которого он уже получил и поместья вскоре обился, принял и прямое участие в казни — бил его три раза летью по голове, приговаривая при этом пункты обвинения; нязь же В. И. Темкин-Ростовский сыграл и активную роль алача, на ряду с Малютой Скуратовым и другими опрични-ами — собственноручно рубил головы.[1]

С другой стороны, в ближайшие же месяцы и годы были знены и многие из лиц, упомянутые в документах: кн. М. Т. еркасский, кн. Вас. Ив. Темкин, Вас. П. Яковля, дьяк Дру-ина Володимиров... Уцелели лишь некоторые дьяки: Васи-лий Щелкалов сделал блестящую карьеру, Никита Авксентьев вышел из дьячества у митрополита и занялся приказной служ-бой по родному Переяславлю; „пытанный" Улан Айгустов был произведен в дьяки, перешел на службу в „дворовое" управление и заседал там в качестве второго дьяка одной из Четвертей.

Из сказанного можно, думается, вывести заключение, что все документы, упомянутые выше, отражают собою какой-то общий клубок интриг, а нити его невольно тянутся все к тому же „изменному делу" 1570 г. Дело кн. В. И. Темкина, по которому была выдана публикуемая „купчая", едва ли также не является одним из последних отзвуков этого большого политического процесса.

Вторая группа документов (№№ 60 и 61)[2] вводит в провинциальный дворянский мир, в усадьбу крупного боярина-феодала XVI в. В Коломенском уезде, в Большом Микулине стане, была расположена большая и, видимо, довольно благоустроенная вотчина боярина Никиты Роман. Захарьина-Юрьева, известного „шурина" (по первой жене) Ивана IV. В центре вотчины, селе Степанове, находилась (по описанию 1577/78 г.) каменная церковь с двумя приделами, „а середи села 2 пруда с рыбою, а на пруде же мелница немецкая"; кругом села по речке Песоченке раскинулись „отхожие" луга, рощи и деревни; всего в вотчине числилось „в живущем" 2 села, 4 деревни и 2 пустоши,

[1] Альберт Шлихтинг, op. cit., стр. 48.

[2] Акт № 60 в отрывках напечатан у Карамзина, т. IX, прим. 819; оба акта напечатаны в предполагавшемся, но не вышедшем в свет и представляющем большую библиографическую редкость, сборнике документов кн. М. А. Оболенского (ч. I, в. 1, №№ XXVII и XXVIII).

пашни паханой середней земли 335 четей, перелогу 565 четей, перелогу „кустарем поросло“ 189 четей, всего 1089 четей (в поле), сена 935 копен, лесу-„рощи“ 53 десятины, да непашенного леса-„кустаря“ $20^1/_2$ десятин.[1] Имением управлял „человек“ Н. Р. Захарьина — Никифор Собычаков, надо думать — холоп из „детишек боярских“, так как с ним вместе проживали не только мать, брат с семьей и своячен ица, но брат владел также и собственными „людьми“ — 14 душами „мужиков и женок и девок“. Семья жила зажиточно и имела лошадей, запас платья, „кузни“ (золотых и серебряных вещей) и „низанья“ (драгоценные ожерелья, жемчуга). В осеннюю ночь, с 7 на 8 ноября 1572 г., все Собычаковы оказались „убитыми до смерти“ вместе со своими людьми, а имущество, на очень приличную сумму 650 руб. с полтиною — похищенным (угнаны были и лошади). Совершить преступление, конечно, могла только организованная шайка — „многие люди“, по выражению документов. Местные расследования дали, очевидно, лишь подозрение, как на вожака нападавшей шайки, на коломенского же сына боярского Романа Богданова сына Волжина, которого в конце мая 1573 г. и было приказано специально посланному из Разбойной избы сыну боярскому А. М. Колупаеву арестовать, а „двор его и животы, статки переписав, запечатати и приказать беречи тутошним людям до государеву указу“. Затем Колупаев должен был произвести повальный обыск на большом протяжении вокруг вотчины о „товарищах“ Волжина и всех оговоренных, под хорошей охраной и в оковах, доставить в Москву, со всеми материялами следствия.

Относительно главного лица всего происшествия, Романа Богд. Волжина, можно дать кое-какие справки. Без большой натяжки можно считать его сыном помещика (того же Больш. Микулина стана) Богдана Остафьева сына Волжина. Имущественное положение последнего было очень убого. Когда по даче 7086 г. поместье его было уже за другим лицом, писцовые книги этого года отмечали:„ ...в поместье было за Богданом Остафьевым сыном Волжина — сельцо Воловичи на речке на Шелоховке, пусто, а в нем пашни и перелогу середние земли

[1] „Писцовые книги XVI в.“, т. I, стр. 378—379. Хотя описание сделано 3-4 года спустя после описанного в наших документах события, хозяйственная характеристика вотчины едва ли резко изменилась за это время.

103 чети, да перелогу ж кустарем поросло 25 четьи в поле"; сена на отхожем лугу и по оврагу 35 копен.[1] Вот и все. Впрочем, в волости Раменской ему же принадлежали 3 пустоши, что были деревни, с пашенной и переложной „худою" землею в 15 четей, перелогом, поросшим лесом, 34 четями, 50 копнами сена, 3 десятинами леса пашенного и 6-ю непашенного. В 1577 г. эту часть поместья никто не взял, и она лежала „порожжей".[2]

Сам Богдан не значится в числе помещиков, хотя числился „коломнитяном". Конечно, с пустого отцовского поместья нести государеву службу он не мог.

Характерно, что, видимо, первый „обыск" Колупаева не дал никаких результатов и он, вернувшись в Москву, 12 июня направился с новою памятью производить розыски уже в самом городе Коломне, на посаде. Очевидно, „многие лихие люди" явились откуда-то со стороны.

Весь этот эпизод едва ли простой разбой. Повидимому, здесь мы имеем одну из картин той настоящей гражданской войны, которая кипела уже в недрах Московского государства и которую так красочно изобразил в своих записках немец-опричник фон-Штаден. Недаром и местное население не указало никого из сообщников Волжина: очевидно, это был один из отрядов „государевых людей", которых затрагивать было более чем опасно; ограничились лишь указанием на предводителя (может быть, впрочем, простого „наводчика"), беднякадворянина, поступившего в „опричнину" или приставшего к бродячему отряду опричников, подобному отряду Штадена, и вместе с ними поживившемуся за счет погрома хозяйства виднейшего „земского" боярина, не обращая внимания на его положение близкого свойственника самого царя. Во всяком случае, этот эпизод очень характерен для эпохи, богатой примерами борьбы рыцарей-голышей с могущественными феодальными сеньорами при поддержке или молчаливом укрывательстве городского и крестьянского населения.

---

[1] „Писцовые книги XVI в.", т. I, стр. 353.

[2] Ibid., стр. 522. За их родственником, И. Г. Волжиным, значилось в 1577 г. „отца его поместье" — 4 пустоши, что были деревни, пашни-перелогу худой земли 42 чети с осминой, лесом поросло 72 чети, сена 120 копен, непашенного леса 13 десятин (ibid., стр. 590).

Высказанными выше замечаниями, конечно, не исчерпано все, что дают для изучения эпохи опричнины публикуемые документы. Но и они также не могут служить для полного решения вопроса: для этого, как уже было подчеркнуто нами вначале, необходимо привлечение ряда других источников — и изданных, и хранящихся пока еще в архивах.

В „Приложении" даются три акта, связанные лишь косвенно с документами, к опричным порядкам относящимися, но их дополняющие; частично (№№ I и III) акты эти выходят и за пределы намеченной хронологической рамки (1565—1584 гг.).

№ 1

1565 г. после марта 11[1] *— не позднее сентября 1. „Данная" Феодосьи Григорьевны Матафтиной, по духовной памяти своего сына Ивана, умершего в Москве на сборе детей боярских, Спасо-Прилуцкому монастырю на дер. Лукинское и пожню Побывалку Вологодского уезда.*

Се яз Феодосья Григорьева дочь, а Ильинская жена Шыряева Матафтина, по челобитью моих детей Стефана да Тимофия да Ивана, что мои дети мне били челом о благословенье промеж себя о делу, и яз Федосья благословила поделитися полюбовно: Стефану ся з делу достало Горка и Окатово, а Тимофию ся достало в Костромском уезде Филипово да Крюково, а Ивану ся достало в Лоскамской волости Лукинское да пол Искрина. И в лите 7070 в третьем году в великий пос[т] на первой неделе по государеве присылке к Москве, что велено быти детем боярским, служилым и неслужилым, и сын мой к Москве сьехал Иван, и божия воля сталась, сын мой Иван на Москве преставися. И прислал мне сын мой Иван память свою духовную с Москвы и велел дати деревню свою Лукинское, что ся ему от братьи з делу достало, к Спасу в монастырь на Прилук в дом по своих родителех и по своей душе в вечное поминанье. И яз Феодосья Григорьева дочь, а Ильина жена Матафтина, дала ту деревню Лукинское со всем угодьем и с отхожею пожнею Побывалкою, что на рике на Лосте, по старым межам, куды ходил плуг и топор и коса, к Спасу в монастырь и чюдотворцу Дмитрею в дом о своем здравье по наказу сына своего Ивана, что приказал сын мой Иван дати о своих родителех и по своей душе в вичное поминанье, и после моего жывота Федосьина и меня Феодосью поминати и в сенаник написати в вичное поминанье. А сю есми деревню Лукинское яз Феодосья дала и пожню и по сына своего приказу Ивана к Спасу в дом без выкупа и купчие есми им же дала и деловую на ту деревню и на пожню. А у даные седел отець мой духовной Никольской священик черной Герасим з Бурдукова, да

[1] 11 марта — воскресенье на первой неделе „великого поста" в 1565 г.

вологоцкой градкой и соцкой Сава Иванов сын Лухтанов, да мужы Гаврило Родионов сын Горотчиков да Фока Мосеев сын Цветков да Василей Емельянов сын Торопынин, вологжане с посаду. А даную писал земской дьячек Ворошылко Афонасьев сын лета 7070 третьяго.

На обороте: У сее даные яз поп Герасим, отец духовной Федосин, вместо дочери своей руку приложил.

На подклейке к ссставу, с лицевой стороны, иным почерком:

„Да в монастырьской же казне найдена крепость, а в ней пишет".

[Подлинник, ЛОИИ, собрание актов Спасо-Прилуцкого монастыря, № IV. II. 13.]

№ 2

1566 г. февраля 18. „Жалованная" грамота, выданная из опричнины Симонову монастырю на финансовые и судебные льготы в с. Диком в волости Сохне Вышегородского уезда.

Се аз царь и великий князь Иван Васильевич всеа Русии пожаловал есми по прежней своей жаловалной грамоте пречистые Симонова монастыря архимандрита Феоктиста з братьею или кто по нем иный архимандрит будет. Что их село Дикое в деревнями в Вышегородцком уезде в Сохне, и хто у них в том селе и в деревнях учнут жити людей, и тем их людем монастырским не надобе моя никоторая дань: ни ям, ни подводы, ни мыт, ни тамга, ни осминничье, ни костка, ни явка, ни писчая белка, ни по[во]ротное, ни коня моего не кормят, ни сен моих не косят, ни двора волостелева не ставят, ни иная которая пошлина, ни к сотцким, ни к дворским не тянут ни в какие протори ни в розметы. А наместницы мои вышегородцкие и волостели сохонские и их тиуны тех монастырских людей не судят ни в чем, опричь душегубства и розбоя с поличным, ни кормов своих на них не емлют, ни всылают к ним ни по что; а праведчики и довотчики поборов своих у них не берут, ни въезжают к ним ни по что. А ведает и судит тех своих людей архимандрит з братьею сам во всем или кому прикажут; а случитца суд сместной тем их людем з городцкими людми или с волостными, и наместницы мои вышегородцкие [и] волостели сохинские и их тиуны судят, а архимандрит з братьею или их приказщик с ними ж судит; а прав будет или виноват монастыр-

ской человек, и архимандрит з братьею своего человека ведает себе в правде и в вине, а наместницы мои и волостели и их тиуны в монастырского человека не вступаютца ни в правого ни в виноватого; также будет прав или виноват городцкой человек или волостной, и наместницы мои и волостели городцкого человека и волостного ведают себе в вине и в правде, а архимандрит з братьею не вступаетца в городцкого человека и в волостного в правого и в виноватого; а исцово доправливают на виноватом. А только архимандрит в том селе держит свое; а хто их людей купят лошадь в городе или в волости, и они те кони пятнят своим пятном монастырским, а пошлину дают монастырскому приказщику; а хто у их людей купит лошедь или выменит волостной человек, и он пятнит волостным пятном. А довотчики и боярские люди к монастырским людем на братчины и на пиры незваны не ездят нихто; а хто к ним приедет на братчину и на пир незван, а учинитца у них какая гибель, и яз на том велю тое гибель взяти бес суда и бес правды. А мои князи и бояре и ратные воеводы и всякие ездоки в том селе и в деревнях монастырских не ставятца, ни кормов, ни подвод, ни проводников не емлют. А хто у них в том селе от своих рук утеряетца или хто з дерева убьетца, или кого древо убьет, или убитой водою напловет, или хто их уловом поткинет, и мои наместницы вышегородцкие и волостели и их тиуны осмотрив того да велят схоронить без суда и продажи в том не учинят никакие. Также есми архимандрита Феоктиста з братьею пожаловал, дал есми пристава даного Якова Патапова, доколе он в нашем жалованье в неделех побудет; а кому будет на их людех и крестьянех или их людем и крестьяном искати в опришнине, и пристав мой даной Яков на поруку их и от них дает и сроки им записывает, а пишет им два срока в году: в зиме — в той же день по крещенье христове, а в лете — уговев петрова говеина неделю, а через те два срока иных сроков на них не наметывает; а хто на них срок накинет силно, а не их пристав даной Яков, а не по их грамотному сроку, и яз им к тем срокам ездити не велел; а хоти на них хто и бессудную возмет, и та бессудная не в бессудную. Также гонцы мои подвод у них ни проводников не емлют, опричь моего гонца, которой гонит промеж ямов с моею подорожною грамотою. А кому будет чего искати на их приказщиках, ино их сужу яз царь и великий князь или боярин мой введеный в опришнине. А которого

наместника своего пожалую вышегородцкого дам ему и на рамотчики грамоту, а на сю грамоту иные моей грамоты нет. А явят сю грамоту вышегородцкому наместнику и волостелем и Сохонские волости и их тиуном, и они с нее явки не дают ничего. А дана грамота на Москве в опришнине лета 7074-го февраля в 18 день.

А у подлинные грамоты назади написано: Царь и великий князь Иван Васильевич всеа Русии.

Подтверждение:

1584 г. июня 15. Лета 7092-го июня в 15 день государь царь и великий князь Федор Иванович всеа Русии сее грамоты слушал и выслушав сю жаловалную грамоту пречистые богородицы Симонова монастыря архимарита Корнилья з братьею или по нем иный архимарит в том монастыре будет пожаловал, велел им сю грамоту потписати на свое царево и великого князя имя и сее у них грамоты рудити не велел никому ни в чем и о всем велел ходити по тому, как в сей грамоте писано. Потписал государя царя и великого князя дь: Андрей Арцыбушев.

За печатью за красною.

[Список, ГИМ, собрание рукописей Симонова монастыря, сборн. N лл. 185—188.]

№ 3

1566 г. февраля 18. Грамота „с прочетом" на Белоозеро Дружине Нефореву о выдаче ржи Кирилло-Белозерскому монастырю из дворцовой волости Озадок в виду перехода Вологды и вологодских дворцовых сел в опричнину.

От царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Русии на Белоозеро Дружине Нефореву или по нем иный хто на Белеозери будет, кому велят наш хлеб в розход оброчникам давати. Бил нам челом из Белозерского уезда Кирилова монастыря игумен Кирил з братьею: что у них наша жаловалная грамота, а велено им по той грамоте из наших из вологодцких дворцовых сел имати в монастырь по 500 чети ржы на год в старую меру, и Вологда и вологодцкие дворцовые села взяты в опришнину; и нам бы их пожаловати, велети им тот хлеб давати из белозерских дворцовых сел по тому ж, как им наперед того вологодцких сел давано. И как к тебе ся наша грамота придет, и ты б на нынешней на 74-ой год тот хлеб против старые меры

375 четверти ржы в новую меру взял с волости с Озадок да ту рожь отдал бы еси в Кирилов монастырь игумену з братьею да в той ржы у игумена з братьею взял бы еси отпись счету для да и вперед бы еси им тот хлеб давал по тому ж, на срок на рожество христово, и отписи у них имал. А прочет сю грамоту, отдал бы естя назад и они ее держат вперед для иных наших приказщиков. Писан [на] Москве лета 7074 февраля в 18 день.

На обороте: Царь и великий князь всеа Русии.

[Список, ЛОИИ, сборник № 112, отд. IV, № 43, стр. 422—424; другой список: ГПБ, собрание рукописей СПб. духовной академии, А II/47, лл. 259—260 об.]

№ 4

1566 г. марта 9. Послушная крестьянам дер. Кленово с деревнями, волости Вохны Московского уезда, и дер. Брилина, волости Раменейцо того же уезда, пожалованных Федору Григорьеву сыну Желтухину взамен его вотчины в Вышегородском уезде.

От царя и великого князя Ивана Васильевича всея Русии в замосковские волости, в волость в Вохну, в деревню Кленово, в деревню Климово, в деревню Закоршне, что были те деревни в поместье за дьяком за Лашею за Зиновьевым, да в волость в Раменейцо, в деревню Брилино, что была та деревня в поместье за дьяком за Иваном за Гавриловым, всем крестьяном, которые в тех деревнях живут. Пожаловал есми теми деревнями Федка Григорьева сына Желтухина против его вышегородцкие вотчины селца Алымова Степановского Внукова да деревни Онцыфорова в вотчину ж, против пашни середние земли 100-а и 10-ти четвертей, против сена 330-ти копен, против лесу 30-ти десятин; а по книгам писма Василья Замыцкого да Савлука Иванова лета 7064-го в тех деревнях, что были за Лашею за Зиновьевым да за Иваном за Гавриловым, пашни 112 чети, сена 310 копен, лесу 20 чети сена. И вы б, все крестьяне, которые в тех деревнях живут, Федка Желтухина слушали и пашню на него похали и оброк ему платили, докуды за ним те деревни писцы или болшие наши мерщики измеряют и учинят за ним пашни по нашему указу. А ведати Федке та вотчина за собою по старым своим крепостям, по которым крепостям вышегородцкую свою вотчину за собою ведал. Писана на Москве лета 7074-го марта в 9 день.

А на грамоте назади написано: Царь и великий князь всеа Русии.

Печать государева на черном воску, „орел".

[Список, ГБИЛ, собрание рукописей Троице-Сергиевской лавры, № 530, л. 93 и об.]

№ 5

1566 г. апреля 17. Грамота белозерскому губному старосте Якову Гневашеву сыну Стогинина об отделе Кирилло-Белозерскому монастырю деревень и починков дворцового с. Ирдомы, Белозерского уезда, взамен вотчин, взятых в опричнину к с. Чаронде.

От царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Русии на Белоозеро губному старосте Якову Гневашеву сыну Стогинина. Бил нам челом Кирилова монастыря что на Белеозере в-игумново в Кирилово место з братьею старец Никодим Брудков: велели есмя взяти у них на нас в Белозерском уезде в Шубатцком стану к селу к Чаронде их Кирилова монастыря 4 деревни да починок — деревню Меленскую, деревню Гришинскую, деревню Копытово, деревню Осиповскую, починок Ондрюшин — да на реке на Шексне в Горы к Воскресенью христову деревню Кнутово; а у тех-деи их деревень и у починка лесу промеж пашнями верст на 5 и болши, а поперег версты на 4 и болши, а сколко пашни в них и того старец Никодим сказал — не ведает, да и от черных-деи наших от шубатцких деревень те их деревни отмежеваны; и нам бы Кирилова монастыря игумена Кирила з братьею пожаловати, велети им в тех их земель место дати им в дом пречистой богородице и чюдотворцу Кирилу в Белозерском же уезде из дворцовые Ирдомские волости деревни в Дмитровском приходе: деревню Ивашово, починок Высокое Ржаница, починок Синицын, починок Ондронов, починок Квасинин; а та-деи деревня и починки сошлись с монастырскою их землею смежно, а землею-деи не болши их земель, которые есмя у них земли взяли к селу Чаронде. А в дворцовых в писцовых книгах писма Ильи Плещеева с товарыщи лета 7069-го написаны деревни Ирдомского нашего дворцового села: деревня Ондронцово, деревня Ивашово, деревня Квасинино, деревня Синицыно, деревня Менкино, в дворе Ржаница Ермолин; пашни в них 83 десятины с полудесятиною в поле, а в дву по тому ж, середние земли, сена 131 копна, лесу пашенного 11 десятин, а непашенного

лесу 28 десятин, а вытей 12 без чети выти; а посопного хлеба с них 34 чети с осминою ржи да 59 чети без полуосмины овса, да за мелкой доход 35 алтын, по 4 алтыны с выти, да за солому 12 алтын без полуторы денги, по алтыну с выти, да за поселничей доход и за присуд 2 рубля и 12 алтын без дву денег, с выти по 2 гривны, за посошной корм полчетверта алтына на год. И ожь будет так, как нам в-ыгумново Кирилово место з братьею старец Никодим бил челом, а те будут деревни с манастырскими их землями сошлись смежно и не болши будет их земель тех наших земель, и как к тебе ся наша грамота придет, и ты б, взяв с собою старост и целовальников и лутчих людей сколко будет пригоже, в-Ырдомскую в дворцовую волость ехал да те деревни, деревню Ондронцову, деревню Ивашеву, деревню Квасинино, деревню Синицыну, деревню Менкино, отказал Кирилова монастыря игумену Кирилу з братьею со всеми угодьи и против их монастырских деревень, что у них взято на меня царя и великого князя к селу к Чаронде, до нашего указу и до тех мест, как велим их монастырские деревни, которые у них на нас взяты, и те наши деревни измеряти и всякие угодья сметити и отделити им велим столко ж, сколко у них на нас взято, и указ свой тогды о тех наших деревнех дворцовых учиним и лишнее велим на себя взяти. Писан на Москве лета 7074-го апреля в 17 день.

На обороте: Царь и великий князь всеа Русии.

Склеено крепко по составом.

[Подлинник, ГАФКЭ, грамоты Коллегии экономии, Белозерский у., № 817/116; списки: ГПБ, Q. IV. 113а, стр. 1209—1214; собрание рукописей СПб. духовной академии, AI/16, лл. 301—302.]

№ 6

1566 г. апреля 30. „Жалованная" грамота, выданная из „земского" Симонову монастырю на финансовые и судебные льготы в селах Акуловском и Литвинове в волости Раменице Московского уезда.

Се яз царь и великий князь Иван Васильевич всеа Русии пожаловал есми пречистые богородицы Симонова монастыря архимандрита Феоктиста з братьею или кто по нем иный архимандрит з братьею в том монастыре будут. Били нам челом: наше-де жалованье монастырские их села и деревни в замосковской волости в Раменице селцо Литвиновское да селцо Акуловское з деревнями да в Вышегороде на село Дикое

з деревнями была у них наша жаловалная грамота, а на селцо-де на Литвиново была у них грамота великого князя Василья Васильевича всеа Русии, а другая-де грамота на то ж селцо князя Володимера Ондреевича, а на мое царево и великого князя имя те грамоты не подписаны; а в писцовых-де книгах замосковских волостей писма князя Ондрея Ростовского да в других книгах писма Василья Замытцкого да Савлука Иванова те селца написаны за Симоновым монастырем; и мы-де их пожаловали, велели им на село на Дикое з деревнями дати нашу жаловалную грамоту в опричнине, а на село-де на Окуловское да на селцо на Литвиново з деревнями нашие жаловалны грамоты в опричнине им не дано, потому что то селцо Литвиново да селцо Окуловское з деревнями в земском, а не во опричнине; и нам бы пречистые богородицы Симонова монастыря архимандрита Феоктиста з братьею пожаловати, велети им и на те их села, на Окуловское да на Литвиново з деревнями, дати своа жаловалная грамота такова ж, какова же им дана наша жаловалная грамота ис опричнины за приписью дияка нашего Петра Григорьева. В той нашей жаловалной грамоте, которая им дана в опричнине за приписью дияка нашего Петра Григорьева, написано: „Яз царь и великий князь Иван Васильевич всеа Русии пожаловал есми по прежней своей жаловалной грамоте пречистые Симонова монастыря архимандрита Феоктиста з братьею или кто по нем иный архимандрит будет. Что их село Дикое и з деревнями в Вышегородцком уезде в Сохне, и кто у них в том селе и в деревнях учнет жити людей, и тем их людем монастырским не надобя моя никоторая дань: ни ям, ни подводы, ни мыт, ни тамга, ни осминничье, ни кочтки,* ни явка, ни [illegible]ее, ни пищея белка, ни пов[оро]тное, ни коня моего не кормят, ни сен моих не косят, ни двора волостелева не ставят, ни иная никоторая пошлина, ни к сотцким, ни к дворским не дают и не какие протори. А наместницы мои вышегородцкие и волостели соханские и их тиуны тех монастырских людей не судят ни в чем, опричи душегубства и разбоя с поличным, ни кормов своих на них не емлют, ни всылают к ним ни по что; а праведчики и довотчики поборов своих у них не берут, ни въезжают к ним ни по что. А ведает и судит тех своих людей архимандрит з братьею сам во всем или кому

---

* *Так в рукописи*

прикажет; а случитца суд смесной тем их людем з городцкими людми или с волостными, и наместницы мои вышегородцкие и волостели соханские и их тиуны судят, а архимандрит з братьею или их прикащик с ними ж судит; а прав будет или виноват монастырской человек, и архимандрит з братьею своего человека ведают себе и в правде и в вине, а наместницы мои и волостели и их тиуны в монастырского человека не вступаютца ни в правого ни в виноватого; тако же будет прав ли виноват городцкой человек или волостной, и наместницы мои и волостели городцкого человека и волостного ведают собе в правде и в вине, а архимандрит з братьею не вступаютца в городцкого человека и в волостного в праваго и в виноватого; а исцово доправливают на виноватом. А пятно архимандрит держит свое в том селе; а хто их людей купит лошадь в городе или в волости, и они те кони пятнят своим пятном монастырским, а пошлину дают монастырскому прикащику; а хто у них людей купит лошадь или выменит волостной человек, и он пятнит волостным пятном. А довотчики и боярские люди к монастырским людем на братчины и на пиры незваны не ездят нихто; а хто к ним приедет на братчину и на пир незван, а учинитца у них какова гибель, и яз на том велю тое гибель взяти без суда и без исправы. А мои князи и бояре и ратные воеводы и всякие ездоки в тех селех и в деревнях монастырских не ставятца, ни кормов, ни подвод, ни проводников ни емлют. А хто у них в тех селех от своих рук утеряетца или хто в дерева убьетца, или кого древом убьет, или убитой водою наплавет, или хто их уловом подкинет, и наместницы мои вышегородцские и волостели и их тиуны осматрив того да велят схоронити без суда и продажи в том не учинят никакие. Такоже есми архимандрита Феоктиста з братьею пожаловал, дал есми пристава даного Якова Потапова, доколе он в нашим жалованье в неделях побудет; а кому будет чего на их людех и на хрестьянех или их людем и крестьянем искати в опричнине, и пристав мой даной Яков на поруку их и от них дает и сроки им записывает, а пишет им два срока в году: в зиме — в той жо день по крещенье христове, а лете — уговев петрова говенья неделю, а черес те два срока иных сроков на них не наметывает; а хто на них срок накинет силно, а не их пристав даной Яков, а не по их грамотному сроку, и яз им к тем сроком ездити не велел; а хоти хто на них безсудную и возмет, и та

безсудная не в безсудную. Також гонцы мои и подвод у них и проводников не емлют, опричь моего гонца, которой гонит промеж ямов с моею подорожною грамотаю. А кому будет чего искати на них [и их] прикащиках, ино их сужу яз царь и великий князь или мой боярян введеный в опричнине. А которого наместника своего вышегородцкого пожалую, дам ему на грамотчики грамоту, а на сю грамоту иные моей грамоты нет. А явят сю грамоту вышегородцкому наместнику и волостелем и их тиуном, и они с нея явки не дают ничего. Дана грамота на Москве в опричьнине лета 7074 февраля в 18 день". А в старой жаловалной грамоте Симонового монастыря написано: „Князь великий Василей Васильевич пожаловал дому святые богородицы Симоновского монастыря архимандрита Геронтия з братьею или хто по нем будет иный архимандрит. Что свещал церковь у святые богородицы в полатях Преображения господа нашего Исуса Христа дядя мои князь Костентин Дмитреевич да дал в дом святому спасу той церкви пречистой богоматери в Раменцы свои селца купленые, Окуловское да Сомновское да Конановское, и что к тому прикупль их монастырская, Фефилатовское Литвиново, и что деревни, которые тех селец, и хто у них на тех землех имет жити людей, и архимандрит дает с тех селец и з деревень оброк в мою казну на всякой год по полтине на збор. А опричь того оброка ненадобя тем людем монастырским никоторая моя дань: ни мыт и тамга, ни явленое, ни ям, ни подвода, ни инные никоторые пошлины, ни осел моих делати, ни коня кормити, ни з черными людьми не надобе им тянути ни в которые проторы ни в дела. А волостели мои раменские ни их тиуны не всылают в те села и деревни монастырские своих доводчиков ни по што, ни судят их ни в чем, ни кормов на них не емлют; а довотчики у них поборов не берут. А будет суд тем людем с волостными людми, и мои волостели судят, а архимандрит с ними судит или кому прикажет; а будет прав или виноват монастырской человек, ино его ведает себе архимандрит в правде и в вине, а волостели мои в монастырских людей не вступаютца ни в правого ни в виноватого; а будет прав или виноват волостной человек, наши волостели ведают собе своих волостных и в правде и в вине, архимандрит в их людей не вступаетца. А через сю мою грамоту хто их чем изобидит или что на них возмут — быти от меня в казни. А дана грамота в лете 6955 марта в 28 день". А назади

той грамоты потписано: „По сей грамоте князь великой Иван Васильевич пожаловал архимандрита симоновского Афонасья з братьею, сее грамоты рушати не велел ничим, опрочь дани да яму. А подписал великого князя диак Василей". Да на той жа грамоте подписано: „По сей грамоте княгиня великая Марья пожаловала архимандрита симановского Окакья з братьею, сее грамоты рушати не велела". А в книгах замосковских волостей писма князя Ондрея Ростовского с товарыщи лета 7028-го написано: „В волости в Раменьце пречистые Симоновского монастыря селцо Литвиновское на речке на Дорске да селцо Акуловское да их же деревни: деревня Семеново, деревня Подлипье, деревня Кононава, деревня Веригино, пашни в селех и в деревнях треть сохи; да их же починки без пашни: починок Олешков, починок Голодов, да селище Даниловское да луг за рекою за Кжелью". А в других книгах замосковских же волостей писма Василья Замытцкого да дьяка Савлука Иванова лета 7064-го написано: „В Раменце села и деревни монастырьские пречистые Симонова монастыря селцо Окуловское на реке на Кжели, того ж села и деревни: деревня Веригино, деревня Голодово, деревня Конанова, деревня Олешково, деревня Семеновское, деревня Подлипье пуста; того же села луг за рекою за Кжелью: Симанова ж монастыря селцо Литвиново на речке на Дорске, сошные пашни в селе и в деревнях треть сохи". А четвертная пашня и сено и лес в тех обеих книгах не написано. И яз царь и великий князь Иван Васильевич всеа Русии пречистыс Симонова монастыря архимандрита Феоктиста з братьею или кто по нем иный архимандрит з братьею в том монастыре будут пожаловал по прежним жаловалным грамотам и по тому ж, как у них в нашей жаловалной грамоте написано, которая им из опричнины дана. Кто у них в их монастырских селех, в селце в Литвинове да в селце Окуловском, и в деревнях и в починках и на селищех тех сел учнут жить людей, и тем их людем ненадобя моя никоторая дань: ни ям, ни подводы, ни мыт, ни тамга, ни осминничье, ни [по]стки, ни явка, ни ведчее, [ни] пищея белка, ни по[во]ротное, ни коня моего не кормят, ни сен моих не косят, ни двора волостелева не ставят, ни иная никоторая пошлина, ни к сотцким, ни к дворским не тянут ни в какие проторы ни в розметы. А волостели мои замосковские роменские и их тиуни тех их монастырских людей не судят ни в чем, опрочи душегубства

и разбоя с поличным, ни кормов своих на них не емлют, ни всылают к ним ни по что; а праветчики и довотчики поборов своих у них не берут, ни въезжают к ним ни по что. А ведает и судит тех своих людей архимандрит з братьею сами во всем или кому прикажут; а случитца суд сместной тем их людем з городцкими людми или с волостными, и волостели мои раменские и их тиуни судят, архимандриту з братьею или их прикащиком с ними ж судить; а прав будет или виноват намонастырской * человек, и архимандрит з братьею своего человека ведает себе в правде и в вине, а волостели и их тиуни в монастырского человека не вступаютца ни в праваго ни в виноватого; такоже будет прав или виноват городцкой человек или волостной, и волостели мои городцкого человека и волостного ведают собе в вине и в правде, а архимандрит з братьею не вступаютца в городцкого человека и в волостного в правого и в виноватого; а исцово доправливают на виноватых. А пятно архимандрит в тех селех и деревнях держит свое; а хто их людей купит лошедь в городе или в волости, и они те лошеди пятнят своим пятном монастырским, а пошлину дают монастырскому прикащику; а хто у их людей и у крестьян купит лошедь или выменит волостной человек, и он пятнит волостным пятном. А довотчики и боярские люди к монастырским людем и крестьяном на братчины и на пиры незваны не ездят нихто; а хто к ним приедет на братчину и на пир незван, а учинитца у них какова гибель, и яз на том велю тое гибель взяти без суда и без исправы. А мои князи и бояре и ратные воеводы и всякие ездоки в тех селех и в деревнях монастырских не ставятца, ни кормов, ни подвод, ни проводников не емлют. А хто у них в тех селех и в деревнях от своих рук утеряетца или хто з дерева убьетца, или кого деревом убьет, или убитой водою напловет, или хто их уловом подкинет, и волостели мои замосковские раменские и их тиуни осмотрив того да велят схоронити без суда и продаж в том не учинят никакие. Такоже есми архимандрита Феоктиста з братьею пожаловал, дал есми пристава даного Савлука Михайлова сына Романова, доколе он в нашем жалованье в неделях побудет; а кому будет чего на их людех и на крестьянех или их людем и крестьяном искати в земском, и пристав мой даной Савлук на поруку их

---

* *Так в рукописи.*

и от них дает, сроки им записывает, а пишет им два срока в году: в зиме — в той ж день по крещенье христове, а лете — уговев петрова говеина неделя, а через те два срока иных сроков на них не наметывает; а хто на них срок накинет силно, а не их пристав даный Савлук, а не по их грамотному сроку, и яз им к тем сроком ездити не велел; а хоти хто на них и безсудную возмет, и та безсудная не в безсудную. А пристав лишнего, також гонцы мои подвод у них и проводников не емлют, опрочь ратных вестей. А кому будет чего искати на их прикащикех, ино их сужу яз царь и великий князь или кто боярин мой введеный [в] земском. А которого волостеля своего пожалую дам ему и на грамотчиков грамоту — иные грамоты нет. А явят сю грамоту замосковским волостелем раменским и их тиуном, и они с нее явки не дают ничего. Дана грамота на Москве лета 7070 четвертого апреля в 30 день.

Назади у подлинной грамоты написано: Царь и великий князь Иван Васильевич всеа Русии.

Подтверждение:

1584 г. июня 15. Лета 7092-го июня в 15 день государь царь и великий князь Федор Иванович всеа Русии сее грамоты слушал и выслушав сю жаловалную грамоту пречистые богородицы Симонова монастыря архимандрита Корнилья з братьею или по нем иный архимандрит в том монастыре будет пожаловал, велел им сю грамоту подписати на свое царево и великого князя имя и сее у них грамоты рудити не велел никому ни в чем и о всем велел ходити по тому, как в сей грамоте писано. А подписал государя царя и великого князя дияк Андрей Арцыбашев.

У той жа жаловалной грамоты печать вислая красная.

[Список, ГИМ, собрание рукописей Симонова монастыря, сборн. № 58. лл. 256—264.]

№ 7

1566 г. сентября 19. „Жалованная" тарханная грамота, выданная из опричнины Перемышльскому Шаровкину монастырю на вотчины в опричных Перемышльском и Белевском уездах.

Се яз царь и великий князь Иван Васильевич всеа Русии пожаловал есми пречистые богородицы Шаровкина монастыря что в Перемышле в опришнине игумена Прохора з братьею

или хто иной игумен в том монастыре будет. Били челом мне царю и великому князю игумен Прохор з братьею: что их монастырские села и деревни в Перемышлском уезде селцо Варваренки на речке на Пторе, селцо Нижнее Ослопово на речке на Столбне, деревня Бошкотово на речке на Столбне, село Сюлюменевское-Петровское, да за рекою за Жиздрою деревня Ромашово, деревня Зыково на реке на Жиздре, деревня Выползово на вражке на Выползове, деревня Воротынцово на речке на Оползенке, деревня Яковлевская, деревня Митина на речке на П[торе],* деревня [Саншина]* на [Столби]цком* колодезе, [деревня] Долгуша Гриши Малютина на речке на Долгуше, а Гришинская тож, деревня Крутая на Крутом верху, а Офремов починок тож, на речке на Жиздре, починок Долгушин, а был Истомки Черного, деревня Слободка Лобановская на речке на Песочне, деревня Доброе на колодозе на Добренском, починок Иванеев, деревня Момряково на реке на Оке, старые их земли; да в Перемышлском же уезде деревня Карповская на Суходоли, деревня Озаровская на Гвицком отвершку, деревня Пакрино да в деревне в Кузменках жеребей, что пожаловал есми их теми деревнями и жеребьем в деревне в Кузменках в прошлом в 74-м году в августе; да в Белевском уезде село Рахлеево, село Стромок на речке на Стромку, деревня Починок Головин на Хвощеве верху, что приписал и примежовал те монастырские села и деревни, старые их земли, по старым межам и по сыску старожилцов от земского города от Одоева к опришнему городу к Белеву князь Василей Иванович Вяземской да подьячей Сувор Васильев в прошлом в 74-м году; а грамоты-деи моей царевы и великого князя жаловалные у них на те их на все села и на деревни нет; и мне б царю и великому князю игумена Прохора з братьею пожаловати, велети им на те их села и на деревни дати своя жаловалная грамота. А по перемышлским по писцовым книгам писма Ивана Яхонтова да Ондрея Безтужево лета 7072-го в Перемышлском уезде селцо Варваренки, селцо Нижнее Ослопово, деревня Башкотово, село Сюлюменевское-Петровское да за рекою за Жиздрою деревня Ромашево и иные деревни, которые в сей грамоте имяны писаны, написано Шаровкина монастыря,

---

* *В подлиннике попорчено; восстановлено по описи монастырских вотчин, см. „Чтения Моск. Общ. ист. и древн.", 1861, I, стр. 15.*

а мой царев и великого князя указ в тех книгах написан: „Пожаловал есми Шаровкиной пустыни вотчину, велел писцом оторханити, вперед с тое манастырские вотчины крестьяном монастырским ямских и приметных денег и за емчюжное и за засечное дело не давати"; а деревня Карповская в тех в писцовых книгах написана за Юшаком за Петровым сыном Онтонова в поместье, а деревня Озаровская да деревня Пакрино написаны в поместье ж за Васильевою женою Уварова за Ориною да за сыном ее за Олешкою, а жеребей деревни Кузменки написан в поместье за Бурнашевою женою Волкова за Огафьею з детми; и теми деревнями и жеребьем деревни пожаловал есми Шаровкина монастыря игумена Прохора з братьею в 70 в 4-м году. А в выписи с книг писма и меры и межеванья князя Василья Ивановича Вяземского да подьячего Сувора Васильева лета 7074-го написано: „Отписано и отмежевано к Белеву от земского города от Одоева Шаровкина монастыря село Рахлеево, село Стромок на речке на Стромку, деревня Починок Головин на Хвощеве верху". И яз царь и великий князь Иван Васильевич всеа Руси игумена Прохора з братьею пожаловал, на те их перемышльские и на белевские села и на деревни дал им свою жаловалную грамоту. Ненадобе им с тех сел и з деревень моя царева и великого князя дань, ни ямские ни приметные денги, ни за емчюжное ни за засечное дело. А хто у них в тех селех и в деревнях учнут жити людей, и наместницы наши перемышльские и белевские и волостели и их тиуни тех их людей не судят ни в чем, опричь душегубства и розбоя и тадбы с поличным, ни кормов своих на них не емлют, ни всылают к ним ни по что; а праведчики и доводчики поборов своих на них не емлют же, ни въезжают к ним ни по что. А ведают и судят тех своих людей игумен Прохор з братьею сами во всем или кому прикажут; а случитца суд смесной тем их людем з городцкими людми или с волостными, и наши наместницы и волостели и их тиуни тех их людей судят, а игумен Прохор з братьею или их прикащик с ними ж судят; а прав или виноват монастырской, и он в правде и в вине игумену з братьею, а городцкой и волостной в правде и в вине наместнику и волостелю и их тиуном. А кому будет чего искати на монастырских людех, ино их сужу яз царь и великий князь или мой боярин введеной в опришнине. Также есми игумена Прохора з братьею пожаловал: ненадобе им ни мыт, ни явка, ни

вещее, ни коня моего не кормят, ни лугов моих не косят, ни двора моего ни наместнича не делают, ни прудов моих не прудят, ни поворотного ни выводные куницы не дают, ни к дворским, ни к соцким, ни к десяцким с тяглыми людми не тянут ни в какие проторы ни в розметы. А кто у них в их селех и в деревнях поидет от своих рук или хто з дерева убьетца, или кого дерево убьет в лесе, или в воде утонет, или водою напловет, или их убитым подкинут из зарубежья, и наши наместницы и волостели и их тиуны в том на них продажи и езду не емлют, а осмотрив велят того схоронити беспенно. А наши князи и бояре и дети боярские и ратные воеводы и ловчие и псари и бобровники и всякие ездоки в тех их селех и в деревнях не ставятца, опричь ратных вестей. А хто у них станет силно и что возмет, и тому платити без суда и без-ысправы. А мои царя и великого князя селчяне и наместников и волостелей наших люди к тем монастырским людем на пиры и на братчины незваны не ходят; а хто к ним придет на пир и на братчины незван, и они того вышлют вон безпенно; а хто у них учнет пити силно, а учинитца у них в ту пору гибель, и тому платити та гибель вдвое без суда и без-ысправы. Также есми пожаловал игумена Прохора з братьею: по тем их по монастырским селом и по деревням попрошатые не ездят и скоморохи не играют; а хто по их по монастырским селом и по деревням попрошатые учнет ездити или скоморохи учнут у них играти с[ильно], и монастырской прикащик из тех монастырских сел и из деревень вышлет их вон безпенно. А пятно игумен в тех селех держит свое; а хто их монастырских купит лошадь в городе или в волости, и они те лошади пятнают своим пятном монастырским, а пошлины дают монастырскому прикащику; а хто у их людей купит лошадь или выменит волостной человек, и он пятнит волостным пятном. Также есми пожаловал игумена Прохора з братьею, дал есми им пристава даного певчего дьяка Якова Потапова, доколе он в нашем жалованье в неделях в опришнине побудет; и пристав мой даной Яков на поруку их и от них дает, а пишет им один срок в году: зиме рождество христово, а через тот срок иных сроков на них не наметывает; а хто на них срок напишет силно, а не их пристав даной, или не по их грамотному сроку, и яз им к тем сроком ездити не велел; а хоти хто на них и безсудную возмет, и та безсудная не в безсудную. А которого наместника своего перемышльского и белевского пожалую и на грамоты

грамоту дам, а на сю мою грамоту иные грамоты нет. А явят сю грамоту перемышльскому и белевскому наместнику и волостелям и их тиуном, и они с нее явки не дают ничего. А дана грамота на Москве в опришнине лета 7075-го сентября в 19.

На обороте: Царь и великий князь Иван Васильевич всеа Русии.

Государев царев и великого князя дияк Петр Григорьев.

Подтверждения:

1585 г. июня 17. Государь царь и великий князь Федор Иванович всеа Русии сее грамоты слушал и выслушав пречистые богородицы Шаровкина монастыря что в Перемышле игумена Макария з братьею или хто по нем иный игумен в том монастыре будет пожаловал, велел им сю грамоту подписати на свое царево и великого князя имя и сее у них грамоты рушити не велел никому ничем и о всем велел ходити по тому, как у них в сей грамоте писано. Лета 7093 июня в 17 день. А подписал царев и великого князя дияк Дружина Петелин.

1599 г. ноября 4. Божиею милостию мы, великий государь царь и великий князь Борис Федорович всеа Русии самодержец и сын наш царевич князь Федор Борисович всеа Русии, по сей грамоте Шеровкина монастыря игумена Зиновья з братьею пожаловали, сее у них грамоты рушити не велели никому ничем, а велели ходити во всем по тому, как в сей грамоте писано. Лета 7108-го ноября в 4 день. А подписал государя царя и великого князя Бориса Федоровича всеа Русии диак Андрей Арцыбашев.

1623 г. мая 8. Лета 7131-го маия в 8 день. Мы, великий государь царь и великий князь Михайло Федорович всеа Русии самодержец и отец наш государев великий государь святейший патриарх Филарет Никитич Московский и всеа Русии, сее грамоты слушав указали: по нашему государскому уложенью переписати вновь на наше государское имя, а сее жаловалную грамоту указали, подписав на наше ж государское имя, отдати пречистые богородицы Шаровкина игумену Симону з братьею вперед для спору вотчинных земель и всяких вотчинных крепостей, а о всем указали ходити по тому, как в нашей в новой государской жаловалной грамоте нынешнего 131-го году написано. А подписал государев царев и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии диак Прокофей Пахарев.

Помета: Ся жаловалная грамота на царево и великого князя Дмитрея Ивановича всеа Русии имя переписана лета 7113 июля в„ "день. Подпись на грамоте диака Григорья Желябужсково.

[Подлинник, ГПБ. Ветха. Печать (остатки) красная, вислая; на одной стороне изображение государственного герба, на другой — „единорога" („опришная" печать).]

№ 8

1566 г. сентября. „Отпись" Афанасию Мордвинову, Михаилу и Даниилу Романовым, Дмитрию Григорьеву и Василию Семенову детям Краснослеповым на вотчину в Замотренской волости Муромского уезда, пожалованную взамен их суздальской вотчины.

Лета 7075-го сентября в„ ". По государеве цареве и великого князя Ивана Васильевича всеа Русии грамоте володимерской губной староста Рохманин Остафьев сын Колзаков да подьячей Русинец Матфеев отделили в вотчину Офонасью Мордвинову сыну Краснослепова да Михайлу да Даниле Романовым детем Краснослепова да Митке Григорьеву сыну Краснослепова да Васке Семенову сыну Краснослепова против их суздолские вотчины семидесят дву четверти в поле, а в дву по тому ж, да сена 40-а копен, в Муромском уезде в Замотренской волости деревни Зуево, деревни Лукьяновские враги на речке на Виндросе. И не дошло их меры пашни 3-х четвертей в поле, а в дву по тому ж; и в пашни место дано им сена, что осталось за мерою, у тех же деревень 30 копен; да в пашни ж место дано им лесу пашеннаго 3 десятины в одном поле; всего за ними 2 деревни, а в них 4 дворы крестьянских, людей в них 4 человека, пашни в поле середние земли 30 чети да худые земли и с тою пашнею, что им дано в пашни место, сена и лесу 42 чети в поле, а в дву по тому ж, сена 40 копен. А ведати Офонасью з братьею та вотчина по своим старым крепостям, по которым владели старою своею суздалскою вотчиною, а в государевы оброчные и откупные угодья, всяких оброков денежных и медвяных, и в реках и в озерах в рыбные ловли, и в бобровые тони у оброчников и у откупщиков не вступатись никоторыми делы. Да в той ж у них вотчине в Замотренской волости государев лес бортной в тех деревнях по полем и по заполицам и по лесом, бортное деревья со пчелами и безо пчел, делные и холсцы. И Офонасью з братьею того лесу самим и их людем

и хрестьяном беречи, не сечи и не поджигати и пчел не выдирати и делные борти не испортити и от сторон беречи накрепко, чтоб тот государев лес бортной не запустел. А хто ссечет борть со пчелами или выдерет, и на том взяти на государя за борть со пчелами по рублю, а за делное дерево по полтине, а за холостец по полуполтине. К сей отписи Рохманин Остафьев сын Колзаков печать свою приложил. Подьячей Русинец руку приложил.

А по ставом пишет: По ставом Рохманин Колзаков руку приложил.

[Список, ГБИЛ, собрание рукописей Троице-Сергиевской лавры, № 530, лл. 950 об. — 951 об.]

№ 9

1566 г. ноября 28. Грамота „с прочетом" белозерскому городовому приказчику Матвею Григорьеву сыну Бухарину о невзимании податей с деревень Кирилло-Белозерскаго монастыря, полученных взамен взятых в опричнину к с. Чаронде.

От царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Русии на Белоозеро городовому прикащику Матвею Григорьеву сыну Бухарину или хто по нем иный наш прикащик на Белеозере будет. Бил нам челом Кирилова монастыря игумен Кирил з братьею: взял есми у них себе в опричнину их монастырских деревень к своему селу к Чарунде в Белозерском уезде деревню Меленскую, деревню Гришинскую, деревню Копытово, деревню Осиповскую, починок Ондрюшин, да на реке на Шексне к Воскресенью христову деревню Кнутово со всеми угодьи, а против тех их монастырских деревень дал есми игумену Кирилу з братьею к монастырю в дом в Белозерском же уезде Ирдомского села деревни: деревню Ивашево, деревню Квасинино, деревню Ондрюково, деревню Синицыно, деревню Минкин починок, и всего 5 деревень, и с мелким доходом и с посопным хлебом и со всеми доходы, а в них 12 вытей без четверти выти; и ты-деи ныне с села с-Ырмы правишь наши доходы денежные и хлебные по тому ж, как они платили наперед сего и с теми деревнями, которые есмя отдал в Кирилов монастырь. А по книгам писцов наших Ильи Плещеева с товарыщи в селе в-Ырме з деревнями и с теми, что есми отдал в Кирилов монастырь, 131 выти без трети, а сошного писма 2 сохи без чети и полполполтрети сохи, и в тех деревнях, которые в Кирилов

монастырь отошли, инялось сошного писма полтрети сохи, а в селе в-Ырме з деревнями осталось полторы сохи и полчетверти сохи. И как к тебе ся наша грамота придет, и ты б с села с-Ырмы со 119 вытей без полчети и с полполполтрети выти, с полуторы сохи и с полчети сохи, имал наши всякие доходы и ямские и приметные денги, и за городовое и за ямчюжное дело; а с тех деревень, которые отошли в Кирилов монастырь, мелкого дохода и посопного хлеба не имал, опричь ямских и приметных денег; а ямские и приметные денги и за городовое и за засечное дело и за ямчюгу имал бы еси с них по розводу с полтрети сохи. А прочет сю грамоту, отдали б есте Кирилова монастыря игумену назад и он ее держит для иных наших зборщиков. Писан на Москве лета 7075-го ноября в 28 день.

На обороте: Царь и великий князь всеа Русии. Дияк Иван Ишук.

[Подлинник, ГАФКЭ, грамоты Коллегии экономии, Белозерский у., № 819/118; списки: ГПБ, Q. IV. 113а, стр. 1214—1218; собрание рукописей СПб. духовной академии, AI/16, лл. 302 об. — 303.]

№ 10

1566-1567 г. „Деловая" по духовной Никиты Яковлевича Хвостова его жены Марии Ивановны и детей Богдана, Ивана и Бажена на их движимое и недвижимое имущество в Замотренской волости Муромского уезда.

По благословению и по духовной Микиты Яковлевича Хвостова се яз Марья Микитина жена Яковлевича Хвостова да яз Богдан да яз Иван да яз Бажен Микитины дети Яковлевича Хвостова поделилися есмя — яз, Марья, после мужа своего Микиты, а яз Богдан да Иван да Бажен после отца своего Микиты — поделилися есмя божием милосердием, образы и книгами и свечами и всяким созданьем церковным, и кабалами и всяким живогом Микиты Яковлевича; да яз Богдан да яз Иван да Бажен поделилися есми отца своего вотчиною по третем, по отца своего благословенью и по духовной, как отец наш нас благословил суздалскою вотчиною; и по своей любви поделилися есмя что дана отцу нашему и нам вотчина против суздолские вотчины в Муромском уезде в Замотренской волости по отделной. Мне Богдану досталось деревня Онаньино на Онцыфорове враге, да деревня Онцыфорово Старое Переродово, да деревня Куроедово, да деревня, что был починок, у Подеженного болота,

с пашенною землею и с непашенною и с лесы и с луги и з водами и з болоты и со всякими угодьи, куды ис тех деревень изстари потяглу, куды ходил плуг и коса и соха и топор. А мне Ивану досталось деревня Чаянное на реке на Чаине, да починок Злобаевской на речке на Чаяной, да деревня Панинская на реке на Чаяной на Прямой стопе, с пашенною землею и не с пашенною и с лесы и с луги и з водами и з болоты и со всякими угодьи, куда ис тех деревень и с починка истари* потяглу, куды ходил плуг и коса и соха и топор. А мне Бажену досталось деревня Злобаево на речке на Вындросе, да деревня Другое Злобаево на речке же на Вындросе, да к ней припущено в пашню селище Чернятино, да деревня Чернятино, с пашенною землею и с непашенною и с лесы и з водами и с луги и з болоты и со всякими угодьи, куды ис тех деревень и селищ истари потяглу, куды ходил плуг и коса и соха и топор. И вперед нам та вотчина не переменяти и не переделивати. А что дано отцу нашему и нам против пашенные земли сена и лесу по отделной, и тот у нас лес по третем. Да яз Бажен да яз Богдан да Иван поделилися есмя отца своего людми по отца своего благословенью и по духовной. Мне Богдану — Матюшка Федотов сын з женою и з детми да Сенина жена з детми; и яз Богдан Сенину дочь Ульяну дал сестре своей Марфе, а взял есми против тое парня Митку Дунина сына. А мне Ивану достался Ортюша Матфеев сын з женою и з детми да Ромашка** з женою и з детми. А мне Бажену достал[а]ся Мишкова жена Корманова сына Федя да Мишковы дети, да Митя Григорьев сын з женою и з детми, да Семейка Конанов сын з женою и з детми, да Шелной Сухово сын; и яз Бажен дал сестре своей Марфе Ду[ню?] Мышкову[?] дочь,*** а взял есми у ней против тое парня Оноху Спирина сына. А сестрам своим, Марфе да Марье да Матрене, отдали есми по отца своего благословенью и по духовной по 3 образа на золоте да из вопчево живота их приданое по 30-ти рублев и по 3 рубли да изопча же по 5-ти голов людей: Васюрову жену да ее дочери, Катя да Тяша, да Галка Волкова дочь, да Уляша Сенина дочь, да Федя Мишева дочь, да Кокоршен Гакова дочь, да Маурка Кузмина дочь, да Огреня Ондреева дочь, Ульянка Ондреева

* *В рукописи стоит лишнее* „ходил".

** *В рукописи:* „Ромашку".

*** *В рукописи:* „Думышнову дочь".

дочь, да Некраса Шишулина дочь, да Огаша Спирина дочь, да Голуба Игошина дочь, да Зляха Горбушина дочь, а пятнатцатая голова вопче. А дочери Микитины Марфу да Марью да Матрену взяла яз Марья да яз Бажен к себе и их приданое и 14 голов людей, а пятанотцатая голова вопче; и замуж Марфу да Марью да Матрену отдати мне Марье да сыну моему Бажену с тем приданым и росход на свадбе наш; а учнет кой зят вступатись в вотчину, и нам всем стояти заодно. А мне Марье жити у сына своего у Бажена на его трети. А которые люди бегают вопчие, ино их поимаем, и нам их меж себя делити на трое. А на то послуси: Микитин отец душевной рожественской поп Тихан Лаврентьев сын, да Максим Ондреев сын Горяинов, да Нечай Матвеев сын, да Богдан Заамьин сын Зиновьева. А деловые у нас розняты по противнем, рука однова дьяка и послухов. А деловую писал Михалко Панфилов сын Созонов лета 7075-го.

А назади деловой пишет: К сей деловой Максим руку приложил. Рожества пречистые поп Тихон отец душевной Никитин руку приложил. По сей деловой яз Иван поделился, руку приложил. По сей деловой и моя Баженова мати Марья Ивановна да и яз Бажен поделились и руку свою приложил и в матери своей место. Послух Нечай и руку приложил. Послух Богдан и руку приложил.

[Список, ГБИЛ, собрание рукописей Троице-Сергиевской лавры, № 530 лл. 974 об.—976 об.]

№ 11

1567 г. февраля 14. Грамота с „прочетом" в Соль Галицкую Ивану Мичурину о правильном взимании таможенных пошлин с крестьян сел Симонова монастыря Дятлова и Демьянова Костромского уезда, приписанных к опричнине в Галицкий уезд.

От царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Русии к Соли Галицкой Ивану Лугвицину сыну Мичурину. Бил нам челом пречистые [богородицы]* Симонова монастыря архимандрит Феоктист з братьею, а сказывают: были-деи прежь сего в Костромском уезде их монастырьских 2 села, село Дятлово да село Демьяново, а ныне-деи те их оба села приписаны в нашу опричнину к Галицкому уезду; и тех-деи их сел крестьяне приезжают к Соли Галитцкой с хлебом и з дровы

* *Вставлено по списку сборника грамот № 58.*

и з животиною и себе купити соли и всякого запасу, и усолские-деи богородицкие попы, поп Петр з братьею, да усолские таможники, Фатка Сидоров с товарыщи, емлют с тех их крестьян явку как и с-ыногородцов с приезжих людей: попы явки емлют по 2 денги с человека, а таможники по денге с человека; а которые-деи их же крестьяне повезут дров к монастырским варницам и на монастырской двор и на усолские дворища и на варницы и на колодязи и на запас какова лесу на поделку, а не на продажу, и они-деи и с тех людей явку и поплашное емлют же; и мне б царю и великому князю Симанова монастыря архимандрита [Феоктиста] з братьею пожаловати, велети б с тех их крестьян галитцкие таможные пошлины имати как и з галичан, а не как с-ыногородцов. И будет те их монастырьские 2 села Дятлово да Демьяново ныне в нашей опричнине в Галицком уезде, а не в земском, и ты б попу Петру з братьею и усолским таможником Симанова монастыря села Демьянова да села Дятлова со крестьян, которые приписаны в нашу опричнину к Галитцкому уезду, с непродажного товару тамги и явки не велел имати, а с продажного товару тамгу и всякие таможные пошлины велел бы еси имати как и с-ыных людей Галитцкого уезда по галитцкой таможенной уставной грамоте, а не как с-ыногородцов. А которые их крестьяне тех же сел и деревень привезут их манастырские дрова и лес на манастырский обиход и к монастырским варницам на варничную поделку и на колодязи, а не на продажу, и ты бы с тех дров и с лесу поплашного и явки не велел же имати и лишка б с них тамги и всяких таможенных пошлин не имали ничего. А прочет сю нашу грамоту, отдал бы еси архимандриту з братьею или их прикащику и они держат ее у себя впредь иных для наших посланников и таможников. Писан на Москве лета 7075-го февраля в 14 день.

На обороте: Царь и великий князь всеа Русии.

Диак Андрей Васильев.

[Подлинник, ГАФКЭ, грамоты Коллегии экономии, Костромской у., № 3365/686; список ГИМ, собрание рукописей Симонова монастыря, № 58, лл. 765—766 об.]

№ 12

1567 г. февраля 24. „Послушная" крестьянам дер. Федотовской-Шелудякова Лукомского стана Московского уезда, пожалованной в вотчину Ивану Семенову, Молчану и Васи-

лию Васильевым детям Паховым взамен их старой подмосковной же вотчины дер. Дедернина.

От царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Русии в Московской уезд в Лукомской стан в деревню Федотовскую Шелудяково, да к ней же снесено селищо Курово, что была та деревня в поместье за Иваном за Молчановым сыном Голохвостова, а после дана была в поместье ж конюху Гарасиму Быкасову, а ныне отписана на меня царя и великого князя, всем крестьяном, которые в той деревне живут. Пожаловал есми тою деревнею Ивашка Семенова сына Пахова да Молчанка да Ваську Васильевых детей Пахова против подмосковные ж их вотчины деревни Дедернина; а по книгам Московского уезда писцов, писма Дмитрия Чеботова с товарыщи, лета 7059-го написано в той деревне пашни в одном поле 58 четвертей, а в дву по тому ж, сена 60 копен, земля середняя. И вы б, все крестьяня, которые в той деревне живут, Иванца Семенова сына Пахова да Молчанка да Васки Васильевых детей Пахова слушали, пашню на них пахали и оброк им платили до тех мест, доколе за ними ту вотчину опишут и измеряют писцы наши или болшие мерщики и учинят за ними пашни по нашему указу. А ведати Иванцу да Молчанку да Васке та деревня по старым своим крепостям по тем же, по которым оне старую свою подмосковную ж вотчину, деревню Дедернино, за собою ведали. Писан на Москве лета 7075-го февраля в 24 день.

А у подлинные грамоты назади пишет: Царь и великий князь всеа Русии.

У тое ж грамоты печать черная.

[Список, ГИМ, собрание рукописей Симонова монастыря, № 58, л. 242 и об.]

№ 13

1567 г. февраля 25. „Послушная" крестьянам дер. Басюнина-Поповского Лукомского стана Московского уезда, пожалованной в вотчину Федору Иванову и Григорию Борисову детям Хомяковым взамен их вотчины в Боровском уезде дер. Елизарова, взятой в опричнину.

От царя и великаго князя Ивана Васильевича всеа Русии в Московской уезд в Лукомской стан в деревню Басюнино-Поповское, что была та деревня в поместье за Иваном за Молчановым сыном Голохвостова, а после дана была в поместье ж

конюху Гарасиму Быкасову, а ныне отписана на меня царя и великого князя, всем крестьяном, которые в той деревне живут. Пожаловал есми тою деревнею Фетка да Иванка да Гришу Борисовых детей Хомякова против боровские их вотчины трёх жеребьев деревни Елизарова, что у них взята в опричнину; а по книгам Московского уезду писцов, писма Дмитрея Чеботова с товарищи, лета 7059-го написано в той деревне Басютине пашни в поле 19 четвертей, а в дву по тому ж, сена 15 копен, земля середняя. И вы б, все крестьяне, которые в той деревне живут, Фетка да Иванка да Гришу слушали, пашню на них пахали и оброк им платили, доколе за ними ту деревню опишут и измеряют писцы нами или болшие мерщики и учинят за ними пашни по нашему указу. А ведать Федку да Иванку да Грише Хомяковым та вотчина по старым своим крепостям по тем же, по которым оне старую свою боровскую вотчину, 3 жеребьи деревни Елизаровы, за собою ведали. Писан на Москве лета 7075-го февраля в 25 день.

А назади у подлинные грамоты пишет: Царь и великий князь всеа Русии.

У той же грамоты печать черная.

[Список, ГИМ, собрание рукописей Симонова монастыря, №58, л. 241 и об.]

№ 14

1567 г. марта 9. „Послушная" крестьянам дер. Борискова, Орюшкина и Варваркина, Торокманова стана Московского уезда, и дер. Занкина, Коломенского уезда, пожалованных в вотчину Марье Степановне Аргамаковой взамен ее вотчины в Костромском уезде, взятой в опричнину.

От царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Русии в Московской уезд в Торокманов стан в деревню в Борисково, да к той ж деревне припущено в пашню селище Володино, в деревню Орюшкино Третьяка Баранова, в деревню Варваркино, что те деревни были в поместье за Иваном за Офонасьевым сыном Ерголского, да в Коломенской уезд в Маковской стан в 2 жеребьи деревни Занкина, а третей жеребей тое деревни отдан вдове Олене Басенкове жене Безтужева да ее детем Грише да Кудашу да Нефедку, да Барыку Князеву против костромские их вотчины в вотчину ж, что была та деревня Занкино за Петром за Шестаковым в поместье, всем крестьянам, которые в тех деревнях живут. Пожаловал есми тем Ивановским

Ерголского поместьем и двема жеребьи коломенские деревни Занкина Марью Михайлову жену Тимофеева сына Аргамакова в вотчину в старые их костромские вотчины место; а по книгам Московского уезда мерщика, писма и меры князя Дмитрея Гагарина с товарыщи, лета 7000 шестьдесят шестаго в том Ивановском Ерголского поместье пашни середние земли 90 четей, лесу пашенного 33 чети 2 третника четвертных в поле, а в дву по тому ж, сена 70 копен; да по книгам коломенских писцов, писма князя Юрья Мещерского с товарыщи, лета 7000 шесдесят перваго, в 2-у жеребьях деревни Занкина по росчету инялось на Марьину выть пашни, перелогу пашенного и с тем, что за недоходное сено помечено перелогу ж пашенного, всего 158 чети добрые земли, сена 137 копен. И вы б, все крестьяня, которые в тех деревнях живут, вдовы Марьи Аргамаковы слушали, пашню на нее пахали и оброк ей платили до тех мест, покаместа Марьину Оргамаковы старую ее костромскую вотчину и нынешнюю московскую и Коломенского уезда вотчину опишут и измеряют писцы наши или болшие мерщики и учинят за нее в той ее вотчине против ее костромские старые вотчины пашни и сена и лесу и всяких угодей по нашему наказу. А ведати Марье Аргамакове та своя новая Московского уезда и коломенская вотчина по старым своим крепостям, по которым она крепостям ведала старую свою костромскую вотчину. Писана на Москве лета 7075-го марта в 9 день.

Позади ж грамоты пишет: Царь и великий князь всеа Русии.

[Список, ГПБ, собрание рукописей СПб. духовной академии, А|17, лл. 746 об. — 747об.]

№ 15

1567 г. марта 12.[1] *„Купчая" на купленную Иваном Васильевичем Большим-Шереметевым у Марии Степ. Аргамаковой вотчину, в Торокманове стане Московского уезда дер. Борисково, Варваркино и Орюшкино, пожалованную Аргамаковой взамен ее старинной вотчины, сельца Волоскова Емецкого стана Костромского уезда, взятой в опричнину.*

Се яз царя и великого князя боярин Иван Васильевич Шереметев Болшой купил есми собе и своим детем впрок без выкупа у Марьи у Михайловой жены Оргамакова, у Степановы Третьяковы дочери Костентинова сына Зубатого, ее отчину

[1] См. Русск. Истор. библиотэку, т. II, № 37.

в Московском уезде в Торокманове стану деревню Борисково, да х той же деревне припущено в пашню селищо Володино, да деревня Варваркино, да деревню Орюшкино, з дворы и с пашнею и с лесом и с реками и з болоты и со всякими угодьи, куды ис тех деревень ходила соха и топор и коса и что к ним истари потягло. А дал есми ей на той отчине 200 рублев денег да пополнка кортел куней. А меня Марью тою вотчиною пожаловал государь царь и великий князь в отмен моей старинные костромские отчины место, что у меня взял государь приданую мою отчину на Костроме в опричнину, в Емецком стану селцо Волосково з деревнями. А опричь боярина Ивана Васильевича та моя Марьина отчина иному никому не продана и не заложена и по душе и в приданые не дана и в-ыных ни в каких крепостях не записана. А где на ту отчину выльгут какие крепости ни буди и чем ни буди, и мне Марье да сыну моему Образцу та отчина от всяких крепостей очищати, а к боярину к Ивану Васильевичу убытка не привести никоторого. А что в той отчине боярину Ивану Васильевичю учинитца убытка, и мне Марье и моему сыну Образцу те все убытки платити своими денгами, а которой нас в лицах — на том очищенье. А на то послуси: Василей да Юрьи Петровы дети Федчищова, да Семен да Угрим да Небажен да Образец Пятаго дети Зубатого, да Третьяк Росторопов сын Зубатого, да Федор да Замятня Непогодовы дети Зубатого, да Юрьи да Давыд Головины дети Зубатого, да Степан Иванов сын Легкого-Зубатого, да Иван да Тимофей Ильины дети Царягородцкого, да Петр да Михайло Шестаковы дети Романова. А купчую писал Федько Богданов сын Федорова лета 7070 пятаго.

Позади купчей пишут: По сей купчей Образец в матери своей место руку приложил. Послух Федор руку приложил. Послух Василей руку приложил. Послух Юрьи руку приложил. Послух Замятня руку приложил. Послух Небажен руку приложил. Послух Петр Шестаков руку приложил. Послух Семен Зубатой руку приложил. Послух Угрим руку приложил. Послух Юрьи руку приложил. Послух Третьяк руку приложил. Послух Образец руку приложил. Послух Тимофей руку приложил. Послух Степан руку приложил. Послух Иван руку приложил. Послух Михайло руку приложил.

[Список, ГПБ, собрание рукописей СПб. духовной академии, А/17, лл. 761об. — 762 об.]

№ 16

1567 г. марта 12.[1] *„Очищальная запись" на проданную Марией Степановной Аргамаковой Ивану Васильевичу Бэльшому-Шереметеву вотчину, в Торокманове стане Московского уезда дер. Борисково, Варваркино и Орюшкино, пожалованную Аргамаковой взамен ее старинной вотчины, сельца Волоскова Емецкого стана Костромского уезда, взятой в опричнину.*

Се яз Марья Михайлова жена Аргамакова, Степанова Третьякова дочерь Костянтинова сына Зубатого, продала есми свою вотчину в Московском уезде в Торокманове стану деревню Борисково, да х той ж деревне припущено в пашню селище Володино, да деревню Варваркино, да деревню Орюшкино з дворы и с пашнею и с лесом и с реками и з болоты и всякими угодьи, куды ис тех деревень ходила соха и топор и коса и что к ним истари потегло, царя и великого князя боярину Ивану Васильевичю Шереметеву Болшому. А взяла есми у Ивана Васильевича на той своей вотчине 200 рублев да пополнка кортел куней. А меня Марью тою отчиною пожаловал государь царь и великий князь в отмен противу моей костромские старинные вотчины место, что у меня взял в свою опричнину в Костромском уезде в Емецком стану приданую вотчинку, селцо Волосково з деревнями. А опричь Ивана Васильевича та у меня вотчина, деревня Борисково з деревнями, иному никому не продана и не заложена и по душе и в приданые не отдана ни у кого ни в чем. А где на ту вотчину выйлягут какие крепости чьи ни суди, и мне Марье и моему сыну Образцу та вотчина ото всяких крепостей очищати, а к Ивану Васильевичю в той вотчине убытка не привести. А что Ивану Васильевичю в той вотчине убытка доспеет, и мне Марье и моему сыну Образцу те убытки платити своими денгами. А на то послуси: Семен да Угрим Пятого дети Зубатого да Никита Иванов сын Копрева. А запись писал Иванец Осанов сын Романова лета 7070 пятого.

Позади записи пишет: К сей очищалной записи Образец в матери своей место руку приложил. Микита послух руку приложил. Послух Семен руку приложил. Послух Угрим руку приложил.

[Список, ГПБ, собрание рукописей СПб. духовной академии, А/17, лл. 771 об. — 772 об.]

[1] См. Русск. Истор. библиотеку, т. II, № 37.

№ 17

1567 г. марта 29. „Послушная" крестьянам черных, псарских, бортных и конюшенных деревень Пехорского и Васильцова станов Московского уезда, пожалованных в вотчину кн. Роману Ивановичу Гундорову взамен отобранной в опричнину его волости Вешкирца Владимирского уезда, полученной им „против" стародубской вотчины.

От царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Русии в Московской уезд в Пехорской стан в деревни черные: в деревню Болшово, в деревню Маковниково, в деревню Хотово, в деревню Веретенниково, в деревню Ябедниково, в починок Окулов, в починок Уменков, в деревню в Тетеревина Черницыно Дубровку; в деревни псарские: в деревню Семендяево, в деревню Шолохово; в деревни бортные Васильцова стану: в деревню Палцовскую, в деревню в Перютино; в конюшенную деревню Аспидникова, что были те деревни и починки в поместье за Иваном за Федоровым сыном Воронцовым, а ныне отписаны на меня царя и великого князя, всем крестьяном, которые в тех деревнях и в починкех живут. Пожаловал есми теми деревнями и починки князя Романа княж Иванова сына Гундырева против володимирские волости Вешкирца, что у него взята на нас в опричнину, а дана была ему та волость в стародубские его вотчины место, селца Меховиць да полуселца Воскресенского з деревнями; а по книгам Московского уезда писцов, писма Федора Старкова с товарыщи, лета 7059 написано пашни в тех деревнях и в починкех в одном поле 278 чети, перелогом пашни 31 четь, и обоего пашни и перелогу 309 чети, а в дву по тому же, сена 485 копен, лесу пашенного 16 чети, а непашенного лесу 73 чети да непашенного ж лесу под Болшовою деревнею на полверсты; а земля в тех деревнях и в починкех худа. И вы б, все крестьяне, которые в тех деревнях и в починкех живут, князя Романа Гундорова слушали, пашню на него пахали и оброк ему платили до тех мест, доколе его старую стародубскую вотчину, селцо Меховицы да селцо Воскресенское з деревнями, и те деревни и починки опишут и измеряют писцы наши или болшие мерщики и учинят за ним пашни и сена и лесу и всяких угодей по нашему указу. А ведати князю Роману те деревни и починки по старым своим крепостям по тем же, по которым он ведал стародубскую вотчину за собою. Писан на Москве лета 7075 марта в 29 день.

На грамоте подпись: Царь и великий князь всеа Русии.

Печать государева на черном воску.

[Список, ГБИЛ. собрание рукописей Троице-Сергиевской лавры, № 528, л. 784—785.]

№ 18

1567 г. апреля 20. Грамота „с прочетом" на Чаронду Аргуну Иванову сыну Захарьину и во все города опричнины о невзимании с Кирилло-Белозерского монастыря таможенных пошлин.

От царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Русии на Чаронду Аргуну Иванову сыну Захарьину и во все городы нашие опричнины таможником и мытчиком, которые емлют с купцов всякую нашу пошлину и которые вперед иные верные и откупные таможники и мытчики будут. Бил нам челом Кирилова монастыря игумен Кирил з братьею и грамоту клал, что у них наша царская жаловальная тарханная грамота — вольно им в монастырь на всякой монастырской обиход купити во всех городех безпошлинно — и ты-де, Аргун, и в нашей оприч[ни]не таможники и мытчики емлете на них с того их купленого товару таможенные и мытные и всякие пошлины. И как к тебе, Аргун, и в наши опричные городы таможником и мытчиком наша грамота придет, и ты бы, Аргун, и таможники и мытчики с тех Кирилова [монастыря] с старцов и слуг с того их купленого товару таможных и мытных и всяких пошлин не имали по прежней нашей грамоте, какова им наша грамота прежде сего дана, и тое грамоты у них не рудили. А сю нашу грамоту прочитая, отдавали бы естя им и оне ее держат вперед иных [для] наших пошлинников. Писана на Вологде лета 7075 апреля в 20 день.

На обороте: Царь и великий князь всеа Русии.

По склейке: Дияк Дружина Володин.

[Список, ЛОИИ АН, сборн. № 112, отд. IV, № 48, стр. 443—445; другой список: ГПБ, собрание рукописей СПб. духовной академии, А II/48.]

№ 19

1567 г. августа 27. „Жалованная" грамота, выданная из опричнины Симонову монастырю на финансовые и судебные льготы в слободке Рожковской Кличенской волости Ржевского уезда.

Се аз царь и великий князь Иван Васильевич всеа Русии пожаловал есми по отца своего великого князя Василья Ива-

новичь всеа Русии и по своей прежней жаловалной грамоте Успенья пречистые Симонова манастыря архимандрита Феоктиста з братьею или хто по нем у пречистые на Симонове иный архимандрит будет. Что у нас в опришнине во Ржевском уезде в Кличенской волости их монастырская слободка Рожковская, а в ней церковь Никола чюдотворец, и хто у них в той слободке и в деревнях, которые деревни к той слоботке, имет жити людей, и тем людем не надобе моя царева и великого князя дань: ни мыт, ни тамга, ни коня моего не кормят, ни сен не косят, ни к сотцким, ни к десятцким с тяглыми людми не тянут ни во что, ни в какие протори ни в разметы, ни иные никоторые пошлины ненадобе, опричь ямских денег и посошные службы и городового дела. А наместницы наши ржевские и волостели ржевских волостей и их тиуны кормов своих у них не емлют, ни всылают к ним ни по что и не судят ни в чем, опричь одного душегубства; а праведчики и довотчики поборов своих у них и поворотного и городчиковы пошлины не берут, ни въезжают к ним ни по что. А ведают и судят тех своих людей архимандрит Феоктист з братьею сами во всем и в татбе с поличным или кому прикажют; а лучитца суд сместной тем их людем з городцкими людми и с становыми и с волостными, и наместницы ржевские и волостели ржевских волостей и их тиуны судят, а архимандрит Феоктист з братьею или их приказщик монастырской с ними ж судит; а прав ли будет, виноват ли монастырской человек, и оне в правде и в вине архимариту Феоктисту з братьею или их приказщику, а наместницы наши ржевские и волостели и их тиуны ни в правого ни в виноватого в их человека не вступаютца; а прав ли будет, виноват ли городцкой человек или становой или волостной человек, и он в правде и в вине наместником и волостелем ржевских волостей и их тиуном, а архимандрит Феоктист з братьею или их приказщик у них в их человека не вступаютца ни в правого ни в виноватого; а исцово доправят на виноватом. А кому будет чего искати на самом архимандрите и на старцех или на их приказщике, ино их сужу яз царь и великий князь или наши бояре в опришнине. А пятно архимандрит Феоктист з братьею в той своей слободке и в деревнях держат свое. А учинитца у них в той слободке и в деревнях душегубство, а не будет душегубца,* и наместнику и волостелю

* *В рукописи:* „душегубства".

взяти на слобожанех и на всей волости веры 4 рубли, а боле того не имати ничего; а хто у них з дерева убьетца или утонет, или згорит, или озябет, или кого возом сотрет, или хто от своих рук утеряетца, и оне того явят наместнику, а манастырским людем и крестьяном в том продажи нет. А наши князи и ратные воеводы и дети боярские и всякие ездоки в их слободе и в деревнях у их крестьян не ставятца, ни кормов ни подвод, ни проводников у них силно не емлют; а кому ся у них лучитца стати, и он корм свой и конской купит по цене как ему продадут. А которого своего наместника ржевского или волостеля ржевских волостей пожалую дам им на грамотники свою грамоту, а на сю мою грамоту грамоты нет. А костоголовы со всех наших ловцов с кличенских и со вселутцких емлют по старине: в весне 400 костоголовов, а зиме 400 ж костоголовов. А что их озеро Сыроменец да Керегощь да ез, и в тех озерех им рыба ловити и ездити по старине. А коли явят сю грамоту наместником ржевским и волостелем ржевских волостей и их тиуном, и оне не дают ничего. А хто ся ослушает сее моей грамоты, хто что силно на них возмет или их хто чем изобидит, и тому от меня царя и великого князя быть в казни. Дана грамота на Москве лета 7075-го августа в 27 день.

А у подлинные жаловалные грамоты назади подписано: Царь и великий князь Иван Васильевич всеа Русии.

Подтверждения:

1584 г. июня 15. Лета 7092-го июня в 15 день государь царь и великий князь Федор Иванович всеа Русии сее грамоты слушал и выслушав сю жаловалную грамоту пречистые богородицы Симонова монастыря архимандрита Корнилия з братьею или по нем иный архимарит в том монастыре будет пожаловал, велел им сю грамоту подписати на свое царево и великого князя имя и сее у них грамоты рудити не велел никому ни в чем и о всем велел ходити по тому, как в сей грамоте писано. А подписал государя царя и великого князя диак Андрей Арцыбашев.

1599 г. февраля 28. Божиею милостию мы, великий государь царь и великий князь Борис Федорович всеа Русии самодержец и сын наш царевич князь Федор Борисович всеа Русии, по сей грамоте Симонова монастыря архимарита Иону з братьею или хто по нем в том монастыре иной архимарит будет пожа-

ловали, сее у них грамоты рудити не велели никому ничем, а о всем велели ходити по тому, как в сей грамоте писано. Лета 7107-го февраля в 28 день. А подписал государев царев и великого князя Бориса Федоровича всеа Русии диак Василей Нелюбов.

У тое ж грамоты на склейке припись дьяка Третьяка Нардукова.

Печать у грамоты красная вислая.

[Список, ГИМ, собрание рукописей Симонова монастыря, № 58, лл. 568—570 об.]

№ 20

1567 г. сентября 18. „Жалованная" грамота, выданная из опричнины Симонову монастырю на финансовые и судебные льготы в с. Ватолинском Можайского уезда.

Се аз царь и великий князь Иван Васильевич всеа Русии пожаловал есми пречистые богородицы Симонова монастыря архимандрита Феоктиста з братьею или хто по нем иный архимандрит в том монастыре будет. Били челом мне царю и великому князю архимандрит Феоктист з братьею: что их монастырские села и деревни в Можайском уезде, село Ватолинское з деревнями, и на то-де село и з деревнями у них грамота жаловалная великого князя Ивана Васильевича, а на мое царево и великого князя имя не подписана; да и грамоту жаловалную архимандрит Феоктист на то село с деревнями передо мною царем и великим князем клал; и мне б царю и великому князю архимандрита Феоктиста з братьею пожаловати, велети им на то их село и на деревни дать своя жаловалная грамота. И яз царь и великий князь Иван Васильевич всеа Русии архимандрита Феоктиста з братьею пожаловал. Ненадобе им с того села и з деревень моя царева и великого князя дань: ни ямские, ни приметные денги, ни за емчюжное, ни за засечное дело. А хто у них в том селе и в деревнях учнут жити людей, и наместницы наши можайские и волостели и их тиуны тех их людей не судят ни в чем, опричь душегубства и розбоя и татбы с поличным, ни кормов своих на них не емлют, ни всылают к ним ни по что; а праведчики и довотчики поборов своих на них не емлют же, ни въезжают к ним ни по что. А ведают и судят тех своих людей архимандрит Феоктист з братьею сами во всем или кому прикажют; а случитца суд смесной тем их людем з городцкими людми или с волостными, и наши наместницы и волостели и их

тиуни тех их людей су ят, а архимандрит Феоктист з братьею или их приказщик с ними ж судят; а прав или виноват монастырской, и он в правде и в вине архимандриту з братьею; а городцкой и волостной в правде и в вине наместнику и волостелю, их тиуном. А кому будет чего искати на манастырских людех, ино их сужю яз царь и великий князь или мой боярин введенный в опришнине. Также есми архимандрита Феоктиста з братьею пожаловал: ненадобе им ни мыт, ни явка, ни вещее, ни коня моего не кормят, ни лугов моих не косят, ни двора моего ни наместнича не делают, ни прудов моих не прудят, ни поворотного ни выводные куницы не дают, ни к дворским, ни к сотцким, ни к десятцким с тяглыми людми не тянут ни в какие проторы ни в розметы. А хто у них в том селе и в деревнях поидет от своих рук или хто з дерева убьетца, или кого дерево убьет в лесе, или в воде утонет, или водою напловет, или их убитым подкинут из зарубежья, и наши наместницы и волостели и их тиуни в том на них продажи и езду не емлют, а осмотрив велят того схоронити безпенно. А наши князи и бояре и дети боярские и ратные воеводы и ловчие и псари и бобровники и всякие ездоки в том их селе и в деревнях не ставятца, ни кормов, ни подвод, ни проводников у них не емлют и гонцы мои подвод ни проводников у них не емлют же, опричь ратных вестей; а хто у них станет силно и что возьмет, и тому платити без суда и без-ысправы. А мои царя и великого князя селчане и наместников и волостей наших люди к тем монастырским людем на пиры и на братчины незваны не ходят; а хто к ним придет на пир и на братчины незван, и они того вышлют безпенно; а хто у них учнет пити силно, а учинитца у них в ту пору гибель, и тому платити та гибель вдвое без суда и без-ысправы. Также есми пожаловал архимандрита Феоктиста з братьею: в том их монастырском селе и в деревнях попрошатые не ездят и скоморохи не играют; а хто по их по монастырскому селу и по деревням попрошатые учнут ездити или скоморохи учнут у них играти силно, и монастырской приказщик ис того монастырского села и из деревень вышлет их вон безпенно. А пятно архимандрит в том селе держит свое; а хто их монастырьской купит лошадь в городе или в волости, и они те лошади пятнают своим пятном монастырским, а пошлины дают монастырскому приказщику; а хто у их людей купит лошадь или выменит волостной человек, и он пятнит волостным пятном. А которого наместника

своего можайского пожалую и на грамоты грамоту дам, а на сю мою грамоту иные грамоты нет. А явят сю грамоту можайскому наместнику и волостелем и их тиуном, и они с нее явки не дают ничего. А дана грамота на Москве лета 7076 сентября в 18.

На обороте. Царь и великий князь Иван Васильевич всеа Русии. Диак Петр Григорьев.

Подтверждения:

1584 г. июня 15. Лета 7092-го июня в 15 день государь царь и великий князь Федор Иванович всеа Русии сее грамоты слушал и выслушав сю жаловалную грамоту пречистые богородицы Симонова монастыря архимарита Корнилья з братьею или хто по нем иный архимарит в том монастыре будет пожаловал, велел им сю грамоту подписати на свое царево и великого князя имя и о всем велел ходити по тому, как в сей грамоте писано. А подписал государя царя и великого князя диак Андрей Арцыбашев.

1599 г. февраля 28. Божиею милостию мы, великий государь царь и великий князь Борис Федорович всеа Русии самодержец и сын наш царевич князь Федор Борисович всеа Русии, по сей грамоте Симонова монастыря архимарита Иону з братьею или хто по нем в том монастыре иный архимарит будет пожаловали, сее у них грамоты рудити не велели никому ничем, опричь наших денежных доходов, во всем велели ходити по тому как в сей грамоте писано. Лета 7107-го февраля в 28 день. А подписал государев царев и великого князя Бориса Федоровича всеа Русии диак Василей Нелюбов.

[Подлинник, ГПБ, собрание актов. Список: ГИМ, собрание рукописей Симонова монастыря, № 58, лл. 514—517. Печать у подлинника утрачена; в списке имеется ее описание: „У той же грамоты печать красная вислая".]

№ 21

1567 г. октября 2. Докладная „купчая" Мясоеда Семенова сына Вислого на купленные у Якова Молчанова сына Кишкина деревни Палцово и Никоново в волости Лозе Белозерского уезда, пожалованные Кишкину взамен его старицкой вотчины, данной „против" можайской вотчины.

Доложа государева царева и великого князя боярина Василья Юрьевича Траханиота се яз Мясоед Семенов сын

Вислого купил есми у Якова у Молчанова сына Кишкина его вотчину в Белозерском уезде в Надпорожском стану в волости в Лозе деревню Палцово да деревню Никоново, обе у Лозского озера, з дворы и с пашнею и с покосы и с лесы и со всякими угодьи и со всем с тем, что к тем деревням изстари потягло, куды ходил плуг и коса и топор. А купил есми у Якова ту его вотчину, деревню Палцово да деревню Никоново, себе и своим детем впрок без выкупа. А дал есми Якову на той вотчине 30 рублев денег да пополнка мерин сер. А меня Якова тою вотчиною, деревнею Палцовым да деревнею Никоновым, государь царь и великий князь пожаловал в старицкые моей вотчины место, которая мне вотчина в Старице дана была против старые моей можайскые вотчины; да и государеву цареву и великого князя ввозную грамоту на ту вотчину, на деревню на Палцово да на деревню на Никоново, яз Яков дал Мясоеду ж. А та вотчина, деревня Палцово да деревня Никоново, у меня у Якова опричь Мясоеда не продана, ни променена, ни заложена никому, ни по душе, ни в приданые, ни в закуп не отдана, ни в кабалах, ни в записях, ни в денежных ни в хлебных, ни в-ыных ни в каких крепостях той вотчины нет ни у кого ни в чем, опричь сее купчие. А где у кого явятца крепости на ту вотчину, на деревню на Палцово да на деревню на Никаново, опричь сее купчие в чем ни буди, и мне Якову ту вотчину Мясоеду очищати ото всяких крепостей и убытка мне в той вотчине до Мясоеда не довести ни от кого. А что от кого Мясоеду учинитца в той вотчине убытка по каким крепостям ни буди, и мне Якову тот убыток Мясоеду платити. А на то послуси: Иван Яковлев сын Никифорова, да Иван Дорофеев сын Собакин, да Нехай Андреев сын Фотеев, да Бажен Иванов сын Тихово, да Ждан Семенов сын Коверзнев. А купчюю писал Третьячко Иванов сын Бородина. Царев и великого князя боярин Василей Юрьевич Траханиот к сей купчей печать свою приложил лета 7076-го октября во 2 день. А подписал дияк Рахман Житково.

На обороте: К сей купчей Ива.. послух руку приложил. В сей купчей Иван Собакин послух и руку приложил. В сей купчей Ждан Коверзнев послух и руку приложил. В сей купчей в послусех Баженец Иванов рукою своею приписал. Послух Нехай и руку приложил.

[Подлинник, ГАФКЭ, грамоты Коллегии экономии, Белозерский у. № 824/123.]

№ 22

1567-1568 г. „Купчая" Мясоеда Семенова сына Вислого на купленные у Федора Никифорова сына Олгова три деревни в волости Робоозере Надпорожского стана Белозерского уезда, пожалованные Олгову взамен его старинной костромской вотчины.

Се яз Мясоед Семенов сын Вислово купил есми у Федора у Никифорова сына Олгова его вотчину в Белозерском уезде в Надпорожском стану в волости в Робоозере деревню Олюшинскую, да деревню Шулгину, да деревню Поган, все 3 деревни в дворы и с пашнею и с покосы и с лесы и со всякими угодьи и со всем с тем, что к тем деревням исстари потягло, куды ходил плуг и коса и топор. А дал есми на той вотчине 70 рублев да 4 рубли денег да пополнка конь бур. А купил есми тое вотчину собе и своим детем впрок без выкупа. А мне Федору ту вотчину государь царь и великий князь Иван Васильевич всеа Русии пожаловал против моей старинные костромские вотчины; да и государеву цареву и великого князя ввозную грамоту на ту белозерскую вотчину яз Федор отдал Мясоеду ж, а у Мясоеда с тое грамоты взял есми список за его Мясоедовою рукою. А у меня у Федора та вотчина не продана, ни променена, ни заложена никому, ни по душе, ни в приданые не отдана, ни в кабалах, ни в записех, ни в денежных ни в хлебных, ни в-ных ни в каких крепостях тое вотчины нет ни у кого ни в чем, опричь сее купчие. А где у кого явятца на ту вотчину крепости в чем ни буди, и мне Федору ту вотчину Мясоеду очищати ото всяких крепостей и убытка в той вотчине Мясоеда не довести ни от кого. А что от кого Мясоеду в той вотчине учинитца по каким крепостям ни буди, и мне Федору те убытки Мясоеду платити. А на то послуси: Степан Никитин сын Верещагина, подъячей Поместные избы, да Отай Иванов сын Шастинского, да Василей Злобин сын Тыртов, да Нехай Ондреев сын Фатеев, да Семен Ширяев сын Симанов. А купчую писал Иван Семенов сын Пасынкова лета 7076-го.

На обороте: В сей купчей яз Отаец послух руку приложил. Яз Федор вотчину продал, руку приложил к сей купьчей. К сей купчой послух Василей Тыртов руку приложил. Послух Степан к сей купчей рукою своею приписал. Послух Нехай и руку приложил. Послух Семейка к сей купчей рукою своею приписал.

[Подлинник, ГАФКЭ, грамоты Коллегии экономии, Белозерский у., № 829/128.]

№ 23

1567-1568 г. „Купчая" Мясоеда Семенова сына Висlого на купленные у Михаила Яковлева сына Путилова две деревни в волости Робозере Надпорожского стана Белозерского уезда, пожалованные Путилову взамен его костромской вотчины.

Се яз Мясоед Семенов сын Висловс купил есми у Михаила у Яковлева сына Путилова его вотчину в Белозерском уезде в Надпорожском стану в волости в Робозере деревню Власову Гору на речке на Возме да деревню Ново у Качеозера, обе те деревни з дворы и с пашнею и с покосы и с лесы и со всякими угодьи и со всем с тем, что к тем деревням исстари потягло, куды ходил плуг и коса и топор. А дал есми ему на той вотчине 80 рублев денег да пополнка конь рыж. А купил есми тое вотчину собе и своим детем вп[ро]к без выкупа. А мне Михаилу ту вотчину государь царь и великий князь пожаловал про[ив] моей старинные костромские вотчины; да и государеву цареву и великого князя ввозную грамоту на ту белозерскую вотчину яз Михайло отдал Мясоеду ж, а у Мясоеда с тое грамоты взял есми список за его Мясоедовою рукою. А у меня у Михаила та вотчина не продана, ни променена, ни заложена никому, ни по душе ни в приданые не отдана, ни в кабалах, ни в записех, ни в денежных ни в хлебных, ни в-ыных ни в каких крепостях тое вотчины нет ни у кого ни в чем, опричь сее купчие. А где у кого явятца на ту вотчину крепости в чем ни буди, и мне Михаилу ту вотчину Мясоеду очищати ото всяких крепостей и убытка в той вотчине Мясоеда не довести ни от кого. А что от кого Мясоеду в той вотчине учинитца убытка по каким крепостям ни буди, и мне Михаилу те убытки Мясоеду платити. А на то послуси: Степан Никитин сын Верещагина, подъячей Поместные избы, да Отай Иванов сын Шастинского, да Василей Злобин сын Тыртов, да Нехай Ондреев сын Фатеев, да Семен Ширяев сын Симанов, да Богдан Суворов сын Путилова, да Федор Захарьин сын Путилова. А купчую писал Иван Семенов сын Пасынкова лета 7076-го.

На обороте. В сей купчой яз Отаец Шастинской послух руку приложил. К сей купчой послух Василей Тыртов руку приложил. К сей купчей яз Федор Олгов вь брата своего в Михайлово Путилова место руку приложил. Послух Степан

к сей купчей рукою своею приписал. Послух Нехай к сей купчей руку приложил. Послух Семейка руку приложил.

[Подлинник, ГАФКЭ, грамоты Коллегии экономии, Белозерский у., № 830/129.]

№ 24

1567-1568 г. „Купчая" Мясоеда Семенова сына Вислого на купленную у Ивана и Василья Яковлевых детей Молчановых-Кишкиных д. Белобоковскую с деревнями в волости Робоозере Надпорожского стана Белозерского уезда, пожалованную им взамен их старинной можайской вотчины.

Се яз Мясоед Семенов сын Вислого купил есми у Ивана да у Василья у Яковлевых детей Молчанова сына Кишкина их вотчину в Белозерском уезде в Надпорожском стану в волости в Робоозере деревню Белобоковскую да деревню Зуеву пусту, починок Булдеев на речке на Сомсоре, обе те деревни и починок з дворы и с пашнею и с покосы и с лесы и со всякими угодьи и со всем с тем, что к тем деревням и к починку изстари потягло, куды ходил плуг и коса и топор. А дал есми Ивану да Василью на той их вотчине 50 рублев денег да пополнка мерин сер. А купил есми ту вотчину себе и своим детем впрок без выкупа. А Ивану да Василью ту вотчину государь царь и великий князь Иван Васильевич всеа Русии пожаловал против их старинные можайские вотчины деревни Левоновы; да и государеву цареву и великого князя ввозную грамоту на ту белозерскую вотчину яз Иван да Василей отдали Мясоеду ж, а у Мясоеда есмя с тое грамоты взяли список за его Мясоедовою рукою. А у нас у Василья да у Ивана та вотчина не продана, ни променена, ни заложена никому, ни по душе, ни в приданые не отдана, ни в кабалах, ни в записех, ни в денежных ни в хлебных, ни в-ыных ни в каких крепостях тое вотчины нет ни у кого ни в чем, опричь сее купчие. А где у кого явятца на ту вотчину крепости в чем ни буди, и нам Ивану да Василью ту вотчину Мясоеду очищати ото всяких крепостей и убытка в той вотчине Мясоеда не довести ни от кого. А что от кого Мясоеду в той вотчине учинитца убытка по каким крепостям ни буди, и нам Ивану да Василью те убытки Мясоеду платити. А на то послуси: Степан Никитин сын Верещагина, подъячей из Поместные избы, да Дмитрей Ондреев сын Власова, сын боярской тулянин, да Олексей Васильев сын Кабин, да Нехай Ондреев сын Фатеев,

да Бажен Иванов сын Тихов. А купчую писал Иван Семенов сын Пасынкова лета 7076-го.

На обороте: К сей купчей Степан рукою своею приписал. К сей купчей послух Олеша и в братьи своей место в-Ываново да в Васильево Яковлевых детей Кишкина руку приложил. Послух Нехай и руку приложил. К сей купчей послух Дмитрей руку приложил. Послух Баженец и руку приложил.

[Подлинник, ГАФКЭ, грамоты Коллегии экономии, Белозерский у., № 832/131.]

№ 25

1567-1568 г. „Меновая" Рахмана Иванова сына Житкова Петру Шестакову сыну Романову и другим лицам на деревню Никитинскую с деревнями в Надпорожском и Заозерском станах Белозерского уезда, пожалованные им взамен их костромских вотчин и промененные Житкову на сельцо Яковлево, Кривцова стана Юрьево-Польского уезда.

Се аз Рахман Иванов сын Житково выменил есми у Петра у Шестакова сына Романова: племянника его Петра Меншово Иванова сына Шестакова-Романова, да Атая Иванова сына Шастинского, да Ульяны Ивановы жены Шастинского да ее детей, Васильеву да Минину да Уланову да Ондрееву Ивановых детей Шастинского, да Осипову да Иванову да Ларионову Васильевых детей Бестужево — их вотчину, что их пожаловал государь царь и великий князь Иван Васильевич всеа Русии в вотчину против их старинных костромских вотчин, в Белозерском уезде в Надпорожском стану деревню Никитинскую, да к той ж деревне припущено в пашню деревня Гридинская да 2 пустоши Олексеевская да Чуриловская, да деревню Яковлевскую у Березовского озера, да деревню Кашкину Гору, да деревню Суховское Новое, да деревню Якутинскую у Лозского озера, да деревню Железово, да пустоши: Гогулинскую Исакову у Озатцкого озера, да пустошь Кукоозеро, да деревню Левково, да деревню Чулково, да деревню Зорино, да деревню Патрекеево, да в Заозерском стану деревню Ростанскую на реке на Куносте да пустошь Кривец, з дворы и с пашнею и с покосы и с лесы и со всякими угодьи и со всем с тем, что ко всем к тем деревням и к пустошам изстари потягло, куды ходил плуг и коса и топор. А выменил есми у Петра ту их вотчину собе и своим детем впрок без розмены и без выкупа; да и государеву цареву и великого князя ввозную грамоту на ту

их вотчину у Петра у Иванова сына Шестакова-Романова взял яз Рахман собе же. А променил есми Петру противу племянника его Петровы Иванова сына Шестакова и противу Отаевы Иванова сына Шастинского, да Ульянины Ивановы жены Шастинского и ее детей, Васильевы да Минины да Улановы да Ондреевы Ивановых детей Шастинского, да Осифовы да Ивановы да Ларионовы Васильевых детей Безстужево вотчины свою вотчину куплю в Юрьеве в Полском в Кривцове стану селцо Яковлево на реке на Шахе, а в селце церковь архангела Михаила да в приделе церковь Николы чудотворца и со всем церковным строеньем, з дворы ж и с пашнею и с покосы и с лесы и со всякими угодьи и со всем с тем, что к тому селцу изстари потягло, куды ходил плуг и коса и топор, впрок без розмены и без выкупа; да и крепости есмя старые на то селцо на Яковлево 2 купчие да меновную да очищалную запись Петру дал, а у Петра с тех купчих и с меновные и с очищалные записи взял есми списки за его Петровою рукою. А та вотчина, которую яз Петр Шестаков сын Романова Рахману променил, племянника моего Петрову Меншово Иванова сына Шестакова, да Атаева Шастинского, да Ульянина Ивановы жены Шастинского да ее детей, Васильева да Минина да Уланова да Ондреева Ивановых детей Шастинского, да Осифова да Иванова да Ларионова Васильевых детей Безстужево, — Рахману, опричь Рахмана не продана, ни променена, ни заложена никому, ни по душе, ни в приданые ни в закуп не отдана никому, ни в кабалах, ни в записех, ни в денежных ни в хлебных, ни в-ыных ни в каких крепостях тое вотчины нет ни у кого ни в чом, опричь сее меновные. А где у кого явятца на ту вотчину какие крепости ни буди, и мне Петру Шестакову сыну Романова ту вотчину Рахману очищати ото всяких крепостей и убытка до него в той вотчине не довести ни от кого ни по каким крепостям. А что от кого Рахману учинитца убытка в той вотчине по каким крепостям ни буди, и мне Петру Шестакову сыну Романова Рахману то платити. А на то послуси: Захарья да Василей Левонтьевы дети Олтуфьева, да Офанасей Иванов сын Романова, да Иван Григорьев сын Салманова, да Нехай Ондреев сын Фотеева. А меновую писал Иванец Семенов сын Пасынкова лета 7076-го.

На обороте: Яз Петр Шестаков сын Романова племянника своего Петра Меншого Иванова сына Шестакова сына Рома-

нова, да Атая Иванова сына Шастинского, да Ульяны Ивановы жены Шастинского да ее детей, Васильеву да Минину да Уланову да Ондрееву Ивановых детей Шастинского, да Осифову да Иванову да Ларионову Васильевых детей Бестужево, их вотчину Рахману променил и руку приложил. Послух Захарья руку приложил и в брата своего в Васильево место. К сей купчей Нехай Андреев руку приложил. К сей купчей Офонасей Романов руку приложил. Послух Иван Салманов руку приложил.

[Подлинник, ГАФКЭ, грамоты Коллегии экономии, Белозерский у., № 831/150.]

№ 26

1567-1568 г. „Закладная кабала" Ивана и Василия Яковлевых детей Молчановых-Кишкиных Мясоеду Семенову сыну Вислого на деревню Исаковскую с деревнями в волости Робоозере Надпорожского стана Белозерского уезда, пожалованных взамен их „закладных" можайских вотчин.

Се яз Иван да Василей Яковлевы дети Молчанова сына Кишкина заняли есми у Мясоеда у Семенова сына Вислов 100 рублев денег московских ходячих от вербного воскресения до вербного воскресения на год. А в тех денгах заложили есмя Мясоеду свою вотчину в Белозерском уезде в Надпорожском стану в волости в Робоозере деревню Исаковскую Борисову на речке на Самсоре, да деревню Поленовскую на речке на Самсоре ж, да деревню Еремееву, да деревню Васильевской починок на речке на Киче, да деревню Нестеровское на речке на Возме, все те деревни з дворы и с пашнею и с покосы и с лесы и со всяким угодьем и со всем с тем, что к тем деревням изстари потягло, куды ходил плуг и коса и топор. А за рост Мясоеду та наша вотчина пахати и ведати со всеми угодьи на собя. А полягут денги по сроце, и Мясоеду та наша вотчина пахати и ведати по тому ж. А нам Ивану да Василью ту вотчину государь царь и велики князь Иван Васильевич всеа Русии пожаловал против наши закладных можайских вотчин; да и государеву цареву и велико князя ввозную грамоту на ту белозерскую вотчину и кабал старые на можайские на закладные вотчины яз Иван да яз Вас лей отдали Мясоеду ж, а у Мясоеда со ввозные грамоты взя есмя список за его Мясоедовою рукою. А у нас у Ивана у Василья та вотчина не продана, ни променена, ни заложе

опричь Мясоеда ни кому, ни по душе, ни в приданые не отдана, ни в кабалах, ни в записех, ни в денежных ни в хлебных, ни з-ыных ни в каких крепостях тое вотчины нет ни у кого ни в чем, опричь сее кабалы. А где у кого явятца на ту вотчину крепости в чем ни буди, и нам Ивану да Василью ту вотчину Мясоеду очищати ото всяких крепостей и убытка в той вотчине Мясоеда не довести ни от кого. А что от кого Мясоеду в той вотчине учинитца убытка по каким крепостям ни буди, и нам Ивану да Василью те убытки Мясоеду платити. А на то послуси: Степан Никитин сын Верещагина, подъячей из Помесные избы, да Дмитрей Ондреев сын Власьева, сын боярской тулянин, да Олексей Васильев сын Бокин, да Нехай Ондреев сын Фатеев, да Бажен Иванов сын Тихов. А закладную кабалу писал Иван Семенов сын Пасынкова лета 7076-го.

На обороте: Послух Степан руку приложил. Послух Нехай и руку приложил. Послух Дмитрей руку приложил. К сей кабале послух Олексей и в братьи своей место вы Иваново да в Васильево Яковлевых детей Кишкина руку приложил. Послух Баженец и руку приложил.

[Подлинник, ГАФКЭ, грамоты Коллегии экономии, Белозерский у. № 834/133.]

№ 27

1567-1568 г. Докладная „купчая" Мясоеда Семенова сына Вислого на купленные у Рахмана Иванова сына Житкова деревню Никитинскую с деревнями в Надпорожском и Заозерском станах Белозерского уезда.

Доложа государева царева и великого князя Ивана Васильевича всеа Русии боярина Василья Юрьевича Траханиота се яз Мясоед Семенов сын Вислово купил есми у Рахмана у Иванова сына Житкова его вотчину в Белозерском уезде в Надпорожском стану деревню Микитинскую, да к той же деревни припущено в пашню деревня Гридинская да 2 пустоши Алексеевское да Чюриловское, да деревню Яковлевскую у Березовского озера, да деревню Кашкину Гору, да деревню Суховское Новое, да деревню Якутинскую на Ложском озере, да деревню Железово, да пустошь Гогулинскую Исакову у Озадцкого озера, да пустошь Кукоозеро, да деревню Левково, да деревню Чюлково, да деревню Зорино, да деревню Патрекеево, да в Заозерском стану деревню Ростанскую на реке на Куносте да пустошь Кривец, все те деревни и пустоши з дворы и с пашнею и с по-

косы и с лесы и со всякими угодьи и со всем с тем, что к тем деревням и к пустошем истари потегло, куды ходил плуг и коса и топор. А дал есми у Рахмана на той вотчине 300 рублев денег да пополнка конь сер. А купил есми тое вотчину собе и своим детем впрок без выкупа. А Рахман ту вотчину выменил у Петра у Иванова сына Шестокова-Романова в племянника его место в Петрово Меншово Иванова сына Шестакова-Романова, да в Отаево Иванова сына Шастинского, да в Ульянино Ивановы жены Шастинского да ее детей, в Васильево да в Минино да в Уланово да в Ондреево Ивановых детей Шестинского, да в Осифово да в-Ываново да в Ларионово Васильевых детей Безтужева, а им ту вотчину государь царь и великий князь Иван Васильевич всеа Русии пожаловал против их старинных костромских вотчин; да государеву цареву и великого князя ввозную грамоту на ту белозерскую вотчину, что яз Рахман у Петра у Шестакова взял и отдал Месоеду же; а у Месоеда с тое грамоты яз Рахман взял список за его Месоедовою рукою. А у меня у Рахмана та вотчина ни продана, ни променена, ни заложена никому, ни по душе ни в приданые не отдана, ни в кабалах, ни в записех, ни в денежных ни в хлебных, ни в-ыных ни в каких крепостях той вотчины нет ни у кого ни в чем, опричь сее купчие. А где у кого явятца на ту вотчину крепости в чем ни буди, и мне Рахману ту вотчину Месоеду очищати ото всяких крепостей и убытка в той вотчине Месоеда не довести ни от кого. А что от кого Месоеду в той вотчине учинитца убытка по каким крепостям ни буди, и мне Рахману те убытки Месоеду платить. А на то послуси: Семен Иванов сын Арханьилского, да Левонтей Иванов сын Брянцов, да Парфеней Родионов сын, да Григорей Никитин сын Безпятово, да Иван Яковлев сын Никифорова. А купчюю писал Тимошка Иванов сын Суков. Царев и великого князя боярин Василей Юрьевич Траханиот к сей купчей печать свою приложил лета 7076-го. А подписал дияк царя и великого князя Дмитрей Пивов.

На обороте: Яз Рахман вотчину свою меновную продал и руку свою приложил. Послух Семейка руку приложил. В сей купчей послух Левонтей руку приложил. Послух Парфеней руку приложил. Григорей послух руку приложил. Послух Иван Яковлев руку приложил.

[Подлинник, ГАФКЭ, грамоты Коллегии экономии, Белозерский у., № 833/132. Печать черного воска, прикреплена к грамоте.]

№ 28

1567-1568 г. „Духовная" Петра-Богдана Никитина сына Хвостова на движимое и недвижимое имущество в Замотренской волости Муромского уезда, завещенное жене, детям и разным лицам.

Во имя отца и сына и святого духа. Се яз раб божий Петр-Богдан Никитин сын Хвостов пишу сию духовную себе своим целым умом и разумом, што кому дати и у ково ми што взяти. Дати мне брату своему Ивану Никитину сыну Хвостово 3 четверти ржи, Якову на Онаньино четверть ржи да осмина ячмени, Ефиму на Злобаево осмина ржи, Собине на Чернятино осмина овса да осмина ячмени; да взяти ми на Михаиле да на Якове на Ивановых детех на Дубневых, были подьячие Поместные избы, мерин карь, а цена ему 3 рубли с четвертью. А кабала в 50 рублех на меня на Тучково имя Ратцева у брата моего у Бажена — кабала была верчая, за третьими выдана отцу нашему безденежно. Да у Бажена же брата отца нашего кабалы у нас вопчие с-Иваном да з Баженом, дел их на трое, крестьянские и людские служивые, денежные и хлебные. Да взяти ми на Бажене на брате по переводным записем, отдавали отца нашего и нас на поруку от Малыгиных из опришнины в церковном строеньем* даных денгах и в цепех и в замкех, то убытка мне доспелося 7 рублев 10 алтын, опричь проести и волокиты московские, в том взята грамота и отдана Ветошке Лопатину в Муроме. А коя у меня вопчая трефолой з братьею — и моя выть к Рожеству пречистые да к Николе; а собинные мои книги и часословец да сложебник — по доше моей к Рожеству пречистые да к Николе, а служебник у попа у Тихона. Да по душе по моей дал: к Рожеству пречистые да к Николе двема попом и к собору рубль денег, к Пятнице полтина, к Николе в Ростригино полтина, к Николе на молитву полтина, сорокоусты; а на похоронех на отпеванье попом полтину, а дьяконом по 3 денги, дьяком по 2 денги и понамарем по денге, нищим всем по денге; и всево тово на похоренех полтина, опричь кормли. А вотчина моя, чем меня благословил отец мой в Муромском уезде в Замотренской волости, деревня Онаньино, деревня Онцыфорово, да деревня Подеженае Раменье, деревня Куроедово, тою вотчиною благословляю жену свою Федору да дочерь свою

* *Вероятно:* „строенье".

Александру. А отдадут дочерь мою замуж, и я ее благословляю: образ спасов да пречистые на золоте, да деревня Онаньино, да деревня Онцыфорово, да деревня Подженное Раменье; деревня Куроедово жене моей Федоре и весь мой живот ей же. А родит жена моя сына моего, и та моя вотчина жене моей и сыну моему, живот мой весь им же, дочери моей Александре 30 рублев да 5 голов людей; а родит жена дочерью мою, и вотчина моя пополам да дочерем моим 3 деревни да 5 голов людей. И как случится смерть жене моей, и та деревня детем моим. А поидет жена моя замуж, и ей до вотчины дела нет и до живота и до людей дела нет, возмет свое приданое, 20 рублев и с платьем. А люди мои: Матюшка Федотов сын з женою да з детми, да Улка, Сенина жена, да ее дочери, Руска да Окуля, да Митя Дунин сын, да Маурка Иванкова дочи, да Вася Болдина дочи — и теми людми благословляю жену свою да дети свои; и которые люди мои беглые — и теми людми благословляю жену же свою да дети свои. А Васка Иванов сын, кабалной человек — и кабалу ему выдал безденежно, а ему дал то все платье, что яз ево пожаловал, однорядку и кафтан дал ему, да отпустил ево, куды хочет, а же[не] моей и детем дела нет. А Матюшка живи у жены моей, а ему дати рубль на человека денег. А захочет жена моя отдать дочерь замуж да постричися, и ей весь живот и хлеб. А приказал есми душу свою и жену свою и дети свои и весь живот свой Богдану Ивановичю Владыкину да Одинцу Федоровичю Кочергину, ведает бог да оне. А на то послуси: Никифор Петров сын Тынин, да Григорей Баранов сын Чмутов, да Василей Агавков сын Чертков. А сю духовную писал яз сам Богдан своею рукою лета 7070 шестаго.

А назади пишет: Послух Никифор руку приложил.

[Список, ГБИЛ, собрание рукописей Троице-Сергиевской лавры, лл. 967—968.]

№ 29

1568 г. мая 5. Послушная крестьянам деревень Васильцова, Сущовского и Торокманова станов Московского уезда, пожалованных в вотчину Благовещенскому Чудову монастырю взамен костромских и старицких земель.

От царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Русии в Московской уезд в Васильцов стан в деревню Алымово, в деревню Лодыгино, в деревню Шилково, в деревню Рыболовлю, в деревню Лопатино, что были те деревни в поместье

за князем Иваном за Лыковым, да в Сущовской стан в деревню Лучино, в деревню Власьево, в деревню Лучкино, в деревню Пугвино, в деревню Лучкино ж, что были те деревни в поместье за князем за Иваном Турениным, да в Торокманов стан в деревню Тарасово, да к той ж деревни припущено селищо Спирово, что была в поместье за Олексеем Старого, всем крестьяном, которые в тех деревнях живут. Пожаловали есми теми деревнями по нашей грамоте архистратига Михаила Чудова монастыря и чюдотворца Олексея богомолца своего архимарита Левкею з братьею или хто по нем иной архимарит или строитель з братьею в том монастыре будут против их костромских да старицких земель, что дали им в Чудов монастырь Чешко Нечаев сын Житково да Гаврило Тарасовской по своих душах в наследие вечных благ. А в книгах Московскаго уезда писцов, писма Федора Старкова с товарищи, лета 7000 пятдесят девятого году за князем Иваном за Лыковым в деревне в Алымове, всего в 5-и деревнях, написано пашни 79 четей в поле, а в дву по тому ж, середние земли, сена 230 копен; да по книгам Московского уезда писцов писма Услюма Данилова с товарищи лета 7000 шездесятого году во княж Иванове поместье Туренина в деревне в Лучине, всего в 5-и деревнях, пашни в поле 117 чети, а в дву по тому ж, середние земли, сена 380 копен, лесу пашенного 50 чети во всех трех полях; да по книгам писма Ондрея Лодыгина с товарыщи лета 7000 пятдесят девятого году за Олексеем за Михайловым сыном Старого в деревне в Тарасове пашни в поле 27 чети, а в дву по тому ж, земля середняя, сена 50 копен, лесу пашенного у всех трех поль 15 чети; и всего в 11-и деревнях пашни в поле 223 четверти, а в дву по тому, сена 660 копен, лесу у всех трех поль 65 чети. И вы б, все крестьяне, которые в тех деревнях живут, архимадрита Левкею, или хто по нем иный архимарит или строитель в том манастыре з братьею будут, слушали, пашню их пахали и доход им платили, доколе их костромские и старицкие земли и те деревни писцы наши или болшие мерщики измеряют и учинят за ними в тех деревнях пашни и сена и лесу и всяких угодей против их костромских и старицких земель по нашему указу. А ведати архимариту Левкею з братьею те деревни по старым крепостям по тем же, по которым ведали костромскую Чешкову да старицкую Гаврилову вотчину. Писан на Москве лета 7070 шестаго маия в 5 день.

На обороте: Царь и великий князь всеа Русии.

[Подлинник, ГАФКЭ, грамоты Коллегии экономии, Московский у., № 7164/22.]

№ 30

1568-1569 г. „Купчая" Кирилло-Белозерского монастыря на купленные у Мясоеда Семенова сына Вислого с. Онтушево с деревнями в волости Лозе Надпорожского стана Белозерского уезда.

По государеву цареву великого князя Ивана Васильевича всея Русии жалованью и приказу се яз игумен Кирил Кирилова монастыря купил в дом пречистой богородице и великому чюдотворцу Кирилу у Мясоеда у Семенова сына у Вислова в Белоозерском уезде в Надпорожском стану в волости в Лозе: селцо Онтушево, а в нем церковь Введенье пречистыя богородицы, да к тому же селцу пустошь у Кукоозера, деревня Зарино, деревня Река Патрокеевская на Куности, деревня Лысково на реке на Куности, а под нею 2 мелницы, а в них пятеры жернова да толчяя, деревня Ростанинская, а под нею мелница двои жернова, да на той же реке на Куности мелница Панойловская, двои жернова, да пониж тое мелницы пустошь Кривец на той ж реке, а бывала мелница ж, деревня Михалково, деревня Шаландино, деревня Зуево, деревня Рорка Якутинское, деревня Железово, деревня Левково, деревня Никаново, деревня Палцово, деревня Никитцкое, деревня Березово Яковлевское, починок Огунин, деревня Сидоровское Суховская, деревня Кашкина Гора, починок у Чюнозера, деревня Чюлковская у озера на усть Куности; да в волости в Робоозере Слоботцкие: деревня Белобокое, деревня Олюшинская, деревня Шулгино, деревня Пестерево Нестеровская, деревня Гора Власова, деревня Погар, деревня Максимово над Качьозером, деревня Еремеево, деревня Поленовское, деревня Исака Борисова, деревня Булдеево, деревня Васильевское. А купил есми у него то селцо з деревнями и с мелницами впрок без выкупа з дворы и с пашнями и с покосы и с лесы и со озеры и с реками и со всякими угодьи, что к тому селцу и к деревням и к мелницам и к пустошам истари потягло, куды ходил плуг и серп и коса и топор. А дал есми ему на той вотчине 400 рублев денег. А та у меня вотчина у Мясоеда была не продана, ни променена, ни заложена никому, ни по душе не отдана, ни в кабалах, ни в записех, ни в-ных

ни в каких крепостях тое вотчины нет ни у кого ни в чем, опричь сее купчие. А где у кого явятся на ту вотчину крепости в чем ни буди, и мне Мясоеду Семенову сыну та вотчина очищати игумену Кирилу по сей купчей ото всяких крепостей и убытка мне Мясоеду игумена Кирила в той вотчине не довести никоторого. А что учинитца игумену Кирилу в той моей вотчине убытка, и те свои убытки игумену Кирилу на мне на Мясоеде взяти. А на то послуси: Иван Васильев сын Михайлова, да Мина Онтонов сын Лукин, да Богдан Фомин сын Пушкарев, да Иван Нечяев сын Мокеева, да Бусурман Федоров сын Григорьева, да Ширяй Борисов сын Михайлова, да Яков Федоров сын Тимофеева, да Иван Третьяков сын Ростовец, да Третьяк Нефедьев сын Ширяева, да Григорей Исаков сын Харитонов. А купчюю писал Никита Семенов сын Торатин лета 7077-го.

На обороте: К сей купчей яз Мясоед руку приложил. Послух Ивашко Михайлов руку приложил. Послух Минка руку приложил. Богдан в послусех написался и руку приписал. Послух Иван Мокеев руку приложил. Послух Бусурман руку приложил. Послух Ширяй руку приложил. Послух Якуш руку приложил. Послух Ивашка руку приложил. Послух Третьяк Нефедьев руку приложил. Послух Гриша Исаков руку приложил.

[Подлинник, ГАФКЭ, грамоты Коллегии экономии, Белозерский у. № 837/136; списки: там же, № 839/138; ГПБ, Q. IV. 113 б, стр. 165—169, собрание рукописей СПб. духовной академии, А 1/16, л. 712 и об.]

№ 31

1568-1569 г. „Данная" Татьяны Ивановны Житовой с сыном, Дмитрием Никитиным сыном Житовым, Иосифову Волоколамскому монастырю на дер. Фролково и Собинино, Сестринского стана Волоцкого уезда, пожалованные им взамен их старицкой вотчины.

Се яз Татьяна Никитина жена Ивановича Житова, а Иванова дочь Павловича Кошкарова, да яз сын ее Дмитрей Никитин сын Житова дали есмя в дом пречистые богородицы в Осифов монастырь игумену Лаврентью з братьею или хто по нем иные игумен будет свою вотчину, что нас пожаловал царь и государь князь великий Иван Васильевич всеа Русии в отмен против наше вотчины старитцкие, села Михайловского з деревнями, в Волотцком уезде в Сестринском стану Покровского села деревню Фролкова да деревню Собинина, а в них полсемы

выти, со всеми угодьи, с лесы и с луги и з болоты и с пашенною землею и не с пашенною, куда ходил топор и коса и соха ис тех деревень изстари, впрок без выкупа, в наследие вечных благ. А игумену Лаврентью и старцам или хто по нем иный игумен будет пожаловати, написати в сенодик по монастырскому уложенью и по вкладу, докулева и монастырь пречистые богородицы стоит, моего Татьянина мужа Никиту Ивановича, а моего Дмитреева отца. А бог по душу пошлет меня Татьяну и сына моего Дмитрея, и игумену пожаловати и старцам после нашего живота написати нас в сенадик по монастырскому уложенью и по вкладу. А те наши деревни Фролково и Собинина не проданы и не заложены и по душе инде не отданы, ни в кобалах в денежных и в хлебных, ни в записях, ни в-ызусных грамотах, ни в-ыных ни в каких крепостях нигде нет. А явитца на ту нашу вотчину на деревню Фролково да на деревню на Собинина какая крепость ни буди, кобала денежная или хлебная, или меновная, или купчая, или изусная, или запись какая ни буди, или в прошлых годех царя и великого князя в дани, и мне Татьяне и сыну моему Дмитрею ту свою вотчину деревню Фролково да деревню Собинина ото всяких крепостей очищать, а игумена Лаврентья и старцов или хто по нем иный игумен будет убытков не довести ни которыми делы. А на то послуси: Никифор Васильевич Мижюев, да Дмитрей Мусин сын Телегина, да Иван Федоров сын Тархов, да Григорий Чеглоков сын Борисова. А данную писал Третьячко Мослов сын Клементьева лета 7070 седмаго.

На обороте: Дмитрей к сей своей даной руку приложил. Микифор послух руку приложил. Послух Дмитрий руку приложил.

[Подлинник, ГАФКЭ, грамоты Коллегии экономии, Волоколамский у., № 2461/65.]

№ 32

1568-1569 г. „Данная" Шестого-Петра Григорьева сына Кренева Троицкому Колязину монастырю на вотчину в Меретском стане Кашинского уезда, пожалованную Креневу взамен его старой костромской вотчины.

Се яз Шестой-Петр Григорьев сын Кренева дал есми в дом живоначалные троицы и святым страстотерпцем Борису и Глебу и преподобному чюдотворцу Макарию в Колязин монастырь игумену Корнилию з братьею или по нем иный игумен будет вотчину свою в Кашинском уезде в Меретцком стану деревню

Пугвицыну, да деревню Кулневу, да деревню Григорову, да деревню Иевлеву, а те деревни стоят на реке на Кашине, что мне дали против старые костромские вотчины по старым крепостям, со всеми угодьи, с лесы и с луги, что к тем деревням истари потягло, куды ходил плуг и коса и соха и топор, а в тех деревнях пашни по книгам добрые земли и середние и худые 176 четвертей, по отца своего душе Григорьеве и по своей матери по Парасковее и по своей душе и по своих родителей впрок без выкупа в наследие благ вечных и в жизнь вечную. А до тое моей вотчины роду моему и племяни дела нет. А те деревни, моя вотчина, нигде не заложены, ни променены, ни по душе не отданы, ни в духовной не написано, опричь сее обители Колязина монастыря, ни в денежных, ни в хлебных кобалах, ни в записех, ни в-ыных ни в каких крепостях не записаны. А где вылягут на те мои деревни какие крепости, кобалы или записи, или по душе отдано, или в духовной написано, или иные какие крепости, и мне Шестому та вотчина своя очищати, а игумена Корнилия и братьи убытка не довести никоторого; а что игумену Корнилию з братьею в той моей вотчине убытка учинитца, и мне Шестому те убытки платити. А на то послуси: Сокол Фатеев сын Рыкунов, да Никита Онисимов сын Иванов, да Ефим Семенов сын Мантуров, да Иван Филипьев сын Жерлов. А даную писал Урванец Федоров лета 7000 семьдесят седмого.

На обороте: 1) *неразборчиво (срезан верх документа).* 2) К сей даной послух Иванец Жерлов руку приложил. К сей даной яз Шестой вотчину дал и руку приложил. Послух Никита руку приложил. Послух Сокол руку приложил. Послух Ефимец руку приложил.

[Подлинник, ЛОИИ АН, собрание актов Белюстина, № 13.]

№ 33

1569 г. февраля 18. Грамота „с прочетом" владимирским городовым приказчикам Григорью Домнину и Третьяку Мозолеву о невзимании в „земском" податей с сел Симонова монастыря Зиновьева-Петряева и Кувезина в виду перехода всей монастырской вотчины в опричнину.

От царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Русии в Володимер городовым прикащиком Григорью Домнину да Третьяку Мозолеву да целовалником Якушу Феофанову с товарыщи. Написано у вас в володимерской платежнице

с книг писма Романа Морозова с товарыщи в Володимерском уезде в Малом Рогу селцо Зиновьево-Петряево з деревнями да в Стародубе в Ряполовском селцо Кувезино з деревнями; и в нынешнем в 77-м году велел есми взяти Симонов монастырь со всею вотчиною в свою опричнину и ямские [и] приметные денги, и за городовые и за засечные и за ямчюжное дело, и всякие наши подати велел есми с их монастырских сел имати в опричнине ж. И как к вам ся наша грамота придет, и вы б Симонова монастыря с селца Зиновьева с Петряева да с селца Кувезина [с] деревнями на нынешей на 77-й и вперед наших ямских и приметных денег, и за городовые и за засечные и за ямчюжное дело, и всяких наших податей в земских не имали и не въежали и не всылали к ним ни по что. А прочет сю грамоту, списав с ее противень, отдавали б есте Симонова монастыря слугам, которые с нею к вам приедут, назад и они ее держат себе вперед для наших выборных старост, денежных зборщиков и всяких земских посланников. Писан на Москве лета 7077-го февраля в 18 день.

У подлинные грамоты назади написано: Царь и великий князь всеа Русии.

А у подлинной грамоты печать черная.

[Список, ГИМ, собрание рукописей Симонова Монастыря, № 58, лл. 420 об. — 421 об.]

№ 34

1569 г. марта 7. Грамота „с прочетом" из Поместной избы владимирскому городовому приказчику Григорию Домнину об отказе Симонову монастырю с. Кувезина, вотчины кн. Ефросиньи Стародубской.

От царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Русии в Володимер городовому приказщику Григорью Домнину. Бил нам челом пречистые богородицы Симонова монастыря архимандрит Феоктист з братьею и челобитную нам подал и в той челобитной писано: постриглась в нашем богомолье в Настасеине монастыре и преставилася княж Семенова Стародубского княини Еуфросинья, а написала в-ызустной своей и дала в дом пречистые богородицы в Симонов монастырь вотчину мужа своего и свою в Стародубе Ряполовском селцо Кувезино з деревнями по муже своем и по своей душе на поминок в наследие вечных благ; а будет мы тое вотчину возмем на себя или вотчичем отдадим,

и нам бы пожаловати, с тое вотчины велети дати в монастырь ее приданое 120 рублев; и нам бы пречистые богородицы архимандрита Феоктиста з братьею пожаловати, велети то селцо в дом пречистые богородицы в монастырь на Симоново дати и в книги [записати] или за тое вотчину денги дати; а на той челобитной припись дьяка нашего Петра Григорьева: „Лета 7077 февраля в 7 день яз царь и великий князь архимандрита симоновского пожаловал, велел им то селцо, о котором бьет челом дати в монастырь и записати к монастырю". А в отписных твоих книгах, что отписывал еси на меня царя и великого князя в Володимерском уезде в Стародубе Ряполовском вотчину княж Семеновы Стародубского княини Еуфросиньи лета 7077-го генваря написано: княж Семеновы княж Иванова сына Стародубского княини Еуфросиньи селцо Кувезино, а к селцу деревень: деревня Степаново, деревня Оксеновская, деревня Капустино, деревня Алексеевская, деревня Сонинская, деревня Парфеново, деревня Суворово, деревня Жарковская, деревня Платуново, деревня Митрофаново, деревня Никоново, деревня Кетрово, деревня Дубровка, деревня Лихачовская, деревня Феклинская, деревня Чеусово, деревня Мокрое, и всего селцо да 17 деревень, пашни княинины и служни и крестьянские 287 четвертей, сена 497 копен, лесу к селу и к деревням непашенного болота по смете в длину на 2 версты, а поперег на полверсты; да к тому ж селу Кувезину озеро Тюмлеха, вопче с Кривоборскими князми да со князем Микитою Стародубским да со княинею Марьею со княж Андреевою Стародубского, в длину на полверсты. И как тебе ся наша грамота придет, и ты б тое княж Семенову вотчину Стародубского селцо Кувезино з деревнями и со всякими угодьи отказал в дом пречистые богородицы в Симонов монастырь архимандриту Феоктисту з братьею или их приказщику. А прочет сю грамоту, отдал бы еси ее Симонова монастыря архимандриту или их приказщиком назад, а у них бы еси с тое грамоты взял противень слово в слово за приказщика их рукою. Писан на Москве лета 7077-го марта в 7 день.

А у подлинные грамоты назади написано на склейках: Дьяк Василей Степанов.

Печать у грамоты черная в прорезе.

[Список, ГИМ, собрание рукописей Симонова монастыря, № 58, лл. 589—590 об. Подлинник: ГАФКЭ, грамоты Коллегии экономии, Суздальский у., № 11835.]

№ 35

1569 г. марта 8. „Послушная" крестьянам с. Шибухина с деревнями, в волости Сорохте Костромского уезда, бывшей вотчины Екатерины Олговой с детьми, пожалованной Никольскому Строевы Горы монастырю взамен отписанной к дворцовому с. Писцову монастырской вотчины.

От царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Русии в Костромской уезд в волость в Сорохту в село Шибухино, в деревню Телепнево, в деревню в Высокую Поляну, в деревню Пиздюркино, что было то село и деревни вотчина Катерины Федоровы жены Олгова да ее детей, Василья да Сусла да Кислово да Никиты да Десятого да Замятни, всем крестьяном, которые в том селе и в деревнях живут. Пожаловал есми тем селом и деревнями пречистые монастыря и чудотворца Николы Строевы Горы, что в Костромском уезде, игумена Иакима з братьею, или по нем иныи игумены в том монастыре будут, против их монастырских земель, деревни Оксентьевы, деревни Коровины, деревни Шабановы, деревни Старинские, что у них по моему цареву и великого князя указу Курбат Измайлов да подъячей Рудак Толмачов отписали к моему цареву и великого князя к дворцовому селу к Писцову. А по книгам писма князя Ондрея Дашкова с товарыщи лета 7068-го в селе в Шибухине з деревнями пашни доброю землею с наддачею 65 чети с осминою в одном поле, а в дву по тому ж, сена 90 копен. И вы б, все крестьяне, которые в селе Шибухине и в деревнях живут, игумена Иакима з братьею или по нем иныи игумены в том монастыре будут слушали, пашню на них пахали и доход им платили. Писан на Москве лета 7077-го марта в 8 день.

На обороте: Диак Осиф Ильин.

[Подлинник, ГАФКЭ, грамоты Коллегии экономии, Костромской у., № 5075/108. Печать черного воска, прикладная.]

№ 36

1569 г. марта 16. Грамота „с прочетом" выборному старосте Московского уезда Истоме Мишакову и целовальнику Михаилу Иванову с товарищи о невзимании в „земском" податей с села Симонова монастыря Грайвороны в виду перехода всей монастырской вотчины в опричнину.

От царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Русии в Московской уезд выборному старосте Истоме Мишакову да целовальником Михаилу Иванову с товарыщи. Написано у вас в платежнице с книг писма Федора Старкова с товарыщи в Московском уезде в Василкове стану Симонова монастыря селцо Граворони з деревнями; а оброк за дань в за посошной корм и за ямские денги и за городовое дело с того селца з деревнями платили в Болшей Приход; и в нынешнем в 77-м году пожаловал есми, велел взяти Симонов монастырь со всею вотчиною в свою опричнину, а оброк за дань и за посошной корм и за ямские денги и за городовое дело и всякие наши подати с их монастырьских сел и з деревень велел есми имать в опричнину ж. И как к вам ся наша грамота придет, и вы б Симонова монастыря с селца з Граворони с деревнями нашего оброку за дань и за посошной корм и за ямские деньги и за городовое дело и всяких наших податей в земское не имали и не всылали к ним ни по что. А прочет сю грамоту и списав с нее противень, отдали б есте ее архимариту Феоктисту или ево приказщиком и они ее держат у себя вперед для иных наших земских денежных зборов и всяких посланников. Подлинная грамота писана на Москве лета 7077-го марта в 16 день.

А у подлинной грамоты назади написано: Царь и великий князь всеа Русии.

Печать черная.

[Список, ГИМ, собрание рукописей Симонова монастыря, № 58, л. 109 и об.]

№ 37

1569 г. июня 12. Грамота опричному казначею Угриму Львовичу Пивову о записи в опричнине вотчин, вновь приобретеных Кирилло-Белозерским монастырем в Каргопольском уезде и Турчасовском присуде, и о выдаче на них монастырю жалованной грамоты.

От царя и великого князя Ивана Васильевича всея Руси казначею нашему Угриму Львовичю. Бил нам челом богомолец наш Кирилова монастыря игумен Кирил з братьею как мы были в своей богомолье в Кирилове монастыре, а сказывают, что по нашему докладу купили оне в Каргополском уезде в Турчясовском стану у моря на усть реки Золотицы усолье черные земли и подле моря пожни и варничные места и морские тони и рыбные и нерпяные ловли и реку Золотицу, и иные-де мор-

ския на том же берегу варничные места и пожни и дворы в том же погосте тутошние жильцы давали пречистые богородицы в Кирилов монастырь свои купли черные земли за вклад в вечной поминок по собе и по своих родителех; и ныне-де с них у моря наших пошлин емлют с пуда по полуденге внове, что писцы наши Никита Яхонтов отписал; а преж-де сего в Каргопольском уезде и в Турчясовском присуде у моря, где соль варят, тое нашие пошлины по полуденге с пуда на нас не имали, а имали-де преж сего на нас нашу пошлину с сирена по 40-у алтын а сы иного — по рублю, а сы иного — по 20-ти алтын, как ныне на нас емлют на Двинском берегу и на Карельском, подле моря; а иные-де наши пошлины на реке на Онеге, под Порогом, и в порозех, и в Турчясове, и в Каргополе, и во всех городех с тое монастырские соли дают сполна, как и прочие торговые люди, где учнут продавати тое соль в котором городе, и у моря, где тое соль варят, в Золотице, дань нашу и оброк по писцовым книгам платят сполна ж, с тамошними крестьяны вместе, и иные всякие волостные розметы; да им же-де в Турчясовой торговой человек Стефан Григорьев сын Мясник дал двор свой черной в Кирилов монастырь за вклад; и нам бы их пожаловати, те земли в Каргопольском уезде в Турчя[со]вском стану у моря на усть реки Золотицы и подле моря пожни и варничные места и морские тони и рыбные и нерпяные ловли и реку Золотицу и угодия морскиа, на том же берегу варничные места и пожни и дворы, что даваны за вклад, велети к монастырю держати, а тех бы пошлин, что писец наш Никита Яхонтов отписал внове, с пуда по полуденге, имать не велети, а тот бы двор, что им в Турчясове дал за вклад Стефан Григорьев, велети нам обелити. И о чем нам игумен Кирило з братьею бил челом, а описано в сей грамоте, и мы их тем всем пожаловали. И ты б те купли, что купили в Кирилов монастырь земли и пожни и варничные места и тони и рыбные и нерпяные ловли и всякие угодия, что оне купили, и те угодья и дворы, что им давали в Кирилов монастырь за вклад, велел записати у нас в опришнине в книги за Кириловым монастырем и вступатися у них не велел ни во что; а тех бы естя пошлин с пуда по полуденге, что по Никитину писму Яхонтова прибавлено, сь их соли у моря имати не велел, а велел бы е[си] нашу пошлину всякую с них имати по прежнему нашему наказу и по нашим жаловалным грамотам. Да и грамоту бы еси им жаловалную нашу дал на

те их новые купли и на завкладные дворы, велел дати такову ж, каковы у них жаловалные грамоты на иные их монастырские земли и угодия, и тот двор, что им дал в монастырь в Турчясове Степан Мясников, велел обелити. Писана на Вологде лета 7077, июня в 12 день.

[Список, ГПБ, собрание рукописей СПб. духовной академии, А II/48, лл. 29—31]

№ 38

1569 г. июля 2. „Данная" Андрея Петрова сына Житова (инока Арсения) и его детей Захария, Максима-Богдана и Федора Симонову монастырю на их подмосковные вотчины, пожалованные взамен их старицкой и ярославской вотчин.

Се аз старец Арсеней, в миру был Андрей Петров сын Житова, с своими детми з Захарьем да с Максимом, прозвище з Богданом, да с Федором дали есмя в дом пречистые богородицы в Симонов монастырь при архимарите Феоктисте да при ризничем священнике Иасафе Китоврасове, да при келаре старце Паисее онтоновском, да при казначее старце Генадье Калинине, да при старце Иосифе андронниковском, да при старце Гурье сторожевском, да при чашнике старце Меркурье, да при конюшем старце Леваниде, да при уставщике старце Ефреме ярославском и при всей братье Симонова монастыря свою отчину в Московском уезде в Шахове стану деревню Беляеву бортную на речке на Желетовке, да к той же деревне припущено в пашню деревню Локоткино, да деревню Захарово, да деревню числяную Пестриковское на речке на Желетовке, да деревню Поляну бортную на реке на Желетовке, да деревню Пономареву бортную, да деревню бортиую Сухострелову-Телицыно, и всего 114 чети, что нас государь православный царь князь великий пожаловал теми деревнями против нашие старицкие и ярославские вотчины. А дали есмя ту свою отчину в дом пречистые богородицы: яз Арсеней — по деде своем Петре и по бабке своей Марье, и по отце своем Петре, и по матери своей Пелагее, и по жене своей Марье, и по дочери своей Агрепене, и по своей душе и по всем своем роду, а мы Андреевы дети Захарья да Максим да Федор — по своих родителех и по всем своем роду и по своих душах, на поминок в наследие вечных благ впрок без выкупа и без омены, с пашнею и с луги и с лесы и з болотцы и с рыбными ловлями и з бортными ухожеи и со

всякими угодьи, куды к тем деревням исстари плуг и сох
и коса и топор ходил и что к тем деревням исстари потягло
А деревни инде нигде не проданы, ни заложены и в закуп н
отданы, ни в кабалах, ни в записех, ни в рядных грамотах нигд
не записаны, ни по душе ни в которой манастырь ни к мирски
церквам инде нигде не отданы, никоторыми крепостьми н
у кого ничем не укреплены. А явитца у кого на те деревн
кабала, или запись, или даная, или купчая, или какая ни буди кре-
пость, и мне, старцу Арсению, и нам, детем его Захарье да
Максиму да Федору, та отчина очищати и денги по кабалам
и по записям платити нам, а монастырю нам убытка в той отчине
ни в чем не учинити. А архимандриту Феоктисту з братьею
или кто по нем иные архимандриты и строители на Симонове
монастыре будут за ту нашу дачю написати деда моего Петра
и бабку мою Марию, и отца моего Петра, инока Пимина,
и матерь мою Пелагею, и жену мою Марию, и дочерь мою Агре-
пену во вседневные литейные списки и в вечные сенодики
и поминати их на обеднях и за просвиромисаньем и на пана-
хидах и на литеях по вся дня, а о мне Арсение и о нас Андре-
вых детех, о Захарье и о Максиме и о Федоре, молити бог
о здравье до нашего живота. А доколева бог благоволит мн
Арсению живу быти, и архимандриту Феоктисту з братьею мен
Арсения покоити в манастыре на Симонове, аки прочию братью
а матерь мою устроити на Симонове ж в Настасеине мона
стыре в девичье, аки прочие сестры; а бог пошлет по душ
наши, и нас написати во вседневные ж литейные списк
и в вечные сенодики с нашими родители и поминати нас и роди
телей наших на понахидах и на обеднях и за просвиромисаньем
и на литеях по вся дни, доколе же бог благоволит пречисты
обители стояти, а ис списков нас и родителей наших не выгла
дит; да быти по мне, Арсение, и моих родителех и по мои
детех двема кормом болшим в год: первому корму быти октябр
в 2 день на память священномученика Киприяна и Устиньи
а другому корму быти декабря в 21 день на чюдотворцов
память Петрову. И сю есмя даную и крепости старинные и новы
государеву жаловалную ввозную грамоту на ту свою отчину
в монастырь на Симонов дали. А на то послуси: Иван Семенов
сын Матцнев, да Федор Фатьянов, да Семен да Посник Иванов
дети Архангелского. А даную писал Истома Демидов сы
Неверова лета 7077-го июля в 2 день.

А у подлинные данные назади написано:

По сей даной яз инок Арсеней Житов и дети мои Захарья и Максим*-Богдан и Федор сю свою отчину в дом пречистые богородицы в Симонов монастырь дали и руку приложил в детей своих место.

Послух Феодор Фатьянов руку приложил. К сей даной яз Максим-Богдан Андреев сын Житова руку свою приложил и в брата и своей место и сю отчину свою в манастырь на Симоново дали. К сей даной грамоте Иван Матцнев руку свою приложил. Послух Семейка руку приложил. Постник послух рукою своею приписал.

[Список, ГИМ, собрание рукописей Симонова монастыря, № 58, лл. 198—200 об.]

№ 39

1569-1570 г. „Данная" Ивана Дмитриевича Воронцова Троице-Сергиеву монастырю на с. Наместково Городецкого стана Бежецкого уезда, пожалованное взамен с. Красного Костромского уезда.

Се яз Иван Дмитреевич Воронцов дал есми в дом живоначалные троицы и пречистой богородице и великим чюдотворцем Сергию и Никону и архимариту Феодосью з братьею или хто по нем иный архимарит будет селцо Наместково з деревнями в Бежецком Верху в Городецком стану, а меня Ивана пожаловал царь и государь князь великий тем селцом Наместковым з деревнями в моей воччины место, села Красново з деревнями, что взял царь государь у меня то село Красное в Костромском уезде, да к тому ж селцу Наместкову деревни: деревня Шеино, да деревня Зоркино, да деревня Дядкино, да деревня Дуплиха, да деревня Парышиха, да деревня Крутое, да деревня Роино, да деревня Завражье, да деревня Дружинино, да починок Деревоино, да деревня Брюхатая, да деревня Мышкино, да деревня Кулихина, да деревня Григорьево, да деревня Кесовец, да деревня Гривенниково, да деревня Трубицыно, да деревня Дуброва, да починок Зоркин, да другая Дуброва, да деревня Семенчино, да деревня Стрелниково, да деревня Розморское, да деревня Слядниха, да починок Бажеев, да деревня Башмачиха, да деревня Вилы, да деревня Ежево, да починок Косоногов, да деревня Гляциха, да пустошь селище Краснодубье, со всеми угодьи, что к тому селу и к деревням изстари потягло, куды ходил плуг и соха и коса

* *В рукописи вслед за* „Максим" *поставлено лишнее* „и".

и топор, по старым межам. А та моя воччина ни в закладе, ни в закупи, и до той воччины дела нет никому, и роду моему и племяни в ту воччину не вступатись. И бог пошлет по мою душу, и архимариту Феодосью з братьею меня положити у живоначалные троицы и написать в вечный сенаник селник и корм кормити в году меншей по мне и по моим родителем. А хто в ту воччину роду моего станет вступатись, и им со мною суд будет в будущем веце. А на то послуси: Федор Матвеев сын Елизарова, да Петр Васильев сын Мякишев, да Василей Иванов сын Заболоцково. А данную писал Иванец Онисимов лета 7000 семдесят осмого.

На обороте: К сей даной грамоте яз отец духовной черной священик Илинархь руку приложил суно соего места духовнаго Иваново. Федор послух руку приложил. Послух Василей руку приложил. Послух Петр Мякишев руку приложил.

[Подлинник, ГАФКЭ, грамоты Коллегии экономии, Бежецкий у., № 1279/175. Список: ГБИЛ, собрание рукописей Троице-Сергиевской лавры № 532, лл. 118 об. — 119 об.]

№ 40

1569-1570 г.[1] *„Меновная“ на вотчину в Боголюбовском стане Владимирского уезда, пожалованную княгине Анне Петровне Нагавицыной-Засекиной взамен ее переяславльской вотчины и промененную ею дьяку Андрею Яковлеву сыну Щелкалову на вотчину в Монатьине стане Московского уезда.*

Се яз княж Петрова Федоровича Нагавицына-Засекина княгиня Анна, Петрова дочь Григорьевича Заболотцкого, променяла есми Ондрею Яковлеву сыну Щелкалова вотчину свою, что мне дано против моее старинные переславские отца моего Петровские Заболотцкого вотчины села Николского з деревнями, в Володимерском уезде в Боголюбовском стану селцо Олексеищево, а к селцу деревню Клементиево, починок Ходырцово, починок Пожарницу, деревню Дмитрово, деревню Папулово, деревню Гаврилово, починок Бочково Романово, починок Качалово, с пашнею и с покосы и с лесы и с луги и с озеры и со всякими угодьи, со всем с тем, что к тому селцу и к деревням и к починком истари потягло, куды ходила соха и коса и топор. А выменила есми у Ондрея его вотчину старинную,

[1] Ср. № 57.

матери его, в Московском уезде в Манатьине стану селцо Шелохово, а к селцу деревню Сергеево, деревню Дубровку, деревню Данилково, с пашнею и с покосы и с лесы и с луги и со всякими угодьи, что к тому селцу и к деревням изстари потягло, куды ходила соха и коса и топор. А надняла есми у Ондрея Щелкалова на свою вотчину, что есми променила Ондрею, на селцо Олексеищево и на деревни и на починки, кь его вотчине, что яз у Ондрея выменила, к селцу Шелохову з деревнями, 100 рублев денег. А променила есми то селцо Олексеищево з деревнями и с починки Ондрею и его жене и их детем впрок без розмены, волен Ондрей то селцо Олексеищево з деревнями и с починки продати и променяти и по душе отдати и в приданые отдати в своей вотчины старинные селца Шелохова з деревнями место, что мне княгине Анне променил. А у меня у княгини Анны то селцо Олексеищево з деревнями и с починки не продано и не променено и по душе не отдано и не заложено никому и ни в каких крепостех ни у кого не записано. А у кого выляжет какая крепость на то селцо Олексеищево и на деревни и на починки, и мне княгине Анне то селцо и деревни и починки ото всех крепостей очищати и к Ондрею убытка не довести. А на то послуси: Григорей Иванов сын Черленого-Заболотцкой, да Борис да Петр Григорьевы дети Заболотцкого, да Григорей Иванов сын Дровнин-Заболотцкой, да Данило Володимеров сын Заболотцкой, да Ондрей Петров сын Замятнин-Заболотцкого, да Василей да Федор Ивановы дети Угримова-Заболотцкого, да Ондрей Иванов сын Кляпиков, да Иван Семенов сын Матцнев, да Мелентей Оксенов сын Реутов. А меновую писал Томило Первова сын Люшина лета 7078.

А назади у меновные написано: К сей меновной златауской игумен Варлам в дочери своей духовной место, во княгинино Аннино, руку приложил. Послух Григорей Черленов руку приложил. Послух Ондрей Замятнин сын Заболотцково руку приложил. Послух Борис Заболотцкой руку приложил. Послух Григорей Заболотцкой руку приложил. Послух Петр руку приложил. Послух Ондрей Кляпиков руку приложил. Послух Мелентей руку приложил. Послух Василей Угримов и в брата своего место Федорово руку приложил, а Федор грамоте не умеет. Послух Иван Мацнев руку приложил. Послух Данило руку приложил.

[Список, ГБИЛ, собрание рукописей Троице-Сергиевской лавры, № 530, лл. 901 и об.]

№ 41

1569-1570 г. „Запись очищальная" на проданную Андреем Радковым в церковь Михаила архангела на Москве, протопопу Григорью Иванову с братьею, боровскую вотчину жены своей Пелагеи, пожалованную ей взамен ее костромской „приданой" вотчины, взятой „в царьскую светлость в опришнину".

Се яз Ондр[ей] ‹....›в сын Радкова продал есми вотчину при[даную жены моей Полагеи]ну в ц[ерковь Михаил]у архани[лу н]а Москве ‹...› протопопу Григ[орью] Иванову сыну з братьею впрок без вы[купа в Боровском уезде в Суходол]ском стану деревню Олехово да в деревне в Мишине две че[тверти со] всеми угодьи, куды ходила соха и коса и топор истари, что жену мою пожаловал государь ее противу старые костромские приданые вотчины место деревни Борискова Болшово, да деревни Борискова Малово, да деревни Мелехова починка, да деревни Харлакова починка, да деревни Отяева, да пустоши Седелнича, и в той ей вотчина половина, а другая по[лови]на сестры ее Настасьи, и ту ее выть, вотчину, государь взял в свою царьскую светлость в опришнину, а ее против тое вотчины ее вытью пожаловал в Боровском уезде в Суходольском стану деревнею Олеховым, сорок четвертей, да в деревне в Мишине две четверти, а пя[ти] четвертей ее выть вотчины не дошло. А взял есми на той приданой вотчине жены своее на сороке на дву четвертях четырнадцать руб[лев дене]г. А что доиму своее выти вотчины п[я]т[и] четвертей по книгам костромских пи[сцов, и] мне та пять четвертей продати ар[ханилском]у же протопопу Григорью з братьею ‹...› и денег донять по тому же розщету. А та [жены моей Полагеи вотчина] приданая не продана никому, опричь арханилского [протопопа Григорья з братьею], ни по душе не отдана; ни в кабалах в закладних не заложена, ни в з[аписях, ни] во всяких крепостях. А у кого вылежет на ту жены моей приданые [ее вотчины ее] выть купчая или кабала или запись или иная какая крепость ни [буди, и] мне Ондрею жены своей в Полагеино место вотчина очищать и протопопа Григорья з братьей в той своей вотчине не довести никоторого убытка. А что протопопу Григорью з братьею в той в жены моей вотчине учинит убытка, и мне Ондрею те убытки платить; и в книги мне та вотчина, жены

своей выть, в Поместной избе записать и вперед мне и моим детем и моим внучатом [тое в]отчины у Арханила не выку[па]ть; [а] стану яз или дети мои или вну[ки мои та] вотчины у Арханила выкупа[ть], ино на мне Ондрее взяти [арханилскому прото]попу Григорью з братьею сорок рублев денег по сей записи. [А на то послуси:] Иван Офонасьев сын Петров да Борис Третьяков сын Раков. А запись писал очищалную Олешка, Онаньин сын Родионов лета 7000 семдесят осмого.

[Подлинник; весьма ветх и поврежден; слова, заключенные в скобки, вставлены по смыслу и по расчету количества исчезнувшего текста; точками обозначены невосстановимые места. ГИМ, № 76508.]

№ 42

1570 г. января. „Данная" Иосифа Владимирова сына Хомякова Симонову монастырю на вотчину, часть дер. Сидоркова, Лукомского стана Московского уезда, пожалованную взамен его боровской вотчины.

Се аз Иосиф Володимеров сын Хомяков дал есми в дом пречистые богородицы в Симонов монастырь при архимандрите Феоктисте да при ризничем священнике Иоасафе Китоврасова, да при келаре старце Леваниде антоновском, да при казначее старце Генадье Калинине, да при старце Иосифе, при бывшем архимандрите андроньевском, да при старце Гурье, бывшем игумене пахнутьевском, да при старце Перфирье, бывшем игумене сторожевском, да при чашнике старце Игнатье, да при конюшем старце Меркурье, да при уставщике старце Ефреме ярославском и при всей братье Симонова монастыря свою отчину в Московском уезде в Лукомском стану в деревне Сидоркове свой жеребей, пашни 9 четвертей с полуосминою в поле, а в дву по тому ж, что меня государь пожаловал, велел мне отделити по своей государеве грамоте губному старосте Ивану Милюкову нашие место боровские вотчины. А дал есми ту свою вотчину в дом пречистые богородицы по своей душе на поминок в наследие вечных благ впрок без выкупа и без омены с пашнями и с луги и с лесы и з болоты и со всякими угодьи, куды к той деревне, к моему жеребью, плуг и соха и коса и топор ходили и что к той деревне, к моему жеребью, исстари потягло. А та у меня вотчина, мой жеребей, инде нигде не продана, ни заложена, ни в закуп не отдана, ни в кабалах, ни в записех, ни в рядных грамотах нигде не записана, ни по душе ни в которой

монастырь, ни к мирским церквам инде нигде не отдана и никоторыми крепостми ни у кого ничем не укреплена. А у кого на ту мою вотчину явится кабала или запись и даная или купчая или какая ни буди крепость, и мне Осифу та отчина очищать и денги по кабалам и по записем платити самому, а Симоновского архимандрита Феоктиста з братьею или хто на Симонове иные архимандриты будут убытка в той отчине ни в чем ни учинити. А архимандриту Феоктисту з братьею или по нем иные архимандриты на Симонове будут за ту мою дачу, доколе яз жив, молити о мне бога о здравье; а бог пошлет по душу мою, и меня написати в монастыре на Симонове во вседневные и в литейные списки и в вечные сенодики с моею братьею и поминати меня Иосифа, донеле же бог благоволит пречистые обители стояти, а с списков меня не выгладити. А на то послуси: Иван Харитонов сын, да Григорей Исаков сын, да Третьяк Сергеев сын. А даную писал Истома Демидов сын Неверова лета 7078 генваря в „ “.

А у подлинные даные назади написано: Послух Иван Харитонов руку приложил. Третьяк Сергеев в послуси писался и руку свою приложил. Послух Григорей Исаков руку приложил.

[Список: ГИМ, собрание рукописей Симонова монастыря, № 58, лл. 218—220.]

№ 43

1570 г. апреля 27. Грамота „с прочетом“ из приказа Большого Прихода владимирским городовым приказчикам Меншику Хвостову и Третьяку Мозолеву о правильном взимании податей с вотчин суздальского Покровского женского монастыря в Стародубе Ряполовском, Владимирского уезда.

От царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Русии в Володимерь городовым прикащиком Меншику Хвостову да Третьяку Мозолеву да целовалником Ивашку Татьянину с товарищи. Били нам челом из Суздаля Покровскаго девича монастыря игуменья Василиса с сестрами, а сказала, что-деи у них их вотчина в Володимерском уезде в Стародубе в Ряполовском треть селца Василева з деревнями, что была вотчина княж Ивановская Борисовича Ромодановского, и та-деи монастырская вотчина списана в одном сошном писме со княж Осифовскою вотчиною Коврова да с Рожественским монастырем, а порознь деи та их вотчина с теми вотчины в сошном писме не росписана, а вы-деи правите на их прикащике и на крестьянах наши

ямские и приметные денги, и за городовые и за засечные и за ямчюжное дело, и пасоху, и всякие наши подати и за те вотчины, которые не за ними. А в памяти за приписью дияка нашего Путила Михайлова написано в записных в вотчинных книгах, в которых записывают вотчинные всякие крепости: „Лета 75 году ноября в 14 день явил нашим дьяком Путилу Михайлову да Кузме Румянцеву князь Петр княж Иванов сын Ромодановского со князем Иваном со княж Семеновым сыном Коврова купчую и в купчей написано: Князь Иван Семенович Ковров продал князю Петру Ивановичю Ромодановскому в Стародубе в Ряполовском в Заводичах вотчину свою, половину селца Васильева з деревнями, деревня Кочетково, деревня Самойлово-Брилино, деревня Каменое, деревня Метлино, со всякими угодьи, что изстари потягло, а взял на той вотчине полтораста рублев да пополнка конь гнед". А после того в записных же книгах в вотчинных лета 7077-го генваря в 25 день написано: „Била нам челом из Суздаля Покровского монастыря игуменья Василиса с сестрами, дал-де в дом Покрову пречистые богородицы князь Иван Ромодановской по душах вотчину своей купли в Стародубским уезде полселца Васильевского з деревнями впрок без выкупа и в наследие вечных благ да и данную за своею приписью дал; и мы велели тое их вотчину и в книги записати за монастырем". А в противню в Максимовых книгах Трифанова, как он отписал Стародубских князей вотчины их, в Стародубе в Ряполовском лета 7073-го, написано: „В Завражье князя Ивана княж Семенова сына Коврова треть селца Васильевского да к селцу деревни, деревня Каменое, деревня Метлино, деревня Кочетково, деревня Самойловская, и всего 4 деревни, пашни в трети селце и в деревнях княжие и крестьянские 58 четвертей, сена 100 копен, лесу пашенного десятина". А за Рожественным монастырем в Максимовых книгах написано: „Князя Ондрея княж Иванова сына Коврова, а ныне старец Ондреян у Рожества пречистые в Володимере, треть селца Васильевского да 7 деревень да пустошь да починок, пашни в них 99 четвертей, сена 184 копны, лесу пашенного 15 десятин". А за князем Осифом за Ковровым вотчины в Максимовых книге Трифанова в противню написано: „Князя Осифа княж Ондреева сына Коврова деревни, деревня Вески и иные, всего 5 деревень да починок да пустошь, пашни 60 четвертей с осминою в одном поле, а в двух по тому ж, сена 100 копен, лесу пашенного 10 четвер-

тей с осминою". А в платежнице с книг писма Романа Образцова с товарыщи написано: „В Стародубе Ряполовском селцо Васильевское з деревнями княж Васильевы княгини Коврова, сошные пашни треть сохи; и по разводу по четвертной пашне в трети селца Васильевского з деревнями в 58-ми четвертях за Покровским монастырем ялось сошного писма полполтрети сохи, а за Рожественным монастырем да за князем Осифом за Ковровым ялось сошного писма четверть сохи". И как к вам ся наша грамота придет, и вы б имали наши ямские денги и посоху и всякие наши подати с Покровские вотчины с трети селца Васильевского да с 4-х деревень на прикащике и на крестьянех с полполтрети сохи, а Рожественского монастыря да со княж Осифовой вотчины имали б есте наши ямские денги и всякие наши подати с чети сохи. А прочет сю грамоту и списав с нее противень, отдали б есте ее Покровского монастыря прикащику или крестьяном назад и они ее держат у себя вперед для иных наших володимерских данных зборщиков и посланников. Писан на Москве лета 7078 апреля в 27 день.

У подлинной грамоты восковая черная печать.

На той же грамоте на обороте написано тако: Царь и великий князь всеа Русии. Дияк Иван Булгаков.

[Список, УЦГАЛ, фонд 6. Синода, № 1920, „Сборник копий с жалованных грамот Суздальской епархии", XVIII в., лл. 68 об.—70 об.]

№ 44

1570 г. октября. „Данная" Ильи Антонова сына Царегородцева и Ивана Степанова сына Зубатого Благовещенскому Чудову монастырю на вотчины их в Быкове и Коровине станах Московского уезда, пожалованные им взамен старой костромской вотчины.

Се яз Илья Онтоньев сын Царегородцков дал есми в дом пречистые богородицы честнаго и славнаго ея благовещенья и великому архистратигу Михаилу честнаго его чюдеси и святому великому чюдотворцу Алексею митрополиту киевскому всеа Русии, при чюдовском господине архимандрите Леониде да при старцех: при казначее Нифонте, да при Гермоне при Белом, да при старце при посельском Варламе Стряпкове, да при житнике Федосие, да при конюшем Еуфимье, да при чяшнике Еуфимье Новосилцове, да при священнике Левкее, да при священнике Варсонофьи и при всей братие старцох Чюдовского

монастыря, отчину свою в Московском уезде в Быкове и в Коровине стану в деревне в-Ывашове, в деревне в Огафонове, в деревне Медведеве, в деревне в Харитонове, а те деревни были преже нас в поместие за Ондреем за Тарбаевым, и теми деревнями четырма нас государь царь князь великий Иван Васильевич всеа Русии пожаловал, меня Илью да детей моих Тимофея да Ивана да Василису Иванову жену Зубатово да сына ее Степана, против нашие костромские вотчины села Заречья з деревнями. И мне Илье да моим детем Тимофею да Ивану пашни досталось по писцовым книгам в тех деревнях по осмидесят по осми четвертей в поле, лесу на 20 четвертей, сена 150 копен; и яз Илья дал в тех в деревнях свою пашню и лес и сено со всеми угодьи и хлеб в земле и стоячей по своих родителех по Якове, по Улите, по Онтоне, по Анне, по Игнатье, по Иване, по Феодоре, по Тимофее, по Марье, по Иове скимнике, по Акилине, по Фетинье иноке и по всех своих родителех и по себе по Илье в наследье вечных благ на поминок по своих родителех и по своей душе. А кому будет до тое вотчины роду нашему, и они дадут с тое моее вотчины Ильины з детми в Чюдов манастырь 100 рублев денег да 10 рублев. А архимандриту Леониду з братьею, или будет по нем иный архимандрит и братья, и им пожаловати поминати меня и моих родителей, 2 корма по всякий год болших у себя давати, один — ноября в третей день, а другой корм болшой генваря в седмыйнадесят день, по вся годы, доколе место святое стоит, в вечный поминок в болшой сенаник в селной да в другой сенаник в повсядневной написати. Да се яз Иванец Степанов сын Зубатого по приказу отца своего Степана Иванова сына Зубатово дал есми в дом пречистые богородицы честнаго и славнаго ея благовещенья и великому архистратигу Михаилу честнаго его чюдеси и святому великому чюдотворцу Алексею митрополиту киевскому всеа Русии при чюдовском архимандрите Леониде да при казначее Нифонте и при старцех, которые в сей даной вверху писаны, отчину отца своего и бабки в Московском уезде в Быкове и в Коровине стану в тех же деревнях, в деревне в-Ывашове, в деревне в Огафонове, в деревне Медведеве, в деревне Харитонове, пашни по сороку и по одной четверти в поле, и лес в пашни места, сена 50 копен, по своих родителех по Федоре и по Стефаниде, и по деде по Иване, и по бабке по Варсонофье скимнице, и по отце по своем по Стефане, и по

матери своей Феодосье, по мне по Иванце, в наследье вечных благ на поминок по своих родителех и по своей душе. А кому будет роду моему до тое вотчины до моего учястка, и он даст в Чюдов манастырь 50 рублев, а господину архимандриту Леониду з братьею или будет по нем иный архимандрит и братья пожаловати поминати в те ж 2 корма Ильины, ноября в трети[й] день да генваря в семыйнадесят день, по вся годы, и в оба сенаника написати. А та у нас вотчина не продана ни заложена, ни в иных крепостях нигде не писана; а выляжет где на ту нашу вотчину какая крепость, и нам очищати. А старые есмя крепости костромские вотчины, духовные грамоты Федора-Баташа Зубатого да Адаша Федорова сына Баташова, да купчюю, что Илья купил деревня Бараново у шурина у Степана, да купчая Тимофея да Ивана, купили у дяди у своего у Степана да у бабки у своей у Василисы селцо Заречье да деревню Налескину, дали с сею даною господину архимандриту Леониду з братьею. На то послухи: Никита Петров сын Федчищова-Зубатово, да Тимофей Васильев сын Шашабалцова, да Матфей Олсуфьев сын Ильина, да Василисы Ивановы жены Зубатого, отец духовной Николской Великого креста поп Иван Васильев сын, да Степанов Зубатого отец духовной от Воскресения из придела поп Авраам Афонасьев сын, да Безсон Булатов сын Хлюпин. А даную писал Третьяк Петров сын Кочикова лета 7070 девятаго октября.

На обороте: К сей даной своей Илья Онтоньев сын Царегородцов руку приложил. К сей данай николской поп Иван Васильев сын Василисин Ивановы жены Зубатого отец духовной руку приложил. К сей даной Никита Петров сын послух руку приложил да в-Ываново место Степанова сына Зубатово руку жи свою приложил. Послух поп Аврам духовской Степанов Зубатово отец духовной руку приложил. Послух Матюша Евсуков руку приложил. Послух Тимофей руку приложил.

[Подлинник, ГАФКЭ, грамоты Коллегии экономии, Московский у., № 7166/24.]

№ 45

1570 г. „Купчая" на проданную кн. Романом Ивановым сыном Гундоровым Константину Юрьеву сыну Греку вотчину в Пехорском и Васильцове станах Московского уезда.

Се яз Роман княж Иванов сын Гундоров продал есми Костянтину Юрьеву сыну Греку выезжему свою вотчину

в Московском уезде в Пехорском стану деревни черные: деревню Болшово, деревню Маковниково, деревню Хотово, деревню Веретениково, деревню Ябедниково, да починок Окулов, да починок Оменков, деревню Тетеревылну Черницыно Дубровку, да деревню Тарское* да деревню Семендяево да деревню Шолохово, да деревни бортные Василцова стану: деревню Пелцовскую да деревню Перутино, законюшенную деревню Аспидниково, что были те деревни и починки за Иваном Федоровым сыном Воронцова, и с луги и с лесом и со всякими угодьи, куды ходил плуг и соха и коса и топор, что к тем деревням и их починкам истари потягло, по старым межам. А взял есми у Костянтина на той своей вотчине на деревнях и на починках 500 рублев денег да пополнку шубу соболью. А та у меня князя Романа вотчина, опричь Костянтина, не продана, ни заложена, ни по душе ни в приданые не отдана нигде ни у кого ни в каких крепостех. А у кого на ту вотчину, на деревни и на починки, вылежит иная купчая или духовная или даная или иные какие крепости ни буди, и мне князю Роману та своя вотчина, деревни и починки, Костянтину от всяких крепостей очищати и убытка Костянтина не довести никоторого. А что Костянтину в той вотчине по каким крепостем учинитца убытка, и мне князю Роману те убытки Костянтину платити все сполна по сей купчей. А продал есми Костентину тое вотчину и его детем впрок без выкупа; и в книги мне князю Роману та своя вотчина у дьяков в Поместной избе записати за Костянтином. А на то послуси: Кузма Ондреев сын Голядов, да Павел Родионов сын Петров, да Федор Перфильев сын Павлов, да Ондрей Семенов сын Малого, да Бажен Федоров сын Иванова, да Олексей Смирново, да Яков Дементьев, да Ондрей Шахов. А купчую писал Олексей Дворянинов лета 7078-го.

А назаде пишет: Князь Роман вотчину свою продал и руку приложил. Послух Федорец руку приложил. Послух Кузма руку приложил. Послух Павел руку приложил. Послух Якуш руку приложил. Послух Ондреец руку приложил. Послух Баженко руку приложил. Послух Ондреец руку приложил. Послух Олеша руку приложил.

[Список, ГБИЛ, собрание рукописей Троице-Сергиевской лавры, № 530, л. 152 и об.]

---

* *Очевидно надо: „да деревни псарские" (ср. № 17).*

№ 46

1570-1571 г. „Запись очищальная" Исака Иванова-Колтырина сына Ракова Ермоле Елизарьеву сыну Захарьину на вотчину во Владимирском уезде, пожалованную Ракову взамен его костромской вотчины.

Се яз Исак Иванов-Колтырин сын Ракова продал есми вотчину свою Ермоле Елизарьеву сыну Захарьина селцо Шустино да деревню Курнапино, что мне то селцо и деревня дано против моей костромские вотчины, 177 четвертей в поле, а в дву по тому ж, лесу 36 десятин, сена 300 копен. А продал есми ему то селцо и деревню по мере губново старосты володимерского Рахмана Остафьева сына Калзакова, что мне он то селцо отмерил с лесы и с луги и со всякими угодьи и межу той земле учинил, и купчюю есми на то селцо и на деревню дал. А взял есми на том селце и на деревне у Ермолы 200 рублев. А то у меня селцо и деревня в купчюю мимо Ермолы не продана никому, ни заложена нигде, ни в кабалах, ни в хлебных ни в денежных, ни в записех нигде нет, ни по душе не отдана. А явитца на ту вотчину купчая или кабала хлебная или денежная или иная какая крепость, учинитца будет в том убыток, и мне Исаку очищати, а к Ермоле убытка не привести никакого; и в книги мне та купчая в Поместной избе в земских за Ермолою записати. А не запишу яз Исак тое купчие в книги или убыток Ермоле какой учинитца, ино на мне ему Ермоле взяти по сей записи 200 рублев. А на то послуси: Никита Григорьев сын Яхонтов, да князь Иван княж Семенов сын Ростовской, да Дмитрей Васильев сын Отяев, да Федор Иванов сын Яхонтов, да Богдан Федоров сын Клобуков, да Борис Сотников сын Цыплетев. А запись писал Семейка Тимофеев сын Гостенков лета 7079-го.

На обороте: К сей записи к очищалной яз Исак Иванов сын Колтырин Ракова Ермоле Елизарьеву сыну Захарьина запись очищалную дал и руку приложил. Послух Федор руку приложил. Послух Богдан руку приложил. Послух Борис руку приложил. Послух князь Иван руку приложил. Послух Никита руку приложил. Послух Дмитрей руку приложил.

[Подлинник, ГАФКЭ, грамоты Коллегии экономии, Костромской у., № 508/6119.]

№ 47

1570-1571 г. „Духовная грамота" Константина Юрьева сына Грека на движимое и недвижимое имущество, завещанное Троице-Сергиеву монастырю.

Во имя отца и сына и святого духа. Се аз раб божий Костянтин Юрьев сын Грек пишу сию духовную грамоту целым умом. Дал есми при своем животе к живоначальные троицы и к чюдотворцу Сергию и Никону вкладу по своей душе и по отце по своем по Юрье и по матери по своей по Анне и по своей семье по Офимье при архимарите при Феодосии и при келаре при старце Ортемье Мятлеве и при казначее старце Варсунофье Якимове и при старцех соборных, при старце Перфилье Бабаршине и при старце Варсунофье Замытцком: дал есми прежде сего 2 скирда овса да ожерелье, жемчюжное саженье, женское, а жемчюгу на нем 35 золотников, да шапку женскую, сажена жемчюгом по отласу по червчатому, а жемчюгу на шапке 45 золотников, да кобылу рыжу немецкую большую; да дал есми свою вотчину, что купил есми ту вотчину у князя Романа Ивановича Гундорова, в Московском уезде в Перховском стану 5 деревень да починок: деревня Болшево, деревня Хотово, деревня Палцовская, деревня Пирютино, деревня Маковниково, починок Оменьков. Яз Костянтин Юрьев Грек дал есми те 5 деревень да починок со всем угодьем, что у тех деревень и у починка угодья, лесы и луги и всякие угодья, и мне Костянтину до тех деревень дела нет, ни моим детем, ни моему роду. А те у меня деревни не заложены ни у ково, ни отданы никому; и будет кому до тех деревень дело или хто станетца в те деревни вступатись, и мне Костянтину те деревни очищати и в Поместной избе в земские в книги те деревни записати. И всего моего вкладу, хлеба и жемчюгу и деревень, на 200 рублев; а за тот им мой вклад пожаловати за мое здоровье бога молити и отца моего Юрья и матерь мою Анну и семью мою Офимью написати в сенаник за тем же вкладом; а бог сошлет по мою душу, и меня им пожаловати за тот вклад поминати и в сенаник с сельники в вечныи благ наслаждения написати и мое тело положити у живоначалные троицы и чюдотворца Сергия и у Никона. А приказал есми свою грешную душу приказщиком, пожаловати им тело мое грешное схоранити и в сенаники написати строителю старцу Паисею и отцу моему духовному священнику Феодосью прилуцкому да подкеларнику старцу

Феодосью. А на то послуси: Истома Костянтинов сын Белавина, да Володимер Дементьев сын Иванова, да Иван Савин сын Торасова. А духовную писал Ивашко Третьяков сын Акинфоева лета 7079. Да архимариту ж пожаловати велети написати в сенаник дочерь мою Евдоксею младенца.

А назади на духовной пишет: Послух Истома руку приложил. Послух Володя и руку приложил. Послух Ивашко руку приложил.

[Список, ГБИЛ, собрание рукописей Троице-Сергиевской лавры, № 530, лл. 150 об. — 151 об.]

№ 48

1570-1571 г. „Данная" Матрены Заболотской Троице-Сергиеву монастырю на вотчину, дер. „На Крутом враге" с деревнями, Пятницкого стана Новосильского уезда, пожалованную ее мужу взамен его вотчины, с. Воскресенского Дмитровского уезда.

Се яз Матрена Григорьева жена Ивановича Заболотцкого дала есми в дом живоначалные троицы и пречистые богородице и великим чюдотворцам Сергию и Никону и архимариту Памве з братьею при своем животе по приказу мужа своего и по духовной грамоте вотчину мужа своево в Новосилском уезде в Пятницком стану, что государь пожаловал в дмитровской вотчины место села Воскресенского з деревнями, деревня на Крутом враге на реке на Колпне, деревня Кривая у дерев, деревня Казначеева другая у дерев, деревня Жердева, починок Становой, присада Верхняя Жеравина под болшим под черным лесом, да дикого поля нероспаханы земли 327 четвертей с осминою, а в дву по тому же, сена 1217 копен, лесу пашенного 30 десятин, а непашенного 60 десятин, с луги и с лесы и с пожнями, куды из тех деревень и из починков плуг и топор и коса и соха ходила, и со всем с тем по старине, что к тем деревням и починкам написано по писцовым книгам, по муже своем по Григорье и по себе и по своих детех и по наших по всех родителех впрок без выкупу. И похочю я постричи в черницы, и архимариту Памве з братьею или кто по ним иный архимарит будет у живоначалные троицы, а меня пожаловати, велети постричи у пречистой „Под сосною" в монастыре и до смерти им пожаловати, меня покоити в монастыре, и пожаловати им грамота оброчная дати, чем меня пожалуют, устроят. А бог меня пошлет

по душу, и им меня пожаловати схоронити у живоначалные троицы в Сергиеве монастыре и написати в вечной сенаник с селники. А ся у меня вотчина не в закупи, ни в закладе, ни в кабалах в денежных ни в хлебных ни у кого. А у кого явитца на сю мою вотчину у кого какая крепость ни будь, и мне Матрене ся вотчина очищати самой, а к монастырю убытка ни привести никоторого. А на то послуси: Василей Иванов сын Угримов-Заболотцкой, да Яков Федоров сын Скобелцын, да Долмат Иванов сын Анисимов, да Неустрой Шеметов сын Щелепина, да отец ее душевной свещенник черной старец Илинарх. А даную писал Панка Иванов сын Пестов лета 7079-го.

А назади на даной пишет: Послух Якушко руку приложил. Послух Долмат руку приложил. Послух Неустроец Щелепин руку приложил. К сей даной грамоте яз свещенник черной Елинарх в дочери своей духовной Матрены место руку приложил. К сей даной яз Василей Иванов сын Угримов руку приложил.

[Список, ГБИЛ, собрание рукописей Троице-Сергиевской лавры, № 530, лл. 371—372]

№ 49

1570-1571 г. „Данная" Ивана Юрьевича Грязного Симонову монастырю на вотчину, с. Якшино Лугосенского стана Дмитровского уезда, пожалованную взамен его старой малоярославецкой вотчины.

Се аз Иван Юрьевич Грязной дал есми в дом пречистые богородицы честнаго и славнаго ея успения Симонова монастыря при архимарите Иеве да при старцех: при казначее Ионе Кушелеве, да при ризничем свещеннике Варламе, да при чашнике Серьгее угреш[с]ком, да при конюшем Филофее, да при старце Иосифе Дурове, свою вотчину в Демитровском уезде в Лугосенском стану селцо Якшино на Сестре на реке да деревню Болсуново с пашнею и с лесы и с луги и с водами и с рыбными ловлями и со всеми угодьи, куды ходил топор и коса и плуг и соха и покаместа х тому селцу и деревне изстари потягло, и с хлебом з земным, а мне Ивану та вотчина дана против моей старой вотчины, что в Ярославце в Малом. А дал яз Иван ту свою вотчину по жене по своей по Марье да по Исаке на поминок в наследие вечных благ без выкупа и без омены; а роду моему Иванову до тое вотчины дела нет никому. А та у меня вотчина селцо Якшино да деревня Болсуново не продана никому,

не заложена ни у ково, ни в закуп не отдана, ни в кабалах ни в записях, ни в рядных грамотах нигде не записана, ни по душе ни в которой монастырь, ни на Москве к соборным церквам, ни к мирским церквам нигде не отдана и никакими крепостьми ни у кого не закреплена. А у кого явитца на то селцо и на деревню какая крепость, купчая или кабала, или запись, или духовная, или рядная грамота, или даная, или какая крепость ни буди, и мне Ивану то селцо и деревню от тех крепостей ото всех очищати, а убытка архимариту Иеву з братьею не привести ни в чем; а что учинитца архимариту Иеву з братьею или хто по нем иные архимандриты на Симанове будут в той вотчине какой убыток, и мне Ивану те убытки платити по сей даной грамоте. А архимандриту Иеву з братьею или хто по нем иные архимандриты будут жену мою Марью и Исака поминати во вседневном литейном списке и в вечном сенанике и из сенаников их не выгладити и донеле жи бог благоволит стояти обители пречистые богородицы; а кормы по жене по моей Марье и по Исаке кормити на преставление их: по жене моей Марье маия в 24 день, а по Исаке ноября в 8 день, по вся годы безпременно. А на то послуси: князь Микита княж Данилов сын Засекина, да Иван Борисов сын Погожево, да князь Андрей княж Петров сын Солнцев, да Третьяк Андреев сын Тумской. А сю даную грамоту писал Костя Иванов сын Деглина лета 7070 девятого.

На обороте: По сей данай яз Иван очину свою дал и руку приложил. Послух князь Микита руку приложил. Послух князь Ондрей руку приложил. Послух Третьяк руку приложил. Послух Иван руку приложил.

[Подлинник ЛОИИ, собрание актов Н. Г. Головина, № 75; другой подлинник: ЦАФКЭ, грамоты Коллегии экономии, Дмитровский у., № 3835/15; список: ГИМ, собрание рукописей Симонова монастыря, № 58, лл. 462—463.]

№ 50

1571 г. февраля 4. „Послушная“ крестьянам с. Хребтова с деревнями Переяславского уезда, пожалованных из вотчины боярина кн. Василия Ивановича Темкина-Ростовского Никите Авксентьеву сыну Парфеньеву „за сына его убитого голову“ и за долг.

От царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Русии в Переславской уезд в село в Хрептово, в деревню во Мнятино, в деревню Морево, в деревню Матвейково, в деревню Шилово,

в деревню Капустино, в деревню Едулову Гору, в деревню Бортенево, в деревню Мартынково, в деревню Панково, в деревню Дмитреевскую, в деревню Кочалово, в деревню Мальцово, в деревню Елешево, в деревню Труфаново, в деревню Бодинино, в деревню Копылово, в деревню Санино, в деревню Чабурово, в деревню Короткое, в деревню Русаново, в деревню Офремцово, что было то селцо и деревни в вотчине за боярином нашим за князем Васильем Ивановичем Темкиным-Ростовским, опричь четвертого жеребья тое ж вотчины, что за дьяком нашим за Васильем за Щелкаловым, селца Матвеевского да селца Настасьина, деревни Ежова да деревня Тырваново, деревни Талдыкова, деревни Шилова, деревни Лиманова, деревни Дьяконовы, деревни Живулиной, деревни Красной, деревни Уланковой, деревни Дубровки, всего опричь дву селец да 10-ти деревень, старостам и целовальником и соцким и пятидесяцким и десяцким и всем крестьяном, которые во княже Васильевых трех жеребьях, опричь дьяка нашего Василья Щелкалова четвертого жеребья вотчины, живут. Бил нам челом Никита Оксентьев на боярина нашего на князя Василья Ивановича Темкина-Ростовского об сыне ево убитого голове. И мы Никиту пожаловали, приказали за сына ево убитую голову и за долг на боярине на князе Василье Темкине-Ростовском взять 900 рублев денег, а боярин наш князь Василей Иванович Темкин-Ростовской нам бил челом, чтоб нам его пожаловать, а велети у него Никите Оксентьеву взяти Ивановскую Михайлова вотчину, что ему князю Василью дано за безчестье от Ивана от Михайлова за 600 рублев, его князь Васильевы 3 жеребьи, село Хрептово з деревнями, которые деревни в сей грамоте имяны писаны, з дворы и с пашнею и с пожнями и с лесы и со всеми угодьи и с хлебом земляным и стоячим, а Миките в его иск за те ж денги за 600 рублев. И мы боярина своего князя Василья Ивановича Темкина-Ростовского пожаловали, его княж Васильеву вотчину, село Хрептово з деревнями и с хлебом стоячим и з земляным, велели есмя дати Миките Оксентьеву за 600 рублев и купчую есмя на ту княж Васильеву вотчину Никите Оксентьеву велели дати. И вы б, все крестьяне, которые во княже Васильеве Темкина вотчине в трех жеребьях в селе в Хрептове з деревнями, опричь дьяка нашего Василья Щелкалова четвертого жеребья вотчины, живут, Никиту Оксентьева чтили и слушали и пашню

на него пахали и оброк ему платили и под суд ему давались со всем по тому ж, как было то село Хрептово з деревнями за боярином нашим за князем Васильем Ивановичем Темкиным-Ростовским. Писана на Москве лета 7079 февраля в 4 день.

[Список, ГБИЛ, собрание рукописей Троице-Сергиевской лавры, № 528, лл. 495—496 об.; подлинник: ГАФКЭ, грамоты Коллегии экономии, Переяславский уезд, № 8967.]

№ 51

1571 г. февраля 13. „Купчая", данная по царскому „слову" кн. Михаилом Темгрюковичем Черкасским с товарищи Никите Авксентьеву сыну Парфеньеву на вотчину кн. Василия Ивановича Темкина-Ростовского с. Олферьевское с деревнями Серпейского уезда.

Лета 7079 февраля в 13 день по государеву цареву и великого князя Ивана Васильевича всея Русии слову князь Михайло Темрюкович Черкаской с товарыщи приговорили: Миките Оксентьеву взять вотчину у боярина у князя Василья Темкина потому, что бил челом государю царю и великому князю Микита Оксентьев о сына своего убитой голове, и государь царь и великий князь приказал за Микитин Оксентьева иск княж Васильеву Темкина вотчину село Олферьевское з деревнями, вопче с Васильем с Волковым, и с хлебом стоячим и з земляным велел дати Миките Оксентьеву за 300 рублев, на его на Микитину выть, четвертные пашни 338 чети в одном поле, а в дву по тому же, сена 93 копны, да лес ему поверсной с Васильем с Волковым вопче по вытно по книгам; и купчюю ему на ту княж Васильеву вотчину велел государь дати, что к тому селу Олферьевскому и к деревням извстари потягло, куды ходил серп и коса и соха и топор, со всеми угодьи и с лесы, впрок без выкупа—нет до той вотчины дела ему князю Василью и детем ево и роду и племени. А та княж Васильева вотчина опричь Никиты Оксентьева не продана никому, ни заложена ни у кого, ни по душе не отдана никому, ни в кабалах в хлебных ни в денежных, ни в поручных, ни в-ыных ни в которых крепостях. А выляжет на ту вотчину на село Олферьевское з деревнями у кого иная какая крепость ни буди, опричь Микиты Оксентьева, или купчая или даная, или кабала, или запись, или иная* крепость какая ни буди, и боярину князю Василью Ива-

* *В рукописи* „иную".

новичю та вотчина очищати и убытка в той вотчине Никите Оксентьеву не довести никоторого; а что в той вотчине убытка станет, и боярину князю Василью Темкину те убытки ему подымати, а та вотчина очищати. К сей купчей князь Михайло Темрюкович печать свою приложил. А падписал государев царев и великого князя дияк Василей Щелкалов.

[Список, ГБИЛ, собрание рукописей Троице-Сергиевской лавры, № 530, л. 316 и об.]

№ 52

1571 г. октября 12. Льготная „грамота", выданная из „Слободы" Троице-Сергиеву монастырю на его вотчинные села „за Москвою", „выженные" и „вывоеванные" в набег крымского хана.

Се яз царь и великий князь Иван Васильевич всея Русии пожаловал есми богомолца своего Троецкого Сергиева монастыря архимарита Федосия з братьею. Били нам челом архимарит Феодосей з братьею: что у них в нашем богомольи за Москвою троицкие села в приход крымского царя выжены и вывоеваны, село Драчево, село Дмитровское, село Нахабинское, село Ондреевское, село Предол, село Илемна, село Почап, село Петровское, село Ростокино, село Давыдовское, село Романовское, село Саларево, село Звягино, село Мамоново, село Черкизово, село Рожественое, село Дубешня, село Осташково с приселки и з деревнями, и нынече-де с тех сел и деревень нашу дань и посоху и всякие наши подати правят с пуста и они де те пустые села и деревни оплачивают манастырскою троецкою казною, и нам бы богомолца своего троецкого архимарита Феодосия з братьею пожаловати, велети на те пустые села и деревни дати лгота, чтоб с тех пустых сел и з деревень наших всяких податей имати не велети, чтоб те села и деревни вперед пусты не были. И яз царь и великий князь Иван Васильевич всея Русии богомолца своего Троицкого Сергиева монастыря архимарита Феодосия з братьею пожаловал, на те пустые села и деревни, которые в сей грамоте имяны писаны, велел им дати лготы на 3 годы от лета 7080, от Семеня дни Летопроводца, да до лета 7083. А в те им урочные 3 годы не давати никакие дани, ямских и приметных денег и за городовые и за засечные и за ямчюжное дело и за посошную службу и посошных людей, и столовых кормов и сен и всяких наших запасов не имати, и на яму с подводами не стояти, ни ямов не

делати, и иных пошлин наших никаких не платити. И крестьян из-за троецкого архимарита Феодосья з братьею без отказу и не по сроку и безпошлинно наших дворцовых сел приказщиком, ни боярским, ни княженецким, ни монастырским и ни иным ни которым людем не возити. А в те лготные лета троецкому архимариту Феодосью з братьею те села и деревни насадити, крестьян назвати; а как наша лгота отоидет, и троицкому архимариту з братьею с тех сел и деревень, которые в сей нашей грамоте писаны, наша дань, ямские и приметные денги и за городовые и за засечные и за ямчюжное дело и за посошную службу и всякие наши подати платити по тому ж, как преж того наши пошлины с тех сел и деревень платили. А хто в те села наших посланников ни придет, а велим им свою дань, ямские и приметные и за городовые и за засечные и за ямчюжное дело и за посошную службу и посошных людей и за столовые кормы и всякие наши запасы и подводы и иные которые доходы збирать и грамотчиков имати, а на сю грамоту нашие грамоты иных и наказов нет. Писан в Слободе лета 7080-го октября в 12 день.

Подпись на грамоте: Царь и великий князь Иван Васильевичь всея Руси. Печать у грамоты красная.

[Список, ГБИЛ, собрание рукописей Троице-Сергиевской лавры, № 528, лл. 507—509.]

№ 53

1571 г. после февраля 13.[1] *„Данная" Никиты Авксентьева сына Парфеньева Троице-Сергиеву монастырю на с. Хребтово с деревнями.*

Се яз Никита Аксентиев сын Парфениева дал есми в дом живоначалной троице и пречистой богородице и великим чюдотворцом Сергею и Никону и архимандриту Феодосью з братьею свою вочину село Хребтово, а в нем храм Воскресение христово, з деревнями в Переславском уезде в Шуромском стану, деревню Вомунятино, деревню Морево, деревню Матвейково, деревню Шилово, деревню Капустино, деревню Дулову Гору, деревню Бортенево, деревню Мартыново, деревню Панково, деревню Дмитреевково, деревню Кочалово, деревню Малцево, деревню Елешово, деревню Труфаново, деревню Бамдиново, деревню Копылово, деревню Санино, деревню Чюбарово, деревню Короткое,

[1] См. № 51.

деревню Русаново, деревню Ефремцово, вкладу по себе и по своих родителех, куды ис тово села и из деревень плуг и топор и коса и соха ходила, и с лесы и с луги и с пожнями и со всякими угодии и з хлебом стоячим и земляным. А та у меня вочина ни в закупи, ни в закладе, ни в кабалах в денежных ни в хлебных ни у ково. А явится на сю мою вотчину какая крепость у ково ни буди, и мне Никите ся моя вочина очищати, а к монастыру мне убытка не привезти никоторово. А и купчюю есми грамоту на ту вочину дал в дом живоначалной троице и архимандриту Феодосию з братьею, которую мне купчюю со государева ведома князь Михайло Темрюкович с товарыщи дал за 600 рублев за дьячею приписью государева дияка Василья Щелкалова. А до тое вотчины роду моему и племяни дела нету. А взял есми у архимандрита у Феодосия з братьею здачи 200 рублев денег. А на то послуси: брат мой Афонасей Яковлев сын Парфениева. А сю даную писал Алеша Афонасьев сын Парфениева лета 7079-го.

На обороте: К сей даной руку Никита руку приложил и купчую дал. Послух Офонасей руку приложил.

[Помета о явке у Межевого правления в Переяславле Залесском от 5 февраля 1756 г.]

[Подлинник, ГАФКЭ, грамоты Коллегии экономии, Переяславский у., № 8968/244.]

№ 54

1571-1572 г. „Купчая" на треть с. Олферьева с деревнями Серпейского уезда, проданные Василием Ильичем Волковым Троице-Сергиеву монастырю.

Се яз Василей Ильич Волков продал есми свою вотчину села Олферьева треть и в деревнях треть жа, что была с Микитою с Оксентьевым та вотчина вопче, ему 2 жеребья, а мне треть, в Серпейском уезде, с хлебом стоячим и з земляным, что меня царь государь пожаловал тою вотчиною за мой иск на боярине на князе Василье на Темкине за мой иск за полтораста рублев. И яз Василей ту вотчину продал в дом живоначалной троице и пречистой богородице и великим чюдотворцам Сергею и Никону и архимондриту Феодосью и келорю старцу Еустафью и казначею старцу Варсунофью Якимова и всей братье, куды из тово трети села и з деревнями трети ж плуг и топор и коса и соха ходила, с луги и с лесы и з пожнями, со всеми угодьи, со всем с тем, [что] изстари потеглу, а взял есми за ту вотчину у орхи-

мондрита Феодосья и у килоря старца Еустафья, у казначея у старца Варсунофья и у всее братьи, и за хлеб стоячей и за земленой, 200 рублев. А та у меня вотчина треть села Олферьева и в деревнях треть же ни в закупи, ни в закладах, ни в кобалах денежных ни в хлебных ни у кого. А явитца на ту вотчину кокая крепость ни буди у кого, и мне Василью та вотчина самому очищати, а к монастырю не привести убытка никоторова. А на ту у меня вотчину крепостей нет; а та моя вотчина написона за мною по цареву государеву великого князя жалованью и по приказу в Поместной избе в книгах. А на то послуси: Волокита Офонасьев сын, да Ондрюша Яковлев сын, да Степан Данилов сын Спечов, да Субота Михайлов сын. А купчюю писал Ивашка Федоров сын Волков лета 7080-го.

На обороте: Яз Василей вотчину продал и руку приложил. Степан в послусех руку приписал. Послух Волокита руку приложил. Послух Ондрюшя руку приложил. Послух Субота руку приложил.

[Подлинник, ГАФКЭ, грамоты Коллегии экономии, Серпейский у., № 1104/4.]

№ 55

1571-1572 г. „Данная" Василия Федоровича Воронцова Троице Сергиеву монастырю на свою старую вотчину в Повельском стане Дмитровского уезда и „новую придачу", пожалованную ему, его матери и брату Ивану взамен их отобранной на царя пошехонской вотчины.

Се яз Василей Федорович Воронцов дал есми в дом живоначалные троицы и пречистой богородице и великим чюдотворцом Сергею и Никану и архимариту Памве з братьею вотчину свою в Дмитровском уезде в Повелском стану село Олявидово з деревнями и со всеми угодьи и с лесы и с луги и с пожнями с отхожими, а к селу деревень по реке по Дубне и по реке по Веле, с мелницею и с рыбною ловлею и с новою придачею, что государь пожаловал те деревни в вотчины нашие место села Николского в Пошехонье, с лесы и с луги и с пожнями и со всеми угодьи, куды по старым межам ходил плуг и соха и коса и топор, и с селищи с отхожими, с олевидовскими и с новоприбылными, и со всеми угодьи изстари ж, по старым межам, куды ходил плуг и соха и коса и топор; а в селе храм живоначалные троица да в приделе чюдотворец Сергей

а деревень к селу: пустошь Шестаковская, деревня Жаре, деревня Олехово на речке на Шибахте, деревня Чюбалово, деревня Хорошково, деревня Трушнево, деревня Огарково, деревня Хорюшкино, деревня Чекуново, деревня Момаево, деревня Ильино, деревня Батеево, деревня Кузнецово, деревня Сторуново Подвязье, деревня Гаврино, деревня Федяево, деревня Микашно, деревня Оверкеево, деревня Бабино, деревня Ворогово, деревня Бичкино, деревня Карцово, деревня Киринеево, деревня Фалелеево, деревня Кокорино, деревня Гондобино на реке на Дубне, деревня Пахорево, деревня Мокрой починок на реке на Веле, деревня Савино на реке на Веле, пустошь Тестово на реке на Веле, пустошь Пронин починок на реке на Веле ж, пустошь Бережок на реке на Веле, деревня Слободище на реке на Веле, пустошь Яковлевская, пустошь Маслетиной починок Безбородой Созонцово, починок Гулимов, пустошь Горелкинско на реке на Веле, пустошь Копырнино Ямник, пустошь Давыдовская лесом поросла, пустошь Микиткино лесом поросла, пустошь Жолудково, пустошь Березино Карпово лесом поросла, пустошь Караксино; да Ефросиньи ж да ее детей Ивана да Василья деревни, что им дано в отмен против их вотчины селца Красного да Никольского: деревня Окулово, деревня Горки, деревня Мартыново, деревня Измайлово, деревня Колотиво, деревня Тимошкино на реке на Шибахте, пустошь Филипцово, пустошь Обутурово, и с пустошми и з заростлми и с отхожими пожнями по реке по Дубне, по берегу реки Дубны и реки берег реке Дубны товитнику <?> по реке по Веле с пожнями и с пустошми и с мелницею, обе стороны реки Вели береги, и со всеми угодьи, куды ходил плуг и соха и коса, по своей душе и по своих родителех, впрок без выкупа для вечнаво покоя. Да взял есми с того села и з деревень здачи у келаря у старца Еустафья Головкина да у старца Варсунофья у Якимова 700 рублев денег. А та моя вотчина мимо живоначалные троицы Сергеева монастыря по душе не отдана никому и не заложена ни у кого ни в чем ни в каких крепостях ни в долгех в денежных и в хлебных. А где какие выйдут долги денежные или хлебные или всякие какие крепости, и мне Василью архимарита з братьею очищати и убытка не довести ни от кого ни в чем ни в каких крепостях. А роду моему и племяни до тое моее вотчины дела нет и не вступаютца, а учнутца вступать, и мне с ними в том судитца перед спасом на фторам христове пришествие. И даную есми грамоту архимариту з братьею

на ту свою вотчину дал. А на то послуси: Полуехт Федоров сын Долматов, да Петр Захарьин сын Рогатин, да Семен Федоров сын Елизаров муромец, да Григорей Федоров сын Елизаров, да Петр Офонасьев, да Павел Морышкин, подьячий Болшово Приходу, да Рохманен Скобеев. А даную грамоту писал Никитка Онисимов сын Иванова лета 7000 восмдесятого.

На обороте: К сей даной яз Василей Федорович руку свою приложил. К сей даной послух Григорей Федоров сын Елизаров муромец руку приложил. К сей даной послух Семен Федоров сын Елизаров муромец руку приложил. Послух Петрок Офонасьев руку приложил. Послух Павел Морышкин и руку приложил. Послух Петр Роготин руку приложил.

По сей даной купчей старець Варсунофей Якимов галичанин да старец Еустафей купили село Волявидово у Василья у Федоровича Воронцова в дом живоначальныя троицы и великому чюдотворцу Сергию и Некону во обитель. Подписал чернець Варсунофей сам и денги платил Василью Федоровичу сам по государьской милости государя царя и великого князя Иванна Васильевича всеа Русии.

[Помета о явке у межевых дел в Дмитрове 24 мая 1756 г.]

[Подлинник, ГАФКЭ, грамоты Коллегии экономии, Дмитровский у., № 3842/130; списки: там же, № 3993/291, лл. 179—182.]

№ 56

1571-1572 г. „Данная" Василья Федровича Воронцова, по приказу матери своей Евфросинии, Троице-Сергиеву монастырю на старую вотчину в Повельском стане Дмитровского уезда и на „новоприбыльные деревни", пожалованные им взамен их отобранной на царя пошехонской вотчины.

Се яз Василей Федорович Воронцов дал есми в дом живоначалные троицы и великим преподобным чюдотворцом Сергею и Никону архимариту Феодосью з братьею или хто по нем иныи архимариты будут по приказу матери своей Офросиньи Федоровы жены Семеновича Воронцова ее вотчину в Дмитровском уезде в Повелском стану селцо Олевидово з деревнями, а в селе храм живоначалная троица, а в пределе чюдотворец Сергей, а к селу деревень: деревня Маслитино, деревня Куз-

ничково, деревня Карцово, деревня Слободищо, деревня Мелница, деревня Бичкино, деревня Олехово, деревня Момаево, деревня Харюшково, деревня Ботеево, деревня Жиреево, деревня Бабино, деревня Савино, деревня Пахомово, деревня Петрово, деревня Пронинская, деревня Песок, деревня Жареево, деревня Огарково, деревня Чюбилово, деревня Яковлево, деревня Билибино, деревни ноповоприбылные, что государь пожаловал дал в нашие место вотчины села Николского да села Красного пошехонские: деревня Горки, деревня Измайлово, деревня Мартиново, деревня Калотилово, деревня Тимошкино, починок Филипково, деревня Окулово, деревня Обуторово, с лесы и с луги и со всеми угодьи, куды изстари ходил топор и коса и соха, и с отхожими пожнями по реке по Дубне и по реке по Веле и с рыбною ловлею и з селищи и з заросльми и с мелницою. А дал есми ту вотчину впрок без выкупа по матери своей и по своих родителех для вечного покоя. А та моя вотчина не продана никому ни заложена ни в каких крепостях. А у кого выляжет на ту мою вотчину какая крепость, и мне Василью та вотчина очищати, а архимарита Федосья з братьею убытка не довести. А роду моему и племени до тое вотчины дела нет. А хто ся моево роду и племяни станет в ту вотчину вступати, и тому со мною суд будет пред спасом в будущем веце. Да архимариту ж пожаловати, матерь мою Офросинью положити у живоначалные троицы и в сенаник написати и 4 кормы кормити до сорочин да брата моего Ивана в сенаник же написати. А у даные сидел отец духовной матери моей троицкой черной свещенник Илинарх. А на то послуси: Полуехт Федоров сын Долматов, да Долмат Иванов сын Анисимов, да Петр Захарьин сын Рогатин, да Иван Петров сын Катунин. А данную писал Никитка Онисим в сын Иванова лета 7000 восмдесятого.

На обороте: Яз Василей Федорович Воронцов по матери своей приказу вотчину свою дал в дом живоначалные троице и великому чюдотворцу Сергию и к сей даной и руку свою приложил. Послух Полуехт Федоров сын Долматова руку приложил. Послух Долмат руку приложил. Послух Петр Роготин руку приложил.

[Помета о явке у межевых дел в Дмитрове 24 мая 1756 г.]

[Подлинник, ГАФКЭ, грамоты Коллегии экономии, Дмитровский у., № 3844/132; списки: там же, № 3993/281, лл. 181—183.]

№ 57

1571-1572 г.[1] *„Меновная" на вотчину в Монатьине стане Московского уезда, промененную дьяком Андреем Яковлевым сыном Щелкаловым княгине Анне Петровне Нагавицыной-Засекиной на вотчину ж в Боголюбовском стане Владимирского уезда, пожалованную кн. Нагавицыной взамен ее переяславльской вотчины.*

Се яз Ондрей Яковлев сын Щелкалова променил есми княж Петрове Федоровича Нагавицына-Засекина княгине Анне, Петрове дочере Григорьева сына Заболотцкого, вотчину свою старинную матери своее в Московском уезде в Монатьине стану селцо Шелохово, а к селцу деревню Сергеево, деревню Дубровку, деревню Данилово, с пашнею и с покосы и с лесы и с луги и со всякими угодьи, что к тому селцу и к деревням истари потягло, куды ходила соха и коса и топор. А выменил есми у княгини Анны ее вотчину, что ей дано против ее старинные переславские вотчины отца ее Петровские Заболотцкого села Николского з деревнями, в Володимерском уезде в Боголюбовском стану селцо Алексеищево, а к селцу деревню Клементиево, починок Ходырцово, починок Пожарищу, деревню Дмитрово, деревню Папулово, деревню Гаврилово, починок Бачково Романово, починок Качалово, с пашнею и с покосы и с лесы и с луги и с озеры и со всякими угодьи, со всем с тем, что к тому селцу и к деревням и к починком истари потягло, куды ходила соха и коса и топор. А наддал есми княгине Анне на ее вотчину, что яз выменил на селцо на Олексеищево и на деревни и на починки, к своей вотчине, что яз променил, к селцу Шелохову з деревнями, 100 рублев денег. А променил есми то селцо Шелохово з деревнями княгине Анне впрок без розмены, волна княгиня Анна то селцо Шелохово з деревнями продати и променити и по душе отдати и в приданые отдати в своей вотчины старинные, селца Олексеищева з деревнями и с починки, место, что мне Ондрею княгиня Анна променила. А у меня Ондрея то селцо Шелохово з деревнями не продано и не променено и по душе не отдано и не заложено никому и ни в каких крепостех ни у кого не записано. А у кого выляжет какая крепость на то селцо Шелохово и на деревни, и мне Ондрею то селцо и деревни ото всех крепостей очищати

[1] Ср. № 40.

и ко княгине Анне убытка не довести. А на то послуси: Григорей Иванов сын Черленого-Заболотцкой, да Борис да Петры Григорьевы дети Заболотцкого, да Григорей Иванов сын Дровников-Заболотцкой, да Данило Володимеров сын Заболотцкой, да Ондрей Петров сын Замятнин-Заболотцкого, да Василей да Федор Ивановы дети Угримова-Заболотцкого, да Ондрей Иванов сын Кляпиков, да Иван Семенов сын Матцнев, да Мелентей Оксентьев сын Реутов. А меновную писал Томило Первово сын Люшина лета 7080-го.

А назади у меновные написано: К сей меновной Ондрей Яковлев сын Щелкалов руку приложил. Послух Григорей Черленов руку приложил. Послух Ондрей Кляпиков руку приложил. Послух Ондрей Заболотцкой руку приложил. Послух Петр руку приложил. Послух Борис Заболотцкой руку приложил. Послух Григорей Заболотцкой руку приложил. Послух Мелентей руку приложил. Послух Василей Угримов и в брата своего место Федорово руку приложил. Послух Иван Матцнин руку приложил. Послух Данило руку приложил.

[Список, ГБИЛ, собрание рукописей Троице-Сергиевской лавры, № 530, лл. 899 об. — 900 об.]

№ 58

1571-1572 г. „Запись купчая" на проданную Никитой Афанасьевым сыном Краснослеповым Бажену Никитину сыну Хвостову вотчину, в Замотренском стане Муромского уезда дер. Зуево и дер. Лукьяновские враги, пожалованную Краснослепову взамен суздальской вотчины.

Се яз Никита Офонасьев сын Краснослепова продал есми вотчину свою в Замотренском стану, что мне дана против суздолские отчины, в Муромском уезде деревню Зуево да деревню Лукьяновские враги на речке на Вындросе со всеми угодья, пашню и пожню и воду и лес и болота, Бажену Никитину сыну Хвостова впрок без выкупа, ему и его жене и ево детем. А владети Бажену тою вотчиною и со всеми угодьи, куды из тех деревень ходил плуг и соха и пила и топор, и [с] отхожими пашнями и пожнями. А взял есми у Бажена на той своей вотчине 83 рубли денег да пополнка конь саврас. А та моя вотчина не продана, ни в кабалах не заложена, ни по душе не отдана ни в которой монастырь, ни в каких крепостях не заложена. А явится на ту мою вотчину какая крепость купчая или

закладная или даная, и мне Никите та своя отчина очищати ото всяких крепостей, а к Бажену и к его жене и к детем убытка не привести никакова. А не очищу я Никита тое своей вотчины ото всяких крепостей, и мне Никите дать Бажену и его жене и детем по сей записи денги их вдвое, что есми взял на своей отчине. А на то послуси: Ширяй Олександров сын Приклонского, да Третьяк Михайлов сын Лупандин, да Захор Олександров сын Безстужева, да Василей Яковлев Офонасьевского. А запись купчюю писал Богдаш[ко] Васильев сын Щекин лета 7080-го.

А назади купчей написано: Ширяй послух руку приложил. Третьяк послух руку приложил. Захарья послух руку приложил. К сей купчей в Никитино место Краснослепова отец его духовной вдовой поп Онанья благовещенской и руку приложил. Послух Васко руку приложил.

Лета 7083-го дал в дом живоначалной Троице и пречистой богородице и великим чюдотворцем Сергию и Никону Бажен Никитин сын Хвостов вотчинку свою куплю 2 деревни, деревню Зуево, деревню Лукьяновское враги на речке на Вондросе, а здачи есмя взял у монастыря с них 80 рублев; и на сей купчей яз Бажен своею рукою подписал и денги взял у монастыря, а купил есми те деревни у Никиты Офонасьева сына Краснослепова.

[Список, ГБИЛ, собрание рукописей Троице-Сергиевой лавры, № 530, лл. 949 об. — 951 об.]

№ 59

1572 г. марта 20. Грамота „с прочетом" в Гороховец Михаилу Лысцову о невзимании податей с вотчин Троице-Сергиева монастыря.

От царя и великого князя Ивана Васильевича всея Русии в Гороховец Михаилу Лысцову. Бил нам челом богомолец наш Троецкой Сергиева монастыря архимарит Федосей з братьею, а сказывают, что их монастырская вотчина в Гороховском уезде, и в ту-де их троецкую вотчину посылаете розсылщиков по десяти и по дватцати, и их крестьян на правеже мучат и с пуста на живущих крестьянех посошных людей и на ям и в столовые кормы и всякие пошлины правят, и оттого-де их досталные крестьянишка розбрелися; а была-де у них наша жаловалная грамота, что было им с пуста посошных людей не

давати и на яму не стояти и подвод и столовых кормов не давати, а з живущего велено им всякие пошлины, дань и посоху збирати самим и платити те пошлины у нас на Москве, а иные в Слободе — и та-де грамота у них на Москве в приход крымского царя згорела. И яз царь и великий князь пожаловал богомолца свого архимарита Феодосья с братьею велел им дань и посоху и всякие пошлины сь их монастырские вотчины збирати самим и, збирая дань, платити им на Москве и в Слободе в Болшем Приходе самим же по их жаловалной грамоте. И как к вам ся наша грамота придет, и вы б в троецкую вотчину, которые их монастырские села в Гороховском уезде, розсыльщиков не посылали, а дани и посохи и на ям с подводами и кормов правити не велели по их жаловалной грамоте; а дань и посоха велено им збирати самим, а збирая денги платити им на Москве и в Слободе самим же. А коли велим з Гороховского уезда посоху збирати, и с тое их монастырские вотчины посоха збирати самим же и посланником отдавати самим, хто приедет для посохи в Гороховской уезд збирати. А учнете в ту их монастырскую вотчину розсыльщиков посылати и силу и обиду их монастырским крестьяном учнут розсыльщики чинити великую, и вам от меня, от царя и великого князя, быти в великой опале и в продаже. А прочитая сю грамоту, отдавали б есте троецкому архимариту Феодосью з братьею и они ее держат у себя для иных наших посланников. Писано на Москве лета 7080-го марта в 20 день.

Подпись на грамоте: Царь и великий князь всея Русии. А подписал дьяк Данило Граворонов.

Печать грамоты на черном воску.

[Список, ГБИЛ, собрание рукописей Троице-Сергиевской лавры, № 528, лл. 509—510 об.]

№ 60

1573 г. мая 28. „Память" из Разбойной избы Андрею Михайлову сыну Колупаеву об аресте коломенского сына боярского Романа Богданова сына Волжина и о производстве в Коломенском уезде повального обыска по поводу убийства семьи „человека" боярина Никиты Романовича Юрьева Никифора Собычакова.

Лета 7081-го маия в 28 день. Память Ондрею Михайлову сыну Колупаеву. Ехати ему на Коломну и в Коломенский уезд,

а приехав взяти ему с собою губных целовальников да губных диячков и понятых посадцких и волостных людей, сколько человек пригоже, да поимати ему в Коломенском уезде сына боярского коломнятина Романа Богданова сына Волжина, а поимав, двор его и животы статки переписав, запечатати и приказать беречи тутошним людем до государеву указу; а кому те животы прикажет беречи, и Ондрею тех людей подавати на поруки с записми в том, что им тех животов не истеряти. Да Ондрею ж Колупаеву в Коломенском уезде около Никитины вотчины Романовича Юрьева села Степановского обыскати накрепко версты по две, и по три, и по пяти, и по шти, и по десяти, и по пятнадцати, и по дватцати, и по полутретьятцати, и по тритцати на все четыре стороны, сряду с одного, а не выбором, архимариты и игумены и протопопы и попы и дияконы по священству, а князми и детми боярскими и их приказщики и крестьяны по государеву крестному целованью: в нынешнем в 81-м году сее осени, с пятницы на суботу, ввечеру против Михайлова дни архангила тот Роман со многими людми в то село Степановское Никитина человека Романовича к Никифоровой Собычакова матери к Ографене да к брату его к Грише Собычакову розбоем приезживали ль и мать Никифоркову Собычакову и брата его Гришу и жену его и детей и своякиню Лукерью с дочерью да людей матери его и брата его 14 душ мужиков и жонок и девок, всего 22 головы, до смерти убили ль и живота их, лошадей, и платья и кузни и низанье, и кобал, и денег, всего на 600 на 50 рублев с полтиною взяли ль, и кто с ним на том разбое товарыщов был, и откуды приезжали, и розбив куды поехали? Да на кого про тот розбой и убивство на Романовых Волжина товарыщов в обыску имянно скажют, и Ондрею тех обыскных людей имяна и речи велети писати на список губным или церковным диячком подлинно порознь да к тем речем обыскным людем, которые грамоте умеют, велети руки прикладывати, а которые люди грамоте не умеют, и Ондрею в тех людей место к их речем велети отцом их духовным руки прикладывати, да тех ему людей по обыску имати, а дворы их и животы статки переписав запечатать и приказать беречи до государеву указу. А кому те их дворы и животы прикажет, и Ондрею тех сторожей подавати на крепкие поруки с записми в том, что им тех животов не истеряти, да тех оговорных людей сковав и обыскные списки и переписи животом их, по

сторожех записи поручные, привезти на Москву к печатнику к Борису Ивановичю Сукину да к дияком к Дружине Володимерову да к Ивану к Михайлову в Розбойную избу с собою вместе. А провожатых ему к тем колодником имать с Коломны с посаду и с уезду сколко человек пригоже, посмотря по колодником, как бы ему мочно было тех колодников довести до Москвы безстрашно. А обыскивати ему про тот розбой и убивство в правду, по государеву крестному целованью, посулов и поминков от того не имати и розбойником не норовити. А учнет Ондрей обыскивати непрямо да от того учнет посулы и поминки имати, и Ондрею Колупаеву от государя быти в великой опале и в казни. Диак Дружина Володимеров.

На обороте по склейкам: Диак Дружина Володимиров.

[Подлинник, ГАФКЭ, „портфели" А. Ф. Малиновского.]

№ 61

1573 г. июня 12. „Память" из Разбойной избы Андрею Михайлову сыну Колупаеву о производстве следствия и поимке людей, разгромивших вотчину боярина Ник. Ром. Юрьева.

Лета 7081-го июня в 12 день. Память Ондрею Михайлову сыну Колупаеву. Ехати ему на Коломну, а приехав отдати ему коломенскому и коширскому владыке Давыду государеву грамоту да взяти у него отписку, какову ему владыка даст. Да Ондрею ж про Никитина человека Романовича Юрьева про Григорьев разбой и убивство Собычакова и про матере его и про людей его убивство обыскати на Коломне всем коломенским посадом, игумены и протопопом и попы и диаконы по священству, а старостами и целовальники и соцкими и пятидесяцкими, десяцкими и всеми посадцкими людми по государеву крестному целованью: в нынешнем в 81 году, сее осени, с пятницы на суботу, в ночи против Михайлова дни архангила, в Никитину вотчину Романовича Юрьева в село Степановское к человеку его к Григорью Собычакову многие люди разбоем приезживали ль и его Григорья и мать его и людей его, жонок и девок, всего 22 головы, до смерти убили ль, и живота их, лошадей и платья и кузни и низанья и кобал и денег, всего на 600 на 50 рублев с полтиною, взяли ль, и кто имянем и откуды приезжали и розбив куда поехали? Да на кого про тот розбой и убивство в обыску имянно

скажют, и Ондрею тех обыскных людей имена и речи велети писати на список по прежнему наказу, каков ему наказ дан в том деле преж сего, а тех оговорных людей по обыску, взяв с собою губных целовалников и понятых сколко будет пригоже, ехав поимати, а дворы их и животы статки переписав запечатати и приказать беречи тутошним людем до государева указу; да тех людей и обыскной список, за обыскных людей руками, и перепись животом их и владычню отписку привезти на Москву к печатнику к Борису Ивановичю Сукину да к дияком к Дружине Володимерову да к Ивану Михайлову в Розбойную избу часа того с собою вместе; а провожатых ему к тем колодником взяти с Коломны с посаду и с уезду сколко будет пригоже, как ему мочно тех колодников довести до Москвы безстрашно. А подписал диак Иван Михайлов.

На обороте по склейкам: Диак Иван Михайлов.

[Подлинник, ГАФКЭ, „портфели" А. Ф. Малиновского.]

№ 62

1573-1574 г. „Данная" князя Данила Ивановича Засекина Троице-Сергиеву монастырю на дер. Угор с деревнями, Ильмехотского стана Владимирского уезда, пожалованную взамен его переяславльской вотчины, и дер. Парфеново и Слободино с пустошами, тех же стана и уезда, пожалованные взамен его ярославской вотчины.

Се яз князь Данила Иванович Засекин дал есми в дом живоначалной троице да к чюдотворцу Сергию и архимариту Памве з братьею [в] Володимерском уезде в-Ылмеховском стану вотчину свою деревню Угор да деревня Малетеево, да деревня Хрестово, что меня государь пожаловал против переславские вотчины селца Козлова и з деревнями, да деревня Парфеново да деревня Слободино, да пустошь Демидово, да пустошь Гачино, да пустошь Инже, да пустошь Заполеное, что были те деревни за Миколаем за Яновым, а мне те деревни даны против ярославские вотчины, селца Медведева з деревнями, с пустошами и с отхожими пожнями и з селищи и заросли и з бобровыми ловлями, куды ходила коса и соха и плуг и топор истари, по старым межам. А дал есми ту вотчину в дом живоначалные троицы впрок без выкупа, вечнаго ради покоя; а роду моему и племяни до тое вотчины дела нет. А хто роду моего и племени в ту вотчину вступитца или выкупати [станет], и им со мною будет

суд пред богом в будущем веце. А та моя вотчина не продана, ни заложена и не отдана, ни в каких крепостях не заложена, ни в кабалах, ни в-ыные манастыри ни отдана. А у кого вылежат какие крепости, люба кабалы или записи или какие вылягут крепости, и мне князю Данилу архимарита Памвы з братьею очищати и убытка никакова не довесть. А бог пошлет по душу мою, и архимариту Памве з братьею пожаловати меня, положити у живоначалные троицы и постричи и покоити и написати в вечный сенаник с селними. А на то послуси: князь Иван княже Ондреев сын Засекин, да князь Микита княже Данилов сын Засекин, да Федор Матвеев сын Елизарово, да Федор да Иван Ондреевы дети Писемского, да Семен да Григорей Федоровы дети Елизарова, да Петр Захарьин сын Руготин. А даную писал Минка Атаев сын Новокрещен лета 7000 восмдесят втораго.

На обороте: К сей даной яз князь Данило вотчину свою дал и руку свою приложил. Послух Семен Федоров сын Елизарова руку приложил. Федор Писемской послух руку приложил. Послух Федор Елизаров руку приложил. Послух князь Микита Засекин руку приложил. Послух Григорей Федоров сын Елизаров руку приложил.

[Помета о явке у межевых дел 1 мая 1756 г.]

[Подлинник, ГАФКЭ, грамоты Коллегии экономии, Владимирский у., № 59/1836; список: ГБИЛ, собрание рукописей Троице-Сергиевской лавры, № 530, лл. 874—875.]

№ 63

1573-1574 г. „Данная" Алексея Степанова сына Федчищева-Зубатого Троице-Сергиеву монастырю на сельцо Заречье Емецкого стана Костромского уезда.

Се яз Алексей Степанов сын Федчищева дал есми в дом живоначалные троици и пречистые богородицы и великим чюдотворцам Сергию и Никону и архимариту Памве з братьею или кто по нем иные архимарит будет у живоначалные троици вотчину отца своего и дяди своего Ивана в Костромском уезде в Еметцком стану селцо Заречье да деревня Старое, да деревня Куземкина, да деревня Баранова, да деревня Налескина со всякими угодьи, с лесы и с луги и с пожнями, куды истари ходил плуг и соха и коса и топор, по старым межам. А жити мне Олексею и доходом владети тою вотчиною до своего жи-

вота, а вон меня Олексея из тае вотчины не выслати ни в доходца мои не вступати тое мое вотчины. А взял есми с тае вотчины здачи у архимандрита у Памвы з братьею 100 рублев долг платити. Да пожаловати архимариту з братьею велети мои родители написати во вседневной сенаник и в селник: Стефана да Ивана да Василия Фетчищевых. А покаместа яз Олексей жив, и им пожаловати за прежней мой вклад за 50 рублев за мое здравье бога молити; а станетца божия воля надо мною, смерть, и им меня пожаловати Олексея положити у живоначал[ны]е Троици в Сергиеве монастыре да пожаловати имя мое написати во вседневной сенаник и в селник. А дал есми ту свою вотчину впрок без выкупа своего вечнаго для покоя и своих для родителей на поминание. А до тое вотчины моя роду моему и племяни моему и племяннику Михаилу Кудашеву дела нет. А учнутца кто вступати рода моего в ту мою вотчину, и им со мною суд будет на втором христове пришествие перед спасом. А та моя вотчина априче Троици-Сергиева монастыря по душе не отдана ни в которой монастырь да ни продана ни заложена, ни в приданые не отдана ни в каких крепостях, ни в хлебных ни в денежных. А где какия крепости и долги вылягут на ту мою вотчину, и мне Олексею архимарита з братьею очищати, а убытка никоторова не довести. А на то послуси: Иван Васильев сын Батюшков да Второй Русланов сын Аминев, да отец духовной черной священик Онтоней богородицкой, да Десятой Матфеев сын Кезомин. А даную писал Первушка Яков[лев] сын лета 7000 восмьдесят второго.

На обороте: К сей даной яз Алексий Степанов сын Федчищов-Зубатово вотчину свою в дом живоначалныя троици дал архимандриту з братиею и руку свою приложил и в племянника своего место. Послух Иван Батюшков руку приложил. Послух Второй Русланов сын Аминев руку приложил. К сей даной свещеник от Богородици Онтоней черной вместо сына своево духовново Олексея Степанова Фетичещива руку свою приложил. К сей даной Десятой Матвеев сын Кезомина руку приложил послух. К сей даной яз Михайло Фехтистов сын Кудашев Зубатово руку свою приложил и в дяди своего место Олексеево и вотчину свою дали вместе в дом живоначалные троици на поминок душам своим.

[Подлинник, ГАФКЭ, грамоты Коллегии экономии, Костромской у., № 5093/126.]

№ 64

1574 г. мая 31. „Отказная выпись" Луке Степанову сыну Житову на владенье по старине его вотчиною в Старицком уезде, ранее розданной разным лицам в поместье.

По государеве цареве и великого князя Ивана Васильевича всеа Русии грамоте Тит Дмитреев сын Александрова в Старицком уезде отказал Луке Степанову сыну Житова вотчину его, полсела Михайловского, что было в поместье за Ондреем да за Богданом за Вихторовыми детми Хомутова, да к полуселу Михайловскому половина деревни Шетраева, да деревню Щеколдина, деревню Маслово, деревню Грезино, деревню Пуминово, деревню Садовниково, что были те деревни в поместье за Федором за Поликарповым, деревню Гоголево, деревню Лукшино, деревню Вонеево, что были в отписи за государем, деревню Столбища, деревню Починок, что были в поместье за Первым за Каменевым, половину деревни Белышкова, половину деревни Макарова, что были в поместье за Петром за Козноковым, деревню Чезлово, 2 трети деревни Шиловы, деревню Дор, что были в поместье за Северьяном за Полтининым, деревню Нагавицыно, пустошь Мох, что было в поместье х полуселу Михайловскому за Ондреем да за Богданом за Вихторовыми детми Хомутова, да деревню Медведково. И Луке Степанову сыну Житова тою вотчиною владети по старине, опроче тое половины, чем владела Никитина жена Житова Татьяна да сын ее Дмитрей. К сей отказной выписи Тит Дмитреев сын Александрова печать свою приложил. Писано в Старице лета 7082-го маия в 31 день.

Печать на воску черном.

[Список, ГБИЛ, собрание рукописей Троице-Сергиевской лавры, № 532, л. 367 и об.]

65.

1574-1575 г. „Данная" Троице-Сергиеву монастырю Маремьяны, Бажена-Никона, Федоры, Мавры и Богданы Хвостовых на вотчину дер. Онаньино с деревнями Замотренской волости Муромского уезда, пожалованную Хвостовым взамен их суздальской вотчины.

Се яз старица Маремьяна Никитинская жена Хвостова, а Иванова дочи Ратцова, да сыном своим з Баженом, а во иноцех старцом с Никоном, да яз Федора Богданова жена Хво-

стова, Третьякова дочи Колческова, да яз Мавра Иванова дочи Хвостова да яз Богдана Баженова дочи Хвостова дали есми в дом живоначалные троицы и великих чюдотворцов Сергия и Никона архимариту Варламу з братьею вотчину свою в Муромском уезде в Замотренской волости, что дана против суздалские вотчины, деревня Онаньино на Онцыфорове враге, деревня Злобаево на речке на Вындросе, да деревня Другая Злобаево на речке ж на Вындросе, да к ней же припущено в пашню селище Чернятино, да деревня Чаино на речке на Чаине, да починок Злобаевской на речке на Чаине, деревня Чернятино, да деревня Онцыфорово Старое Переродово, деревня Куроедово на речке на Вын[дро]се же, да деревня что был починок у Зподоженого болота, да деревня Панинская на Прямой стопе. А дали есмя ту свою вотчину в дом живоначалные троицы со всяким угодьем, куды истари ходил плуг и соха и коса и топор по старым межам, и с отхожими пашнями и пожнями и с лесы и с луги, впрок без выкупа для вечного ради покоя. А преж того яз Никон дал есми был ту вотчину к Борису и Глебу на Ушну, а взяти было мне у борисоглебского архимарита у Самоила з братьею 300 рублев да теми денгами кормитися было снохе моей и племяннице и дочере и впредь было теми деньгами им устрои себе чинити — замуж или постригатись. И борисоглебской архимарит з братьею нам солгали, тех денег, с вотчины скупа, не дали, а яз Маремьяна старица да яз Никон дали вкладу г Борису и Глебу денгами опричь вотчины. И мы взяли 300 рублев у живоначалные троицы и у чюдотворцов у Сергия и у Никона у архимарита у Варлама з братьею, сдачи с тое вотчины; да троицкому ж архимариту з братьею за ту ж нас вотчину кормити и одевати. А инде нигде у нас та вотчина ни продана ни заложена, ни в-ыные монастыри по душе не отдана, ни в каких крепостях не заложена, ни в хлебных ни в денежных, опричь живоначалные троицы. А роду нашему и братье и племяни до тое вотчины дела нет никому ни коими делы; а хто роду нашего и племяни учнутца вступатца в нашу вотчину, и им с нами будет суд пред богом на фтором христове пришествие в будущем веце. А выльгут которые крепости на ту нашу вотчину а на деревни, и нам старице Маремьяне да старцу Никону та своя вотчина очищати, а к архимариту Варламу з братьею убытка не довести никоторово. А родители наши написати в сенаники и во вседневные

и в тетратки в вечные селники, и нас грешных написати тако же. А на то послуси: Рахманин Григорьев сын Скобеев, да игумен Антоней богородицкой, да Долмат Иванов сын Анисимов, да Иван Петров сын Катунин, да Михайло Семенов сын Блядной подъячей, да Торх Антонов подъячей же, да священник Михайло вознесенской. А даную писал яз сам старец Никон Никитин сын Хвостов своею рукою и вотчину свою дал с матерью и снохою и со племянницею и з дочерью лета 7083-го.

А назади даной пишет: Торх Онтоньев руку приложил. Иван послух руку приложил. Катун послух. Михайло Семенов сын Бледного руку приложил.

[Список, ГБИЛ, собрание рукописей Троице-Сергиевской лавры, № 530, лл. 973 об. — 974 об.]

№ 66

1574-1575. „Данная" Никиты, Дмитрия и Постника Андреевых детей Таратиных Махрищскому монастырю на их вотчину в Кинельском стане Переяславльского уезда, возвращенную им в 1572 г.

Милости ради святые живоначалные троицы и преподобного чюдотворца Стефана се аз Никита да Дмитрей да Посник Ондреевы дети Таратина дали есмя в дом живоначалныя троицы и преподобного чюдотворца Стефана Махрищкого монастыря игумену Иосифу з братьею или по нем иныи игумен будут вотчину свою в Переславском уезде в Кинелском стану пустошь селцо Селиваново да пустошь деревня Скоково, да пустошь Тукалово, да пустошь Шерошининская от Черленкинской земли, старая наша вотчина, отца нашего благословение, что нас государь царь пожаловал, велел нам тое отчину отдати в 80-м году со всеми угодьи, что х тем пустошем истари потягло, по книгам и по старым нашим крепостям, где ходил плуг и соха и коса и топор, и с отхожими луги на реке на Молохче, от Селецких да от Скнетиновских лугов, на вечный поминок по своих родителех и по отце по своем по Ондрее да по матери своей по Офимье, да по матери своей по Овдотьи, да по брате своем по Юрье, да по сестрах по своих по Марье да по Федосье. И игумену Иосифу пожаловати, родители наши велети написати в вечный и во вседневной сенаники и душа их поминати, а меня Никиту пожаловати игумену Иосифу у живо-

началные троицы в монастыре постричи и келью устроити; а бог пошлет меня Никиту з братьею по душе, и игумену пожаловать, велети нас написати в сенаники с нашими родители вместе. А межа той нашей отчине, пашенной земле и непашенной и отхожим лугом и лесу, постарине, по деловым и розъеждим нашим грамотам. А на то послуси: Василей Григорьев сын Зубова, да Иван Яковлев сын Рожков, да Иван Иванов сын Данилов. А даную писал Дмитрей Ондреев сын Таратина на свою отчину своею рукою и во братей своих место лета 7083-го.

А назади у даные написано: Посник вотчину свою дал, руку приложил. Послух Василей руку приложил. Иванец послух руку приложил. Послух Иван руку приложил.

[Список, ГБИЛ, собрание рукописей Троице-Сергиевской лавры, № 530, лл. 848 и об.; подлинник: ГАФКЭ, грамоты Коллегии экономии, Переяславский у., № 8982/829.]

№ 67.

1575 г. мая 24. „Послушная" крестьянам вотчины Сахара-Прохора Константинова сына Писемского, с. Фатьянова Шачебальского стана Костромского уезда, отобранной ранее у Писемского в опричнину, отданной в поместье Ивану Салманову и возвращенной затем вновь Писемскому.

От царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Русии в Костромской уезд в Шачебалской стан в селцо Фатьяново, что на речке на Писме, в деревню Бурцово, в деревню Ульяново, в деревню Мыс, в деревню Бошково, в деревню Брилинскую Меленки, в деревню Хоритоново, в деревню Софроново, в деревню Вишневки, в деревню Костьково, в починок Ваганов, что было село и деревни и починок в вотчине за Сахаром за Писемским, а в прошлом в 75-м году та вотчина взята была на нас з городом вместе и отдана была в поместье Ивану Салманову, всем крестьяном, которые в той вотчине живут. Пожаловали есмя тою вотчиною Сахара Костянтинова сына Писемского в вотчину со всеми угодьи по старине, как была преже сего за ним, а в нашей грамоте из Слободы за подписью дьяка нашего Петра Григорьева 82 году декабря в 9 день написано: „Пожаловали есмя Федора Ондреевича Писемского ево вотчиною всею и Кунаковою, что было за ним и за его родом тое вотчины отданы в вотчины и в поместья кому ни буди или в наши в дворцовые села приписаны". А по книгам писма

Василия Наумова да Иная Ординцова с товарыщи 70 году в той в вотчине написано пашни 194 чети, сена 395 копен, леса пашенного десятина, а непашенного 33 десятины. И вы б, крестьяне, которые в той вотчине живут, Сахара Писемсково слушали, пашню на него пахали и оброк вотчинников платили. А владети Сахару тою своею вотчиною по старым крепостем. Писана на Москве лета 7088 маия в 24 день.

А назади грамоты пишет: Царь и великий князь всеа Русии. А припись у грамоты диака Ондрея Шерефединова на ставе. А справка у той же грамоты подъячего Савы Костюрина.

[Список, ГАФКЭ, столбцы Разрядного прикава, Московского стола, № 1713, „Местническое дело 7132 г. Я. Аф. Демьянова с И.Пр. Писемским", склейки 38—40.]

№ 68

1575-1576. „Данная" Троице-Сергиеву монастырю Маремьяны, Бажена-Никона, Федоры, Мавры и Богданы Хвостовых на вотчину дер. Онаньино с деревнями, Замотренской волости Муромского уезда, пожалованную Хвостовым взамен их суздальской вотчины.

Се яз старица Маремьяна Никитинская жена Хвостова, а Иванова дочь Ратцова, да своим сыном з Баженом, а во иноцех старцом с Никоном, да яз Федора Богданова жена Хвостова, Третьякова дочи Качелсково, да яз Мавра Иванова дочи Хвостова да яз Богдана Баженова дочи Хвостова дали есми в дом живоначалные троицы и великих чюдотворцав Сергия и Никона архимариту з братьею Варламу вотчину свою в Муромском уезде в Замотренской волости, что дана против суздалские вотчины: деревня Оносиньино* на Онцыфорове враге, деревня Злобаево на речке на Вындросе, деревня Другое Злобаево на речке на Вындросе ж, да к ней же припущено в пашню селище Чернятино, деревня Чаино на речке на Чаине, починок Злобаевской на речке на Чаине, деревня Чернятино, деревня Онцыфорово Старое Переродово, деревня Куроедово на речке на Вындросе жь, деревня, что был починок у Подженного болота, деревня Панинская на Прямой стопе. А дали есмя ту свою вотчину со всяким угодьем, куды истари ходил плуг и соха и коса и топор, по старым межам, и с отхожими пожнями и пашнями и с лесы и с луги, впрок без выкупа для вечного ради покоя. А та наша вотчина ни про-

* *Так в рукописи, ср. № 65.*

дана, ни заложена, ни в-ыные монастыри по душе не отдана, ни в каких крепостях не заложена, ни в хлебных, ни в денежных, опричь живоначалные Троицы; а роду нашему и братье нашей и племяни нашему да тое вотчины дела нет никому никоими делы. А хто роду нашего и племяни учнет вступатца в нашу вотчину, и им с нами будет суд пред богом на фтором христове пришествии в будущем веце. А выльгут которые крепости на ту нашу вотчину и на деревни, и нам, старице Маремьяне да старцу Никону, та своя вотчина очищати, а к архимариту Варламу з братьею убытка не довести никоторово. А родители наши написати в сенаники во вседневные в вечные селники и нас грешных написати також. А на то послуси: архимарит Самойло Борисоглебского монастыря да священник черной Макарей, да Рахманин Дмитриев сын Толызин, да Рахманин Григорьев сын Скобеев, да игумен Онтоней богородитцкой. А даную писал яз старец Никон Никитин сын Хвостов, а вотчину свою дали с матерью и снохою и с племянницею и з дочерью, лета 7084.

А назади на даной пишет: К сей даной яз архимарит борисоглебской Самойло руку приложил. К сей даной Рахманин послух руку приложил.

[Список, ГБИЛ, собрание рукописей Троице-Сергиевской лавры, № 530, лл. 965—966.]

№ 69.

1576 г. июля 7. „Купчая" по наказу „великого князя Симеона Бекбулатовича всея Руси" на проданный Климу Леонтьеву сыну Юрюпину „государевым посланником" Василием Никифоровым сыном Кочуровым „немецкий двор" Ивана Агафонова в гор. Костроме, на посаде.

Список к купчие.

По государеву и великого князя Семиона Бекбулатовича всеа Русии наказу за приписью дияка Керея Горина государев посланник Василей Никифоров сын Кочюров продал на Костроме на посаде немецкой двор Ивановской Агафонова Климу Левонтьеву сыну Юрюпину со всеми хоромы и с огородом со всем по старине, чем владел Иван Огафонов, а взял на нем государю в казну по ценовному списку костромских земских целовалников Гаврила Емельянова сына Баландина с товарыщи 6 рублев денег да наддачи 3 рубли и купчюю на тот двор дал. А купчюю писал Конанко Ермолин сын лета 7084 июля в 7 день.

А у купчие рука Василья Кочюрова: Василей руку приложил.

[Список, ГПБ, собрание рукописей СПб. духовной академии, А/17, л. 444 об.]

№ 70

1576-1577 г. „Данная" князя Данила Ивановича Засекина Троице-Сергиеву монастырю на дер. Елпатьево с пустошами, Ильмехотского стана Владимирского уезда, пожалованную взамен его ярославской и дмитровской вотчин.

Се яз князь Данило Иванович Засекин дал есми вкладу в дом живоначалные троицы и пречистой богородице и великому чюдотворцу Сергию и Никону и архимариту Варламу з братьею или хто по нем иные архимариты будут вотчинку свою в-Ылмишинском стану деревню Елпатьево да пустошь Вялое, да пустошь Микиткино, да пустошь Олферково, да пустошь Порозово, с лесы и с луги и с пустошами и з заросльми по реке Колакше и с отхожими пожнями, куды истари ходил топор и коса и соха — а тое же вотчины досталь села Угорыша. А дал есми ту свою вотчину впрок без выкупа для вечного покоя. А та у меня вотчина ни продана ни заложена, ни в-ыной монастырь не отдана. А у кого выляжет какая крепость, и мне князю Данилу очищати, а монастыря убытка не довести, а роду моему и племяни в ту вотчину не вступатись. А хто роду моего и племяни станет в ту вотчину вступатись, и им со мною суд будет пред спасом в будущем веце. А архимариту з братьею пожаловати меня, поминати по монастырскому уложенью. А меня государь пожаловал тою вотчинкою против ярославские моей вотчины и дмитровские. А на то послуси: Борис Тимофеев сын Зачесломской да Петр Захарьин сын Руготин, да Рахманин Григорьев сын Скобеев, да Григорей Федоров сын Елизаров, да Иван Ондреев сын Черленова. А у даной сидел отец его душевной богородицкой чюдной священник Антоней. А даную писал Истомка Исаев лета 7085-го.

На обороте: Богородицкой отець духовной священик Антоней черной руку приложил. К сей даной послух Борис Зачесломской руку приложил. Послух Петр Руготин к сей даной руку приложил. Послух Рахманин руку приложил. Послух Кузма руку приложил.

[Помета о явке у межевых дел 1 мая 1756 г.]

[Подлинник, ГАФКЭ, грамоты Коллегии экономии, Владимирский у., № 66/1843; список: ГБИЛ, собрание рукописей Троице-Сергиевской лавры, № 530, л. 877об.]

№ 71

1577 г. февраля 11. „Послушная" крестьянам вотчины Алексея Степанова сына и Михаила Кудашева сына Зубатых с. Заречья Емецкого стана Костромского уезда, отобранной ранее у Зубатых в опричнину, отданной „в раздачу" и возвращенной затем вновь Зубатым.

От царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Русии в Костромской уезд в Веметцкой стан в селцо Заречье, того ж селца в деревню Бораново, в деревню Налескино, в деревню Старое, в деревню Куземкино, что было то селцо и деревни в вотчине за Олексеем да за Михаилом за Зубатыми, а в прошлом в 75-м году та у них вотчина взята на нас з городом вместе и в раздачю роздана, а в нынешнем 85-м году то селцо и деревни отделены в вотчину Олексею да Степану, всем крестьяном, которые в том селце и в деревнях живут. Пожаловал есми тем селцом и деревнями Олексея да Михаила Зубатых по старине в вотчину; и по отделным книгам губного старосты Русина Корина да городового приказщика Остафья Бородовицына лета 7085-го в том селце и в деревнях написана пашни 122 чети середние земли, сена 180 копен, лесу 15 чети. И вы б, все крестьяне, которые в том селце и в деревнях живут, Олексея да Михаила Зубатых слушали и пашню на них пахали и доход им вотчиников платили. А ведати им та своя вотчина по старым крепостям. Писан на Москве лета 7085 февраля в 11 день.

На обороте: Царь и великий князь всеа Русии.

[Подлинник, ГАФКЭ, грамоты Коллегии экономии, Костромской уезд, № 672/5102; список: ГБИЛ, собрание рукописей Троице-Сергиевской лавры, № 532, лл. 848 об. — 849.]

№ 72

1577 г. марта 9. „Тарханная грамота" на вотчины Кирилло-Белозерского монастыря во „дворовых" городах (в Вологде, Пошехонье, Ростове, Дмитрове, Каргополе, Поморье „и в-ыных городех").

Се яз царь и великий князь Иван Васильевич всеа Русии пожаловал есми успения пречистые богородицы Кирилова монастыря богомолца своего игумена Козму з братьею или по нем хто в том монастыре иный игумен будет. Бил нам челом, а сказал: наша-деи жаловалная тарханная грамота у них на всю монастырскую вотчину, которые вотчины в моих в дворо-

вых городех села и деревни и всякие угодья, и городовые-деи приказщики и всякие наши пошлинные люди на них и на их на монастырских крестьянех и на слугах с их монастырских вотчин наши всякие подати и посохи емлют через нашу жаловалную грамоту силно, а нашу-деи у них прежнюю жаловалную грамоту рудят, а прошают-деи у них наших жаловалных грамот ежегод, и оттово-деи их монастырская вотчина и достал пустеет; и нам бы богомолца своего успенья пречистые Кирилова монастыря игумена Козму з братьею или по нем хто в том монастыре иный игумен будет пожаловати, велети те их монастырские вотчины, которые в моих царя и великого князя в дворовых городех, оторханити. И яз царь и великий князь Иван Васильевич всеа Русии богомолца своего успенья пречистые богородицы Кирилова монастыря игумена Козму з братьею или по нем хто в том монастыре иный игумен будет пожаловал. Которые их монастырские вотчины в моих в дворовых городех села и деревни и всякие угодьи и рыбные ловли, на Вологде и в Вологоцком уезде, в Пошехонье и в Пошехонском уезде, в Ростове и в Ростовском уезде, в Дмитрове и в Дмитровском уезде, в Карпоголе и в Каргополском уезде и в Поморье и в-ыных городех, хто у них в их монастырской вотчине учнут жити в селех и в деревнях и по городом во дворех людей монастырских и попов и дияконов и диячков церковных и крестьян и дворников и рыбных ловцов, и тем их людем ненадобе моя царя и великого князя никоторая моя пошлина: ни мыт, ни тамга, ни осминьничья, ни рыбных оброков, и коня моего не кормят, ни посошных людей ни в которые посохи не дают, ни сен моих на меня не косят и не возят и закозщиком моим пошлин не дают, ни ямских дворов не делают и с подводами не стоят и охотников на ям не выбирают, и к емчюжному делу их монастырских крестьян не наряжают, и в целовалники во всякие дела не емлют, и онбаров емчужных не ставят и старых не поделывают, и земли и золы, и дров, ни бревен, ни иного всякого лесу, ни камени, ни извести не возят, ни прудов не копают, ни мостов не мостят, и хлеба моего не молотят и не возят, ни городов ни судов не делают, ни гребцов ни кормщиков не дают и судов у них не отписывают ни под которые мои запасы, ни ягод ни рыжиков не берут, и всяких запасов у них на меня сь их монастырские вотчины не емлют и садов их не отписывают, ни дел моих никоторых не

делают. И наши посланники к ним в их монастырскую вотчину ни по что ни въезжают и крестьяны их не наряжают, ни подвод, ни проводников, ни кормов людцких ни конских не емлют, ни бобровники, ни осощики, ни островщики в их монастырской вотчине не ставятца и не въезжают и лесов монастырских не заповедывают, и пошлин моих никоторых не дают: ни явки, ни пятенного, ни рогового, ни рыбных оброков, ни варничного не дают, ни к дворским, ни к соцким ни в какие протори ни в розметы с черными людми не тянут, ни свадебново не дают. А бояре наши и наместницы и волостели и их тиуны и губные старосты и городовые прикащики и всякие наши приказные люди их крестьян и дворников ни на котором городе не судят ни в чем, а судит их и ведает игумен з братьею во всем или кому прикажет. А кому будет чего искати на монастырских людех и на крестьянех и на дворникех и на рыбных ловцех каких дел ни буди, ино сужу их яз царь и великий князь или мой дворецкой Болшаго Дворца. А на ком им чего искати или в чем отвечати, и пошлин моих судных на их людех и на крестьянех не емлют. А случитца в их монастырской вотчине от заволостных людей, от князей или от детей боярских и от их людей и от крестьян и от всяких наших людей и от монастырей, в котором городе ни буди или в волости, розбой и татба и убивство и учнут бити челом их монастырские люди и крестьяне и дворники нашим бояром и наместником и волостелем и их тиуном и губным старостам и городовым приказщиком и всяким нашим приказным людем о приставех на поличное, и нашим бояром и наместником и всяким приказным людем приставов на поличное давати и всяких лихих людей имати и ставити передо мною царем и великим князем или перед моим дворецким Болшого Дворца. А наши дети боярские и площадные и дворцовые неделщики и их ездоки в тое их монастырскую вотчину не въезжают и на поруки их не дают и по приставным сроков на них не наметывают и по нашим правежным грамотам и по безсудным и по правым не правят на них ничего, опричь даных приставов. А хто их старцы и люди и крестьяне поедут в судех с солью или з запасы Двиною рекою и Онегою рекою к морю и от моря с солью Шексною и Волгою, по которым рекам ни буди, и на зиме на возех, а летом на телегах, на которой город ни буди со всякими запасы, и по городом наши бояре и наместницы и волостели и их

тиуны и таможники и по мытом мытчики и всякие наши пошлинники тамги и мытов, и висчего, и замытные денги, и свалного, и померного, и отвозного, ни явки, и по рекам перевозов, ни мостовщины и иных наших ни своих никоторых пошлин с них не емлют и не судят их ни в чем и не вступаютца у них ни во что. Также есми их пожаловал: наши князи и бояре и воеводы и всякие ратные люди и немцы и татаровя и всякие ездоки в их монастырской вотчине в селех и в деревнях и по городом во дворех и на лугех не ставятца и кормов у них и судов и гребцов и сторожей не емлют. А в которых городех ни буди наши наместницы и волостели и их тиуны, и они кормов своих и дымного и всяких своих пошлин сь их монастырские вотчины и с людей и со крестьян и сь их дворников не емлют ничего, и люди их в монастырскую вотчину не въезжают и поборов никаких не берут и не вступаютца у них ни во что. А кого яз царь и великий князь Иван Васильевич всеа Русии пожалую в тех городех, в которых городех и в Поморье где ни будет Кирилова монастыря вотчина, села и деревни и дворы, в тех городех на посадех и в Поморьи дам на грамоты грамоту, а на сю мою грамоту грамот и наказов нет. А коли сю мою грамоту явят бояром и наместником нашим и волостелем и их тиуном, и оне с нее явки не дают ничего. А через сю мою грамоту хто на них что возмет или хто их чем изобидит, и тому от меня царя и великого князя быти в великой опале и в продаже. Писан на Москве лета 7085-го марта в 9 день.

На обороте: Царь и великий князь Иван Васильевич всеа Русии. Дияк Андрей Шерефединов.

Подтверждения:

1584 г. июля 5. Лета 7092 года июля в 5 день государь царь и великий князь Федор Иванович всеа Русии сее грамоты слушал и выслушав сю жаловалную грамоту успенья пречистые Кирилова монастыря богомолца своего игумена Варлама з братьею или по нем хто иный игумен в том монастыре будет пожаловал, велел им сю грамоту подписати на свое царево и великого князя имя и сее у них грамоты рудити не велел никому ни в чем и о всем велел ходити по тому, как в сей грамоте писано. А подписал государя царя и великого князя дияк Андрей Арцыбашев.

1599 г. марта 8. Божиею милостию мы, великий государь царь и великий князь Борис Федорович всеа Русии самодержец и сын наш царевич князь Федор Борисович всеа Русии, по сей грамоте успенья пречистые богородицы Кирилова монастыря игумена Корнилья з братьею или хто по нем в том монастыре иный игумен будет пожаловали, сее у них грамоты рудити не велели никому ничем, а о всем велели ходити по тому, как в сей грамоте писано, опричь наших денежных доходов. Лета 7107 года марта в 8 день. А подписал государя царя и великого князя Бориса Федоровича всеа Русии дияк Андрей Арцыбашов.

1676 г. сентября 21. 186 году сентября в 21 день великий государь царь и великий князь Феодор Алексеевич всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержец указал на сей жалованной грамоте написать свое великого государя царя и великого князя Феодора Алексеевича всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержца повеление и о всем указал быть как в сей грамоте написано, кроме тех статей, которые в Уложенья отставлены. Диак Филипп Артемьев.

На челобитной их о потписке жалованных грамот помета думного дьяка Данила Полянского.

1683 г. августа 18. Лета 7191-го августа в 18 день. Божиею милостию мы, великие государи цари великие князи Иоанн Алексеевич, Петр Алексеевич всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержцы, сее жалованные грамоты слушав пожаловали успения пречистые богородицы Кирилова монастыря архимандрита Тимофея з братьею и хто по них вперед в том монастыре иные архимандриты и братья будут, велели сю жалованную грамоту подписать на наше великих государей царей и великих князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержцев имя и монастырскими вотчины, селы и деревнями и пустошми и рыбными ловли и всякими угодьи, владеть по писцовым и по переписным книгам и по сей жалованной грамоте и по крепостям по-прежнему, а с тех вотчин о наших великих государей доходех и о судных статьях и о пошлинах быть по тому, как в указе отца нашего великих государей блаженные памяти великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержца и в соборном Уложенье напечатано и после соборного Уложенья в боярских приговорех

и в новых статьях и в уставных грамотах написано. Диак Протасей Никифоров.

[Подлинник, ГАФКЭ, грамоты Коллегии экономии, Вологодский у., № 2610/39; списки: ГПБ, собрание рукописей СПб. духовной академии, А II/47, лл. 230 об. — 236 об.; ЛОИИ, сборн. № 112, отд. IV, № 71, стр. 594—606. Печать красная, вислая.]

№ 73

1577 г. марта 11. „Тарханная грамота" царя Ивана Васильевича на вотчины Кирилло-Белозерского монастыря в Белозерском уезде, Бежецком Верху и Городецком уезде, Углицком, Тверском и Московском уездах, в Поморье „и в-ыных городех нашего государства".

Се яз царь и великий князь Иван Васильевич всеа Русии пожаловал есми успенья пречистые богородицы Кирилова монастыря богомолца своего игумена Козму з братьею или хто по нем в том монастыре иный игумен будет. Бил нам челом, а сказал: наша-деи жаловалная тарханная грамота у них на всю монастырскую вотчину, которая вотчина у них в Белозерском уезде, в Бежетцком верху в Городецком уезде, в Углецком уезде, во Тверьском уезде, в Московском уезде, в Поморье, и городовые-деи приказщики и всякие наши пошлинные люди на них [и] их монастырских крестьянех и на слугах сь их монастырьских вотчин наши всякие подати и посохи емлют через нашу жаловалную грамоту силно, а нашю-деи у них прежнюю жаловалную грамоту рудят, а прошают-деи у них наших жаловалных грамот ежегод, и оттого-деи их монастырьская вотчина и достал пустеет; и нам бы богомолца своего успения пречистые богородицы Кирилова монастыря игумена Козму з братьею или по нем хто в том монастыре иный игумен будет пожаловати, велети те их монастырские вотчины отарханити. И яз царь и великий князь Иван Васильевич всеа Русии богомолца своего успения пречистые Кирилова монастыря игумена Козму з братьею или по нем хто в том монастыре иный игумен будет пожаловал. Которые их монастырские вотчины села и деревни и всякие угодья и рыбные ловли на Белеозере и в Белозерском уезде, в Бежецком верху и в Городецком уезде, на Углече и в Углецком уезде, во Твери и во Тверском уезде, и в Московском уезде, и в Поморье и в-ыных городех нашего государства, хто у них вь их монастырской вотчине учнут жити в селех и в дерев-

нях и по городом во дворех людей монастырских и попов и дияконов и диячков церковных и крестьян и дворников и рыбных ловцов, и тем их людям не надобе моя царя и великого князя никоторая моя пошлина: ни мыт, ни тамга, ни осминничья, ни рыбных оброков, и коня моего не кормят, ни посошных людей ни в которые посохи не дают, ни сен моих на меня не косят и не возят и закосщиком моим пошлин не дают, ни ямских дворов не делают и с подводами на ямех не стоят и охотников на ям не выбирают, и к емчюжному делу их монастырских крестьян не наряжают, и в целовалники во всякие дела не емлют, и анбаров ямчюжных не ставят и старых не поделывают, и земли и золы, и дров, ни бревен, ни иного всякого лесу, ни камени, ни извести не возят, ни прудов не копают, ни мостов не мостят, и хлеба моего не молотят и не возят, ни городов ни судов не делают, ни гребцов ни кормщиков не дают, и судов у них не отписывают ни под которые мои запасы, ни ягод ни рыжиков не берут, и всяких запасов у них на меня сь их монастырские вотчины не емлют и садов их не отписывают, ни дел моих никоторых не делают. И наши посланники к ним вь их монастырскую вотчину ни по что не въезжают и крестьяны их не наряжают, ни подвод, ни проводников, ни кормов людцких и конских не емлют, ни бобровники, ни осочники, ни островщики вь их монастырской вотчине не ставятца и не въезжают и лесов монастырских не заповедывают, и пошлин моих никоторых не дают: ни явки, ни пятенного, ни рогового, ни рыбных оброков, ни варничново не дают, ни к дворьским, ни к сотцким ни в какие протори ни в розметы с черными людми не тянут, ни свадебного не дают. А бояре наши и наместницы и волостели и их тиуны и губные старосты и городовые приказщики и всякие наши приказные люди их крестьян и дворников ни на котором городе не судят ни в чем, а судит их и ведает игумен з братьею во всем или кому прикажет. А кому будет чего искати на монастырских людях и на крестьянех и на дворникех и на рыбных ловцех каких дел ни буди, ино сужю яз царь и великий князь или мой дворецкой Болшого Дворца. А на ком им чего искати или в чем отвечати, и пошлин моих судных на их людях и на крестьянех не емлют. А случитца в их монастырьской вотчине от заволостных людей и от князей и от детей боярских и от их людей и от крестьян и от всяких наших людей и от монастырей, в котором городе ни

буди или в волости, розбой и тадба и убиство и учнут бити челом их монастырьские люди и крестьяне и дворьники нашим бояром и наместьником и волостелем и их тиуном и губным старостам и городовым приказщиком и всяким нашим приказным людям о приставех на поличное, и нашим бояром и наместьником и всяким нашим приказным людям приставов на поличное давати и всяких лихих людей имати и ставити передо мною царем и великим князем или перед моим дворецким Болшого Дворца. А наши дети боярские и площадные и дворцовые неделщики и их ездоки в тое их монастырскую вотчину не въезжают и на поруки их не дают и по приставным сроков на них не наметывают и по нашим правежным грамотам и по безсудным не правят на них ничего, опричь даных приставов. А хто их старцы и люди и крестьяне поедут в судех с солью или з запасы Двиною рекою и Онегою рекою к морю и от моря с солью Шестною и Волгою, по которым рекам ни буди, или зиме на возех, а лете на телегах, на которой город ни буди, со всякими запасы, и по городом наши бояре и наместницы и волостели и их тиуны и таможники и по мытом мытчики и всякие наши пошлинники тамги и мытов, и весчие, и замытные, и свалного, ни померного, и отвозного, ни явки, ни по рекам перевозу, ни мостовщины и иных наших ни своих никоторых пошлин с них не емлют и не судят их ни в чем и не вступаютца у них ни во что. Также есми их пожаловал: наши князи и бояре и воеводы и всякие ратные люди и немцы и татаровя и всякие ездоки вь их монастырской вотчине в селех и в деревнях и по городом во дворех и на лугех не ставятца и кормов у них и судов и гребцов и сторожей не емлют. А в которых городех ни буди наши наместьницы и волостели и их тиуны, и они кормов своих и дымного и всяких своих пошлин с монастырские вотчины и с людей и со крестьян и сь их дворников не емлют ничего, и люди их в монастырскую вотчину не въезжают и поборов своих никаких не берут и не вступаютца у них ни во что. А кого яз царь и великий князь Иван Васильевич всеа Русии пожалую в тех городех, в которых городех и в Поморье и где ни будет Кирилова монастыря вотчина, села и деревни и дворы, в тех городех и на посадех и в Поморье дана грамота и на грамоты, а на сю мою грамоту грамот и наказов нет. А коли сю мою грамоту явят бояром и наместником нашим и волостелем и их тиуном, и они с нее явки не дают

ничего. А через сю мою грамоту хто на них что возмет или хто чем их изобидит, и тому от меня царя и великого князя быти в великой опале и в продаже. Писан на Москве лета 7085-го марта в 11 день.

На обороте: Царь и великий князь Иван Васильевич всеа Русии. Государев царев и великого князя диак Степан Лихачев.

Подтверждения:

1584 г. июля 5. Лета 7092-го июля в 5 день государь царь и великий князь Феодор Иванович всеа Русии сее грамоты слушал и выслушав сю жаловалную грамоту успенья пречистые богородицы Кирилова монастыря богомолца своего игумена Варлама з братьею или хто по нем в том монастыре иный игумен будет пожаловал, велел им сю грамоту подписати на свое царево и великого князя имя и сее у них грамоты рудити не велел никому ни в чем и о всем велел ходити по тому, как в сей грамоте писано. А подписал государя царя и великого князя дияк Андрей Арцыбашев.

1599 г. марта 8. Божиею милостию мы, великий государь царь и великий князь Борис Федорович всеа Русии самодержец и сын наш царевич князь Федор Борисович всеа Русии, по сей грамоте успенья пречистые богородицы Кирилова монастыря игумена Корнилья з братьею или хто по нем в том монастыре иный игумен будет пожаловали, сее у них грамоты рудити не велели никому ничем, а о всем велели ходити по тому, как в сей грамоте писано, опричь наших денежных доходов. Лета 7107-го марта в 8 день. А подписал государя царя и великого князя Бориса Федоровича всеа Русии диак Андрей Арцыбашев.

1677 г. сентября 21. 186 году сентября в 21 день. Великий государь царь и великий князь Федор Алексеевич всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержец указал на сей жалованной грамоте написать свое великого государя царя и великого князя Федора Алексеевича всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержца повеление и о всем указал быть, как в сей жалованной грамоте написано, кроме тех статей, которые в Уложенья отставлены. Диак Филип Артемьев.

На челобитной их о потписке жалованных грамот помета думного дьяка Данила Полянского.

1683 г. августа 18. Лета 7191-го августа в 18 день. Божиею милостию мы, великие государи цари в великие князи Иоани

Алексеевич, Петр Алексеевич всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержцы, сее жалованные грамоты слушав пожаловали успения пречистые богородицы Кирилова монастыря архимандрита Тимофея з братьею и хто в том монастыре впред иные архимандриты и братья будут, велели сю жалованную грамоту подписать на наше великих государей царей и великих князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержцев имя и монастырскими вотчины, селы и деревнями и пустошми и всякими угодьи и рыбными ловли, владеть по писцовым и по переписным книгам и по сей жалованной грамоте и по крепостям по прежнему. А с тех вотчин о наших великих государей доходех и о судных статьях и о пошлинах быть по тому, как в указе отца нашего великих государей блаженные памяти великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержца и в соборном Уложенье напечатано и после соборного Уложенья в боярских приговорех и в новых статьях и в уставных грамотах написано. Диак Протасей Никифоров.

[Подлинник, ГАФКЭ, грамоты Коллегии Экономии, Белозерский у., № 849/148. Печать красная, вислая.]

№ 74

1577 г. апреля 3. „Послушная" крестьянам бывшей вотчины Семена и Нечая Васильевых детей Ергольских и Андрея Иванова сына Бурухина, с. Никольского Надпорожского стана Белозерского уезда, отобранной у Ергольских и Бурухина в опричнину, а затем пожалованной в вотчину Кирилло-Белозерскому монастырю.

От царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Русии з Белозерской уезд в Надпорожской стан селца Никольского в деревни, в деревню Кнутово, в деревню в Кудиново, в деревню Пирогово, что были те деревни в вотчине за Семеном да за Нечаем за Васильевыми детми Ерголсково да за Ондреем за Ивановым сыном Бурухина, и в 78-ом году Семой да Нечай да Ондрей из Белозерского уезда высланы, а та их вотчина отписана на нас, а после того тою-деи вотчиною владеет Иван Головленков без нашего указу, всем крестьяном, которые в тех деревнях живут. Пожаловал есми теми деревнями богомолца своего успение пречистые богородицы Кирилова монастыря игумена Козму з братьею в вотчину со всеми угодьи. А в памяти за приписью дьяка нашего Ондрея Клобукова

по книгам писма и дозору Дмитрея Ростопчина да подъячего Григорья Чиркова лета 7081-го и 82-го году в тех деревнях пашни пахоные и перелогу 38 четвертей в поле, а в дву по тому же, сена 55 копен, лесу пашенного 12 десятин. И вы бы, все крестьяне, которые в тех деревнях живут, игумена Козмы з братьею слущали, пашню на них похали и доход им вотчиников платили. Писан на Москве лета 7085 апреля в 3 день.

На обороте: Царь и великий князь всеа Русии.

Справил подъячей Торшок Онтоньев.

[Подлинник, ГАФКЭ, грамоты Коллегии экономии, Белозерский у., № 992/291; список: ГПБ, собрание рукописей СПб. духовной академии, А/16, лл. 394 об. — 395.]

№ 75

1577 г. ноября 18. „Жалованная грамота" Кирилло-Белозерскому монастырю на сельцо Никольское Надпорожского стана Белозерского уезда, прежнюю вотчину Семена и Нечая Васильевых детей Ергольских и Андрея Иванова сына Бурухина, отобранную у них в опричнину.

Се яз царь и великий князь Иван Васильевич всеа Русии пожаловал есмя успенья пречистые богородицы и преподобного чюдотворца Кирила игумена Козму з братьею или в том монастыре иный игумен по нем будет в Белозерском уезде в Надпорожском стану селцом Николским, того ж селца деревнями, деревнею Кнутовою, деревнею Кудиновою, деревнею Пироговым, что были те деревни в вотчине за Семеном да Нечаем за Васильевыми детми Ергольского да за Ондреем Ивановым сыном Бурухина, а та их вотчина взята была у них на нас з городом вместе, и после-деи того тою вотчиною владел Иван Головленков без моего царева и великого князя указу и без крепостей. А в памяти за приписью дияка нашего Ондрея Клобукова по книгам писма и дозору Дмитрея Ростопчина да подъячего Григорья Чиркова в том селце и в деревнях пашни и перелогу 38 чети в поле, а в дву по тому ж, сена 55 копен, лесу пашенного 12 десятин. И игумену Козме з братьею или по нем иный игумен будет селом и деревнями со всеми угодьи владети по сей нашей жаловалной грамоте. Дана грамота на Москве лета 7086-го ноября в 18 день.

На обороте: Царь и великий князь Иван Васильевич всеа Русии.

Подтверждения:

1599 г. апреля 11. Божиею милостию мы, великий государь царь и великий князь Борис Федорович всеа Русии самодержец и сын наш царевич князь Федор Борисович всеа Русии, по сей грамоте успенья пречистые богородицы Кирилова монастыря игумена Корнилья з братьею или по нем в том монастыре иный игумен будет пожаловали, сее у них грамоты рудити не велели никому, а велели ходити о всем по тому, как в сей грамоте писано. Лета 7107-го апреля в 11 день. А подписал государев царев и великого князя Бориса Федоровича всеа Русии дияк Василей Нелюбов.

1677 г. сентября 21. 186 года сентября в 21 день. Великий государь царь и великий князь Федор Алексеевич всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержец указал на сей жаловалной грамоте написать свое великого государя царя и великого князя Федора Алексеевича всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержца повеление и о всем указал быть как в сей жалованной грамоте писано. Диак Филип Артемьев.

На челобитной их о потписке жалованных грамот помета думного дьяка Данила Полянского.

1684 г. декабря 11. Лета 7193-го декабря 11 день. Божиею милостию мы, великие государи цари и великие князи Иоанн Алексеевич, Петр Алексеевич всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержцы, сее жалованные грамоты слушав пожаловали Кирилова монастыря архимандрита Тимофея з братьею и хто в том монастыре иные архимандриты и братья будут, велели им сю жалованную грамоту подписать на наше великих государей царей и великих князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержцев имя и монастырскими вотчины в Белозерском уезде селом Николским з деревнями и со всеми угодьи владеть по писцовым и по переписным книгам и по сей жалованной грамоте по прежнему, а с тех вотчин о наших великих государей доходех и о денежных зборех и о пошлинах быть по тому, как в указе отца нашего великих государей блаженные памяти великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержца и в соборном Уложенье напечатано и после соборного Уложенья в новых статьях и в боярских приговорех и в уставных грамотах написано. Диак Тимофей Литвинов.

Справил Якушко Незамаев.

[Подлинник, ГАФКЭ, грамоты Коллегии экономии, Белозерский уезд, № 856/155; список: ГПБ, собрание рукописей СПб. духовной академии, АІ/16, л. 395 и об.]

№ 76

1577-1578 г. „Данная запись" Михаила Кудашева сына Федчищева-Зубатого с матерью своею Маврою Троице-Сергиеву монастырю на вотчину свою, „свой жеребей", деревню Старое с деревнями, Емецкого стана Костромского уезда.

Се яз Михайло Кудашев сын Фехтистов-Зубатого дал есми в дом живоначалные троици и великому чюдотворцу Сергею и Никону своею матерью Маврою, с Кудашевою женою Зубатого, вотчину свою, по даной грамоте, свой жеребей, деревну Старое да деревну Куземышкино, при своем животе; да тое же вотчины деревня Заречье, ино на той деревне матере моей и мне Михайлу жити до своего живота; а бог пошлет по наши души, ино и та наша вотчина в дом живоначалные троици. А роду моему и племяни и детем моим до тое вотчины дела нет никакова, опрично живоначалные троици и чюдотворца Серьгея и Никона. А ту есми вотчину дал по своих родителех, по Иване да по Феохтисте да по Стефане, и написати их вечны сенаник. А су есми запись писал сам Михайло своею рукою и вотчину свою дал свою и матери своее лета 7080 шестаго.

[Подлинник, ГАФКЭ, грамоты Коллегии экономии, Бежецкий уезд, № 220/1324.]

№ 77

1577-1578 г. „Данная" Мавры Зубатой-Федчищевой с сыном Михаилом Троице-Сергиеву монастырю на вотчину свою, с. Заречье с деревнями, Емецкого стана Костромского уезда.

Се яз Мавра Кудашева жена Зубатого да своим сыном с Михайлом с Кудашевым сыном Зубатого дали есмя в дом живоначалные троици и великому чюдотворцу Сергею и архимандриту Ионе с братьею или хто по нем иный архимандрит будет вотчину свою в Костромском уезде в Емецком стану селцо Заречье да деревну Куземышкино, да деревну Старое, да деревну Бараново, да деревну Налескино со всеми угодьи, куда истари потяглу плуг и топор и коса ходила, по старым межам, и с луги и с лесы и зарослими и со всеми угодьи. А дали есмя ту свою вотчину впрок без выкупа для вечнаго покоя по себе

и по своих родителях. А та у нас вотчина ни продана, ни заложена, ни закабалена, ни в приданые не отдана, ни в монастырь ни в которой не отдана, опрично живоначалные троици. А у ково на ту вотчину вылягут какие крепости ни буди, и мне Михайлу своею матерью та вотчина очищати, архимандриту с братьею убытка не довести никоторово. А хто роду нашего и племени или дядя мой Олексей учнет выкупати ту нашу вотчину у манастыря, и им с нами будет суд пред богом на втором христове пришествие. А дали есмя ту свою вотчину с дядею с Олексеем Степановым сыном Зубатого вместе в дом живоначалные троици по своих родителех. А на то послуси: Василей Иванов сын Родивонов да Рахманин Григорьев сын Скобева, да Петр Захарьин сын Руготин, да Иван Петров сын Катунин. А даную писал яз Михайло Кудашев сам своею рукою и вотчину свою дал и в матери своее место лета 7080 шестаго.

На обороте: К сей даной послух Василей Иванов сын Родионова руку приложил. Послух Иван руку приложил. К сей даной послух Рахманин руку приложил.

[Подлинник, ГАФКЭ, грамоты Коллегии экономии, Костромской у., № 5106/139а.]

№ 78

1578 г. февраля 21. Грамота из Поместной избы ярославским городовым приказчикам Дмитрию Балакшину и Меншику Тихменеву об отказе вотчин Толгскому монастырю и князю Ивану Федоровичу Жировому-Засекину.

От царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Русии в Ярославль городовым прикащиком Дмитрею Балакшину да Меншику Тихменеву. Писали есте к нам, велено вам по нашей грамоте ехати вь Ярославской уезд во княж Иванову вотчину Засекина селца Прокшина в деревни, чем владеет Василей Кафтырев да пречистыя Толскаго монастыря игумен, да те деревни отписати на нас, а Василья Кафтырева и пречистые Толского монастыря игумена велено подавати на поруки з записми, а за поруками их и описные книги велено прислать к Москве. И вы к нам тем деревням отписныя книги, Василья Кафтырева и игумена Толского монастыря прислали. И перед дьяки нашими, перед Ондреем Мясным да перед Богданом Ксенофонтовым, игумен Толжинского монастыря Феодосей положил на деревню Чюрово да деревню Тихарево данную

князя Федора Жирового 64 году да духовную да нашу грамоту за подписью дьяка Дружины Лазорева 74 году; [а] князь Иван княж Федоров сын Жирового нам бил челом, а сказал, что он в приданье те свои вотчины Василью Кафтыреву и князь Григорью Борятинскому не давывал, а ныне живет в той вотчине сам князь Иван; и нам бы их пожаловать, тое у них вотчины имати не велети. И мы пречистые богородицы Толжского монастыря игумена Федосья з братьею и князя Ивана Жиро-[во]го пожаловали, имати у них тех деревень не велели, что князь Иванов отец князь Федор Жировой дал тое вотчину две деревни в Толской монастырь до нашего указу в 64 году, а наш указ, как есмя не велели ярославских вотчин в монастыри давати, во 70-м году, а князь Иван князь же Федоров сын Жировой в отчине своей, в вотчине, сам жив. И как к вам ся наша грамота придет, и вы часа того в те деревни села Прокшина, которые есте описали на нас, опричь села Прокшина, а село Прокшино по нашему указу велено ведати к нашему селу Давыдкову, ехали да те деревни, деревню Чюрово да деревню Тихарево, отказали игумену Федосью з братьею по старине, по нашей грамоте и по духовной и по данной князя Федора Жирового, а деревню Голубково да деревню Олександрецово отказали князю Ивану Жировому, и велели им тою вотчиною владети по старым своим крепостям. Писано на Москве лета 7086 февраля в 21 день.

На той грамоте приписано на обороте тако: Царь и великий князь всея Русии.

На той же грамоте подписано тако: Диак Андрей Мясной. Справил подьячей Торшок Онтоньев.

У той же грамоты восковая черная печать приложена.

[Список, УЦГАЛ, „Копии с жалованных монастырских грамот Ростовской и Ярославской епархий", XVIII в., № 1916, лл. 321 об. — 322 об.]

№ 79

1578-1579 г. „Память" Алексея Степанова сына и Михаила Кудашева сына Зубатых о даче в Троице-Сергиев монастырь возвращенной им старой их вотчины, сельца Заречейца Костромского уезда.

Се яз Олексей Степанов сын Зубатого да яз Михайло Кудашев сын Зубатого, что нас государь пожаловал нашею старою вотчиною селцом Заречейцом да деревнею Старом, да деревнею

Куземышкиным, да деревнею Борановым, да деревнею Налескиным, и мне Олексею с племянником своим с Михайлом та своя вотчина у писцов написати за троицою и за чюдотворцом Серьгеем и дати нам та своя вотчина обема живоначалной троице по родителех своих душах и бити нам челом архимариту и келарю, чтобы нас обеих по наш живот ис тое вотчины вон не выслати и владети нам до своего живота. А нам ся тою вотчиною Олексею с племяником своим Михайлом меж собя поверстати повытно, а ни одному ни безо одново та вотчина не дати в манастырь. А которая наша вотчина за осподарем, и бог нас помилует, осподарь пожалует, старую ли нам вотчину отдаст или в прииск где против тое вотчины пожалует нас, и нам та вотчина делити пополам. А паметь писал сам Михайло Зубатой лета 7080 седмого.

На обороте: К сей памети Олексей руку приложил.

[Подлинник, ГАФКЭ, грамоты Коллегии экономии, Бежецкий у., № 1328|224; список: ГБИЛ, собрание рукописей Троице-Сергиевской лавры, № 532, лл. 71 об.—72.]

№ 80

1578-1579. „Данная" Михаила Кудашева сына Зубатого-Федчищева с матерью Троице-Сергиеву монастырю на три пустоши Емецкого стана Костромского уезда, отделенных им вместо „недостатошной" части их старинной костромской вотчины, отобранной в опричнину и затем вновь возвращенной Зубатым.

Се яз Михайло Кудашов сын Степанов Зубатово-Федчищов да своею матерью с Маврою Кудашовою женою Зубатово дал есми в дом живоначалные троицы и великому чюдотворцу Сергию и Никону и архимариту Ионе з братьею вотчину свою пустошь, что было село Шипово, а в нем церковь была Никола чюдотворец без пения, да пустошь Иканово да пустошь Высокое. По цареву государеву Ивана Васильевича всеа Русии [указу] и по памяти за приписью дьяка Игнатья Зубова костромские писцы Иван Коробов да Пятой Тумской с товарыщи отделили в вотчину Олексею Зубатово да племяннику его Михайлу Кудашову сыну Степанова Фетчищовых против их старинные их вотчины недостатошныя, что у них взята на Костроме вместе з городом, к старой вотчине, ко 100-у и 30-ти и 4-мя четвертям, в Костромском уезде вь Емецкой волости из порожних

земель пустошь, што было село, Шипово на речке на Змеице, что была вотчина Пятово, в нем церковь была Никола чюдотворец пусто без пенья, и в сей пустоши села Шипова 128 четвертей в поле, а в дву по тому ж, что к старой их вотчине недодачя к селцу к Демидову и к Заречью з деревнями в старые их вотчины. И дяде ся моему Алексею досталось старыя нашея вотчины в селце в Демидове и в Заречье 6 деревень живущих, а в них 10 вытей, а земли в них 134 четверти добрые земли, а в дву полех по тому ж; а деревням имена: деревня Бораново да деревня Старое, да деревня Рыбное, да деревня Василково, да деревня Ратышно, да деревня Налесткино на речке на Тоноге — и те ся деревни достались дяде моему Олексею Степанову сыну Зубатому на жеребей. А мне ся, Михайлу Кудашову сыну Фетчищеву, противу тово досталось пустошь, што была село Шипово [да 2 пустоши: Иканово, Высокое; а пашни в них 128 четвертей. И яз, Михайла, <с> своею матерью дал село Шипово и пустоши] * в дом живоначалные троицы и архимариту з братьею по собе и по своих родителех [в наследие]* вечных благ, а здачи есми взял с тех пустошей у Троецкого-Сергиева монастыря у старця у Варсонофья у Якимова полтораста рублев и теми есми денгами платил долг. А меня, Михайла, и отця моего Фехтиста написати в книгу вечную, в сенаник. А отделную есми [со]* своим дядею сам написал своею рукою — розделили есмя свою вотчину пополам, а отделные писал яз Михайла Кудашов сын Фетчищов-Зубатово сам своею рукою, што мне Михайлу до Олексеевы вотчины дела нет, а Олексею до моея вотчины дела нет никоими делы. А та у меня, у Михайла, вотчина, пустошь што было село, Шипово не продано, ни заложено, ни в-ыной монастырь по душе не отдана, опрочно живоначалныя троицы и великого чюдотворця Сергия. А выляжет на ту вотчину, на селищо Шипово, и где какия крепости ни буди, и мне Михайлу та вотчина очищати, а убытка к монастырю не привести никоторово. А хто ся роду моего и племяни или дядя мой Олексей Зубатой станут вступатися, и им со мною суд будет на втором христове пришествие в будущем веце. А на то послуси: Григорей Кузмин сын Болтина, митрополич боярин, да игумен Онтоней богородицкой, отец духовной, да Рохманин Григорьев сын Скобеев, да Иван Петров

* *Поставленное в [ ] восстановлено по списку в сборн. № 532.*

сын Катюнина, да Долмат Иванов сын Анисин, да Михайло Семенов сын Бледново, да Русин Неклюдов сын Михеева, да Олексей Утробин, да свещенник Михайло Вознесенсково монастыря, да Торх Онтонов подьячей. А даную писал Ивашко Селиванов лета 7000 восмдесят седмаго.

На обороте: Послух Григорей Кузмин сын Болотина руку приложил. К сей даной послух Михайло Бледной руку приложил. Послух Олексей Утробин руку приложил. Послух Долмат Иванов сын Ансимов к сей даной руку свою приложил. К сей даной отец духовной Онтоней руку свою приложил и вместо сына своего духовново. Послух Иван Петров сын Катунин руку свою приложил. К сей даной свещеник Михайло Вознесеньсково монастыря руку приложил. Послух Торх Онтоньев руку приложил. Послух Русинец руку приложил.

[Подлинник, ГАФКЭ, грамоты Коллегии экономии, Костромской у., № 5113/97; список: ГБИЛ, собрание рукописей Троице-Сергиевской лавры, № 532, лл. 852 об. — 854 об.]

№ 81

1578-1579 г. „Купчая" Ивана Васильева сына Будаева Дмитрию Ивановичу Годунову на с. Исаковское с деревнями, Плоскинина стана Костромского уезда.

Се яз Иван Васильев сын Будаева, что была вотчина дяди моево, матери моей брата родново, Григорья Иванова сына Синцова-Вельяминова в Костромском уезде в Плоскинине стану половина села Исаковского, да деревня Митинская, да деревня Девякова, да пустошь Новинки, да пустошь Строево, да пустошь Петрищово, да пустошь Малеево, да пустошь Погост, да пустошь Очапищо, да пустошь Богомилово, да пустошь Неверово, да пустошь Янчиково, да пустошь Мелничища, да пустошь Мишнево, да пустошь Лычево, да пустошь Фалелейцово, да пустошь Дерново, да пустошь Кузмин починок, да пустошь Починок Кузнецов, да другую половину того ж села Исаковского, что купил есми у Федора да у Ивана у Васильевых детей Болванова-Вельяминова, да деревню Офонкино, да пустошь Ларино, да пустошь Пустошки, да пустошь Аничково, да пустошь Стрелицы — и ту вотчину дяди моего и мою купленую другую половину села Исаковского з деревнями и с пустошми взял государь на собя з городом вместе, а не в опале, как государь взял Кострому в опричину, а дяде моему и мне государь велел

Против тое вотчины в-ыных городех дати, где приищем. И яз Иван ту дяди своево вотчину и свою, село Исаковское з деревнями и с пустошми, продал Дмитрею Ивановичу Годунову впрок без выкупа с пашнею и с луги и с лесы и со всеми угодьи, что к тому селу и к деревням и к пустошам истари потягло, куды ходил ис того села и из деревень и из пустошей топор и плуг и соха и коса, по старым межам, или где в-ыных городех возму против тое вотчины, села Исаковского з деревнями и с пустошми, и мне Дмитрею Ивановичю на ту вотчину против сее купчие дати иная купчая. А взял яз у Дмитрея у Ивановича за ту вотчину, за село Исаковское з деревнями и с пустошми, 340 рублев денег да пополнка конь бур. А та у меня у Ивана вотчина, село Исаковское з деревнями и с пустошми, опричь Дмитрея Ивановича иному не продана никому и не заложена ни у ково и в приданые ни за кем и по душе ни по ком ни в которой монастырь не отдана, ни в кабалах в хлебных ни в денежных, ни в записях, ни в духовных, ни в даных, ни в-ыных ни в каких крепостях не записана нигде ни у ково. А выляжет на ту нашу вотчину у ково купчая или кабалы хлебные и денежные, или записи, или духовная, или даная, или иные какие крепости ни буди, и мне Ивану та вотчина очищати ото всяких крепостей и убытка в той вотчине Дмитрея Ивановича не довести никоторого. А что Дмитрею Ивановичю в той вотчине учинитца убытка по моим Ивановым крепостям, и мне Ивану Дмитрею Ивановичю те убытки платити после купчей; и в книги мне Ивану в Поместном приказе та вотчина за Дмитреем Ивановичем написати. А на то послуси: Осип Степанов сын Квашенкин да Меркулей Алексеев сын Савостьянов, да Фторой Дмитреев сын Нелаев, да Иван Мосеев сын Нездин, да Гаврило Алексеев сын Несотцкой, да Роман Федоров сын Дураков, да Федор Перфильев сын Павлова. А купчую писал Посник Семенов сын Бибиков лета 7087-го.

На обороте: Яз Иван вотчину дяди своего и свою продал и руку приложил. Послух Осипко и руку приложил. Послух Меркушь руку приложил. Послух Второй руку приложил. Послух Иван руку приложил. Послух Гаврилец руку приложил. Послух Романец руку приложил. Послух Федорец руку приложил.

[Подлинник, ГАФКЭ, грамоты Коллегии экономии, Костромской у., № 5111/144.]

№ 82

1581-1582 г. „Данная" Пятого Андреева сына Тумского Спасо-Евфимьеву Суздальскому монастырю на пустошь-„селищо" Липицу, Опольского стана Суздальского уезда, пожалованную Тумскому взамен его старинной вотчины, сельца Копцова и сельца Волохова Переяславского уезда.

Милости ради господа бога и спаса нашево Исуса Христа и преподобнаво ради Еуфимья чюдотворца суждалского се яз Пятой Андреев сын Тумского дал есми в дом милосердаго спаса и великого чюдотворца Еуфимья, что в Суздале на посаде, архимариту Иову з братьею или по нем в том монастыре иный архимарит и братья будут свою вотчину в Суздалском уезде в Ополском стану пустошь-селищо Липица с пашнею и с луги и с лесы и с отхожими пожнями и со всякими угодьи, что х той пустоши изстари потягло, куды ходил плуг и соха и коса и топор. А тою меня пустошью государь пожаловал против нашие старинные вотчины в Переславском уезде селца Копцова да селца Волохова и з деревнями. А дал есми ту пустошь впрок без выкупа по своих родителех, по отце по своем иноке Аврамье и по матери своей иноке Еуфросинье, да по брате своем иноке по Зиновье, да по брате своем иноке по Порфирье и по детех своих, по Илье да по Иване да по Алексее, да по племяннике по своем по Федоре по Третьякове сыне, и по своей душе и по всех своих родителех и за долг брата своего Третьяка и за свой и за детей моих и за племянника моего Федора долг, что есмя заняли в монастыре 100 рублев денег и кабала на нас в тех денгах была. И нам кабалу архимарит выдал безденежно за половину тое пустоши Липици, а за другую половину тое пустоши архимариту Иову з братьею или хто по нем иный архимарит и братья будут отца моево и матерь и братью мою и дети мои и племянника моего и меня и все наши родители написати в сенаники в литейной и в вечной и по всех наших родителех понахида пети и обедня служити собором и корм на братью ставити на их памяти. А память отцу моему ноября тридесятый день, а матере моей память маия в пятый день, а брату моему память иноку Зиновью сентября в пятый день да брату ж моему память иноку Порфирью февраля двадесят в седмый день. А бог пошлет по мою душу, и по мне корм ставити маия в двадесят первый день. А по детех моих и по племяннике моем корм

на братью ставити на их убивство, что их убили на государьской службе в Соколе сентября в десятый день на память святых мучениц Минодоры и Митродоры и Нимфодоры. А та моя вотчина иному никому не продана, ни в записех, ни в кабалах и в-ыных ни в каких крепостях не записана и в-ыной ни в которой монастырь по душе ни за долг не отдана. А выляжет на ту мою вотчину какая крепость ни буди, и мне Пятому та вотчина очищати от всяких дел и крепостей, а к монастырю убытка не довести никоторово. А жене моей и всему нашему роду и племяни до тое вотчины дела нету, владети тою вотчиною по сей даной архимариту Иову з братьею или по нем иный архимарит и братья будут впрок без выкупа, дондеже и святая обитель стоит. А хто учнет вступатись в ту мою отчину рода нашево и племяни, и ему судитись с нашими родители перед нелицемерным судьею в будущем. А на то послуси: суздальские городовые приказщики Офонасей Иванов сын Беликов да Нечай Федоров сын Оверкеев, да судной староста Федор Семенов сын Опрянин, да Василей Ондреев сын Костеев, да Гаврило Иванов сын Ярышкин, да Погожей Яковлев сын Конанов, да Неждан Третьяков сын Канеев, да Офонасей Тимофеев сын Скрябин, да Парфен Офонасьев сын Федотов, да Неждан Васильев сын Онтонов, да Григорей Дмитреев сын Ростовцев. А даную писал губной дьячек Трофимец Третьяков сын Стефанов лета 7000 девятдесятого.

На обороте: Яз Пятой Ондреев сын Тумсково во[т]чину к чудотворцу Еуфимью дал и руку приложил по своих родителех и за долг брата моего и детей моих и племяника моего и за мой. Послух Офонасей, руку приложил. Послух Нечай руку приложил. Послух Гаврило руку приложил. Послух Погожей руку приложил. Послух Василей руку приложил.

Значительно ниже, в конце данной: Послух Неждан руку приложил. Послух Нежданец руку приложил. Послух Офоня руку приложил. Послух Гриня руку приложил. Послух Парфенец руку приложил.

(Подлинник, ГПБ, собрание актов.)

ПРИЛОЖЕНИЯ

№ 1

1564-1565 г. „Данная" Евдокии Вельяминовой костромскому Ипатьеву монастырю на вотчину своего мужа половину с. Исаковского с деревнями, Костромского уезда.

Се яз Евдокея Иванова жена Ивановича Вельяминова дала есми в дом святей живоначалной троице и святому апостолу Филипу и святому священномученику Еупатью игумену Васьяну з братьею мужа своего вотчину Ивана Ивановича и сына своего Григорья Ивановича по его приказу и по духовной грамоте половину селца Исаковского, а в нем церковь чюдотворца Николы да придел Афонасей и Кирил да теплая церковь святая мученица Варвара, с Федором да с-Ываном с Васильевыми детми Вельяминова вопче по половинам, да к тому ж полуселу деревня Погост да деревня Очапищо, да починок Кузнецово, да деревня Богмилово, а тое деревни Богмилова давати игумену Васьану к Николе чюдотворцу в-Ысаковское хлеба по 8-ми чети ржы да по 8-ми четь овса, да к тому ж полуселу и деревням бор великой, сына моего жеребей Григорья Ивановича, по своих родителех, по муже по моем по Иване по Ивановиче по Вельяминове да по Иване по Федоровиче, и по сыне по своем по Григорье по Ивановиче и по своей дочере по Матрене, а по моей душе, и по всех наших родителех, в наследие вечных благ во веки без выкупа, и что к тому полуселцу к Исаковскому и к тем деревням изстари потяглу, с лесом и с пожнями и со всеми угодьи, куды плуг, топор, коса, соха ходила, да пожня на реке на Волге от Подземелного врага да до Гремячего врага до Крутого, то пожне и бору межа великого князя землею, поместье Григорья да Нечая Ярцовых. А на то послуси: Григорей да Петр Прокофьевы дети Корцова, да Михайло Семенов сын Заворотка, да отец мой духовной поп Кирило Иванов сын от Спаса из Выродкова. А даную писал Митька Григорьев сын Арсеньев лета 7000 семьдесят третьяго.

На обороте: К сему писму отец душевной [спа]ской поп Кирил руку приложил.

[Подлинник, ГАФКЭ, грамоты Коллегии экономии, Костромской у., № 5064/14.]

№ II

1571 г. „Данная" Макария Васильева и Федора Андреева детей Писемских Троице-Сергиеву монастырю на свою старинную вотчину дер. Барчаково с деревнями, Шачебальского стана Костромского уезда.

Се яз старец Макарей Васильев сын Писемского да яз Федор Андреев сын Писемского дали есмя в дом живоначалной троице и преподобным чюдотворцом Сергию и Никону и архимариту Памве з братьею по брате своем по Федоре да по его сыне по Иване вотчину свою старинную, в Костромском уезде в Шачебалском стану деревню Барчаково, деревню Кузминское, деревню Высокое, починок Ишин, починок Трофимовской, починок Иванка Борисова, починок Тимонин, починок Юркин, починок Никитин, починок Говорков, починок Волчков, починок Сени Кривово, всего 3 деревни да 9 починков, с пашнею и с лесы и с луги и со всеми угодьи, куды к тем деревням и починком плуг и топор и коса ходила по старым межам. А та наша вотчина, отцов наших благословенье, не продана никому и не отдана по душе ни в которой монастырь и не заложена ни в денежных ни в хлебных кабалах, ни в приданые не отдана. А у ково явитца на ту нашу вотчину какая ни буди крепость, кабалы и записи в денгах и в хлебе, и нам та вотчина очищати. И архимариту Памве з братьею пожаловати, написати брата нашего Федора да сына его Ивана в вечной сеновник и в сельники. А дали есмя ту вотчину к живоначалной троице впрок без выкупа вечнаго ради покоя. А роду нашему и нам и нашим детем и племянником дела нету. А хто ся станет в ту нашу вотчину вступати род наш или наши племянники или наши дети, и им с нами будет суд в будущем веце перед богом. А на то послуси: Андрей Иванов сын Кляпиков да Андрей Тимофеев сын Крюков, да Осип Тимофеев сын Созонов. А даную писал Прохорец Сахаров сын Писемского лета 7000 семдесят девятого год.

На обороте: К сей даной чернец Макарей и руку приложи К сей даной яз Федор руку приложил братии своей место. Послух Осиф руку приложил. Послух Ондрее руку приложил. Послух Андрей Клепиков к сей даной руку приложил. К сей даной Иван руку приложил. К сей даной Олексей руку приложил.

[Отметка о явке у межевых дел в мае 1756 г.]

[Подлинник, ГАФКЭ, грамоты Коллегии Экономии, Костромской у № 5085/118.]

№ III

1589 г. марта. „Данная" боярина Дмитрия Ивановича Годунова костромскому Ипатьеву монастырю на с. Исаковское с деревнями, Плоскинина стана Костромского уезда.

Се яз боярин Дмитрей Иванович Годунов дал есми в дом живоначалной троицы в-Ыпатцкой монастырь по своем отце по Иване и по своей матери по Оксинье, иноке по Агрепене, и по себе и по своих женах и по своих детех и по всех своих родителех, при моем животе молити бога, а после меня поминати наши души, по Годуновых и по Сабуровых и по Вельяминовых, вотчину свою куплю, в Костромском уезде в Плоскинине стану село Исаковское з деревнями, деревню Митинскую, деревню Девяково, пустошь Новинки, пустошь Строево, пустошь Петрищево, пустошь Малеево, пустошь Погост, пустошь Очапище, пустошь Богомилово, пустошь Неверово, пустошь Янчиково, пустошь Мелничища, пустошь Мишнево, пустошь Лычово, пустошь Фалелейцово, пустошь Дерново, пустошь Кузмин починок, пустошь Починок Кузнецов, деревню Офонкино с пустошми, пустошь Ларина, пустошь Пустошки, пустошь Аничково, пустошь Стремицы, с пашнею и с лесы и с луги и з заросльми и с пруды и с рыбными ловлями и с отхожими пашнями и со всеми угодьи, что к тому селу и к деревням и к пустошем истари потягло, при старце строителе Гурье Ступишине или иные строители и игумены в том манастыре по нем будут. А дал есми то село своей купли и з деревнями и с пустошми по отце своем и по матери и по себе и по своих женах и по детех и по всех своих родителех в-Ыпатцкой монастырь впрок без выкупа в наследие вечных благ. А даную писал Дмитреев человек Ивановича Годунова Никитка Дмитриев сын Судокова лета 7097-го марта в „ " день.

На обороте: Яз Дмитрей водчину дал и руку приложил.

[Подлинник, ГАФКЭ, грамоты Коллегии экономии, Костромской у., № 5106/139.]

385

С. А. АННИНСКИЙ

РАССУЖДЕНИЕ О ДЕЛАХ МОСКОВИИ ФРАНЧЕСКО ТЬЕПОЛО

Описание Московии Франческо Тьеполо издавалось неоднократно.

Впервые оно было издано в 1820 г. в Берлине Б. фон Вихманном,[1] затем — в 1841 г. — в С. Петербурге А. И. Тургеневым;[2] позднее издавалось еще дважды в Венеции: в 1857 г. — S. Romanin[3] и A. Magrini — в 1877 г. в весьма редкой брошюре Nozze Cuchetti-Rosado.[4]

Библиографические упоминания о работе Тьеполо находим: у Аделунга в Kritisch-litterärische Uebersicht,[5] у Иконникова[6] и у G. Berchet во введении к его изданию Relazione della Moscovia di Alberto Vimina 1657 (Milano, 1861). Никакого упоминания, против ожидания, не находим у Ciampi в его Bibliografia critica, хотя именно Ciampi в 1830 г. принес в дар русской

---

[1] Sammlung bisher noch ungedruckter kleiner Schriften zu ältern Geschichte und Kentniss des Russischen Reichs. Herausg. v. B. von Wichmann, Bd I. Berlin, 1820, стр. 363—398, по рукописи венской библиотеки: cod. ms. n⁰ 8707, Hist. prof. 171, fol. 23—31.

[2] В Historica Russiae monimenta, т. I, стр. 162—172, по рукописям Ватиканского архива: Misc., Arm. II, 19 и Misc., Arm. II, 76.

[3] S. Romanin. Storia documentata di Venezia. Venezia, 1857, т. VI, стр. 505—522, по рукописи библиотеки св. Марка: cod. LXIV, cl. VI. Ital.

[4] Relazione della Moscovia attribuita al serenissimo sier Francesco Tiepolo, fatta l'anno 1560. Venezia, tip. G. Cecchini, 1877, 8⁰, стр. 39.

[5] F. Adelung. Kritisch-litterärische Uebersicht der Reisenden in Russland bis 1700, deren Berichte bekannt sind, Bd I. St Petersb. u. Leipz., 1846, стр. 224—226. Перевод работы Аделунга — в Чтениях Общества истории и древностей при Московском университете, 1863, январь—март, кн. 1, стр. 144—145.

[6] Иконников. Опыт русской историографии, т. I. Киев, 1891, стр. 200, и т. I, кн. 2. Ibid., 1892, стр. 1474.

Академии проверенный им список Тьеполо.[1] Наоборот, отсутствие имени Тьеполо в „Сказаниях иностранцев о Московском государстве" В. О. Ключевского и у В. Кордта в его „Чужоземні подорожні по Східній Европі до 1700 р. (у Київі, 1926) — не удивительно, так как первый и не собирался охватить все „сказания", а второй в своем указателе не повторял, а лишь (частично) дополнял Аделунга.

В нашей исторической литературе, насколько нам известно, Тьеполо вовсе не цитируется и не упоминается. Нет до сих пор и перевода его сочинения на русский язык.

*

Всего до сих пор известно было одиннадцать списков сочинения Тьеполо. Шесть из них указывает Аделунг. Это списки: библиотеки Барберини, Ватиканского архива, Ватиканской библиотеки, берлинский, парижский и венский.[2] Из остальных три принадлежат библиотеке св. Марка в Венеции,[3] один, по словам Ciampi,[4] входил в собрание Тривульцио и один — ватиканский, указан А. Тургеневым в вариантах к его изданию Тьеполо.

К этим одиннадцати мы можем прибавить теперь двенадцатый, превосходно сохранившийся, повидимому, один из наиболее ранних, список, недавно обнаруженный в собраниях Института Истории Академии Наук СССР (*L*).

Из всех упомянутых нам были доступны, не говоря о последнем, тексты: Ватиканского архива (по двум спискам — V_1 и V_2) — по изданию А. И. Тургенева; венский (*W*) — по изданию Б. ф. Вихманна; первый из названных венецианских (M_1) — по изданию S. Romanin; Тривульцио (*T* — сверенный Ciampi, по его словам, с текстом списка Барберини) — по сохранившейся в архиве Академии Наук СССР копии, подаренной Ciampi

---

[1] S. Ciampi. Bibliografia critica delle antiche reciproche corrispondenze politiche, ecclesiastiche, scientifiche, letterarie, artistiche dell' Italia colla Russia, colla Polonia ed altre parti settentrionali. Firenze, 1842, vv. I—III. Список Ciampi ныне хранится в архиве Академии Наук СССР.

[2] Adelung, o. c., стр. 224, 225.

[3] Первый — (M_1) cod. LXIV, cl. VI. Ital. alla Marciana — см. S. Romanin, o. c., т. VI, стр. 505; второй — (M_2) It. V. 38 — см. Catalogo dei codici Marciani Italiani... vol. II... redatto da C. Frati e A. Segarizzi. Modena, 1911, стр. 278; третий — (M_3) It. VII. 908 — в печати не упоминался.

[4] Об этом говорит собственноручная надпись Ciampi на копии этого списка, подаренной им Академии Наук.

Академии, и, наконец, список библиотеки Барберини (*B*) — по копии (XVII в.),[1] привезенной Штрандманом в 1823 г. и хранящейся в Гос. Публичной библиотеке им. Салтыкова-Щедрина.

Наименования сочинения Тьеполо различны в разных списках — и по степени подробности, и в смысле (мнимой или действительной) точности.

Наиболее подробный заголовок имеет список Ciampi-Trivulzio (*T*): Relazione overo discorso delle cose di Moscovia, qual si dice essere del clarissimo M. Francesco Tiepolo (без года). Наиболее краткий — в нашем академическом списке (*L*): Delle cose di Moscovia del MDLXVI.

Различия заголовков, как увидим, нелишенные значения, интересны по следующим вариациям: а) Discorso или Relazione; б) с именем Тьеполо, без него или с иным именем; в) с категорической или условной аттрибуцией; г) с датой года или без нее.

Большинство списков: V_1, V_2, берлинский, парижский, *W*, M_1 и M_2 — называют работу Discorso. К ним примыкают M_3, дающий Notitie, и список Ватиканской библиотеки — Narratio historica.[2]

Наоборот, списки *B* и *T* дают вместо Discorso — Relazione,[3] а последний, контаминируя, Relazione overo Discorso. Наш список (*L*) вовсе опускает термин.

Имя Тьеполо названо в большинстве списков, в *W* и *L* отсутствует, в M_2 и M_3 указано (или разумеется) другое.[4] Однако,

[1] Гос. Публичная библиотека им. Салтыкова-Щедрина — шифр: Ит. F. IV. № 37. Список определен в каталоге, как относящийся к XIX в., но по бумаге и письму относится, кажется, к XVII в.

[2] О последнем см. Adelung, o. c., стр. 225. Возможно, впрочем, что этот заголовок принадлежит не ватиканскому списку, а только копии Альбертранди, как это, например, оказалось с Мариниевской копией текста псевдо-Фоскарини, натолкнувшей своим латинским заголовком на совершенно ошибочные предположения и Аделунга и отчасти Вл. Огородникова (см. Вл. Огородников. Донесение о Московии второй половины XVI века. М., 1913).

[3] Впрочем, в копии, привезенной Штрандманом, на 2-м листе имеется второй, краткий заголовок из одного слова Discorso.

[4] Для M_2 см. Catalogo dei codici Marciani Italiani ... v. II. сто. 278: Antonio Caboga Ragusino. Имя ошибочно взято из записи в конце рукописи: „MDLX ta ex libris Antonii Caboge Ragusini". Что касается M_3, то текст ее озаглавлен: „Его же заметки о Московии" („Notitie della Moscovia dello stesso"). Поскольку тому предшествует донесение о Польше Alvise Lippomano, то и вся рукопись приписывается Липпомано.

не все списки, называя Тьеполо, с одинаковой определенностью приписывают ему авторство. Выше мы видели формулу списка *T*: „qual si dice essere...“ Такова же она и в V_1, V_2, в берлинском и M_1. В противоположность им, списки парижский, Ватиканской библиотеки и *B* указывают аттрибуцию в категорической форме, особенно последний в передаче Аделунга:[1] „Relazione delle cose di Moscovia, fatta al Senato Veneto da messer Francesco Tiepolo“.

Менее существенны для нас в данный момент колебания в датах при заголовке. О них скажем ниже, оговорив здесь лишь наибольшую вероятность даты 1560 г.

Отмеченные же выше два других пункта, в сущности, отражают основное недоумение, вызываемое рассматриваемым сочинением. С чем мы тут имеем дело: с записками путешественника, реляцией дипломата — официального или неофициального корреспондента правительства, с сообщением частного лица или с чем-либо в роде справки, составленной в правительственной канцелярии и т. п.? Какова была роль Тьеполо по отношению к Московии?

Аделунг, первый коснувшийся этих вопросов, дает на них весьма определенные, но ничем, к сожалению, фактически не обоснованные ответы. Он говорит о Франческо Тьеполо:[2] „Об обстоятельствах жизни его ничего неизвестно; в 1560 г. он находился в Москве послом Венецианской республики и, по возвращении, поднес своему правительству донесение, содержащее описание России в историческом и топографическом отношениях“.

Откуда почерпнуты эти данные, Аделунг не указывает. Между тем русские источники, и опубликованные ко времени Аделунга, и все вообще до сих пор известные, ничего не говорят о посольстве Тьеполо. Иностранные источники, по крайней мере, в пределах известного в печати материала, также не подтверждают сказанного Аделунгом. В частности, у E. Alberi в Relazioni degli ambasciatori Veneti al Senato[3] Франческо Тьеполо нет.

---

[1] Список *B* в копии Штрандмана не упоминает „al Senato Veneto“.

[2] Adelung, o. c., стр. 224. Цитируем по переводу А. С. Клеванова в Чтениях М.О.И.Д., 1863, январь—март, кн. 1, разд. IV, стр. 144.

[3] Relazioni degli ambasciatori Veneti al Senato, raccolte ... da E. Alberi. Firenze, 1840.

Попытки итти путем генеалогических разысканий оказываются так же бесплодны. У P. Litta в его Celebre famiglie Italiane[1] можно отметить несколько представителей рода Тьеполо, носивших имя Франческо и около 1560 г. бывших совершеннолетними, но если бы даже нам удалось (что весьма сомнительно) отождествить нашего автора с одним из них, сведения П. Литта нас почти ничем не обогатили бы, так как биографические подробности об упомянутых лицах у него почти отсутствуют.

А. Магрини[2] так определяет итоги своих генеалогических поисков: „La famiglia Tiepolo appartiene ad uno dei più antichi e nobili casati di Venezia. Venne da Rimini, e la si vuole discesa da patrizi Romani. Produsse antichi tribuni e fu tra quelle che nel 697 elessero Paolo Lucio Anafesto di Eraclea, primo doge di Venezia; numerando essa a sua volta due dogi: Iacopo, che regnò ventotto anni, abdicando nel 1249, e Lorenzo, suo figlio, che, eletto nel 1268, dogò sei anni. Molti uomini conspicui ed illustri essa diede alla magistratura, alla chiesa, alla milizia, alle scienze, alle lettere e alle arti. Tra quelli annoverasi Francesco Tiepolo, estensore della Relazione sulla Moscovia. Intorno ad esso però furono vane le più ostinate ricerche, e presso l'Archivio generale ai Frari, e presso la Marciana, e presso dotte persone specialmente versate in tali studi, da me fatte per poter stabilire la sua identità tra i non pochi Francesco Tiepolo, che nacquero circa all'epoca in cui egli deve aver visto la luce. Tuttavia i dati che più corrispondono, considerato che egli doveva coprire la carica di ambasciatore, e che la Relazione è del 1560, sono i seguenti. Francesco Tiepolo, fu Domenico, fu Matteo, fu Andrea, fu Lorenzo nacque nel 1509, l'anno stesso, in cui suo padre, vedovo di una Valeresso fu Marco, che avea sposata nel 1488, passò a seconde nozze con una Gradenigo fu Zusti, vedova di Paolo Morosini. Egli pure, vedovo di Maria Bembo fu Alvise, che avea impalmata nel 1526, secondo il Priuli, Genealogie Veneziane, tomo VI, pag. 5093, e di una fia di Bernardin Giova, gastaldo del Serenissimo, secondo la Cronaca Matrimoni dei nobili Veneti, pag. 314 tergo, sposò in secondi voti una figlia di Giovanni Contarini. Mori nell'agosto del 1580. Non si compende poi come, e perchè, nella intestatione del documento gli si dia il titolo di serenissimo, che era

[1] Torino, 1902.

[2] См. выше прим. 4 на стр. 303.

esclusiva del Doge". В переводе это значит: „Семья Тьеполо принадлежит к одному из наиболее древних и знатных родов Венеции. Происходит она из Римини и считает своими предками римских патрициев. Она имела в числе своих членов древних трибунов и участвовала в 697 году в избрании Павла Люция Анафеста из Гераклеи, первого дожа Венеции. В свою очередь она дала двух дожей — Якопо, правившего 28 лет и отрекшегося в 1249 г., и сына его, Лоренцо, который был избран в 1268 г. и был дожем 6 лет. Много видных и замечательных людей дала эта семья магистратуре, церкви, армии, науке, литературе и искусствам, в том числе и Франческо Тьеполо, составителя Донесения о Московии. Что касается этого последнего, то и в главном архиве ai Frari, и в библиотеке св. Марка, и у ряда ученых специалистов оказались напрасны самые упорные разыскания, предпринятые мною, чтобы идентифицировать его с одним из многих Франческо Тьеполо, родившихся примерно в то же время, как и он. Во всяком случае, если принять во внимание, что он должен был быть послом и что Донесение относится к 1560 г., то наиболее подходящие данные — следующие. Франческо Тьеполо, сын Доменико, внук Маттео, правнук Андреа, праправнук Лоренцо, родился в 1509 году, в тот самый год, когда его отец, потеряв жену, дочь Марко Валерессо, с которой был в браке с 1488 г., вступил во второй брак с дочерью Дзусти Градениго, вдовой Паоло Морозини. Сам Франческо, лишившись жены, Марии, дочери Альвизия Бембо, с которой был в браке с 1526 г., согласно Приули «Genealogie Veneziane», том VI, стр. 5093, или дочери Бернардина Джова, гастальда дожа, согласно Хронике браков венецианской знати, стр. 314, женился вторично на дочери Джованни Контарини. Умер он в августе 1580 г. Непонятно, как и почему в заглавии памятника он дает себе титул светлейшего, принадлежавший только дожу".

Таким образом, на основании генеалогических материалов мы не только не можем сказать что-нибудь определенное о жизненном пути Франческо Тьеполо, но даже генеалогически отождествить его затрудняемся.

Единственным бесспорным источником для суждения об авторе является в конце концов только его „Рассуждение". К сожалению, и этот источник дает лишь очень немногое, хотя выражается с достаточной, нам кажется, определенностью.

Надо отметить прежде всего, что сам автор (не в заголовке, а в тексте) называет свою работу Discorso. Последняя фраза его заключения гласит: „Ma occorrendo nell'avenir che s'intenda qualche cosa di più, che si potesse in questo discorso desiderar...“

Второе, еще более существенное указание содержится в следующих словах заключения: „Questo è quanto che delle cose del stato del Duca di Moscovia dall' historie proprie, da quelle dei vicini e da persone, che hanno militato sotto il Duca, ho potuto raccoglier in compendio. Et se molte cose non ho potuto come faceva bisogno descriver, devesi ascriver tutta la colpa alla molta distanza et all' historia che non da notitia più particolar“.

Из этих слов совершенно ясно, что автор в Московии не был; вероятно, был даже вдали от нее и составил не донесение (Relazione), а рассуждение (Discorso), пользуясь только чужими, письменными и устными известиями.

Утверждение Аделунга о путешествии Тьеполо в Московию не находит тут никакого подтверждения, как, впрочем, и заявление G. Berchet, что „Рассуждение“ написано в Венеции.

Это, в сущности, и все, что можно умозаключить непосредственно из высказываний автора о себе самом и о характере своей работы. Анализ „Рассуждения“ добавляет к сказанному еще кое-что, как ниже увидим, но касательно личности автора и, в частности, его имени — не дает ничего. В этом отношении нам остается, основываясь на большинстве списков, связывать авторство с именем Франческо Тьеполо, с их же оговоркой. Оба другие имени (Липпомано и Кабога — см. выше стр. 305, прим. 4), как явно ошибочные, отпадают.

Время составления Discorso можно определять двумя путями: во первых, по дате, содержащейся в заголовке сочинения в некоторых рукописях, и во вторых, по внутренним датам текста.

Заранее отметим, что из двух этих путей лишь второй ведет к более или менее достоверному результату.

Заголовки V_1 и V_2 вовсе не указывают года, как, вероятно, и M_1;[1] B и T дают 1560 год; L — 1566. Точного вывода, как видим, тут сделать нельзя.

Гораздо благоприятнее положение с данными самого текста. Прежде всего обращают на себя внимание два места, где

[1] Откуда издатель M_1 (см. Romanin, o. c., стр. 505) берет дату 1557, см. ниже.

автор говорит о смерти Василия III, вступлении на престол и возрасте Ивана Грозного. В одном из них (стр. 340) сказано: „Государь, которому повинуется все Московское царство, Джованни, наследовавший отцу своему Базилио 24 года тому назад в возрасте 6 лет". В другом (стр. 341): „Умирая, он (Василий III) оставил, под опекой матери и дяди, наследником единственного сына, того, что ныне правит, что было в 1536 году".

Из сопоставления цифр совершенно очевидно, что писалось это в 1560 г.: 24 года тому назад был 1536 г., теперь — 1560; в 1536 г. Иоанну было 6 лет, теперь ему 30 (стр. 342) — „теперь" = 1560 г. За исключением M_1, все рукописи в тексте дают одни и те же (выше указанные) цифры. В M_1, вместо 1536 г., стоит 1533, то есть, заметим в скобках, действительно точная дата смерти Василия III, но так как M_1 тут же, вместе с прочими рукописями, ошибается в цифре возраста Ивана к моменту смерти его отца (шесть лет, вместо трех), то именно в M_1 датировка оказывается ошибочной: во всех других две противоположные ошибки взаимно погашаются, и итог остается правильным.[1]

При всей ясности только что сделанного вывода, на нем нельзя окончательно остановиться, не разрешив недоумений, возникающих при чтении двух мест в заключительной части Discorso (см. стр. 342 и примечания к тексту 45 и 46).

В самом деле, пока автор говорит там о походе на Крым и начале Ливонской войны, он не выходит за пределы 1555—1559 гг., другими словами — установленная нами дата написания сочинения остается непоколебимой. Затем однако, в описании войны с Польшей сказано: „После нескольких поражений, понесенных обеими сторонами, моски потеряли много замков, первоначально занятых ими, и доныне эта распря между ними не кончена".

Спрашивается, к каким событиям и к каким годам это можно отнести? Неудачи московских войск в Ливонии начинаются только в 70-х годах; ранее этого самые недобросовестные информаторы Тьеполо не имели никаких оснований говорить

[1] Василий III умер в 1533 г., когда Ивану было 3 года. *VBTWL*, относя смерть Василия на 3 года позднее, вместе с тем считают Ивана в момент смерти отца на 3 года старше, чем было в действительности. Таким образом, дата рождения Ивана вычисляется правильно, как 1530 г., а дата написания Discorso, как 1560 г.

о „потере многих замков" русскими. Если же признать, что Тьеполо тут действительно имеет в виду победы Стефана Батория,[1] то можно ли это согласить с 1560 г., как датой написания Discorso?

Такой же вопрос возникает при чтении следующего затем сообщения об опустошительном набеге ногаев „в это время" на Московию. За время с 1558 до 1570 г. мы не знаем ни одного серьезного нападения татар на московские земли, но к 1570 г. относится, как известно, поход Девлет-Гирея и сожжение Москвы. Не исключено, разумеется, что Тьеполо введен был здесь в заблуждение какой-либо из враждебно-преувеличенных польских реляций и слова его относятся к одному из обычных набегов на окраины, случавшихся, наверное, и в 1558—1560 гг. В этом случае наша дата (1560) не затронута. Если же допустить, что известие о нападении „ногаев" относится к нашествию Девлет-Гирея 1570 г., а сообщение об их поражении — к походу Девлет-Гирея 1572 г. и битве при Лопасне, то разногласие с предполагаемой нами датой составления Discorso налицо.

Попытаемся устранить или разъяснить эти противоречия. Вполне очевидно, что, если указанные известия с поздними датами встречаются в списках Discorso, сделанных только в конце века или хотя бы около 1579 г. (дата взятия Полоцка Стефаном Баторием), то допустимо и предположение, что мы в них имеем позднейшую интерполяцию, вставку (авторскую или не-авторскую), дополняющую старый текст новейшими данными, причем разногласие между внутренними датами старого текста, с одной стороны, и новыми сведениями, с другой — осталось незамеченным.

В нашем случае дело, повидимому, так и обстоит. Правда, в силу достойной сожаления неточности старых археографических изданий, по ним невозможно установить возраст рукописей, по каким делались публикации Discorso, но путем специальных запросов нам это до известной степени удалось.

По наведенным справкам оказывается, что V_1 (шифр: Misc., Arm. II, 19 = Politicorum 19) не старше 1580 г.;[2] V_2 примерно,

[1] Мы намеренно останавливаемся тут на труднейшем из возможных вариантов. О втором (колеблющемся чтении слова persero — „потеряли" и возможных выводах отсюда) см. в примечании 45 к тексту.

[2] V_1 писана тою же рукой, что и все прочее в сборнике, например, „elogio del card. Giov. Moroni", умершего в 1580 г.

того же времени (1576—1580);[1] *B* (шифр: Barb. lat. 5417, ныне в Ватиканской библиотеке) — рукопись XVII в.; M_1 (шифр: Ital. VI. n⁰ 64) — не ранее 2-го десятилетия XVII в.;[2] M_2 (It. V. 38) — относится к XVI в., но точнее не определима;[3] M_3 (It. VII. n⁰ 908) — к XVII в. Из остальных, нам известных, *W*, без сомнения, поздний список, судя по испорченности текста, и, наконец, *L* (академическая рукопись) по филиграни вполне точно датируется 1576 г. (следовательно, может быть относима ко времени 1576—1580, как и V_2).[4]

Таким образом, наше предположение, хотя бы отчасти, подтверждается. Можно сделать такой вывод: пока не обнаружится список Discorso, содержащий указанные выше известия поздних дат, но относящийся к 60-м гг. XVI в., мы вправе считать эти известия интерполяцией, сделанной не ранее 1579 г. Нелишним будет напомнить, что сам автор Discorso в последних строках заключения высказывает готовность со временем внести необходимые дополнения в свою работу (см. стр. 342).

Примеров дополнений старого текста „последними новостями" немало в практике XVI в. Отметим, что этим отличается третье латинское издание „Записок о Московитских делах" Герберштейна (Базель, 1556), а немецкие переводы „Записок", принадлежащие Генриху Панталеону и изданные в 1563 и 1567 гг., дополняют основной авторский текст новыми известиями вплоть до 1567 г.[5]

В „Трактат о двух Сарматиях" Матвея Меховского, в третье его издание (1521 г.) сам автор сделал вставку, дополнив историю царствующего турецкого султана известиями о послед-

---

[1] V_2 писана тою же рукой, что находящееся в этом сборнике донесение Андреа Джустиниани 1576 г. Филигрань не зарегистрирована Брикэ (грубое изображение верблюда, под ним *P*).

[2] Тою же рукой, что M_1, писано донесение о Германии 1627 г.

[3] Филигрань у Брикэ не значится (на гербовом щите кисть руки с растопыренными пальцами, обращенными вправо; под ней корона из четырех зубцов). В конце Discorso запись: MDLX^{ta} ex libris Antonii Caboge Ragusini. Год, вероятнее всего, датирует Discorso, а не время записи.

[4] Филигрань: ангел в кругу, над кругом шестиконечная звезда; контрамарка — буква H, у которой верх правого вертикального штриха загнут вправо, а поперечная черта пересечена накрест вертикальным штрихом, увенчанным трилистником. См. Briquet, n⁰ 652.

[5] Герберштейн. Записки о Московитских делах, перевод А. И. Малеина. СПб., 1908, стр. XXVI—XXVII и 285—286.

них его завоеваниях (см. М. Меховский, „Трактат о двух Сарматиях", М.—Л., 1936, стр. 89 и примеч. 134).

Весьма типично в том же роде Relatione, приписываемое Марко Фоскарини (см. А. И. Тургенев, о. с., стр. 144 и сл., и перевод Вл. Огородникова), представляющее на две трети пересказ книги Павла Иовия, а в остальном — дополнения ее данными о недавних событиях.

Наконец, самое „Рассуждение" Тьеполо, нами здесь изучаемое, в сущности, тоже является в значительной степени искусно сделанной компиляцией старого материала и лишь в части дает новейшие сведения.

*

В заключении своего сочинения Тьеполо говорит: „Это — все, что я мог собрать и свести в краткий обзор о делах государства Московского герцога, пользуясь историей самих московитов,[1] историей их соседей и рассказами лиц, воевавших под начальством этого герцога. Если многого я не мог, как было нужно, описать, то всю вину за это следует отнести к дальности расстояния и неполноте истории, не дающей более точных сведений".

Характеризуя таким образом свои источники, автор, как видим, во первых, вовсе не говорит о личном наблюдении, о личных своих впечатлениях, отнюдь не выступает перед читателем в роли очевидца („дальность расстояния"), тем самым лишая всякой почвы предположения о пребывании его в Московии.[2] Во вторых, указывая фактически использованный им материал, определяет его, с одной стороны, как литературный, книжный („история"), с другой — как материал устных сообщений.

Анализ „Рассуждения" с точки зрения оригинальности сообщаемых им сведений убеждает в том, что это авторское признание, в общем вполне добросовестное, все же неточно в двух направлениях: использование исторической литературы представляется в нем с преувеличенной широтой, но в то же время в нем умалчивается о некоторых других письменных источниках, какими автор, повидимому, пользовался.

---

[1] „... dell'historie proprie" — буквально: „их собственной истории".

[2] Adelung, о. с., стр. 224.

Напрасно было бы понимать фразу о „собственной истории" московитов или „истории самих московитов "слишком буквально, ища, например, в „Рассуждении" следов русской летописи, знакомства с актами и т. п. Ничего этого у Тьеполо мы не найдем. Столь же напрасно было бы предположение о широком знакомстве автора с „историей их (московитов) соседей", но при всем том выше приведенное заявление, повторяем, в общем добросовестно.

Самый характер оформления, так сказать дипломатический тип работы Тьеполо, не требовал поименования источников. Он и не называет ни одного из читанных им авторов.[1] Установить их можно по содержанию сообщаемых сведений.

Основным книжным источником Discorso была крупнейшая в то время по значению и богатству фактами работа о России — „Записки о Московитских делах" Герберштейна, к 1560 г. выдержавшие уже пять изданий на латинском языке[2] и, что особенно важно для нас, в 1550 г. изданные и в итальянском переводе в Венеции.[3]

И в исторических частях Discorso, и в географических описаниях, и в характеристике политико-экономических данных России легко отметить заимствования из Герберштейна. У него взяты сведения о Рюрике, варягах и Владимире св. (Герберштейн, о. с., стр. 4, 5, 9), о раздорах удельных князей и татарах (ibid., стр. 10), о возвышении Москвы (ibid., стр. 100, 102) об освобождении Западной Руси и Литвы от татарского ига (ibid., стр. 139), о подчинении Иваном III вассалов (ibid. стр. 12—15), о покорении Перми (ibid., стр. 135), о походе Курбского в Югру (ibid., стр. 193), о Василии III (ibid., стр. 16 20, 145). Из того же источника, с другой стороны, идут сведения о реках России (ibid., стр. 113, 120—122, 129, 130 и др.) об отдельных областях, их плодородии или бедности (ibid. стр. 11, 98, 102, 103, 104, 126, 134, 137, 138), в частности, о загадочном Энгронеланде (ibid., стр. 127, 132, 133, 191); о пред

---

[1] Впрочем, в XVI в. это и вообще еще не вошло в обыкновение даж в ученых исторических работах.

[2] Вена, 1549; Базель, 1551; ibid., 1556; Антверпен, 1557; Франкфурт, 1560

[3] Commentarii della Moscovia et parimente della Russia e delle altre cos belle et notabili composti per il signor Sigismondo, libero barone in Herberstein et Guethag, tradotti nuoamente di latino in nostra lingua volgare Italiana. . Venetia, G. B. Pedrezzano, 1550.

метах ввоза и вывоза (ibid., стр. 90, 19, 135, 157), местах торговли (ibid., стр. 117, 124, 152, 157), о естественных богатствах страны (ibid., стр. 91, 95, 96, 102, 103, 107, 109, 120, 122, 124 и др.), об организации военной службы (ibid., стр. 20, 74, 75, 99 и др.), вооружении, одежде, религии и т. д.

„Записки о Московитских делах" были, так сказать, настольной книгой Тьеполо при составлении Discorso, а наличие итальянского перевода, конечно, облегчало пользование ими. Что Тьеполо действительно опирался на итальянский текст Герберштейна, видно потому, что некоторые характерные ошибки и не менее характерные достоинства в отдельных местах Discorso могут быть выведены только из итальянской версии „Записок". Так, противоречащее фактам и Герберштейну утверждение, что „Сибирь населена ногаями", объясняется исключительно неясностью в итальянском переводе фразы: „Negai... al fiume Laick (Яик) nella provincia detta Sibier habitano", где „nella... Sibier", относящееся к Яику (и неполно передающее смысл латинской фразы „вытекает из области Сибирской"), легко может быть отнесено и к Negai habitano (см. наше примеч. 7 к тексту).

Наоборот, запутанная фраза латинского оригинала о предметах вывоза на северо-восточную окраину Московии (Герберштейн, о. с., стр. 91), не всегда правильно понимаемая даже лучшими из наших переводчиков, в итальянском тексте XVI в. выглядит совершенно ясно: так же ясно отражена она и в Discorso (см. наше примеч. 32 к тексту).

Вместе с тем, автор „Рассуждения" знал и латинский текст Герберштейна, так как иногда приводит детали, отсутствующие в итальянском переводе, но имеющиеся в оригинале (об островерхих шапках у русских — см. наше примеч. 30 к тексту).

Наряду с Герберштейном, этим важнейшим источником эрудиции Тьеполо, заменившим для него и „собственную историю московитов", и отчасти „историю их соседей", при составлении Discorso, повидимому, использованы и другие авторы — Матвей Меховский, Павел Иовий, Иозафа Барбаро, Амброджо Контарини, а в некоторой степени также Плано Карпини и Рубрук.

Наиболее значительные работы М. Меховского — его „Трактат о двух Сарматиях" и „Chronica Polonorum" появились в печати уже в первой четверти XVI в.: „Хроника" — в 1521 г. в Кракове, а „Трактат" — впервые в 1517 г. в Кракове, затем в 1518 г.

в Аугсбурге и в третьем издании в 1521 г. снова в Кракове. Ко времени составления Discorso, вероятно, заканчивался в Венеции и мог быть уже известен Тьеполо итальянский перевод „Трактата", вышедший в 1561 г.

О влиянии М. Меховского на Тьеполо нельзя сказать того же, что о Герберштейне; оно менее заметно и с определенностью отмечается лишь в немногих местах Discorso: в характеристике исторической роли Ивана III, как освободителя Московии от татарского ига, в противовес Герберштейну, у которого Иван III изображен покорным слугой татар; в особенностях датировки русских исторических событий, также отступающей от Герберштейна; в категорической форме известия о тождестве языка венгров и югры, переданного у Герберштейна с оговоркой, и т. п. В целом ряде мелочей, кроме того, можно видеть следы знакомства с „Трактатом" (см. наши примеч. к тексту).

Известия Павла Иовия, Барбаро и Контарини автор „Рассуждения" не мог оставить в стороне, занимаясь Московией, хотя бы уже потому, что как раз в 1559 г. они все вместе напечатаны были в Венеции во втором томе книги Рамузио „Navigazioni et viaggi" (П. Иовий — в итальянском переводе). Действительно, все эти авторы, в той или другой (но в общем в небольшой) степени использованы Тьеполо. Такие места, как общее описание русской равнины, защищенной от врагов болотами и лесами; как известия о Белом озере, о домах-повозках, о богатстве коноплей, о привозе шелка от Джагатайских татар и оружия из Персии, о реке Яксарт и др. — основаны на книге Павла Иовия (см. наши примеч. 1, 4, 5, 8, 16, 27, 29, 32, 31 и др. к тексту). С текстами Барбаро и Контарини связаны сообщения о былом торговом величии Астрахани, о транзитной торговле через Тану, о богатстве южной России ревенем и аиром. Оттуда же, вероятно, заимствовано кое-что в географической терминологии (отождествление Крыма с Кафой, Mare Zabacche и др.).

У самого Рамузио (из его предисловия ко второму тому) заимствовано, кажется, имя татарского племени Iesilbaš или (у Тьеполо) Berette verdi — Зеленые шапки.[1]

В числе других книг, возможно, использованных Тьеполо, укажем, наконец, „Историю Монгалов" Плано Карпини и „Путешествие в восточные страны" В. Рубрука. Оба эти сочинения

[1] См. Secondo volume delle navigazioni et viaggi..., л. 16 и наше примеч. 31.

входили в состав большой исторической энциклопедии Винцентия из Бовэ — Speculum historiale (кн. XXXII), имевшей уже в XV в. четыре издания и широко известной не только в ученом мире, но и в более широких кругах любителей исторического чтения.[1] От Плано Карпини и Рубрука (или, по крайней мере, частью от них) перешли в Discorso некоторые детали старинной географической номенклатуры (Булгария, Кумания, Албания, Чиркассия и т. п.).

Таков (может быть, и неполный) перечень авторов, читанных Тьеполо при составлении „Рассуждения о делах Московии". Им, однако, покрываются не все письменные источники Discorso, так как ни один из уже названных авторов не упоминает ни Биармии, ни Грандвико,[2] не определяет Вятской области словами „это узкая и длинная область", не дает оснований помещать „Калугу против Таны", не знает присущего Тьеполо топографически четкого деления России по областям и т. д.

Чтобы уяснить себе происхождение у Тьеполо этих элементов, да и многого другого в его своеобразной географической концепции, необходимо обратиться не к книжному, а к картографическому материалу. Внимательный анализ „Рассуждения" устанавливает, что влияние современной быстро развивавшейся (а в особенности высоко стоявшей итальянской) картографии сказалось на нем очень сильно. Это и не удивительно, так как, кроме общих причин, тут, наверное, действовали и некоторые специальные „усилители". Около половины XVI в. в Венеции работал один из крупнейших картографов своего времени, Джакомо Гастальдо, человек, которого Норденшильд ставит в первый ряд великих мастеров картографии вообще. Гастальдо выполнил немало замечательных карт Восточной Европы (см. Кордт. Материалы по истории русской картографии, вып. 1. Киев, 1899 и серия вторая, вып. 1. Ibid., 1906) и между прочим — воспроизводимую нами карту 1550 г., приложенную к упоминавшемуся итальянскому переводу Гербершгейна. Эта карта, конечно, была известна автору „Рассуждения" и не осталась без воздействия на его географические представления. Можно предположить большее. Мы не знаем, писал ли Тьеполо дей-

[1] См. А. И. Малеин. Энциклопедия Винцентия из Бовэ (Труды Института книги, документа, письма Академии Наук СССР, т. II, Л., 1932, стр. 23—41).

[2] Считать эти имена заимствованием из Саксона Грамматика едва ли есть основания.

ствительно в Венеции, как думает G. Berchet, но что сам он и весь его род принадлежали венецианской почве, это сомнению не подлежит. Почему не допустить, что там же в Венеции Тьеполо мог лично знать Дж. Гастальдо и в его мастерской познакомиться со множеством географических данных, находившихся, надо думать, в распоряжении мастера, мог, наконец, видеть разные карты Европы или даже Московии, в том числе и такие, о каких мы сейчас и понятия не имеем.

Добавим к этому, что лет за 20 до написания Discorso в Венеции же работал другой знаменитый современник Тьеполо, Олай Магн, известный не только своей „Историей о северных народах", но и прекрасной картой Северной Европы, составленной им в Венеции в 1539 г. Конец жизни (ум. в 1557 г.) Олай Магн провел в Италии (в Риме) и мог быть живым источником географических сведений для Тьеполо, не говоря уже о ценности данных, содержащихся в его карте.

Это — лишь наши предположения, но если мы в них и ошибаемся, то, независимо от предположений, целый ряд конкретных данных в тексте Тьеполо дает нам право включить и картографический материал в число источников его сочинения (см. наши примеч. 1—8, 10, 14, 15, 18, 21, 22, 36 к тексту).

Что касается сообщаемых Тьеполо новейших сведений, т. е. сведений о событиях времени Ивана Грозного, то сам он их-то, очевидно, и связывает с рассказами людей, „воевавших под начальством... герцога".[1] Мы не имеем никаких оснований сомневаться в наличии у него таких источников, но думаем, что, кроме рассказов бывалых людей, автор мог иметь и другие пути информации о текущих событиях, хотя бы разного рода дипломатические донесения (безразлично — в письменном виде или в устной передаче), в роде тех, что опубликованы А. И. Тургеневым в Historica Russiae monimenta (см. наше примеч. 46 к тексту).

*

Итак, „Рассуждение" Тьеполо оказывается в большей своей части компиляцией, основанной на известных литературных источниках и картах, и только в небольшом отрывке, относящемся ко времени Ивана Грозного, может считаться оригинальным произведением.

[1] В тех случаях, разумеется, когда это действительно данные 30—50-х гг., а не простая комбинация из сказанного ранее его литературными источниками

Какова же ценность такой работы? Может ли она претендовать на внимание историка? В чем ее былой интерес и нынешнее значение, если оно есть?

Для того, чтобы ответить на эти вопросы, достаточно сопоставить Discorso Тьеполо с другими аналогичными произведениями его времени.

По своему характеру „Рассуждение" Тьеполо принадлежит к нередкому в XVI в. типу смешанного историко-географического описания, напоминая этим и Герберштейна и Меховского.

Конструкция его стройна и проста. Дав в начале краткое определение Московии и несколько основных штрихов из ее истории, автор переходит к определению государственных границ, пространства, устройства поверхности, перечисляет главные реки и восемь провинций, на которые он делит Руссию-Московию.

Историко-географическое описание этих восьми составных частей государства „великого герцога" занимает далее около трети всей работы. Затем, обращаясь вновь к обзору страны в целом, Тьеполо сжато характеризует ее производительные ресурсы, населенность, язык, религию и одежду жителей; подробно говорит о торговле, о вывозе и ввозе, о доходах герцога Московии и его расходах (военных), о войске. Наконец, в последней части, посвященной царствующему „герцогу" Иоанну, автор дает беглый очерк истории его предков и заключает характеристикой личности и деятельности Иоанна.

Все это изложено на немногих страницах (наша рукопись имеет всего 10 листов или 20 страниц), без повторений, сбивчивости и отступлений, в строгой системе,[1] резко отличающей Discorso от многих других, гораздо более значительных произведений (включая и Герберштейна).

Своими источниками автор пользуется отнюдь не элементарно и не по ученически. Буквальных заимствований и механического переноса чужих слов мы у него не находим. Он берет факты, но располагает, группирует и оформляет их по своему, искусно соединяя вместе данные разных источников.

Самые факты он заимствует с большим выбором: принимая одно, решительно оставляет в стороне другое, иногда подчерк-

[1] Кажущееся нарушение системы — вторичное обращение к истории Московии в конце „Рассуждения" — внутренно мотивируется надобностью коснуться генеалогии Иоанна, истории династии.

нутое в источнике или занимающее там немало места; почти всегда игнорирует субъективные высказывания используемых авторов.

Ни одной басни, диковинки, небылицы — из тех, что сплошь и рядом развлекают читателей и у П. Иовия, и у Себастиана Мюнстера, и даже у недоверчивого Герберштейна, в свою работу Тьеполо не включил.

Несмотря на это все, мы не решились бы толковать его разборчивость, как выражение особенной критической чуткости или стремления к наибольшей достоверности. Дело, нам кажется, не в этом: выбор определялся в данном случае целью работы.

Но какова была эта цель? Для чего и для кого писано „Рассуждение"? Сам автор об этом молчит, мало говорит и его произведение. Насколько можно судить по соотношению частей в содержании Discorso, задача его — не столько историческая, сколько описательно-географическая. Исторические части, давая в общем правильную картину русской истории до XVI в., отличаются такой краткостью и схематичностью, что уже по одному этому не могли быть главным предметом внимания автора и центром читательского интереса.

Главная цель, поставленная себе автором (и во всяком случае в наибольшей степени им достигнутая), это — географическая, экономическая и политическая характеристика Московии его дней.

Судя по выдержанности изложения, близкой к сухости, „Рассуждение" назначалось не для „легкого" чтения. Это вещь глубоко серьезная и деловая: не путешествие с массой личных (и лишних) впечатлений, в роде Барбаро или Контарини, не ученый трактат, начинающий историю страны от Ноева ковчега, как у Меховского, не подавляющие беспорядочным богатством „Записки" Герберштейна, а нечто совершенно иное и по краткости и по ясности.

В общем „Рассуждение" больше всего напоминает посольское донесение, но для дипломата автор слишком учен, так же, впрочем, как для ученого — слишком практичен. Эпиграфом к его произведению могла бы стать фраза из реляции Марино Кавалли от 1560 г. (Тургенев, Monimenta, I, стр. 279): „È certo che le cose di Moscovia sono degne di esser tenute in molta considerazione...", т. е.: „Дела Московии, несомненно, заслуживают того,

чтобы к ним относились с большим вниманием". Автор Discorso как будто и задался целью объяснить, чем и почему Московия заслуживает внимания с деловой точки зрения. Он пишет не для любопытствующей праздности и не стремится развлекать читателя. Его сочинение, если и не было, как думал Аделунг, доложено венецианскому сенату, то по своему содержанию и направленности как будто для этого и писано.

Такое описание, то есть своего рода исчерпывающая докладная записка по министерству иностранных дел или аналогия „цветных" книг английского Foreign office, должно было быть сжатым, экономным, ясным по конструкции и легко обозримым; иллюстрирующие мелочи, конкретные художественные детали, разные побочные рассуждения автора в нем неуместны. Поэтому из всей массы фактов выбираются только общие, непосредственно необходимые для характеристики, а остальное устраняется. Поэтому в композиции избегаются повторения, изложение идет по строго определенному плану. Поэтому, наконец, историческая часть играет только подсобную роль (поскольку послу, правителю, сенату, вельможе-купцу или купцу-патрицию излишне знать генеалогию государя данной страны, исторические причины силы или слабости власти в ней и т. п.), на первый же план выступает описание условий и возможностей торгового обмена, путей сообщения, возможных выгод военного союза, готовности страны к обороне или нападению и т. д.

Рассматриваемое с этой точки зрения „Рассуждение" Тьеполо представляется блестящим образцом информационной деловой политико-экономической сводки с историческим обоснованием.

Само собою разумеется, что, помимо „заказчиков", с такой сводкой не без пользы и интереса могли знакомиться очень широкие круги людей вне специальной сферы торговых или политических интересов. Своей краткостью и ясностью Discorso был вообще очень удобен для читателя и, судя по числу сохранившихся списков, много читался.

Вещь эта была написана во время. Уже с конца XV в. возрастающая мощь Московии стала постоянным предметом внимания на Западе. Тем понятнее особенно обостренный интерес к ней в 50—60-х гг. XVI в., после завоевания Казани и Астрахани и после первых побед в Ливонии. Иван Грозный в это время еще не рисуется западному наблюдателю мрачным и бесчеловечным тираном. Это — загадочная, но блестящая фигура

молодого, победоносного и властного государя, повелителя громадного, рабски покорного ему народа, обладателя сильной армии. Словом — это величина, много весящая на весах политических союзов, антитурецких предприятий и продвижения западной торговли в страну „гипербореев". Недаром в далекой Италии (и, что характерно, преимущественно в крупнейшем центре торговых устремлений на восток, в Венеции) так быстро переводятся и так часто издаются в это время книги о Московии и ее соседях, карты Северной Европы и той же Московии, сочинения о татарах и делах московских и т. п. Сочинение Тьеполо, в несколько раз меньшее по объему, чем незадолго до него вышедшие „Записки" Герберштейна, но во всем важнейшем почти столь же содержательное и притом более понятное и ясное, написано было, повторяем, во время.

Эти его качества интересны для нас и теперь. Современный историк, не нуждаясь в блестящей компиляции Тьеполо по содержанию,[1] заинтересуется ею, как любопытным фактом в истории науки — в истории изучения территории и народов нашего Союза. С этой стороны Discorso представляет немало своеобразия. Не останавливаясь больше на высоком качестве компилятивных операций начитанного и ученого автора, кое-где дающих в результате нечто, очень напоминающее оригинальное известие, отметим необычную и весьма своеобразную трактовку автором географических тем. Помимо особенной (скорее книжной, чем бытовой) номенклатуры, тут интересно устанавливаемое Тьеполо областное деление Московии. В отличие от всех своих предшественников, либо вовсе не касающихся этой темы (Барбаро, Контарини, Иовий), либо не дающих полной картины (М. Меховский в „Трактате"), либо утомляющих читателя обширными перечнями, где перемешаны области, княжества, города и крепости, и за массой подробностей нелегко разглядеть целое (Герберштейн), Тьеполо стремится представить Россию в виде стройной системы областей. Таких он насчитывает восемь: Московия, Булгария, Кумания, Казань, Астрахань, Вятка, Пермь и Югра. Его система, конечно, условна: ради цельности и полноты в нее, как видим, введены два архаических имени — Булгария и Кумания, для обозначения Мордовской области и южнорусских степей, по представлению автора, также входящих

[1] Только там, разумеется, где это действительно компиляция.

в Московское государство, но при всей условности этой системы нельзя отрицать ее педагогической ясности и своеобразия самой попытки ее построения. Еще более любопытно то, что каждой из названных областей в „Рассуждении" дается краткая историческая, этно-географическая и экономическая характеристика, частью основанная на литературных данных, частью, повидимому, на собственных догадках и соображениях автора, но частью, может быть, и на неизвестном нам источнике, во всяком же случае очень интересная по содержанию (несмотря на свою краткость) и не имеющая аналогий в других работах.

Так обстоит дело с компилятивной частью „Рассуждения". Что же касается его оригинальной части — известий об Иване Грозном, то они в той же мере оказываются первоисточником, как и всякое собственное показание современника; могут быть цитированы и использованы, вполне заслуживая внимания историка.

В этой части характерно подчеркнуто-благоприятное отношение Тьеполо к „великому герцогу Джованни" и интересны данные об организации в Московии новой армии.

В качестве общего вывода можно сказать, что „Рассуждение о делах Московии" Франческо Тьеполо, не смотря на свою компилятивность в большей части, даже в ней представляет интерес, если не по содержанию, то по очень своеобразной форме, в части же оригинальной ценно и с фактической стороны. В общей серии Известий иностранцев о народах СССР эта работа вправе занять место.

*

В основу публикуемого нами итальянского текста Discorso положена наша рукопись *L*. Эта рукопись представляет собою тетрадь из 10 листов выс. 31.5 см, шир. 22 см. Обложка из той же бумаги (2 листа) имеет надпись „Delle cose di Moscovia del M. DLXVI". Бумага рукописи датируется 1576 г. по филиграни (Briquet, n° 652). Текст писан одним почерком, свойственным итальянским канцеляриям XVI в., вполне разборчиво. Сохранность рукописи хорошая.

В вариантах к тексту *L* мы приводим чтения следующих рукописей (см. введение): V_1 и V_2 (Ватиканского архива), *V* (венской), M_1 (венецианской), *B* (Барберини), *T* (Ciampi-Rivulzio). Так как, однако, уверенности в точном воспроизве-

дении рукописных текстов *VWM* соответствующими изданиями у нас нет, то в приведении вариантов мы ограничиваемся: а) именами собственными и б) местами текста, где вариант изменяет смысл. Колебания орфографии (очень частые) не отмечаем, следуя орфографии *L*.

В переводе придерживаемся текста *L*, во всех же случаях отступления от него делаем оговорки.

О ДЕЛАХ МОСКОВСКИХ

Московия некогда была одним из многих герцогств, на которые делилась великая область Руссия, заключенным в границах, ныне достаточно хорошо известных. Этому [герцогству] и его городу Моска дала имя река Моско, проходящая посредине города. Оно весьма известно среди других соседей, всегда было под независимым государем и никому не подчинено. Но после того как Джованни, сын Даниэля, великий герцог Руссии, предок нынешнего, покинув город Володимерию, перенес свою резиденцию в Моску, он захотел, чтобы она [Моска] была главой всех областей, ему подчиненных. Оттого позднее его преемники стали называться герцогами уже не Московии, а Руссии, пока, наконец, Джованни, дед нынешнего, не освободился от дани татарам, платившейся его предками с 1240 г. Этот [последний], отняв владения у некоторых из своих вассалов и приведя в подчинение себе некоторые другие области, оставил титул [герцога] Руссии и вновь принял первый [титул герцога] Московии, почему и вся эта страна Белой Руссии, бывшая владением его и Базилио, его сына, отделенная от Красной Руссии большой рекой Непер, получила имя Московии. О границах ее скажем в своем месте, а теперь поговорим о границах, которыми кончается все владение этого государя.[1]

С востока, между морем Каспио и Северным Океаном, оно ограничено четырьмя ордами татар, называемых ногаи, шибаны, козацки, тумены, и другими народами, разделяющимися на много частей, подчиненными той же нации, находящимися между туменами и Океаном и называемыми у нас одним единственным именем — гипербореи. От них владения герцога отделены Волгой, пустынной степью и обширными лесами.[2]

С севера лежит пролив очень большого полуострова Энгроненландии, ограниченного Океаном и большим заливом Грандвико, а от этого пролива [московские владения идут] до провинции Биармии.[3]

С запада между сказанным побережьем и заливом Финляндским лежит провинция Биармия и часть Карелии. Первая целиком, вторая—частью подчинены королю Швеции. От них

[владения герцога] отделены большим Белым Озером, обширными лесами и рекой Польной, а следуя дальше от устья[а] этой реки до реки Нарвы, отграничены Финляндским заливом от провинции, получившей от него имя и подчиненной сказанному королю. Остальное на западе—это ливоны, литовцы и жители Руссии Красной. Первые — данники короны Польской, оба другие [народа] во всем [ей] повинуются. От них отделяют реки Нарва и Непер, некогда называвшийся Борисфеном, и леса, лежащие у их истоков.[4]

С юга лежит пустынный остров Каффа и море Дзабаккэ, некогда именовавшееся Меотидским Болотом. Вплоть до города Таны [все] находится под властью турок, а от этого города до устьев реки Волги, древними называвшейся Ра, иначе — Ледиль, находятся чиркассы и аланы, некогда именовавшиеся альбанами. Те и другие свободны и христиане греческого обряда. От них отделяет степь и часть громаднейшей горы Кокас, некогда называвшейся Кауказо.[5] Хотя эти границы оказываются не вполне меридиональными, мы расположили их таким образом в зависимости от того, насколько больше смотрят они в одну сторону, чем в другую.[6]

Эта величайшая страна — от устья Нарвы до крайней части своей провинции Вяткан, где граничит с татарами, имеет в длину около 1800 миль. С запада на восток от устья Польны до гипербореев это расстояние много больше, но не вполне известно. Вероятная ширина с юга на север — между городом Таной и устьем Двины, примерно, около 1600 миль, и много больше между устьями Волги и реки Обис, впадающей в залив Грандвико, но с этой стороны она еще не достаточно известна.[6]

Все это — равнина, кроме побережья сказанного залива, где между владениями короля Швеции и гиперборэями тянется высокая и широкая горная цепь, от которой отходит весьма широкое ответвление чрезвычайной высоты и почти везде очень большой крутизны, простирающееся почти до провинции Сибиер, населенной ногаями; считается достоверным, что это и есть те горы, что в древности именовались Гиперборейскими.[7]

[а] Следуем тексту большинства ркп. В нашем списке dalle acque, т. е. „от вод".

[б] Приблизительно: в зависимости от преимущественного уклона каждой в одну, а не в [какую-либо] другую сторону.

Равнина в большей части покрыта лесом. Оттуда, из больших озер и болот вытекают крупные реки, которые, пополняясь другими меньшими, а еще больше снегом, тающим в летнее время, заливают более низкий и ближайший берег, разливаются и, вместе с зарослями [лесами] почти со всех сторон отрезывают страну, делая ее весьма безопасной от нападений врагов. Но так как от холода замерзает большая часть рек, а также и другие воды, доступ становится менее трудным. Однако, из-за крайнего холода ни один почти народ не делал попыток к этому, кроме татар, которые, имея привычку ко всяким лишениям, приходят туда и, быстрым набегом захватив добычу, возвращаются в свои места. Но с тех пор как области Кассан, Читракан и Кумания покорены нынешним герцогом [Московским], а ногаи и прекопиты разбиты и вследствие этого очень обессилены, страна стала более, чем прежде, безопасной и свободной от их набегов.[8]

Среди рек, текущих по этому государству, наибольшая — Обис, которая вместе с Петцорой и Большой Двиной впадает в залив Грандвико, а среди тех, что впадают в Финляндский залив, более известны Польна, Нарва и Двина Малая. Непер течет в Великое море, Танаис — в море Дзабакке, а Волга, принимая в себя Оку и Моско — в море Каспио.[9] По этим рекам и другим весьма многочисленным, впадающим либо в большие, либо непосредственно в море, и по множеству озер и болот, весьма обильных водой, производится плавание во всех направлениях по этой стране. Она столь обширна, что разделена на восемь провинций, а именно: Московия, Булгария, Кумания, Читракан, Кассан, Вяткан, Пермия и Джугрия.[a] О той части Карелии, которая подчинена герцогу, по ее незначительности и потому, что она находится под юрисдикцией Нугардии, не будет сказано особо, но она будет считаться включенной в Московию, которой, как главе, повинуются все прочие.

Провинция Московия имеет с севера и запада те же границы, что мы выше отметили. С юга имеет Куманию и Булгарию, от которых отделена обширными лесами и частью реки Оки,[10] начиная от города Киовии на реке Непер, идя вплоть до истоков Танаиса и кончая [местом], где эта Ока впадает в Волгу. С востока лежат Пермия и Джугрия.

[a] Имя Югры берем в транскрипции большинства ркп.

Эта область была покорена Байдом, сыном Гокольты, второго императора татар, около 1240 года, после того, как разбито было войско куманов и русских, взята Кумания и другие соседние области. Ему и его преемникам эта область не только платила дань, но подчинена была и в том отношении, что ее герцоги обязаны были получать от них утверждение в своем владении, наследуемом от предков. И это продолжалось до тех пор, пока Джованни, дед нынешнего, расчитывая на внутренние смуты в этом народе, не отказал им в уплате дани, которая потом больше уж и не платилась им. Дело в том, что, когда названное царство перешло к Сида Гамет, последнему преемнику Байда, и он, после поражения, нанесенного ему прекопитами близ [реки] Непер, был взят, отведен в Вильну и там кончил жизнь, это царство было уничтожено прекопитами.[11]

Не довольствуясь этим, герцог присоединил к своему государству [области] Пермию,[a] Вяткан и Джугрию, прежде бывшие в подданстве у того царства. Поэтому у татар в дальнейшем все больше слабеют силы в этих границах, а у московитов, наоборот, растут. Это явствует из того, что царство Кассанское сделалось их данником во время Базилио, сына и преемника этого герцога, а затем, так как оно восстало, снова было покорено нынешним герцогом, так же как Читракан и вышеназванная часть Кумании.[12]

В этой области немного городов, но много крепостей и бесконечное число деревень, построенных из дерева, кроме городов Нугардии и Плесковии, которые окружены каменными стенами и имеют немало других строений из того же материала.

В Моске есть замок и кое-какие дворцы и церкви. Равным образом есть крепость в Резане и еще кое-где на границах, построенные из крепкого камня.

Среди городов Моска — главный и самый большой, [следующий затем] Нугардия — близ Финлянского залива.

Эта область почти повсюду представляет равнину, изобилует пастбищами и отлично обработана.[13]

Булгария с запада и севера имеет Московию, с востока — Кассан, с юга — Куманию. От первой отделена лесом и рекой

[a] Следуя большинству ркп, вставляем „Пермию", вместо которой в нашем списке Provincia.

Окой,[a] от второй — Волгой и от третьей — обширными лесами. Это — маленькая область с немногими холмами, в остальном ровная, в значительной части лесиста, более или менее обработана, очень плодородна и богата пастбищами. В ширину она когда-то простиралась от Волги до Таны, но после того как большая часть ее племен, отделившись от других, ушла в Европу, те, что остались, ослабев, при нападении народа газарского потеряли свободу, какой пользовались долгие годы, и стали данниками [газар], захвативших при этом большую часть их территории и владевших ею, пока те и другие не были покорены куманами, а затем татарами.

В это время обитаема была только та часть сказанной Булгарии, какая потом была отнята у татар московитами, под властью которых она находится и до сих пор. Эта область, иначе именуемая Мордуа, по российскому произношению называлась Вулгария, так как ограничена Волгой. В ней, там, где река Сура впадает в Волгу, есть единственная крепость, по имени Базильград, построенная из камня. Есть много деревень и немного других разбросанных жилищ из дерева.[14]

Кумания, частью находящаяся под покровительством герцога, большая область. С востока она граничит с Кассаном, отделяясь от него Волгой. С юга — с Читраканом, Чиркассией и полуостровом Каффой. С запада — с Красной Руссией за рекой Непер. С севера — с Московией и Булгарией.[15]

Вся она представляет равнину, частью лесиста и мало обработана, хотя частью и плодородна, но более всего пригодна для пастбищ. В ней нет городов, кроме Таны, подчиненной туркам, которую очень ценили, пока туда привозились из Читракана пряности, другие москательные и прочие товары, а оттуда закупались большей частью Европы. Однако, после того как по разным обстоятельствам эта торговля прекратилась, купцы, приезжающие туда, в большинстве привозят только товары, добываемые в ближайших областях.

Там, в этой области нет ни одной крепости, но есть кое-какие деревни и много отдельных домов, выстроенных по северному обычаю из дерева. Главная причина того, что там так

---

[a] Следуя большинству ркп, читаем „Окой", а не „Океаном" (!), как в нашем списке.

мало поселений, в том, что все народы, жившие там, прежде чем область попала под господство московитов, вместо домов употребляли повозки.[16]

Эта [область] была в течение долгого времени подвластна королю булгар, у которых ее отняли газары, ставшие потом данниками короля Кумании и вместе с куманами населяющие их землю.

Названа она была Куманией оттого, что сначала была в обладании куманов — между Борисфеном и рекой Джазарте. Под таким именем и мы ее знаем. Затем пришли туда татары и, разбив с большим кровопролитием войско куманов и русских, обратили прочих в рабство, а эту область удержали за собой и стали жить там в 1238 году. У них она была отнята герцогом Московии, ныне правящим, после того как разбиты были прекопиты и бывшие в ней поселенцы, а было это в 1557 году.[17]

Читракан — область не очень большая, прежде — царство, заимствует [свое] имя от города того же [имени], находящегося у устьев Волги. В прошлом она была общим рынком[а] всех и северных и южных народов, до тех пор пока европейские купцы посещали город Тану, куда привозились пряности и разные другие товары из Индии и иных южных стран. Но после того как по разным причинам венецианские и генуэзские купцы перестали торговать в Тане, Читракан стал мало посещаться персами и другими им соседними народами. Поэтому, с прекращением торговли, область в большей части и почти целиком потеряла прежнюю славу и величие, пока, наконец, не была покорена татарами. Однако, потом, после того как она попала под власть московитов, открылось плавание по Волге, до тех пор очень затрудненное, а поэтому персы и армяне снова стали возить пряности и другие товары, которые оттуда переправляют дальше вверх по Волге, Оке и Моско в Моску.[18]

Границы этой области: с востока — Волга, отделяющая ее от ногаев, многочисленного и храброго племени, с юга — море Каспио и часть большой горы Кокас,[б] где она граничит с аланами, прежде называвшимися альбанами; с запада — чиркассы,

---

[а] Вместе с большинством ркп читаем emporio—„рынком", а не imperio.

[б] Согласно большинству ркп и одному из вариантов в нашем списке, читаем Cocas, а не Tauro.

с севера — Кумания. От двух последних она отделена бесплодной степью.

Вся страна представляет равнину за исключением принадлежащей ей части упомянутой горы: там она сплошь лесиста, а в остальном испытывает недостаток дерева; частью плодородна, более всего по соседству с Волгой, где несколько и обработана. Часть ее, ближайшая к морю, имеет много болот. Все прочее бесплодно.

В ней нет городов или крепостей, кроме Читракана, немного деревень и [отдельных] жилищ — все из дерева. Около 1238 года область была отнята у куман татарами, основавшими там царство, которое несколько лет тому назад было захвачено прекопитами, затем отнято у них ногаями, а в конце 1557 года отобрано у этих [последних] герцогом Московии. Этот [герцог], укрепив город по итальянскому образцу, перевел туда храбрую колонию своих, и там из опасения ногаев установлена очень внимательная охрана.

Кассан — прежде царство, теперь область, была очень велика и никому не подчинена, но, подвергшись нападению Байда, сына Гокольты, второго императора татар, вслед за Куманией попала ему в подчинение в 1239 году, и с этого времени в дальнейшем население ее оказалось в рабстве. Не довольствуясь этим, татары поселились там на житье, но после того как преемники Байда, из-за войн с прекопитами и другими, ослабели, татарская орда, владевшая лучшей частью этого царства вместе с его городом Кассаном, собралась и дала своему главе имя короля, а он сделал своей резиденцией сказанный город, получивший, как и [все] царство, имя от реки Кассана.

Эта орда недолго оставалась в таком счастливом положении, так как Базилио, отец нынешнего герцога Московии, привел в подданство [себе] одного из преемников этого короля, и в течение нескольких лет дань [действительно] платилась, но, наконец, из-за каких-то разногласий, кассанцы восстали и при помощи прекопитов долго воевали с московитами.[9] Однако к концу 1557 года нынешний, последний герцог, разбив кассанцев и прекопитов, покорил все это царство и, укрепив Кассан, перевел туда колонию своих, при помощи которой и остальных людей, каких он там держит, охраняет [теперь] от соседних татар весь этот край. Для того же, чтобы наиболее

обезопасить себя, он перевел на жительство в более отдаленные, лежащие на северо-западе, области Московии всех, кто в этой войне были взяты в плен из Кассана, Читракана и других татарских орд. В дальнейшем из царства Кассан стала областью.

Она с запада граничит с Волгой, отделяющей ее от Булгарии и Кумании, с юга — с ногаями, с востока — с шибанами и козацкими, независимыми татарскими ордами. Остальная часть ее восточной окраины граничит с провинцией Вяткан, а с севера — с Пермией. От этих двух она отделена лесами и болотами, а от вышеназванных — пустынными и бесплодными степями. К этой области относилось и некоторое пространство равнины за Волгой, ныне входящее в Куманию. Область, кроме Кассана, не имеет ни одного города, имеет немного деревень и много отдельных жилищ, все деревянных. Она лесиста, представляет равнину, отчасти обработана и довольно плодородна. Во времена своих королей она обычно выставляла в поле 30 тысяч воинов, большей частью пеших и отличных лучников, среди которых всегда ценились черемисы и чузаски,[a] но последние отличались не только в этом, но также и в искусстве плавания по рекам, у которых живут, и в этом они весьма опытны.[20]

Вяткан с ее городом того же имени, называется так по реке, пересекающей ее. Это — узкая и длинная область, в большей части бесплодная и болотистая из-за множества рек, протекающих по ней и впадающих вместе в реку Кассан.

[Область эта] имеет по Волге много крепостей и деревянных селений. Это — равнина, частью лесистая. Она представляет как бы пристанище для рабов, убегающих от татар, так как граничит с ними. С запада от нее — Кассан, с юга — область Сибиер, населенная ногаями; с востока — шибаны и козацки; с севера — тумены и Пермия. Она была подвластна царству Кассанскому, пока не была вместе с ним обращена в рабство Байдом, королем татар, у которых была отнята дедом нынешнего герцога Московии, после того как он овладел областью Пермией. Как ближайшая к татарам, [Вяткан] особенно хорошо охраняется да при том и сама по себе защищена множеством лесов и болот, почти со всех сторон ее окружающих.[21]

---

[a] Т. е. чуваши.

Пермия — большая область, названная так по ее городу, находящемуся почти в центре ее. Других городов и крепостей она не имеет, но имеет много деревень и других поселений, построенных из дерева. Она повсюду представляет равнину, кроме восточной части, где вышесказанными горами граничит с татарами Тумена и с Джугрией. С севера и запада она имеет Московию, от которой отделена лесами и болотами. С юга — Кассан и Вяткан, от которых таким же образом отграничена.

Как и вышесказанные, эта [область] была взята Байдом татарином около 1238 года и была отнята у этого народа Джованни, дедом нынешнего герцога, который, найдя ее языческой, начал вводить там христианскую веру. Теперь она там уже очень распространилась.

По этой [области] течет много рек, впадающих в Волгу и Большую Двину. Там много озер и болот, делающих эту область почти повсюду судоходной. Вместе с громадными лесами, окружающими ее отовсюду, они делают ее безопасной от нападений врагов.[22]

Джугрия почти так же велика, как Пермия. Это — самая восточная из областей, подвластных московитам. Происхождение ее названия неизвестно. С востока от нее отделены лесами вышесказанные племена гипербореев. С севера — пролив Энгронеландии и залив Грандвико — вплоть до других границ Московии. С запада — названная Московия и орда туменов. С юга некоторые племена скифской народности, прежде подчиненные татарам; оттуда вытекает величайшая река Обис. Вместе с другими меньшими, впадающими в нее, она делает судоходной и их страну и Джугрию.[23]

Вся область представляет равнину, кроме места, где она соприкасается с вышесказанными горами; очень лесиста и мало обработана. Население живет в отдельных деревянных хижинах и в деревнях.

Отсюда ведут свое происхождение унгары, народ хорошо известный в Европе. Язык у них тот же, что и у жителей этой области. Эти [последние] подчинялись татарам со времени Байда до тех пор, пока Джованни, дед нынешнего герцога, не покорил их и не начал выводить из язычества, приводя в христианскую веру, как сделал и с Пермией. Это доброе и похвальное начало продолжал развивать Базилио, его преемник.[24]

Для расширения своего государства в этой части он послал некоторых своих военачальников, чтобы они, переплыв пролив, вошли в Энгронеландию и исследовали ее. Посланные, испытав много трудов при переходе через крутой покрытый снегом горный кряж, отделявший ее от Джугрии на большом пространстве, воротились назад, не достигнув цели.[25]

Вся эта величайшая страна, разделенная на столько царств и областей, производит многое и для собственного употребления, и для вывоза в другие страны. Московия дает большое количества зерна. Булгария, Кассан и Читракан — по крайней мере столько, что хватает на их нужды. Кумания и другие — очень мало, с одной стороны вследствие дурной обработки [mal coltivate], а с другой также и из-за больших холодов; в значительной части их может удовлетворить Московия.[26]

Ни одна их этих [областей] не производит ни вина, ни [растительного] масла, а того, что привозится из чужих [земель] по Великому морю, [реке] Непер и Германскому океану, мало и оно дорого. Вместо вина, высшие употребляют медон, очень тонкое питье, сделанное из меда, а все прочие — пиво. Взамен масла [растительного] применяют коровье масло, которого делается очень много, как и всякого рода молочных продуктов,[a] благодаря величайшему обилию у них животных, крупных и мелких. Вследствие того же у них много мехов и шерсти, очень грубой, из которой делают войлок.

Чрезвычайно богата [эта] страна дикими животными, среди которых очень ценны соболи, куницы, горностаи, белки, векши, бобры, рыси, лисицы белые [песцы] и черные, что в общем приносит жителям неоценимую пользу. Из птиц есть сокола, называемые grifalchi, очень хорошие и большой стоимости. Воском и медом богата больше других стран.

В Кумании, близ Танаиса, растет ревень и ароматический тростник [аир].

Поистине достойно удивления то, что чем беднее какая область хлебом, тем более изобилует мехами, рыбой и медом.

Рудников там нет, кроме железных и свинцовых, но страна очень богата деревом всякого рода и больше всего таким, которое пригодно для постройки домов и судов. Коноплей и смолой обеспечена сверх своей потребности. Добывает соль

---

[a] Вместо casilini, читаем (как в большинстве ркп) latticinii.

для себя и соседних татарских народов, что приносит громадную выгоду государю. Из залива Грандвико добываются некие рыбы, именуемые морзи, с громадными зубами, похожими по белизне на слоновую кость. В более южных областях родятся фрукты почти всех сортов, но нет орехов.[27]

Московия весьма населена за исключением [местности] близ залива Грандвико, где из-за гор, болот, лесов и из-за сильного холода, царствующего там в зимнее время, жителей мало. Другие области, ей подчиненные, хотя и не столь населенные, все же имеют достаточно жителей, кроме Кумании, которая из-за бывших войн осталась почти без земледельцев.

Жители в общем очень сильны, привычны ко всяким невзгодам и нужде, а также к войне и ее трудам, так как постоянно приучаются государем. Вместе с тем они не забывают земледелия, скотоводства и прочих необходимых занятий, а в местностях, где другие занятия в меньшем употреблении, [недостающее] восполняется скотоводством, и живут там приплодом, получаемым от животных, дичью, рыбой и медом. При этом, где нет чего-либо одного, там его с избытком заменяет что-нибудь другое, как мы это видим в Вятках, Пермии и Джугрии.

В этом государстве говорят на пяти языках, отличающихся друг от друга. В Московии — на славянском, в Булгарии, Пермии и Джугрии — в каждой на своем природном, материнском. Что же касается до Джугрии, то ее язык настолько похож на венгерский, что почти во всем тождествен. Это и не удивительно потому, что, как мы выше говорили, венгры ведут происхождение от джугров.

Другие четыре области употребляют татарский язык, хотя в Кумании и Читракане пользуются наравне с ним и куманским.[28]

Московиты исповедуют христианскую веру по гречески, джугры и пермы, прежде молившиеся идолам, в значительной части уже крещены и, благодаря большим стараниям герцога и московитских священников, можно надеяться, что скоро и другие, по их примеру, будут приведены под то же знамя. Прочие — магометане, за исключением колонистов и других, поселенных в тех местах для охраны. До сих пор нельзя было побудить их что-либо сделать в пользу религии, поскольку, как выше сказано, они лишь несколько лет тому назад покорены московитами.[29]

Живет население тем, что выше нами указано. Более богатые носят одежду из тонкой шерсти, а также из шелка; все прочие — из шерсти грубой работы. Их платье почти во всем похоже на венгерское, и только шапки у всех белые и островерхие.

Жилища у них — из дерева, стоящего им дешево по обилию его в стране. Вообще, так как они в достатке имеют все необходимое, то живут без больших расходов.

Во всем этом государстве не чеканят золота, а то, что там обращается, венгерское или рейнское. Серебряные монеты делаются разной цены частными мастерами без отчисления в пользу государя. В более северных областях вовсе не употребляют ни золота, ни серебра.

Торговля, какая ведется в этой стране, почти вся состоит в обмене товаров, что теперь еще в гораздо большем употреблении, чем прежде, ибо таково желание и повеление последних герцогов ради удобства и выгоды их [подданых]. Это обычно соблюдается не только [в делах] между ними самими, но и с иностранцами.[30]

Товары, добываемые из этих стран, это — драгоценнейшие меха в большом количестве, обозначенные поименно выше, и другие [шкуры] крупных и мелких домашних животных; мед, воск, соль, деготь, войлок, ароматический тростник [аир], ревень и весьма ценные зубы рыбы морзо.

Ввозятся туда: золото в нитях, разного рода металлы, изделия из железа,[а] жемчуг, шелковые и шерстяные материи, шелк, пряности, мелкий дешевый товар и другие вещи. Все это везут в разные места на ярмарки[6] и обменивают на местные товары. Жители отдают то, что у них в избытке, и приобретают недостающее и необходимое, не затрудняясь деньгами. Поэтому деньги остаются внутри государства к большой выгоде для государя.

Места наибольшего привоза и вывоза товаров — это Москва, куда прежде, кроме местных, допускались только литовские и польские купцы, но теперь приходит немало персов, а еще больше армян, затем город Клопигрод[в] в герцогстве Нугардии,

---

[а] Следуем тексту *VMBT*; в нашем списке fuorche ferro, т. е. „кроме железа".

[6] Так в большинстве ркп. В нашем списке alla fine (наконец?), вместо alle fiere.

[в] Следуем *VMBW*, вместо ошибочного Epigrod нашего списка.

куда могут приходить турки и татары; в Нугардию — шведы, ливонцы и германцы; в Читракане и на торговом острове близ Кассана действуют татары, персы и армяне.[31]

Из Московии в Германию вывозятся меха и воск в обмен преимущественно на металлы и разные другие товары. В Литву и Турцию идут кожи, меха и зубы вышеназванной рыбы. Из Польши прибывают шелковые и шерстяные материи, золото и серебро в нитях в обмен на меха и воск. Из Татарии привозят войлок и приводят много лошадей. От тех, кто среди татар называются калмуки и дзагатаи или иначе от Зеленых Шапок, живущих за ногаями у моря Каспио, прибывают шелковые материи, а получает этот народ только соль, уздечки, кожи[a] и одежду. К народам, живущим близ Океана, привозится одежда из грубой шерсти, топоры, ножи, иглы и другие мелкие товары. Под [страхом] тягчайшего наказания герцог запрещает вывозить из своего государства железо, а особенно в Татарию. Персы и армяне привозят пряности, жемчуг, шелковые материи и другие вещи, производимые ближайшими к ним областями и, что особенно важно для герцога, оружие тончайшей работы. С моря Каспио в Моску привозят превосходнейшую рыбу в большом количестве.

Торговля непрерывно растет в этих местах, а в Читракане больше, чем в других.

Доставка товаров, как для вывоза, так и для ввоза легка и дешева вследствие большого удобства рек, делающих эту громадную страну судоходной почти во всех ее частях.[32]

Обычные доходы, извлекаемые герцогом из всего этого государства, состоят в податях, пошлинах и соли. Из числа податей, некоторые поступают деньгами — от областей более южных, другие мехами — от северных областей и среди них от Пермии, дающей, кроме мехов, много лошадей, которыми она очень богата. Пошлины преимущественно собираются в Московии, Кассане и Читракане. Соль распределяется внутри государства, а кроме того в большом количестве продается татарам. Выгода, какую этими путями извлекает государь, почти неоценима и с каждым днем возрастает, так как страна становится все населеннее, а торговля растет.[33]

---

[a] Читаем cuoi, как *VMW*.

Чрезвычайных доходов герцог мог бы извлечь много, так как население очень покорно, но насколько можно было узнать, налоги у него не в обычае. В своей казне он имеет громадные сокровища в золоте, серебре, жемчугах и других дорогих вещах, собранные его предками, а им еще увеличенные — и от доходов, и особенно от того, что̀ им приобретено путем присоединения стольких царств и областей.[34]

О расходах хотя и нет подробных сведений, я скажу то, что до меня дошло.

Герцог мало расходует на свой двор при всем том, что живет блестяще и что множество знати и владетелей служит ему. Это не только потому, что Московия имеет большое обилие предметов питания, но также и потому, что служат ему — одни за малую плату, а другие и вовсе без платы.[35]

В мирное время он [герцог] держит конницу в Читракане, Кассане и Вяткане для защиты границ от татар, ногаев и других соседей его государства с этой стороны, а равным образом в Колуге, городе, лежащем против Таны, для предотвращения набегов прекопитов. Конницы этой бывает то больше, то меньше в зависимости от необходимости, но в общем [число ее] не превышает 15 или самое большее 20 тысяч [человек].[36]

На охрану крепостей этот государь тратит очень мало, потому что некоторые [из них] охраняются колонистами, другие своими жителями и лишь немногие, за исключением военного времени, его солдатами; нет надобности в большой охране и на границах татар, потому что этот народ [татары] не имеет ни пехоты, ни артиллерии, а [имеет] только легковооруженную конницу. Отсюда и происходит то, что эти люди негодны к взятию крепостей приступом, и, даже если бы пришлось охранять их все на свой счет, то это было бы [герцогу] нетрудно, поскольку немного [и крепостей].

Во время войны [герцог] выставляет в поле много людей: при взятии Кассана и Читракана было, кроме конницы, какую он держал против прекопитов и в других местах, более 100 тысяч конных и 20 тысяч пеших, а если бы он был вынужден большей необходимостью, он мог бы выставить 200 тысяч конных и немалое число пеших сверх выше сказанных.[37]

Его подданные никогда не были столь привычны к оружию, как теперь, так как прежде все это были конные лучники, и [лишь] немногие имели латы и копья.

Верно то, что во время отца нынешнего герцога впервые появился у них отряд конных аркебузьеров[а] и некоторое количество пехотинцев, и то неопытных и плохо вооруженных. Теперь конные и пехотинцы в довольно хорошем порядке.

Каждые два или три года герцог делает в своих областях перепись всем наиболее годным к военному делу, среди них отмечаются сыновья знатных людей [дворян] с числом находящихся при них слуг и лошадей, и более бедным [из них] он дает жалованье — по разному: одним 6 дукатов в год из государевых средств, другим — 12 дукатов, с обязательством для них служить на свои средства, как делают и все другие, кто не получает никакого жалованья. Поэтому в мирное время у него мало расходов, немного и во время войны.[38]

Более важно то, что он образовал большой отряд в 15 тысяч пехотинцев, которыми пользуется так же, как синьор Турок янычарами, давая им плату, как обычно.

И конница, и пехота целиком состоят из его подданых, но также пользуется он и иностранными солдатами, а больше всего пехотинцами-немцами. Он разрешил им построить для жительства довольно большой деревянный город недалеко от Моски, который дает ему более 8 тысяч аркебузьеров.

Конница из более знатных и богатых одевается в панцыри из тонких и хорошо закаленных металлических пластинок и островерхие шлемы, равным образом сделанные из пластинок, причем все это производится в Персии. Эти [конники] в большинстве действуют копьем, прочие же все, вместо лат, носят толстые кафтаны, очень плотно набитые хлопком и хорошо противостоящие ударам, а особенно стрелам. Среди них есть большой отряд аркебузьеров, а все другие действуют луком. Общим для всех оружием являются меч и кинжал, а немногие выделяются [своими] железными палицами.

Лошади у них малорослы, но весьма приспособлены к труду и всяким невзгодам, а сверх всего и к холоду.

Пехота носит такие же кафтаны, а немногие имеют шлемы.

Прежде они все обыкновенно были лучниками, но теперь по большей части владеют аркебузом. Они не носят ни копий, ни другого оружия, кроме меча и кинжала.[39]

[а] Следуя *VMBT*, добавляем к archibusieri — a cavallo.

Нынешний герцог превосходит всех своих предшественников, как численностью войска, так и тем, что в мирное время обучает его, а чтобы делать это лучше, он дал у себя приют многим иностранным солдатам, и, как сказано выше, предоставил им жилища в своем государстве. Теперь во многих местах, а главным образом в Москве, при помощи их и других, московиты по праздникам обучаются аркебузу по германским правилам и, став уже весьма опытны, изо дня в день совершенствуются во множестве.

Он также призвал из Германии и Италии инженеров и литейщиков пушкарей,[40] при помощи которых укрепил по итальянски Кассан, Читракан и другие места, а также отлил большое число пушек. В Москве есть длинный ряд мастерских, где делают аркебузы в большой массе.

Государь, которому повинуется все Московское царство — Джованни, наследовавший отцу своему Базилио 24 года тому назад в возрасте 6 лет.[41]

Предки его ведут происхождение от варегов, народа одноплеменного вандалам, жившего на побережье залива Грандвико.

Было три брата, которые в ... году были призваны в Руссию ее жителями и с согласия их разделили между собой поровну эту область. Из них, за убылью двух других, Рурик остался наследником и государем всей страны. Преемники его никого не признавали над собой господином вплоть до 1240 года, когда, подвергшись нападению Байда, императора татар, после большого поражения, [понесенного] ими вместе с куманами, они стали его данниками. Байду было нетрудно покорить почти всю эту область, так как он нашел ее разделенной на множество княжеств, что делало ее тем более слабой, и с этих пор он стал владеть Руссией.[42]

Теперь у них один государь, которому все другие повинуются. Среди них наибольшим авторитетом пользовался Вуолодимерио, который в ... году, взяв в жены Анну, сестру Базилио и Константина, императоров Константинопольских, привел Руссию, незадолго до того обратившуюся к христианской вере, целиком под знамя Христа. Приняв святое крещение, он был назван Базилио. Когда однако эта область в большей части попала в подданство татарам, обстоятельства ее сильно ухудшились не только в том отношении, что приходилось ежегодно платить дань, но и потому, что по всякому желанию татар [население] должно было, или

вместе с ними или отдельно, итти на войну против литовцев, поляков и других соседних народов, а его герцоги, по порядку сменявшиеся в разных герцогствах, принуждены были получать утверждение от королей татарских. Если бы там у них был кто-нибудь, кому бы повиновались либо все, либо большая часть герцогов этой области, то они, положившись на свои силы, решились бы начать войну против татар. Но поэтому русские и не могли вполне освободиться от дани, пока наконец Джованни, дед нынешнего герцога, увидев, что уже вся Красная Руссия и часть Белой, при помощи поляков и литовцев освободилась от ига этого рабства, а татары ослаблены внутренними войнами, истощены и находятся в раздоре, положившись на свои силы, не отказался от уплаты привычной дани, чем и освободил остальную часть области. Не довольствуясь этим, он отнял у тех же татар области Вяткан, Пермию и Джугрию, а большую часть своих вассалов лишил их владений. Ему наследовал Базилио, который, идя по следам отца, отнял власть у остальных вассалов, принудил царство Кассанское стать ему данником и отнял у литовцев принадлежавшую им часть Белой Руссии, став таким образом господином всей Руссии. Умирая он оставил под опекой матери и дяди наследником единственного сына, того, что ныне правит, что было в 1536 году.[43] Этот, достигнув возраста, когда он мог управлять государством, [решил] отомстить за обиды, нанесенные отцу его кассанцами, которые не только подняли восстание, но вместе с прекопитами много раз с разных сторон делали разорительные набеги на государство герцога. В 1557 году он лично с громадным войском напал на это царство и, разбив прекопитов, пришедших на помощь кассанцам, силою оружия покорил его целиком, а вслед за этой последней победой отнял у татар ту часть Кумании, какой он ныне владеет, и царство Читракан. Затем, укрепив столицы этих царств и переведя туда поселения своих, вернулся победителем в Моску, обремененный добычей и пленными.[44]

Немного спустя, послав войска против прекопитов и нанеся им ряд поражений между Танаисом и Непром, принудил их отступить на их полуостров, где они, при помощи турок и рва, отделяющего их от материка, нашли защиту от московитов, не дав им войти. Тут эти последние, появившись внезапно на множестве вооруженных судов и лодок из устьев Танаиса и Непра, захватили в Великом море и [в море] Дзабаккэ три

больших турецких грузовых корабля и много малых судов, а после этого безуспешно пытались [взять] город Тану, но были отозваны герцогом и, оставив это предприятие, перешли в Ливонию и присоединились к герцогскому войску, пришедшему разорить эту область. Так как она обратилась к королю Польскому, уступив ему семь своих крепостей, то война разгорелась. После нескольких поражений, понесенных обоими сторонами, моски потеряли много замков, первоначально занятых ими, и доныне эта распря между ними не кончена.[45]

В это время ногаи, напав на государство герцога, сильно разорили его набегом и с бесчисленной добычей и большим количеством пленных вернулись назад, чтобы перейти Волгу, но, не удовлетворившись этим и стремясь к добыче, они вновь проникли в самую Московию. Там однако попали в большую засаду и, потеряв много тысяч своих, ушли в Сибиер.[46]

В настоящее время герцогу 30 лет. Он силен телесно, а о доблести его нет лучшего свидетельства, как выше упоминавшиеся подвиги, в значительной части выполненные им лично. Он совершенствует своих в военном деле не только во время войны, но и в мирное [время] и далеко превосходит своих предков, как доблестью и деятельностью, так и величием государства, численностью и качеством войска.

Это все, что я мог собрать и свести в краткий обзор о делах государства Московского герцога, [пользуясь] историей самих московитов, историей их соседей и [рассказами] лиц, воевавших под начальством этого герцога. Если многого я не мог, как было нужно, описать, то всю вину [за это] следует отнести к дальности расстояния и [неполноте] истории, не дающей более точных сведений. Однако, если случится [мне] в будущем узнать что-нибудь большее, чего могло нехватить в этом рассуждении, я обещаю возможно скорее дополнить его всесторонне с наибольшей тщательностью.[47]

Конец.

DELLE COSE DI MOSCOUIA.[a]

Fu già la Moscouia un Ducato fra i molti nei quali era divisa la grandissima Provincia di Russia, compreso nei termini fin hora assai ben conosciuti, [b]alla quale et alla Città sua di Mosca diede nome il fiume Mosco, che per mezzo le passa,[b] fra gl'altri vicini assai nominato, il quale[c] fù alle volte sotto Principe libero et a niuno soggetto, ma poichè Gio[vanni], figliuolo di Daniel, Gran Duca di Russia [d]et progenitore di questo,[d] lasciata la Città de Vuolodimenia[e] ridusse la sua sede[f] in Mosca, volse che di tutte le parti a lui soggette ella fusse capo: onde poi i successori suoi non più Duca di Moscouia, ma di Russia s'intitolorono, finchè Gio[vanni], avo di questo, si liberò dal tributo di Tartari pagatogli[g] da suoi maggiori fino dal 1240. Il quale levati i stati ad' alcuni dei suoi feudatarii et alcune altre Provincie a sua obedientia ridotte, lasciato il titolo di Russia riprese il primo di Moscouia, perciò tutta quella parte della Russia Bianca da lui e da Basilio, suo figliuolo posseduta, divisa dalla Russia Rossa per il gran fiume Neper,[h] prese il nome di Moscouia. Dei confini della quale al luogo suo diremo, parlando hora di quelli dai quali tutto il stato di detto Principe è terminato.

Questo dunque è serrato [i]da Levante[i] fra il Mar Caspio[k] et Settentrionale Oceano da quattro orde[l] de Tartari, detti Nogai, Scibani, Cosazchi,[m] Tumeni et da altri popoli in più parti divisi

---

[a] *V* — Discorso di Moscovia quale si dice essere del Clarissimo Mre Franco [*sic!*] Tiepolo; *M* — Discorso delle cose di Moscovia qual si dice essere del claris. Mes. Francesco Tiepolo; *B* — Relazione di Moscovia del Clarissimo Messer Francesco Tiepolo fatta l'anno 1560; *T* — Relatione ò vero discorso delle cose di Moscovia qual si dice essere del Clarissimo M. Francesco Tiepolo; примечание Ciampi: „Questa relazione mi è stata mandata da S. E. il sig^re^ Marchese Gian Giacomo Trivulzio copiata da un antico ms presso di lui, nel quale non è notato l'anno, che ho supplito da una copia antica esistente nella Barberina di Roma e nel quale si dice essere, senza dubitazione, di Francesco Tiepolo". *W* — Discorso della Moscovia. [b–b] *M* опускает. [c] *W* — il quale ducato. [d–d] *W* опускает. [e] *V* — Volodimeria; *M* — Volodimiera; *B* — Vlodomiria; *W* — Vuolodimeria. [f] *W* — sedia. [g] *W* опускает. [h] *B* — Nieper; в *W* отсутствует. [i–i] T опускает. [k] *M* — Caspico. [l] *W* — ordine. [m] *V* — ... Cosanhi; *M* — ... Cosarchi; *B* — Nogari, Scibani, Cosacchi; *T* — Hogai (рукой *Ciampi* исправлено в Nogai), Scibani, Cos zchi (рукой *Ciampi* исправлено в Cosacchi); *W* — ... Chibani.

et già all'istessa natione soggetti, posti fra i Tumeni et l'Oceano et da noi con un sol nome Hiperberei nominati, dai quali per la Volga, per campagne deserte et per larghe selve è separato. Da Tramontana hà il stretto [a] della grandissima peninsola d'Eugrouelandia, [b] serrata fra l'Oceano et il gran golfo Granduico [c] et dal detto stretto fin alla Provincia di Biarmia. Da Ponente fra detta riviera et il seno Firlandico [cc] ha la Provincia di Biarmia [d] et parte di Carella, [e] la prima in tutto et l'altra in parte al Re di Suetia [f] sottoposte. Dallequali per il gran lago bianco, per larghe selve et per il fiume Pona [g] è diviso et seguendo più oltre dalle acque [h] di esso fiume fino a quello di Narua [i] per il golfo Firlandico [k] è separato dalla Provincia, che le da il nome, al detto Re soggetta. Il resto della parte occidentale serano i Liuoni, Lithuani et Russiani Rossi, i primi alla corona di Polonia tributarii, gl'altri due in tutto obedienti; dai quali è diviso per li fiumi Narua [i] et Neper, già detto Boristene, [l] et per le selve, che sono fra li fonti loro. Da Mezzogiorno hà la Peninsula di Caffa et li Mar di Zabacche, [m] già nominato Palude Meotide, fin alla Città della Tana, [n] posti sotto l'imperio de Turchi, et da essa Città fin alle bocche del fiume Volga, da gl'antichi chiamato Rha, altramente Ledel, [o] hà i Circassi et Alani, già detti Albani, [p] ambi liberi et christiani secondo il rito Greco; dai quali per campagne et per parte del grandissimo monte Cocas, [q] già dimandato Caucaso, è separato. Et se ben questi confini sono non totalmente meridionali, pur perche più a questa che ad' altra parte riguardano, gli habbiamo cosi disposti.

Hà questo grandissimo [r] paese di lunghezza dalla bocca di Narua [i] fin all'ultime parti della sua Provincia di Viatcan, [s] ove confina con i Tartari, miglia intorno 1800. Per Ponente et Levante

---

[a] V_2 — stato. [b] *VB* — Engrondandia; *MT* — Engrovelandia; *W* — Ingrovelandia. [c] *V* — Gandivo; *B* — Grandnico; *W* опускает gran (golfo). [cc] *V* — Filandico; *MB* — Finlandico; *W* опускает: Da Ponente... Biarmia. [d] *M* — Biormia. [e] *M* — Carelia. [f] *V* — Scozia. [g] *VMBTW* — Polna. [h] *VMBTW* — dalla bocca. [i] *VT* — Nauca; *M* — Navia; *B* — Navea; *W* — Novea. [k] *VMT* — Filandico; *BW* — Finlandico. [l] *B* — Nieper...; *T* — Heper... (рукой *Ciampi* исправлено Neper); *M* — ...Boristine. [m] *VW* — Tabacche; *B* — Tabuche; *T* — Zabuche. [n] *T* — Zana. [o] *M* — Polia; *T* — Rlia; *W* — опускает; *VM* — Ledil; *B* — ultimamente Ledil; *T* — le dil; *W* — Atil. [p] *B* — Albarni [q] *M* — Coios; *T* — Coias. [r] *VMT* — lunghissimo. [s] *M* — Viatca; *B* — Viatcan; *T* — Viatecan; *W* — Vitran.

dalla foce del Polna[a] fin a gl'Hiperborei [b]laqual distantia è molto maggiore,[b] ma non apieno conosciuta. La larghezza veramente è da Mezzogiorno in Tramontana fra la Città della Tana et la bocca del Dvina[c] per miglia 1600 et molto più fra le bocche della Volga et quelle del fiume Obis, ch'entra nel golfo Granduico.[d] Ma da questa parte[e] ne anco è in tutto conosciuta.

E tutto piano fuorche nella riviera del [f]detto golfo,[f] ove tra i confini del Re di Suetia et gl'Hiperborei s'estende un'alta et larga catena di monti, dallaqual si parte un ramo molto largo et d'estrema altezza, quasi in tutto asprissimo, che aggionge quasi fin alla Provincia di Sibier,[g] dai Nogai habitata, et si tien per certo, che siano quelli, che anticamente Hiperborei erano nominati.[h]

La pianura in gran parte da selve è occupata,[i] laqual da gran laghi et paludi manda fuori grosse fiumare, lequali da altre minori accresciute, ma molto più dalle nevi, che la state[k] si dileguano, superate le rive più basse et più prossime, si diffondono et insieme con li boschi da ogni parte serrano quasi tutto il paese, il quale rendono assai sicuro da gl'assalti dei nemici; ma poiche per i freddi s'aggiaccia la maggior parte dei fiumi, insieme con l'altre acque, l'entrata è manco difficile, ma per gl'estremi[l] freddi quasi da niun'altra natione è tentata che da Tartari, i quali per esser ad'ogni disaggio auezzi vi entrano et con veloce corso fatta la preda, ritornano ai suoi luoghi. Ma dopo che le parti di Cassan, Citracan et Cumania da questo Duca sono state soggiogate[m] et i Nogai et Precopensi[n] rotti et perciò molto indeboliti, è restato quel paese dalle loro incursioni vi apiù[o] che prima sicuro et libero.

Fra le fiumare, che per questo[p] stato scorrono, Obis è la maggiore, la quale insieme con Petzora[q] et Dvina maggiore entra[r] nel golfo Granduico,[s] ma fra quelli, che vanno a cascar nel seno Firlandico,[t] sono più nominati Polna, Nauca[u] et Dvina minore. Va il Neper[v] nel Mar Maggiore, il Tanai nel mar di Zabacche[x] et la

---

[a] *W* — Solna. [b—b] *W* — è di molto maggior longhezza. [c] *B* — Duena; *M* — Duina. [d] *V* — fiume Granduico; *B* — Grandnico. [e] *VMB* опускают. [f—f] *W* — golfo Granduico. [g] *V* — Sebier; *B* — Siber. [h] *T* далее опускает все до Sono in Mosca la rocca... [i] *VMBW* — coperta. [k] *VMBTW* — l'estate. [l] *V* — ultimi. [m] *W* — state superate et fatte soggette. [n] *W* — Preconpensi. [o] *VB* — vi eppiù; *W* — mà più. [p] *W* — опускает. [q] *V* — Pethora; *M* — Percera; *B* — Perzota. [r] *W* — entra maggiore. [s] *B* — Grandnico. [t] *VMW* — Filandico; *B* — Finlandico. [u] *VB* — Polna, Nauca; *M* — Polna, Navia; *W* — Solna, Novea. [v] *B* — Nieper. [x] *V* — Tabacche; *M* — Zabauche; *B* — Tabache.

Volga ricevuti in se Oca[a] et Mosco — nel Mar Caspio. Per [b]mezzo di[b] questi fiumi et altri assaissimi,[c] che nei maggiori ò da per se nel mar descendono, et per li molti laghi et paludi abundantissimi d'acqua si naviga in ogni parte di questo paese cosi [d]spatioso, che[d] in otto Provincie [e]tutto è partito,[e] che sono: Moscouia, Bulgaria, Cumania, Citracan, Cassan, Viatcan,[f] Permia et Giuria.[g] Di quella portione di Carella,[h] che al Duca è sottoposta, per esser poca et sotto la giurisditione di Nugardia, non si dirà altro [i]per hora,[i] ma s'intenderà esser[k] compresa nella Moscouia, alla quale come a capo tutte l'altre[l] obediscono;[m] et sono confini suoi da Tramontata et Ponente i medesimi, che sopra habbiamo accentati; da Mezzogiorno ha la Cumania et Bulgaria, dallequali per larghe selve et per parte del fiume Oca[n] è separata cominciando dalla Città di Chionia[o] sul fiume Neper[p] et scorrendo fin alle fonti del Tanai et mettendo capo ove esso Oca[n] nella Volga corre. Da Levante hà la Permia et Giuria.[q]

Fu questa Provincia soggiogata[r] da Baido,[s] figliuolo di Hocolta,[t] secondo Imperator de Tartari, [u]intorno gl'anni 1240,[u] doppo rotto l'essercito di Cumani et Russiani, presa la Cumania et altre Provincie vicine, al quale et ai successori suoi non solo fu tributaria, ma di maniera sottoposta, che da loro [v]i Duchi suoi[v] erano obligati tuor[x] la confermatione del stato suo, nel qual in luogo di suoi maggiori erano successi. Et questo continuò fin che Gio-[vanni], avo di questo,[y] confidato nelle discordie civili di quella natione,[z] li negò il tributo, che nell'avenir non li fu più pagato. Perchè detto Regno pervenuto Sida Hamet,[aa] ultimo successor di Baido, appresso il Neper,[bb] doppo la rotta havuta dai Precopensi,

---

[a] *VM* — Ocha; *BW* — Occa. [b—b] *W* опускает. [c] *W* — assai rivi. [d—d] *W* — Questo ducato è diviso. [e—e] *W* опускает. [f] *V* — Viatcam; *M* — Miotcan; *B* — Viatean; *W* — Vitran, опуская Cassan. [g] M — Giugria; *B* — Giogria. [h] *V* — Carilla; *M* — Carelia; *B* — Castella. [i—i] *W* опускает. [k] *W* опускает. [l] *VM* опускают. [m] *W* далее: La provincia di Moscovia ha li medesimi confini... [n] *VMB* — Ocha; *W* — Occa. [o] *V* — Chiona; *M* — Chiova; *B* — Chiovia; *W* — Chiocca. [p] *B* — Nieper. [q] *MW* — Giugria; *B* — Giogria. [r] *V* — soggettata. [s] *M* — Boido. [t] *B* — Nocolta. [u—u] *W* — anno 1140. [v—v] *B* — Duchi. [x] *M* — torre; *B* — pigliar. [y] *W* — добавляет Duca, il quale. [z] *W* — далее вставляет: seguita doppo che Precopensi ruppero et presero Hanet ultimo successore di Baido appresso il Neper et che lo condussero prigioni a Vilna ove mori, non solo li nego il tributo, ma... Далее опускает до слова aggionse, перед которым вставляет con potente essercito. [aa] *V* — Soda Hamit; *M* — in Sidia Hamet. [bb] *B* — Naper.

preso[a] condotto a Vilna, ove al fine terminò la vita sua, fù da detti Precopensi anichilato; ne contento di questo[b] esso Duca aggionse al stato suo la Provincia[c] Viatcan et Giuria, già ad esso Regno suddite. Onde a' Tartari sempre doppo più in quei confini[d] andorono mancando le forze et per il contrario crescendo a' Moscouiti, il che manifestamente s'è veduto per che il Regno di Cassan fu fatto da loro tributario al tempo di Basilio, figliuolo et successore di esso Duca et da nuovo da questo presente, perchè si era ribellato, fù sottomesso con quello di Citracan [e] et la predetta portion di Cumania.[e]

Sono in essa Provincia poche città, molti castelli et infinito numero di villaggi,[f] fabricati di legname, fuor la città di Nugardia[g] et Plescouia,[h] che sono cinte di muro et hanno altre fabriche assai dell' istessa materia.

Sono in Mosca la rocca et alcuni palazzi et chiese et parimente in Rezan[i] un castello et alcuni altri ai confini, fatti di forte muraglia.

Fra le città Mosca è la principale, et la maggior — Nugardia,[k] che è appresso il golfo Firlandico,[l] [m]laqual provincia[m] è quasi in tutto piana, abundante di pascoli, fertile et benissimo coltivata.

La Bulgaria hà da Ponente et Tramontana la Moscouia, da Levante — Cassan, da Mezzogiorno — la Cumania; dalla prima per boschi et per l'Oceano,[n] dalla seconda per la Volga et dall'altra[o] per larghe selve è divisa. E piciola provincia con pochi colli et nel resto piana, in gran parte boschiva, alquanto coltivata, molto fertile et pascolive; s'estendeva[p] la larghezza sua già dalla Volga fin'alla Tana,[q] ma poichè la maggior parte dei suoi popoli, separati dagl'altri, passarono in Europa et quelli che rimasero, indeboliti di forze, assaliti dalla natione dei Gazari,[r] perdetero la libertà goduta per longhissimi[s] anni et divenero loro

---

[a] *M* — fu esso. [b] *B* — опускает. [c] *VMBW* — Permia; далее: *B* — Viatean et Giogria; *M* — ... Giugria; *W* — Viatran et Giugria.
[d] *W* переносит più... confini после forze, опуская più. [e—e] *W* опускает.
[f] *B* опускает di villaggi. [g] *V* — d'Ugardia; *MW* — Nugardia (Novgorod).
[h] *W* — Ploscovia. [i] *VT* — Rezzan; *W* — Resan. [k] *V* — ed Hugardia; *B* опускает Fra... Nugardia; *MTW* — et Nugardia. [l] *VMTW* — Filandico; *B* — Finlandico. [m—m] *W* опускает, имея далее: piano... coltivato. [n] *VMBT* — l'Ocha fiume; *W* — Occa fiume. [o] *VBT* — altra.
[p] *W* — s'estendera. [q] *T* — Zana. [r] *V* — Gazzari; *B* — Gazati.
[s] *V* — moltissimi; *MW* далее опускают et.

tributarii [a]dai quali anco gran parte del loro territorio fù occupato et ritenuto[a] fino che dai Cumani et doppo dai Tartari ambi due furono sottomessi; nel qual tempo l'altra[b] parte da detti Bulgari[c] non era habitata, che quella, laqual poi da Moscouiti a' Tartari fu levata, sotto i quali fin hora si mantiene. Questa ch'altrimente Mordua[d] si dimanda, fu detta Vulgatia,[e] secondo il proferir di Russia, per esser confinata dalla Volga. Hà un solo castello, ove il fiume di Sura[f] entra nella Volga, detto Basilgrod,[g] fabricato di muro, molti villaggi et altre assai habitationi sparse di legname.

La Cumania, di parte della quale è patrone il Duca, è provincia grande, laqual è confinata da Levante da Cassan, mediante la Volga; da Mezzogiorno — da Citracan, dalla Circassia [h]et dalla peninsola di Caffa; da Ponente[h] — dalla Russia Rossa per lo fiume Neper;[i] da Tramontana — dalla Moscouia et dalla Bulgaria. È tutta piana et in parte boschiva et poco coltivata, ancorche in parte fertile, ma sopra tutto atta a nutrir animali. Non hà altra città, che la Tana[k] a Turchi soggetta, laqual fù in molta estimatione mentre che in lei le spetiarie et altre droghe et sorte di merci[l] da Citracan erano condotte et dalla maggior parte di Europa di la levate. Ma perche per diverse cagioni fù levato[m] tal trafico, i mercanti che ivi concorrono altro [n]per il[n] più non portano, che le robbe che si cavano dalle provincie vicine. Non v'è in lei alcun castello, ma bene alcuni[o] villaggi et molte case separate secondo l'uso settentrionale fatte[p] di legname. Et la principal causa, che vi siano cosi[q] poche habitationi, nasce, che tutti i popoli, che l'habitorono prima che fusse da Moscouiti dominata, in luogo di case usavano le carrette. Questa fù per gran spatio di tempo a i Re dei Bulgari sottoposta, ai quali la tolsero i Gazari,[r] che doppo divenero tributarii al Principe[s] di Cumania, i quali insieme

---

[a—a] *W* опускает, вставляя после longhissimi anni: con gran parte del territorio. [b] *VMT* — alcuna; *B* — una. [c] *M* — di detta Bulgaria. [d] *M* — Mordun; *B* — Mordan; *T* — Mordu. [e] *VBTW* — Vulgaria; *M* — Bulgaria. [f] *M* — Scora. [g] *MT* — Balsilgrod; *B* — Barilgrod. [h—h] *B* — опускает. [i] *B* — Nieper; *T* — поправлено рукою *Ciampi* из Heper. [k] *T* — Zana. [l] *W* — meno. [m] *W* — levante. [n—n] *V* — опускает. [o] *MT* — alcuni Castelli, Villaggi...; *B* — molti. [p] *M* опускает. [q] *V* опускает. [r] *B* — Gazzati. [s] *VMBTW* — Re.

con i Cumani habitorno le loro campagne. Onde poi fù detta Cumania, come quella, che prima da Cumani era tenuta, posta fra Boristene[a] et il fiume Giasarte,[b] da che con tal nome l'habbiamo dimandata. Entrorono poi in essa i Tartari et doppo rotto[c] l'essercito di Cumani et Russiani con molta stragge ridotti gl'altri in servitù la ritenero per se et cominciorono ad'habitarla negl'anni 1239; ai quali fù tolta dal Duca di Moscouia, che hora[d] domina, doppo rotti i Precopensi et gl'habitanti, ch'in questa erano [e]et ciò segui negl'[e] anni 1557.

Citracan,[f] provincia non molto grande, et prima regno, prete il nome dalla città sua dell'istesso,[g] posta appresso le bocche della Volga, già universale emporio[h] di tutti i popoli settentrional,[i] come meridionali, fino che i mercanti d'Europa[k] frequentorono la città della Tana,[l] ove le speciarie et altre merci diverse, che dall'India et altre provincie meridionali erano portate si conducevano; ma perche per diverse cause restorono i mercanti Venetiani et Genovesi di traficare[m] nella Tana, fù poco frequentata Citracan da Persiani et altri popoli loro prossimi.

Onde cessata la mercantia in gran parte perse quasi in tutto la pristina reputatione et grandezza fino che a Tartari è stata soggetta et mutata conditione, doppo che è venuta sotto Moscouiti s'ha[n] aperta la navigatione della Volga, che prima era assai impedita; il perchè Persiani et Armeni sono ritornati[o] a condurre speciarie et altre merci, lequali di là poi al contrario della Volga, Oca[p] et Mosco sino in Mosca[q] sono portate.

I termini[r] di questa provincia sono da Levante la Volga, che dai Nogai la separa, gente valorosa et di gran numero;[s] da Mezzo giorno — il mar Caspio et parte del gran monte Tauro,[t] ove con gli Alani, già detti Albani, confina; da Ponente — i Circassi, da Tramontana — la Cumania, da ambedue per campagne sterili divisa. È il paese tutto piano, fuorche nella parte sua del monte predetto,

---

[a] *M* — Boristine. [b] *W* — Giarsarte. [c] *VMBT* — опускают. [d] *V* — loro. [e—e] *W* опускает. [f] *B* — Castracan. [g] *VMBTW* вставляют далее nome. [h] Так все ркп, кроме *L* (imperio); *M* — вместо universale: un altro. [i] *VMBT* — si settentrionali. [k] *B* — вместо d'Europa: che. [l] *T* — Zana. [m] *W* — tralegar. [n] *VMBT* — si è. [o] *VMBT* — entrati. [p] *VMBT* — Ocha; *W* — Occa. [q] *B* — Morea. [r] *T* опускает от I termini до Viatcan con la città... [s] *B* — numerosa. [t] *VMBW* — Tauro; *L* — в строке Cocas, над строкой Tauro.

che tutto è boschivo. Nel resto patisce assai[n] di legnami; è in parte fertile, massimamente vicino alla Volga, ove è alquanto coltivata; la parte, che è al mar prossima, hà assai paludi; tutto il resto è sterile. Non hà altra città ò castello, che Citracan, et non[b] molti villaggi et poche habitationi tutte di legname. Fù tolto[c] da Tartari a' Cumani intorno al[d] 1238; i quali in esso constituirono[e] un regno, che dai Precopensi,[f] non molti anni fà fù occupato, del quale dai Nogai poi furono spogliati et nel fine del 1557 a loro dal[g] Duca di Moscouia fù levato. Il qual fortificata la città secondo l'uso d'Italia, tradusse ivi una valorosa colonia dei suoi et[h] per rispetto dei Nogai con molta diligenza [i]è custodita.

Cassan già regno et hora provincia fù molto grande et a niuno obediente, ma assaltata da Baido, figliuolo d'Hocota,[k] secondo Imperatore de Tartari, doppo quella di Cumania a sua obedientia la ridusse negl'anni interno[l] 1239, dalqual tempo in poi furono quei popoli oppressi dalla servitù. Ne contenti di quello i Tartari insieme con loro andorono[m] ad habitarla; ma poiche i successori di Baido,[n] per le guerre havute con i Precopensi et altri, restorono debili, l'orda Tartaresca, che la parte miglior di quel regno insieme con la sua città di Cassan reggeva,[o] insieme convenne et al capo suo diede nome di Rè, il qual fece la sua residentia in detta città, alqual, come al regno, il fiume di[p] Cassan hà dato il nome. Ne lungamente continuò[q] essa orda in quella buona fortuna, che Basilio, padre di questo Duca di Moscouia, ridusse uno dei successori[r] di esso Re sotto tributo, il quale per alquanti anni fù pagato, finche per certe[s] differentie Cassaniti[t] si ribellorono et per longo[u] tempo con Moscouiti, aiutati dei Precopensi[f] si[v] guereggiorono, ma al fine nel 1557 questo ultimo[x] Duca, rotti i Cassaniti[t] et Precopensi,[f] tutto quel regno sottomise et fortificata Cassan una colonia dei suoi vi tradusse, mediante la quale et altra gente, che vi tiene, guarda dai[y] Tartari vicini tutto quel tratto et per maggiormente assicurarsi, tutti i prigioni, che in quella guerra[z]

---

[a] *W* опускает. [b] *M* опускает non. [c] *W* — Fu tolta questa provincia. [d] *B* — l'anno; *W* — gl'anni. [e] *W* — restituirono. [f] *W* — Preconpensi. [g] *W* — dal presente. [h] *W* — la quale. [i] *W* — è diligentemente. [k] *VMW* — Hocolta; *B* — Nocolta. [l] *VMBW* опускают. [m] *W*, опуская здесь andarono, вставляет vennero перед insieme. [n] *M* — Boido. [o] *B* — tegeva. [p] *VW* опускают. [q] *B* — Ne continuamente ovvero lungamente. [r] *W* — successori suoi (сохраняя и di esse re). [s] *B* — alcune. [t] *B* — Cassanesi. [u] *W* — molto. [v] *VMW* опускают. [x] *W* опускает. [y] *M* опускает. [z] *VMB* опускают

furono fatti di Cassan et Citracan, [a–a] si anco d'altre [a] orda di Tartari, condusse [b] ad habitare le provincie più lontane di Moscouia, parte [c] fra Ponente et Tramontana, et nell'avenir Cassan di regno divenne provincia. Laqual da Ponente confina con la Volga, che dalla Bulgaria et Cumania la separa; da Mezzogiorno — con i Nogai, da Levante — con i Scibani et Cosazchi,[d] orde di Tartari a niun' altra sottoposte; il resto della parte Orientale serra [e] la provincia di Viatcan;[f] da Tramontana — con la Permia, da queste due [g] per boschi et paludi et da quelle per campagne deserte et sterili divisa. Era anco di sua ragione certo spatio di pianura oltra la Volga,[g] la quale hora è compresa nella Cumania. Non hà altra città ò castello, salvo [h] che Cassan, pochi villaggi, ma molti casamenti separati, tutti di legname. Il paese è boschivo, piano,[b] in parte coltivato et assai fertile. Soleva a tempo dei suoi Rè mettere in campagna [i] 30/m huomini da guerra, la maggior parte pedoni et ottimi arcieri, fra quali furono sempre [k] stimati i Czerimisci et i Czusaschi,[l] ma questi ultimi non solamente apprezciati per quello, ma anco per l'arte del navigar per quelli fiumi nella quale sono stati et sono espertissimi.

Viatcan [m] con la città sua dell'istesso nome cosi detta dal fiume,[n] che per mezzo le passa, è stretta et longa provincia et per la maggior parte sterile et paludiva per li molti fiumi, che scorrendo per lei insieme uniti entrano in quel di Cassan. Ha su la Volga molti castelli et villaggi di legname. È piana et in parte boschiva. È come un'asillo [o] a quei schiavi, che da Tartari fuggono per esser alli confini loro. Ha da Ponente Cassan, da Mezzogiorno — la provincia di Sibier,[p] habitata da i Nogai; da Levante i Scibani et Cosazchi;[q] da Tramontana — quelli di Tumen [r] et la Permia. Fu soggetta al regno di Cassan prima che insieme con

[a–a] *W* опускает. [b] *W* опускает. [c] *M* — poste; *B* — parte fra Ponente et parte... [d] *W* — Schibani; *V* — ... Cosarchi; *M* — Cosacchi. [e] *B* — confina con. [f] *M* — Vvatov; *B* — Viatean; *W* — Viatran. [g] *M* опускает. [h] *VMB* опускают. [i] *W* — insieme. [k] *M* — sempre meglio; *W* — molto tempo; *V* — sempre molto. [l] *V* — Crerimischi ed i Crubaschi; *M* — Citrimisci et i Caubaschi; *B* — Czirinischi ed i Czusaschi; *W* — Cresimisci et i Crabaschi. [m] *B* — Viatean; *M* — Viatecan; *W* — Vitrian. [n] *W* — Vitrian, che con la città sua piglia nome dal fiume. [o] *M* — uno vessillo; *T* — asilo, исправленное рукой *Ciampi* из vessillo. [p] *VBT* — Sciber; *M* — Seiber; *W* — Sibier. [q] *V* — Scibani, Cosarchi; *MB* — Scibani, Cosaschi; *T* — Scibani, Coraschi; *W* — Schibani et Cosarche. [r] *M* — Tumani; *T* — Tuman.

quello da Baido, Re de Tartari, fusse in servitù ridotta; alliquali dall'avo di questo Duca [a] di Moscouia [a] fù tolta doppo l'acquisto che fece della provincia di Permia, [b] et per esser prossima a' Tartari [b] et molto ben guardata, ancora che per se sia assai sicura per i boschi et paludi molti, che quasi d'ogn'intorno la circondano.

Permia provincia grande nominata cosi dalla sua città, che quasi in mezzo di essa è posta, non hà altra città ò castello, ma molti villaggi et altre [d] habitationi, fabricate di legname. È tutta piana, fuorche nella sua parte più [e] Orientale, ove per li monti sopradetti con li Tartari di Tumen [f] et con la Giuria [g] confina. Da Tramontana et da Ponente ha la Moscouia, dalla quale per le selve et paludi è separata; da Mezzogiorno — Cassan et Viatcan, [h] per la medesima sorte de confini da quella divise. Questa, come le predette, fù da Baido [i] Tartaro presa intorno al 1238 [k] et alla medesima natione tolta da Gio[vanni], avo di questo Duca, il quale trovandola idolatra cominciò a introdurvi la fede christiana, che sin'hora è assai ampliata in quelle parti; per le quali molti fiumi scorrendo vanno a dar [l] di capo nella Volga et in Duina maggiore. Sono vi anco molti laghi et paludi, che quasi dapertutto [m] rendono navigabile detta provincia et con i boschi, che sono grandissimi, [m] d'ogn'intorno la serrano et l'assicurano assai dagl'assalti dei nemici.

Giuria [n] grande quasi come la Permia et più orientale delle altre a Moscouiti soggette, del nome della quale non si sà l'origine, hà da Levante i predetti [o] popoli Hiperborei, per boschi divisi; [p] da Tramontana — il stretto di Eugrouelandia [q] et il golfo Granduico [r] sin alli confini di Moscouia; [s] da Ponente — detta Moscouia [s] et l'orda di Tumeni; da Mezzogiorno — alcuni popoli di nation Scitica [t] et già a' Tartari soggetta, posta fra detta provincia et il gran lago Chitran, [u] dal qual nasce il grandissimo fiume Obis, il quale

---

[a—a] *W* опускает. [b—b] *W* опускает. [c] *MB* — ben sicura. [d] *B* опускает. [e] *VBT* опускают. [f] *M* — Tuman. [g] *VMB* — Giugria. [h] *B* — Viatean; *W* — Viatran. [i] *M* — Boido. [k] *B* — circa l'anno; *W* — intorno gl'anni. [l] *B* — metter. [m—m] *VMT* опускают; *T* также и далее assai; *W* опускает con и che sono. [n] *VMB* — Giugria. [o] *B* опускает. [p] *B* — diversi. [q] *VW* — Engrovelandia; *M* — Engravelandia; *B* — Engrontlandia; *T* — Engrivelandia. [r] *B* — Grandnico. [s—s] *VT* опускают. [t] *VB* — Scitica; *MT* — Scithica; *W* — Sitica. [u] *M* — Chitri; *B* — Chitin; *T* — Chitru; *W* опускает gran lago.

con altri[a] minori, che in lui cascano, il loro paese et quello di Giuri[b] rende navigabile.[c] È la provincia tutta piana, fuorche ove ella tocca i predetti monti, molto boschiva et poco coltivata; la gente habita in case di legname [d]da per se[d] et in villaggi. [e] Dalla quale trassero origine gl'Ongari, natione in Europa assai nota, con i quali hanno la lingua comune.[e] Furono sottoposti a' Tartari dal tempo di Baido fino che Gio[vanni], avo di questo Duca, gli ridusse a sua obedienza et comminciò a levargli dall'idolatria introducendogli nella fede christiana, come anco fece della Permia. Il qual principio buono [f]et laudabile[f] andò aumentando Basilio, suo successore;[g] il quale [h]per ampliare il stato suo in quelle parti[h] mandò alcuni suoi capitani accioche passato[i] il stretto entrassero in Eugrouelandia[k] per riconoscierlo; i quali affaticatessi longamente per passare l'aspro et nevoso giogo dei monti, che la dividono dalla Giuria per un longo tratto senza haverne potuto veder il fine tornorono indietro.

Tutto questo grandissimo paese in tanti regni et provincie[l] diviso produce molte cose per uso suo et d'altre parti, ove sono portate. La Moscouia fà gran quantità de grani;[m] la Bulgaria, Cassan [n]et Citracan[n] almeno tanti che suppliscono al lor bisogno; la Cumania, et l'altre pochissi[mi] si per esser mal coltivate, si ancora per li gran freddi; alle quali in gran parte può supplir la Moscouia. Alcuna d'esse non fa vini, overo ogli, et quelli, che da esterni per il mar Maggior, per il Neper[o] et per l'Oceano Germanico sono condotti, sono pochi et cari. In luogo di vino i maggiori usano il medone,[p] bevanda assai delicata fatta di miele; et gl'altri tutti

---

[a] *VMT* — molti; *B* — alcuni [b] *VMB* — Giugri. [c] *W* после cascano имеет: rende questa provincia con li loro paesi navigabile; *T* опускает далее È la provincia... до слов Tutto questo grandissimo paese... [d–d] *W* — separate. [e–e] *W* — опускает Dalla quale ... comune; вместо дальнейшего Furono... christiana, имеет: Questa provincia fu soggiogata da Baido Imperatore Tartaro et stè (*sic!*) soggetta a quella natione fino a Giovanni, avo di questo duca, il quale avendola levata a Tartari l'introdusse nella fede cristiana facendoli lasciare l'Idolatria. [f–f] *W* опускает. [g] *W* далее имеет: Da questa provincia trassero origine... comune (см. выше). [h–h] *W* — Basilio sopradetto, padre di questo et figliuolo di Giovanni, desideroso d'allargar i suoi confini da questa parte... [i] *W* — a passar; далее опускает entrassero. [k] *V* — Engrovilandia; *MBW* — Engrovelandia. [l] *VMBTW* — Provincie et Regni. [m] *W* — di grano. [n–n] *T* опускает. [o] *B* — Nieper; *T* исправлено рукой *Ciampi* из Heper. [p] *M* — medoné (meth); *W* — le Vedone.

la cervosa.[a] In vece d'oglio adoperano[b] il butiro de quale si fà [c] grandissima copia,[c] come anco di tutte[d] le sorte di casilini [e] per la grande abondantia[f] d'animali grossi et minuti, [g] che hanno[g] et conseguentemente di pelli et di lane[h] molto grosse, delle quali fanno feltri. Abonda fuor di modo il paese d'animali selvatichi, fra i quali sono molto prezzati[i] i zebellini, martori, armelini, aspreoli,[k] varini, castori, lupicervieri, volpe bianche et nere, dellequali tutte[l] cavano utile inestimabile. Fra gl'uccelli produce falconi detti girifalchi,[m] ottimi et di gran valuta.

È copiosissimo di cere,[n] et miele, quanto altra parte del mondo. Nella Cumania appresso il Tanai nasce il reupontico et il calamo aromatico. È cosa nel vero[o] degna d'ammiratione, che quanto alcune parti mancano di biade,[p] tanto più sono abondanti di pelli,[q] animali, pesci et miele.[r] Non hà minere salvo che di ferro[s] et piombo: è molto[t] ricco di legnami d'ogni sorte et massimamente[u] di que'li che sono buoni per fabricar case et navilii.

È dottato[v] di canevi[x] et pegole oltre il suo bisogno; fa sali per se et per i vicini popoli di Tartari, che apportano estrema[y] utilità al principe.[z] Cava anco[aa] dal golfo Granduico[bb] d'alcuni pesci nominati Marsi, denti grandissimi[cc] et simili all'avolio di bianchezza. Nelle parti più al Mezzogiorno esposte produce frutti quasi d'ogni sorte [dd]fuorche l'avellane.[dd]

La Moscouia è popolatissima fuorche appresso il golfo Granduico,[bb] ove per i monti, paludi et boschi et per il gran freddo, che al tempo d'inverno vi regna, ha pochi habitatori. L'altre parti a lei obedienti se ben non tanto habitate hanno[ee] tutte però[ee] gente

---

[a] *V* — cerviosa. [b] *W* — usano. [c—c] *W* — abbondantissimamente. [d] *W* — d'ogni altra. [e] *V* — lattácinii; *MBTW* — latticinii. [f] *W* — grandissima et innumerabile quantità. [g—g] *W* опускает. [h] *W* — lana, ma. [i] *W* — stimati. [k] *M* — asproli (?); *W* опускает; далее varini. [l] *W* опускает. [m] *VMT* — Grifalchi; *W* — Grifalconi. [n] *M* — cose. [o] *W* — veramente. [p] *W* — bacce. [q] *W* — pelle et lane. [r] *W* — melle et altre cose intanto che dove una cosa ò altra non è concessa l'altre di quelle copiose la somministrano. См. ниже стр. 355 перед In questo stato s'usano... [s] *B* — mielle; на полях ferro. [t] *W* опускает. [u] *V* — particolarmente; *B* — massime. [v] *M* опускает; *B* — È fertile. [x] *B* — canapi; *T* — canave; *W* — caneve; *M* — catrame. [y] *W* — molta. [z] *T* опускает от Cava anco... до Gl'habitatori in universale... [aa] *V* — ancora; *W* опускает. [bb] *B* — Grandnico. [cc] *VM* — Monsidenti grandissimi; *M* — Morsi, denti...; *B* — Morsi con denti... [dd—dd] *B* опускает. [ee—ee] *M* опускает.

as-ai, fuor che la Cumania che per causa delle guerre passate è quasi tutta senza cultori rimasta. Gl'habitatori in universale sono molto robusti et avvezzi[a] a sopportar ogni incomodo et disaggio et assuefatti alla guerra et alle fatiche per esser di continuo da principe esercitati; ne perciò mancano d'attender all'agricoltura, al governo degl'animali et ad'altre arti necessarie,[b] ma nelle parti, che manco sono intenti et dati all'arti, si supplisce con l'haver cura degl'animali et viver del frutto, che da quelli[c] si cava, [d]di cacciaggioni et[d] di pesce, di miele. Et dove una cosa ò l'altra non è concessa, l'altre di quelle copiose le somministrano, come ben si vede in Viatcan, Permia et Giuria.[e]

In questo stato s'usano cinque lingue, l'una dall'altra diversa, come in Moscouia — la schiavona,[f] in Bulgaria, Permia et Giuria[g] — ogn'una la sua nativa et materna da per se; ma quella di Giuri[h] in tanto è simile all'Ongara,[i] che quasi in tutto è l'istessa;[k] ne è meraviglia perche, come detto habbiamo di sopra, trassero g'Ongari la loro origine dai Giuri.[h] L'altre quattro provincie adoperando[l] la lingua Tartara, benche nella Cumania et Citracan l'usano insieme con la Cumana.

Hanno li Moscouiti la fede christiana alla Greca, i Giuri[m] et Permi che prima a gl'idoli sacrificavano, sono in gran parte batteggiati et per la molta diligentia del Duca et dei sacerdoti Moscouiti si spera, che di breve gl'altri sotto il medesimo vessillo[n] habbiano ad imitation degl'altri a ridursi;[o] il resto sono maometani, fuorche quelli [p]delle colonie ò altri, che per guardia sono stati[p] collocati in quelle parti. Ne sin'hora s'hà potuto fargli far alcun profitto per conto[q] della religione perche pochi anni fà, come è detto di sopra, sono stati [r]soggiogati da Moscouiti.[r]

---

[a] *W* — accessi. [b] *W* опускает далее все до In questo stato..., вставляя: et che suppliscono in alcune parti dove non sono cosi essercitati [n]ell'armi essendo in questo assidui et diligenti. [c] *VMBT* — quelli. [d–d] *T* опускает. [e] *V* — Viatran ... Giugria; *M* — Viatcan ... Giugria; *B* — Viatean ... Giagria; *T* далее опускает от In questo stato... до Hanno li Moscoviti la fede... [f] *VMB* — schiava; *W* — schiva. [g] *VMB* — Giugria. [h] *V* — Giughiri; *MB* — Giugri. [i] *VM* — Unghera; *BW* — Ungara. [k] *W* далее: di che non è... [l] *B* — parlano in...; *W* — usano. [m] *VMB* — Giugri. [n] *B* — giogo. [o] *B* — ricevere. [p–p] *T* — delle colonne, o altri cherono (*sic!*) stati... [q] *W* — per cor... (*sic!*). [r–r] *B* опускает da Moscoviti; *W* — quelle parti a Moscoviti soggette.

Vivono i popoli di quelle cose,[a] che di sopra habbiamo dichiarate.[b] I più ricchi vestono di panni di lana[c] fini et anco di seta, gl'altri tutti di lana[c] et di panni grossi. Usano gl'habiti loro quasi in tutto simili a quelli degl' Ongari,[d] salvo che nei capelli, che da tutti s'usano bianchi et apuntiti.[e]

L'habitationi loro sono di legname, [f]che per esser ne abondante il paese,[f] poco gli costa. Perciò per esser copiosi essi di tutte le cose necessarie, con poca spesa si mantengono.

In tutto questo stato[g] non si stampano ori,[h] ma quelli, che vi si spendono, sono ongari[i] et rainesi;[k] le monete d'argento sono fatte di diversi pretii dagl'orefici particolari senza render conto ò utilità al principe, ma nelle parti più settentrionali non usano [l]ne d'oro ne d'argento.[l]

La mercantia, che in questi paese s'essercita, quasi tutta in concambio di robbe consiste, cosa che molto più che prima è hora in uso, perche cosi hanno voluto et commesso gl'ultimi Duchi per comodità et util maggiore dei suoi; laqual cosa non sol frà loro, ma anco con i forestieri ordinariamente s'osserva. Le merci che di queste parti si cavano, sono pelli pretiosissime in gran quantità di sopra distinte nei suoi nomi et altre de animali grossi domestici et minuti; miele, cere, sali, pegole, feltri, calamo aromatico, reupontico et denti del pesce Morso di molto prezzo. Quelle ch'entrano sono oro filato, metalli d'ogni sorte, fuorche ferro,[m] gioie, panni [n]di seta et di lana, seta, spetie, merci minute[n] di poca valuta et altre cose, lequali condotte in diversi luoghi alla fine[o] con quelle del paese si commutano et gl'habitanti misciscono[p] delle cose, che gli soprabondano, et si forniscono di quelle, che mancano, che gli sono necessarie, senza incommodarsi del danaro, onde detto

---

[a] *MBT* опускают; *T* дает quello, вместо quelle, и далее — dichiarato.
[b] *W* — dichiamato. [c–c] *T* опускает. [d] *VMT* — Ungheri; *BW* — Ungari. [e] *T* опускает далее от L'habitationi loro... до La mercantia, che in questo... [f–f] *W* опускает, заменяя одним le quali, далее же: poco gli costano per esser copiosi non solo di legno, ma anco di tutte le cose al fabricarle necessarie. [g] *VM* — In questo generalmente; *B* — In questo paese generalmente. [h] *W* — ori (libri) (*sic!*). [i] *VM* — Ungheri; *BW* — Ungari; *W* опускает sono. [k] *MB* — Raines. [l–l] *W* — monete di sorte alcuna. [m] *VMB* — lavori di ferro; *T* — lavor...; *W* — fuorche di ferro. [n–n] *W* опускает. [o] *VMBT* — fiere. [p] *V* — riuniscono; *M* — riusciscono (?) (*Sic!*); *B* — esitano; *T* — riusciscono; *W* — spediscono. [q] *T* опускает далее от I luoghi.., до Di Moscovia per Germania...

resta nel stato con molto comodo del principe.[q] I luoghi, ove più le merci concorrono et s'espediscono, sono[a] — in Mosca, nella quale altri mercanti [b]già non erano ammessi[b] oltra i paesani,[c] [b]che i Lituani[b] et Polachi, ma hora vi vengono assai Persiani, [d] ma più[d] Armeni nella città di Epigrod [e] nel ducato di Nugardia,[f] ove possono venir Turchi et Tartari, et [g] in Nugardia — Suetii,[h] Liuoni [i] et Germani; in Citracan et nell'Isola dei mercanti appresso Cassan pratticano Tartari, Persiani et Armeni.

Di Moscouia per Germania si cavano pelli et cere a baratto per il più di metalli et altre merci diverse. Per Lituania et Turchia [k] vanno cuoi,[l] pelli et denti del predetto pesce.[m] Di Polonia vengono panni di seta et di lana, [n]ori et argenti filati[n] a cambio di pelli et cere. Di Tartaria si portano feltri et [o] si conduce [o] gran quantità di cavalli, [p]ma da[p] quelli, che fra loro si chiamano Calmuchi [q] et Zagatai,[r] altrimente detti dalle berette [s] verdi, posti oltra i Nogai [t] sul mar Caspio, vengono [u] pani di seta, ne altro riceve detta natione, che sali, freni, [v] cari [x] et vesti. Ma ai [y] popoli ressidenti appresso l'Oceano si portano [z] vesti di pani grossi, manare, coltelli, aghi [aa] et altre merci minute. Non permette sotto gravissime pene [bb]il Duca[bb] che si cavi ferro del stato suo, massimamente per Tartaria. I Persiani et Armeni portano speciarie, gioie, pani di seta et altre cose, che producono le provincie loro prossime [cc] et quello che al Duca molto importa, arme finissime. Dal mar Caspio fino a Mosca si portano pesci perfettissimi in gran copia. Cresce di continuo il trafico in quelle parti et più in Citracan, che nell'altre. La condottura delle merci [dd] si nell'entrata, come nell'uscita,[dd] è facile et di poca spesa per la gran comodità dei fiumi, che quasi in ogni minima parte rendono navigabile quel grandissimo paese.

---

[a] *VMB* опускают; *W* — sono Mosca. [b—b] *W* опускает; *B* опускает ammessi. [c] *V* — Persiani; *W* — Parsaniche. [d—d] *W* — et. [e] *VMBW* — Clopigrod. [f] *V* — Hungardiente; *M* — Nungardiense; *B* — Nugardiense. [g] *W* опускает. [h] *B* — Svechi. [i] *M* — Cicconi. [k] *B* — Lituania, Livonia e Turchia. [l] *B* опускает. [m] *T* опускает далее от Di Polonia... до L'entrate ordinarie... [n—n] *W* — oro et argenti filato. [o—o] *B* опускает. [p—p] *W* — et. [q] *V* — Chamulchi; *M* — Camulchi; *B* — Calmucchi [r] Так *BW*; *V* — Tagatai; *M* — Thagathai; *L* — Zagrai. [s] *B* — terre. [t] *W* после Nogai posti (*bis*). [u] *W* — portano. [v] *VMBW* — fieni. [x] *VMW* — cuoi; *B* — опускает. [y] *W* — gl'altri; далее опускает ressidenti. [z] *W* — pigliano. [aa] *W* — aguchie. [bb—bb] *W* опускает. [cc] *W* опускает. [dd—dd] *W* — si dentro come fuori.

L'entrate ordinarie, che di questo stato unito[a] cava il Duca, consistono in tributi, datii et sali. Dei tributi alcuni sono in danari, tratti dalle provincie, che si accostano più al Mezzogiorno, altre in pelli[b] — dalle più settentrionali, et fra quelli dalla Permia, la quale oltra le pelli da gran numero di cavalli, dei quali è abondantissima. I datii per il più si riscuotono in Moscouia, Cassan et Citracan. Di sale oltra quello, che nel stato si distribuisce, si vende a' Tartari gran quantità. L'utile, che per queste vie trae[c] il principe, è quasi inestimabile et alla giornata sempre più cresce; perche il paese si va habitando sempre meglio et gli trafichi crescendo.

D'estraordinarii potria trarne[d] assai per haver i popoli obedientissimi, ma per quanto s'hà potuto intender, non suol metter[e] gravezze. Hà nell'errario suo grandissimo thesoro d'oro, d'argento, di gioie et altre cose pretiosissime cumulato dai suoi maggiori et anco da lui augumentato et dell'entrate et molto più di quello, che hà guadagnato nell'acquisto di tanti regni et provincie.

Della[f] spesa, se ben non si può saper particolarmente, [g]dirò quel tanto che m'è venuto a notitia.[g]

Spende il Duca poco[h] nella sua corte[i] con tutto che viva splendidamente et che[k] gran numero di gentilhuomini et di signori di continuo lo servono. Et questo non sol per la copia grande che hà la Moscouia delle cose al vitto pertinenti, ma anco perche[l] alcuni[m] con poco,[m] alcuni senza stipendio lo servono.

Nel tempo di pace tien la cavalleria in Citracan, Cassan et Viatcan[n] per difender i confini dai Tartari Nogai[o] et altri, che col stato suo confinano da quel canto, et parimente in Colloga,[p] città

---

[a] *W* — cosi unito. [b] *B* — pelli tratti. [c] *W* — cava.
[d] *VMBT* — cavarne. [e] *B* — imporre. [f] *W* — Quanto alla spesa.
[g–g] *W* — si vede però che. [h] *W* — poco perche... [i] *W* — corte non spende molto; *MBT* опускают следующее далее con. [k] *W* далее: sia sempre da gran numero de gentil'huomini et signori servito. Затем, опуская Et questo non solo... до tien cavalleria..., имеет: Nel tempo di guerra non fa molta spesa perche oltre li soldati pagati a'quali da poco come s'intendera ha gran numero di gentil huomini et s. (*sic!*) obligati a servirlo. Nel tempo di pace spende molto meno perche nella custodia delle fortezze tiene pochi soldati essendo guardate alcune dalle colonie et altre da gl'habitanti. Tieneanco cavalleria...
[l] *VMBT* опускают. [m–m] *T* опускает. [n] *B* — Viatean; *T* — Viarcan; *W* — Vitran. [o] *M* — Nugai; *T* — Nogai, исправл. рукой *Ciampi* из Hogai.
[p] *V* — Cellugan; *MT* — Collugan; *BW* — Coluga.

all'incontro della Tana [a] per prohibir l'incursioni dei Precopensi; [b] la quale è più et manco secondo il bisogno, ma non passano tutti 15/m in 20/m al più. [c] Spende questo principe pochissimo nella custodia delle fortezze, perche alcune sono guardate da quelli delle colonie, alcune dagl'habitanti et poche [d] dai suoi soldati, salvo che in tempo di guerra et [e] alle frontiere dei Tartari hanno bisogno di molta custodia. Perche questa nation non adopera fanteria ò artiglieria, ma sol la cavalleria disarmata, da che prociede che non è gente atta all'espugnationi et quando anco occorresse guardar le tutte a sue spese importeria poco [f] perche sono poche.

Al tempo della guerra mette assai gente in campagna et alla presa di Cassan et di Castracan [g] si trovorono, oltra la cavalleria, che i teneva contra i Precopensi [b] et in altre parti [h] più di 100/m cavalli et 20/m fanti; et quando ci [h] fusse astretto da maggior bisogno, potria metter [i] 200/m cavalli et buona somma di fanti oltra i sopradetti. [k]

Ne mai furono i suoi sudditi cosi esercitati nell'armi, come hora, perche già solevano esser [l] tutti arcieri a cavallo et pochi havevano armi in dosso et portavano lancia. Vero è che al tempo del padre del questo Duca si commінciò a usare una banda di archibusieri [m] et qualche numero di fanti, ma inesperti et mal armati. Hora mò [n] i cavalli et i fanti sono [o] assai ben ad'ordine. [o]

Fa la descrittione [p] il Duca ogni doi ò tre anni nelle sue provincie di tutti quelli, che sono più atti alla guerra, et fra questi sono notati i figliuoli de'gentilhuomini col numero dei servitori et cavalli che s'attrovano et a quelli che più poveri sono, da sti-

---

[a] *T* — Zana. [b] *W* — Preconpensi. [c] *W* — al più, l'altre fanterie de Tartari non hanno bisogno di molta guardia perche questa natione non adopera fantaria ò Artiglieria, ma solo Cavalleria disarmata che non è atta all'espugnatione et sebbene quando occorrese guardar le tutte à sue spese importeria non molto al Duca perche sono poche. Далее: Fa la descretione... [d] *VBT* — poche; *M* — pochi. [e] *VMB* — nè alle frontiere; *T* — nelle frontiere. [f] *VMB* — importaria non molto (*M* — al Duca); *T* — non importaria molto. [g] *VMBTW* — Citracan. [h] *W* опускает. [i] *W* — metter insieme. [k] *W* помещает отрывок Al tempo della guerra... sopradetti ниже: см. прим. c на стр. 360. [l] *W* — esser li soldati. [m] *VMBT* — archibugieri a cavallo. [n] *VMW* опускают. [o—o] *W* — ben armati. Весь отрывок от слов già solevano... до ben armati *W* помещает ниже (см. стр. 360 прим. c). После отрывка, указанного выше в примеч. c (... sono poche), следует Fa la descretione... ne molta in tempo di guerra. [p] *T* опускает Fa la descrittione... до La cavalleria dei più nobili.

pendio diverso: ad'alcuni ducati 6 all'anno[a] a spese del principe, ad'altri ducati 12 con obligo di servir a sue spese, come fanno anco tutti gl'altri,[b] che non tirano stipendio alcuno.

Onde a tempo di pace ha poca spesa, ne molta in tempo di guerra,[c] ma quel che più importa è ch'ei ha fatto una grossa banda di fanti 15/m dei quali si serve, come fa il Signor Turco dei Gianizzeri; ai quali da le paghe sue ordinariamente. La sua cavalleria et fanteria è tutta[d] dei suoi sudditi. Si serve anco di soldati esterni et massimamente di fanti Alemani, ai quali hà conceduto licentia di fabricarsi una città assai grossa di legname poco lontana da Mosca per loro ricetto, dellaqual cava più di 8/m archibusieri. La cavalleria dei più nobili et ricchi arma la persona di corazze di lame[e] sottili et ben temperate, di celate puntite,[f] parimente fatte di lame,[g] le quali tutte sono portate di Persia.[g] Questi per il più usano la lancia, gl'altri tutti in luogo d'arme di dosso portano giubbe grosse di bombaccio benissimo imbottite et molto atte[h] a resistere alle percosse et massimamente alle saette; fra i quali è una grossa banda d'archibusieri, gl'altri tutti adoperano[i] l'arco,[k] ma la spada et il pugnale [l]a tutti sono armi communi[l] et pochi si vagliano della mazza di ferro.

I cavalli[m] sono picioli, ma perciò[n] molto atti a sofferir le fatiche et ogni[o] disaggio, ma sopra tutto il freddo.[p] La fanteria

---

[a] *B* — al mese. [b] *VM* — quelli. [c] *W* далее имеет: Al tempo di guerra... sopradetti. См. стр. 359, прим. k. Затем идет: Si come questo Duca avanza i suoi precessori di numero di gente da guerra cosi anco li superava di gente esperta perche oltre le molte et grande imprese fatte, nelle quali si sono fatti suoi sudditi buoni soldati, non manca in tempo di pace d'essercitarli secondo la disciplina di Germania che l'insegnano quei Tedeschi a'quali in Mosca ha dato ricetta che li poco lontano dalla città s'hanno fabricato uno castello di legname del quale sene cava più di 8 mille arcobugieri col mezzo de'quali s'esercitano in molte parti et particolarmente in Mosca le feste all'Arcobuso dove de' Moscoviti ne riusciti ne riescono alla giornata gran quantità, oltre di questo ha fatto una grossa banda de 15 mille fanti de quali si serve come fa il Turco de' Gianizeri a'quali da le paghe ordinarie. Далее идет: Solevano già esser... ben armati. См. стр. 359 прим. o — o [d] *B* опускает. [e] *W* — lance. [f] *W* опускает. [g-g] *W* добавляет: et non usa di lancia, опуская дальше Questi... lancia. [h] *W* — alte. [i] *W* — altri adopano (*sic!*). [k] *W* далее имеет: La fanteria usa similmente l'istesse giubbe ma molto la celata solevano esser... pugnale, armi comuni a tutti. [l-l] *W* ставит ниже, после salvo che la spada e il pugnale. [m] *W* перемещает весь отрывок Li cavalli loro... il freddo после salvo che la spada... a tutti. Затем следует: Ha fatto... in estrema copia. [n] *W* — con tutto ciò. [o] *W* — ogni altro. [p] *W* далее имеет: Ha fatto questo Duca venir... estrema copia.

arma dell'istesse giubbe, pochi usano la celata. Solevano esser tutti arcieri, [a] ma hora per la maggior parte adoperano l'arcobuso, [a] non portano picca ò altr'arma, salvo che la spada et il pugnale.[b]

Et si come[c] questo Duca avanza tutti i suoi precessori di numero di gente da guerra per le molte et grandi imprese fatte, cosi anco per tenerla essercitata in tempo di pace per poter meglio effettuarlo, hà dato ricapito a gran numero de'soldati forestieri et, come è detto di sopra, concessagli habitatione nel stato suo, et hormai secondo la disciplina di Germania in molte parti et principalmente in Mosca col mezzo di quelli et altri s'essercitano Moscouiti le feste all'arcobuso, dei quali espertissimi ne sono riusciti et riescono alla giornata gran quantità. Ha fatto[d] anco venir di Germania et d'Italia ingegneri et fonditori d'artiglierie, col mezzo dei quali hà fortificato Cassan, Citracan et altri luoghi alla Italiana et gettato grosso numero d'artiglieria et in Mosca vi[e] è una lunga tirata de botteghe, che lavorano di arcobusi in estrema [f] copia.

Il principe[g] a cui tutto il stato di Mosca[h] pressa obedientia, [i] [é Giouanni], [i] che a Basilio suo padre successe 24 anni fà in età di anni 6.[k] I progenitori del quale trassero origine dai Vareghi, [l] popoli della nation dei Vandali, habitanti[m] nella riviera del golfo Granduico.[n] Furono tre fratelli, che del[o]... chiamati in Russia dagl'habitanti, con consentimento loro divisero egualmente insieme[p] detta provincia, dei quali, mancati gl'altri due, Rurich[q] di tutto quel paese restò herede et padrone. I successori del quale non riconobbero alcuno per superiore fin al 1240,[r] che assaliti da Baido, imperatore de Tartari, doppo una gran rotta[s] de suoi et de Cumiani, gli divennero tributarii, al quale non fu molta difficulta sottometter quasi[t] tutta quella provincia per haverla trovata

---

[a—a] *W* — hora la maggior parte arcobugieri. [b] *BW* — La fanteria... до Et si come... см. выше, стр. 360 прим. k. [c] *W* — см. выше стр. 360, прим. c; *T* опускает Et si come... до Il Principe. [d] *W* — см. выше стр. 360, прим. p. [e] *W* опускает vi и далее, вместо lunga tirata de botteghe, имеет tirata de botoghe. [f] *V* — optima copia. [g] *W* опускает Il principe... anni 6... I progenitori del quale, заменяя: I duchi di Moscovia... [h] *VMBT* — Moscovia. [i—i] Так *VMBT*; *L* опускает. [k] *VMT* — sei; *B* — 6. [l] *M* — Varechi; *T* — Verechi. [m] *W* — che habitano la riviera... perche furono... [n] *T* — nel Golfo della Rivera del golfo... [o] *W* — del anno... [p] *W* опускает egualmente insieme... и далее gl'altri. [q] *VB* — Ruzich; *M* — Rusich; *W* — Ruriche. [r] *MT* — 1140. [s] *W* — volta. [t] *B* опускает

divisa in molti principati,[a] che tanto più debole la rendevano,[b] et fin a questo tempo hebbe la Russia.

Hora è un sol principe, a chi tutti gl'altri obediscono;[b] fra i quali[c] fù Vuolodimerio[d] di maggior auttorità degl'altri, che del[e]... tolta per moglie Anna, sorella di Basilio et Constantino, imperatore di Constantinopoli, ridusse la Russia, che non molto prima haveva abbracciata la fede christiana, in tutto sotto il vessillo di Christo; il quale[f] preso il santo batesimo fù nominato Basilio. Ma doppo che detta provincia per la maggior parte a' Tartari fù tributaria, furono le conditioni sue molto alterate, non solo di quel tanto, che annualmente erano obligati[g] pagar, ma perche ad' ogni voler[h] de' Tartari convenivano ò uniti con loro, ò separati[h] andar a danni di Lituani, Polacchi et d'altre vicine nationi et i Duchi suoi, che di ragione in diversi ducati succedevano, erano tenuti tuor[i] la confirmatione d'essi dai detti Rè di Tartari.[k] Et se ben vi fù alcuno al quale ò tutti ò la maggior parte dei Duchi di quella provincia rendessero[l] obedientia, nondimeno[m] confidati nelle proprie forze ardirono[n] muover guerra a detti Tartari. Ne percio poterono[o] Russiani liberarsi in tutto da tributo fin che Gio[vanni], avo di questo Duca, veduta[p] tutta la Russia Rossa et parte della Bianca dal giogo di tal servitù con braccio de Polacchi et Lituani liberata, et Tartari per le guerre civili indeboliti et consumati et in se stessi divisi, confidato nelle forze[q] ricusò[r] di pagar[s] il solito tributo et cosi[t] messe in libertà il resto di quella provincia. Ne contento di questo agl'istessi Tartari tolse le provincie[u] di Viatcan,[v] Permia et Giuria et la maggior parte dei suoi feudatarii spogliò dei stati loro. Al quale successe Basilio, che imitando le vestigie paterne, priv

---

[a] *W* — potentati. [b–b] *W* опускает et fino... la Russia. Hora è... до fra i quali. [c] *W* — fra questi successori di Rurick. [d] *V* — Viceldimerio; *B* — Voldinferio; *T* — Vuoldimerio. [e] *W* — del anno. [f] *W* опускает il quale; далее имеет: havendo lui preso il Batesimo et fatto nominar Basilio, hora detta provincia doppo... resto a Tartari tributaria. [g] *W* — ch'erano tenuti annualmente. [h–h] *W* опускает. [i] *V* — to *MTW* — torre; *B* — pigliar. [k] *W* опускает. [l] *W* — restero. [m] *W* — che. [n] *W* — havesse avuto ardire di... [o] *W* — potero i Russiani. [p] *M* — reduta. [q] *MT* — forze sue; *W* опускает confidato nelle forze. *W* — ricorso. [s] *W* — pagar, come s'è detto. [t] *W* — опускает. [u] *B* — levò la Provincia. [v] *V* — Viatkan; *M* — Viatcam; *B* — Viatean; *W* — Viatran. [x] *VMB* — Giugria.

il resto dei feudatarii, astrinse il regno di Cassan ad'essergli tributario et [a] Lituani di [a] quello che della Russia Bianca possedevano. Onde di tutta divenne padrone. Venendo a morte lasciò un' unico figliuolo herede, [b] che è quello, che al presente domina, sotto la tutella della madre et del zio materno, il [c] che fù del 1536. [d] Il qual pervenuto all'età atta [e] a governar il stato, per vendicar l'ingiurie fatte al padre dalli Cassoniti, [f] i quali non solo s'erano ribellati, ma insieme con i Precopensi havevano più volte da diverse parti [g] il stato [g] del Duca corso et depopulato, nel 1555 egli [h] in persona assali detto regno con grandissimo essercito et doppo rotti i Precopensi, che in agiuto dei Cassaniti venivano, per forza d'arme tutto lo sogg'ogò et seguendo la vittoria, quella parte di Cumania ch'hora tiene, et [c] il regno di Citracan levò a' Tartari et fortificate le principal città di detti regni et tradottevi colonie dei suoi, carico di preda et di prigioni, vittorioso [i] ritornò a Mosca et poco doppo mandato un' essercito contra i Precopensi, havendogli date alcune rotte fra il Tanai et il Neper, [k] gli fece retirar [l] nella sua peninsula, ove aiutati da Turchi ò dalla fossa, che [m] dal continente [m] la divide da Moscouia, senza lassargli entrar si diffesero; i quali in questo tanto con molti navilii et barche armate alla sprovista usciti delle bocche de Tanai et Neper, [k] presero tre maone [n] de Turchi con molti picioli navilii nel mar Maggiore et [o] in quello [o] di Zabacche [p] et doppo questo tentorono indarno la città della Tana [q] et chiamati dal Duca suo, [r] lasciata [r] quella impresa, passarono in Liuonia, ove con l'essercito del Duca, a' danni di quella provincia condotto, [s] s'unirono; la quale essendo raccomandata al Re di Polonia, consignandogli [t] nelle mani [t] sette delle loro fortezze et perciò accresciuta [u] la guerra, doppo alcune rotte datesi fra loro persero [v] i Moschi [x] molti

---

[a—a] *W* — a Lituani levo. [b] *W* вставляет далее: d'età anni sei, chiamato Giovanni, come l'avo. [c] *W* опускает. [d] *M* — 1533. [e] *W* опускает. [f] *B* — Cassanesi. [g—g] *M* опускает. [h] *VMBTW* так; *L* — 1555; *W* опускает egli. [i] *V* — опускает. [k] *B* — Nieper. *T* — исправл. рукой *Ciampi* из Heper. [l] *W* — ritornare. [m—m] *W* — da terra; далее опускает da Moscoviti, но после entrar вставляет li Moscoviti. [n] *M* — maone (barche). [o—o] *W* опускает. [p] *V* — Tabache; *M* — Tabauche; *B* — Tabacche; *T* — Zabecche. [q] *T* — Zana; *W* далее опускает et и suo [duca]. [r—r] *W* — lasciorono la qual impresa. [s] *W* опускает. [t—t] *W* опускает. [u] *W* — inasprita. [v] *VMBT* — presero; *W* — posero. [x] *BW* — Moscoviti.

castelli nel principio occupati,[a] ne sin hora fra loro è terminata questa difficultà.[b]

In tanto i Nogai[c] assaltato il stato del Duca, con gran danno lo corsero et fatta preda infinita con gran numero di prigioni tornorono indietro a passar la Volga; ne contenti di questo, allettati della preda, penetrorono[d] fino in Moscouia, ove soprapresi da una grossissima[e] imboscata, con perdita di molti migliaia dei suoi si ritirorono[g] in Sibier.[g]

È al presente il Duca in età d'anni 30,[h] di corpo robusto;[i] del cui valore non ci è alcuna maggior prova, che[k] l'imprese predette, in gran parte da lui in persona fatte;[l] essercita i suoi in militia non solo a tempo di guerra, ma di pace et si come di valor et diligentia, cosi di grandezza [di] stato, di numero et di qualità di gente da guerra, di gran lunga avanza tutti i suoi progenitori.

Questo è quanto, che delle cose del stato[m] del Duca[m] di Moscouia dall'historie proprie,[n] da quelle dei vicini et[o] da persone, che hanno militato sotto il Duca[p] ho potuto raccoglier et ridur in compendio.[q] Et se molte cose non ho potuto, come faceva[r] bisogno, descriver, devesi ascriver tutta la colpa alla molta distantia et all'historia,[s] che non da notitia più particolar.[t] Ma occorrendo nel avenir che s'intenda qualche cosa di più, che si potesse in questo discorso desiderar, m'offerisco prontissimo di supplir[u] ad' ogni parte con ogni maggior accuratezza.[v]

Il fine.

---

[a] *B* — recuperate. [b] *W* — lite. [c] *T* — Hogai. [d] *W* — penetrorno di nuovo. [e] *W* — grandissima. [f] *W* — ritornorono. [g] *VT* — Scibier; *MB* — Sciber. [h] *W* — E il presente Duca d'anni 30. [i] *W* далее вставляет: della cui grandezza habbiamo detti di sopra et. [k] *VMBTW* — delle. [l] *W* — опускает далее все, кончая progenitori. [m—m] *VMBTW* опускают. [n] *M* — passate. [o] *W* опускает. [p] *W* — sotto esso Duca et dai principali di quella Corte. [q] *W* — questo breve discorso. Далее до конца опускает. [r] *B* — ricercava il. [s] *MB* — historie и далее non danno. [t] *VMBT* добавляют più distinta. [u] *M* — di offrire et supplire. [v] *M* — далее Laus Deo; *T* — Il fine.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Это краткое историческое вступление в основном, как многое и далее, следует Герберштейну. Автор Discorso, несомненно, имел в руках итальянский перевод Commentari della Moscovia et parimente della Russia e delle altre cose belle et notabili composti per il signor Sigismondo, libero barone in Herberstein et Guethag, tradotti nuoamente di latino in nostra lingua volgare italiana... (Venetia, G. B. Pedrezzano, 1550. Далее в ссылках: Herberstein).

Сравним следующие места в „Записках о Московитских делах" (перевод А. И. Малеина, СПб., 1908; далее в ссылках: Герберштейн): об имени Москвы — стр. 97А—Б; о перенесении столицы из Владимира — стр. 100В, 102Б; о титуле московского государя — стр. 23—24; о покорении Иваном III вассалов — стр. 12, 15.

Вместе с тем нельзя не заметить, что наш автор кое в чем намеренно отступает от своего источника. Чувствуя неясность в понимании Герберштейном имени Р у с с и я то в смысле одной Московии, то в смысле Западной Руси, то в смысле вообще славянских земель (Герберштейн, стр. 2 и 97; ср. Е. Замысловский. Герберштейн и его историко-географические известия о России. СПб., 1884, стр. 127), Тьеполо пытается по своему разъяснить вопрос и, хотя его несколько сбивает с толку общепринятое тогда в Западной Европе обыкновение именовать Московией (а не Россией) все русское государство,[1] его понимание все же остается более ясным, чем у Герберштейна.

Историческая роль Ивана III обрисована в Discorso вовсе не по Герберштейну, у которого Иван III изображается покорным вассалом татар (стр. 16 АБ), а о татарской дани сказано, что она платилась русскими „вплоть до нынешнего Василия" (III-го — см. стр. 10Б, 139А).

Тьеполо мог заимствовать такую точку зрения из литературных источников, хотя бы, например, из Chronica Polonorum Матвея Меховского (Краков, 1521, кн. IV, гл. LXXXV, стр. 377), где прямо сказано: „Он [Иван III] сбросил татарское иго и... заставил платить дань тех, кому раньше сам ее платил". Возможно, однако, что к 60-м годам XVI в. и устным путем достаточно широко распространилась и уже достигла Италии аналогичная версия придворных историографов Ивана Грозного (ср. Историю о Казанском царстве, ПСРЛ, XIX, СПб., 1903).

Хронологические даты Тьеполо приводит не по Герберштейну, а, вероятнее всего, по М. Меховскому, пользуясь либо „Хроникой", либо „Трактатом о двух Сарматиях".

Наименования: Белая Россия (Russia Alba, Rossia Bianca) и Красная, Червонная Россия (Russia Rubea, Russia Rossa) постоянно в XVI в. встречаются на западно-европейских картах, в географических руководствах и т. д.

---

1 А может быть, и предисловие к итальянскому Герберштейну, где соотношение Московии и Руси и выглядит очень неясно.

для обозначения: а) московских земель к востоку от Днепра и б) юго-западной Руси — к западу от Днепра. См. карту в латинском издании Географии Птолемея, Argentorati, 1513 (Кордт. Материалы по истории русской картографии, вып. 1. Киев, 1899, табл. II); карты Giacomo Gastaldo 1548 и 1561 гг. (ibid., табл. IV и V); карту A. Wied'a (ibid., табл. VI). См. также у Амброджо Контарини (В. Семенов. Библиотека иностранных писателей о России, т. I, СПб., 1836, раздел II, стр. 104; далее в ссылках: Семенов); у Павла Иовия (Павел Иовий Новокомский. Книга о Московитском посольстве, перевод А. И. Малеина. СПб., 1908, стр. 259В; издано вместе с выше упомянутым переводом Герберштейна; дальше ссылки по этому изданию).

Подлинные названия русских рек (Днепр, Дон и т. д.) в отдельности встречаются уже у Плано Карпини и Рубрука, но в общий обиход западноевропейских географов введены были Матвеем Меховским (его „Трактатом о двух Сарматиях"). Герберштейн, которому следует Тьеполо, в этом случае не был уже новатором. Ср. Матвей Меховский. Трактат о двух Сарматиях, перевод С. А. Аннинского. М.—Л., 1936, стр. 47, 61, 62, 95, 106, 109, 110, 115 и др.

[2] Названия татарских орд взяты из Герберштейна, но у него — и в латинском тексте, и в итальянском переводе они даны в более близкой нам транскрипции. См. Herberst., 56: „... li Tartari contermini, li quali Schibanschi et Kasatzki chiamano"; ibid.,82: „Dila da Vuiatka et Cazan appresso Permia habitano li Tartari, li quali Tumenski, Schibanschi et Cosatzki sono chiamati". Ср. Герберштейн, о. с., стр. 145А, 157Б, 159Б.

[3] Энгронеландия — очевидно, имя Гренландии, очень искаженное в рукописях (Engrondandia — в тургеневской копии ватиканской рукописи и копии Штрандмана с рукописи Барберини; Engrovelandia — в издании S. Romanin. Storia documentata di Venezia, t. VI. 1857, стр. 505 и в копии Ciampi, хранящейся в архиве Академии Наук СССР; Ingrovelandia — в издании B. v. Wichmann. Sammlung bisher noch ungedruckter kleiner Schriften... Bd I. 1820, стр. 363; Eugrouelandia — в академической рукописи).

Об Энгронеландии трижды упоминает Герберштейн. Он определяет местоположение этой „неведомой земли" очень туманно, но во всяком случае не отождествляет ее (по месту) с Гренландией

„Эта река (Северная Двина), — говорит он (о. с., стр. 127А), — пройдя 100 миль, впадает в Северный Океан, где он омывает Швецию и Норвегию и отделяет их от неведомой земли Энгранеланд"; далее (ibid., стр. 132Б—133А, в отрывке об Уральских горах, „Поясе мира"): „За этой рекой [Печорой] простираются до самых берегов ее высочайшие горы... Так как... перейти через них нелегко, то по этой причине область Энгронеланд совершенно неизвестна"; ibid., стр. 191В: „Ледовитое море простирается на далекое пространство за Двину вплоть до устьев Печоры и Оби. За ними, как говорят, находится страна Енгронеландт".[1]

---

[1] Орфография имени по переводу А. И. Малеина.

Географические карты, какие мог знать Тьеполо, либо вовсе не указывают ни Энгроеландии, ни Гренландии (в частности, карта Джакомо Гастальдо, бывшая при итальянском издании Герберштейна 1550 г.), либо путают местоположение Гренландии.

В Geographia Universalis Птолемея на таблице XIII (Basileae, 1545) обозначен к северо-западу от Laponia большой полуостров под наименованием Gronlandt, id est Virens Terra. Вообще же старейшие географические карты нередко указывают Гренландию восточнее Исландии и севернее Норвегии. Таковы, например, первая печатная карта северной Европы Николая Германца, приложенная к птолемеевой Географии изд. 1482 г. (см. Nordenskiöld. Die Umsegelung Europas und Asien, Th. I. Leipzig, 1878, стр. 43), или карта Вальдзеемиллера 1507 г., многое заимствующая у Николая Германца (см. Кордт., о. с., вып. 1, табл. I; см. также в приложениях V и VI у Fischer'a в Die Entdeckungen der Normannen in Amerika).

Специально занимавшиеся этим вопросом Бьёрнбо и Петерсен делят все карты Северной Европы начала XVI в. на два типа (A и B) в зависимости от правильного (A) или неправильного (B) помещения Гренландии. См. Björnbo og Petersen. Fyenboen Claud. Claussön Swart. Köbenhavn, 1904; ср. Кордт, о. с. вып. 1, стр. 2.

По тексту Тьеполо видно, что для него, как и для Герберштейна, Энгроеландия — „неведомая земля", лежащая где-то к востоку от Скандинавии. На него тут, очевидно, влияли „воззрения и известия, распространенные в то время в Италии о Северной Европе" (Кордт, о. с., вып. 1, стр. 3 — о Николае Германце; Fischer, о. с., стр. 87—89).

Напомним также, что именно Гренландией назвали Шпицберген англичане, впервые, вероятно, после норманнов открывшие его. Ср. Тиандер. Поездки скандинавов в Белое море (Записки историко-филологического факультета СПб. университета, ч. LXXIX, СПб., 1906, стр. 99; далее в ссылках Тиандер).

Грандвико — усвоенная итальянцами форма имени Гандвик, каким обозначается Белое море у западных писателей. См. Saxo Grammaticus. Historia Danica. Hauniae, 1858, стр. 18; у Олая Магна (карта); на карте Джакомо Гастальдо 1563 г. (копии карты Г. Меркатора 1554 г.): Golfo Gradvich (см. Кордт, о. с., серия II, вып. 1, табл. VII) и др. В XVII в., например, на карте Сибири И. Гондиуса 1606 г.: Sinus Granvicus al. Mare Album (Кордт, ibid., табл. XVIII); у Рейтенфельса в „Сказаниях... о Московии 1680 г." (перевод А. Станкевича. М., 1905, стр. 192).

К. Тиандер отмечает тождество названий Кандалакша, Кандалахти, Кандалакская губа с именем Гандвик, так как -laks (по фински) в первом случае и -vik во втором значат одно и то же — „залив". См. Тиандер, о. с., стр. 72—74.

Биармией на картах XVI—XVII вв. именуется Лапландия. См. карты: 1) Олая Магна 1539 г. (Кордт, о. с. сер. II, вып. 1, табл. II); 2) Sebast. Munster. Cosmographiae univ. ll. VI. Basileae, 1550, стр. 830 (карта); 3) карту неизвестного по Г. Меркатору 1554 г. (Кордт, ibid., табл. IV); 4) Джакомо Гастальдо 1568 г. (копия с карты Г. Меркатора; см. ibid., табл. VII); 5) Дженкинсона 1562, 1583, 1598, 1601 гг. (Кордт, о. с., вып. 1, табл. XVII—XX); 6) А. Вида (ibid., табл. VI) с надписью: „Occiduum latus Scandię peninsulae isthmus Biarmios Lapponesque feros homines habens".

Биармия и жители ее не раз упоминаются уже у Саксона Грамматика (о. с., стр. 52, 53, 116, 249, 278, 404, 452—454) и вообще не редкость в средневековой географии, но у пишущих о Московии почти не встречаются. После Тьеполо „Беармийцы" упоминаются в „Сказаниях" Рейтенфельса (о. с., стр. 204) в рассказе о Перми.

Сближение и даже отождествление Биармии с древней Пермью долгое время было предметом споров в нашей исторической литературе. Сторонниками такого сближения были: Strahlenberg (Das Nord- und Oestliche Theil von Europa und Asien, 1730), Ломоносов, Шегрен, Кастрен, Европеус; отрицали эту гипотезу: Соловьев, Иловайский, А. Дмитриев (издатель „Пермской старины"), И. Н. Смирнов (Известия общества археологии при Казанском университете, т. IX, 1891). Свод мнений см. у Тиандера, о. с., стр. 58—72. См. также С. К. Кузнецов. К вопросу о Биармии (отдельный оттиск из „Этнографического обозрения", кн. LXV—LXVI, 1905).

По мнению К. Тиандера (о. с., стр. 64), скандинавское (предполагаемое) имя * berm, то есть „прибрежная земля", через биармийцев или через посредство лапландцев усвоено было финскими племенами и впоследствии приурочено к более южному народу, называвшему себя коми. Финны изменили * berm в perm и в этой форме от них его узнали русские.

[4] Зная Белое море либо под именем Гандвик (Grandvico Тьеполо), либо — под латинским названием Mare Album и не понимая смысла также известного им русского имени „Белое море" (впрочем у Меркатора на карте 1595 г.: Bella more, id est Album mare), картографы XVI в. нередко обозначали на картах в непосредственном соседстве Белого моря еще какое-то lacus albus (ср., например, карту Олая Магна 1539 г. — Кордт, о. с., сер. II, вып. 1, табл. II—III; карту Джакомо Гастальдо 1563 г. — ibid., табл. VII). Это Белое озеро иногда представляли себе, как большой внутренний водный бассейн, дающий начало многим рекам. Ср. П. Иовий, о. с., стр. 263B—264A. Герберштейн (о. с., стр. 122B, 123AБ) правильно понимает имя Белое озеро.

Реки Польна, Нарва, Днепр, как пограничные, указываются и у Герберштейна (о. с., стр. 120B, 122A).

[5] Каффа — здесь Крымский полуостров — по имени старой генуэзской колонии там, на месте нынешней Феодосии. Ср. П. Иовий, о. с., стр. 258Б. Барбаро иногда, как и Тьеполо, называет Каффой весь полуостров. См. Семенов, о. с., раздел 1, стр. 49.

Дзабаккэ (Mare Zabacche или Zabache) — итальянское название Азовского моря, в античной географии именовавшегося Меотидским болотом. Название Zabache взято из татарского „чабак-денгеси", что значит „гнилое море". Mare Zabacche встречается, между прочим, у Барбаро (о. с., стр. 69) и на многих картах, например: 1) Джакомо Гастальдо 1543, 1550, 1561, 1562, 1566 гг. (см. Кордт, о. с., вып. 1, табл. IV, V, XV, XVI, XXII); 2) Г. Меркатора (ibid., табл. XXIV); 3) неизвестного, на основе карты Меркатора 1554 г. (ibid., сер. II, вып. 1, табл. V); позднее Тьеполо — на картах: 4) И. Магина 1596 г. в Венеции (ibid., вып. 1, табл. XXV); 5) С. Нейгебауэра 1612 г. (ibid., табл. XXVIII); 6) И. Массы 1633 г. (ibid., табл. XXIX); Г. Сансона (изд. де Росси) 1688 г. (ibid., сер. II, вып. 1, табл. XVI).

Т а н а — при устье Дона город на месте Азова. Ср. C. Ptolemei Geographia universalis. Bas., 1545, стр. 94 (Tanais — Tana vulgo); Барбаро (о. с., стр. 3, 5, 15, 19, 32); Контарини (Семенов, о. с., раздел II, стр. 91, 102).

Греческое имя Волги — Р а (Rha — впервые у Птолемея) и арабское — Э д е л ь, Л э д и л ь (Edel, Ledil; Atel и Etel уже у Константина Багрянородного) упоминаются у Герберштейна (о. с., стр. 113В), а до него у Барбаро (о. с., стр. 6, 14, 56, 57), у Матвея Меховского (Эдель — см. „Трактат", стр. 61, 62, 84, 115) и др.

Ч и р к а с с ы и а л а н ы на юго-востоке у Черного и Каспийского морей упоминаются у Плано Карпини в „Истории Монгалов" (перевод А. И. Малеина. СПб., 1910, стр. 35, 36, 50), у В. де Рубрука (тот же перевод, стр. 83, 88, 96); у Барбаро (о. с., стр. 69, 94), у М. Меховского (Трактат, стр. 62, 69, 72, 75, 77, 94), причем у трех последних это — „христиане греческого обряда". Герберштейн (о. с., стр. 160) упоминает только черкесов, „греческих христиан". Себастиан Мюнстер (о. с., стр. 996) указывает: „Albani, qui sunt Caspii maris accolae". Ср. также Птолемея Geographia universalis. Bas., 1545, стр. 93.

А л ь б а н и я или А л а н и я, область аланов, упоминается (с разной пространностью) у Рубрука (о. с., стр. 96), Барбаро (о. с., стр. 69) и М. Меховского (о. с., стр. 61, 62). Она значится на картах: 1) Батисты Аньезе 1525 г.— над Астраханью (Citracan), к северо-западу от Каспийского моря (см. Кордт, о. с., вып. 1, табл. III); 2) Дж. Гастальдо 1548 г. в венецианском издании Географии Птолемея (то же в издании 1561 г.): Alania — восточнее Circassiae над горами, на уровне северной части Азовского моря, к востоку от нее, не доходя до Волги (см. Кордт, ibid., табл. IV и V); Себ. Мюнстера в латинском издании Космографии 1559 г. — Circassi populi южнее Волги, севернее гор, а Albania южнее их и гор (ibid., табл. X). Черкесы, кроме того, на картах: Гиршфогеля 1546 г., Герберштейна 1556, 1557 гг. и Дж. Гастальдо 1550 и 1566 гг. (ibid., табл. XI—XVI).

К а в к а з — см. Птолемея, о. с., стр. 94 и Tabula Asiae II.

6 Расчет расстояний сделан, повидимому, на основании цифр Герберштейна (о. с., стр. 112Б, 134В), но с переводом его германских миль в итальянские (1×5). По Герберштейну — от Смоленска до Перми 330—380 германских миль. В итальянских мерах это: 1650—1900 миль. Цифра Тьеполо в 1800 миль, вероятно, взята приблизительно, а ширина в 1600 миль также приблизительно определена по карте Дж. Гастальдо при итальянском издании Герберштейна. В издании Кордта (о. с., вып. 1, табл. XV) на этой карте расстояние от устья Наровы до восточной окраины Перми равно 18 см, а от Таны до устья Северной Двины — 16 см.

Картографы XVI в. вообще представляли себе территорию европейской части нашего Союза гораздо более вытянутой с запада на восток, чем с севера на юг. Особенно типична в этом отношении карта Батисты Аньезе 1525 г., назначавшаяся для первого издания книги Павла Иовия (см. Michow. Die ältesten Karten von Russland; Кордт, о. с., вып. 1, табл. III).

О впадении Оби „в залив Грандвико" не упоминает никто, кроме Тьеполо. У Герберштейна (о. с., стр. 130В): „Обь впадает в Океан". Ни одной карты,

сближающей устье Оби и Гандвик нам неизвестно. Возможно, что эта ошибка Тьеполо объясняется отсутствием на картах, какими пользовался автор „Рассуждения", полного очертания берегов Северного океана.

7 На карте Дж. Гастальдо 1550 г. изображена горная цепь, идущая по берегу океана от Биармии к Уралу (см. Кордт, о. с., вып. 1, табл. XV и у нас в приложении). Так же и на некоторых позднейших картах (см. Кордт, ibid., табл. IV, XVI, XXIV, XXV, XXVII, XXVIII, XXXVIII). О горах на побережье Северного океана говорит и М. Меховский (Трактат, стр. 83).

Со времени Герберштейна географы стали отождествлять Гиперборейские горы древних с Уральским хребтом. Ранее, особенно до появления в печати Трактата о двух Сарматиях Матвея Меховского (первое издание в Кракове 1517 г.), о Гиперборейских и Рифейских горах на севере Скифии читались неправдоподобные сказки и у античных и у средневековых писателей. Меховский впервые и в очень резкой форме разоблачил их ложность (о. с., стр. 46, 83, 84, 118; свод мнений о Гиперборейских и Рифейских горах — ibid., в примеч. 5; см. также М. П. Алексеев. Сибирь в известиях иностранных путешественников и писателей, т. I. Иркутск, 1932, стр. 26 и сл.).

О ногаях у Герберштейна сказано (о. с., стр. 157Б): „За татарами казанскими прежде всего встречаем татар с прозвищем ногаи (Nagai), живущих за Волгой около Каспийского моря, по реке Яику, вытекающей из области Сибирской". В итальянском же переводе Герберштейна (о. с., 61) читаем: „Dopo li Tartari Cazanensi, li primi Tartari cognominati Negai ci vengono incontro, li quali di la dal fiume Vuolga appresso del mar Caspio al fiume Laick nella provincia detta Sibier habitano". Из сравнения этих текстов ясно, что известие Тьеполо о Сибири, „населенной ногаями", может итти только от итальянского текста Герберштейна, где nella provincia detta Sibier легко может быть отнесено к Negai ... habitano.

8 Описание русской равнины, может быть, взято у Павла Иовия (о. с., стр. 257А—В и 263В—264А), но стратегические соображения, известия о покорении Казани, Астрахани, Кумании и пр. принадлежат Тьеполо.

Кассан и Читракан — Казань и Астрахань. Кумания — половецкая земля, см. ниже примеч. 15.

Прекопиты — перекопские татары. Так называются крымские татары у Меховского (о. с., стр. 63, 65, 68, 71, 86, 92, 94), а после него и у Герберштейна (о. с., стр. 75).

9 Все называемые здесь реки упоминаются и у Герберштейна. О р. Оби последний говорит (о. с., стр. 129В—130А): „Ширина ее до такой степени велика, что простирается почти до восьмидесяти верст". На карте А. Вида (Кордт, о. с., вып. 1, табл. VI) Обь изображена широкой, как озеро, раз в пять шире самых широких рек. По ней идет надпись: „Obi fluvius sesquidiei navigatione latus atque tam plenus piscibus, ut navigantium ramis premantur", т. е. „Река Обь шириной в полтора дня плавания и столь богатая

рыбой, что ее (рыбу) давят весла плывущих". У Себ. Мюнстера (Cosmogr., Basel, 1544) сказано: „Obi fl. 24 mylñ breit". Так же широка Обь на карте Гиршфогеля 1546 г. (Кордт, о. с, вып. 1, табл. VIII). Менее это подчеркнуто у Дж. Гастальдо. Причиной преувеличений, вероятно, была ширина Обской губы.

Великое море (Mare Maggiore) — Черное море. Так в средние века называли его генуэзцы и венецианцы. Так именуется оно (Mare Maius) и у Марко Поло, Плано Карпини, Рубрука (о. с., стр. 48, 65 и примеч. на стр. 191). В Geographia Univ. Птолемея (о. с., стр. 46) о Понте Эвксинском сказано: „Mare Magnum vocatur". Итальянские картографы XVI — XVII вв., в частности Дж. Гастальдо, всегда называют Черное море Mare Maggiore.

[10] См. в приложении карту Джакомо Гастальдо 1550 г.

[11] Байдо (Батый) именуется сыном Hoccota can, а Hoccota can—secondo imperatore de Tartari у Рамузио в Historia del signor Hayton Armeno (Secondo volume delle navigazioni e viaggi... Venetia, 1559, стр. 63 и 64). Себ. Мюнстер (Cosmographia, стр. 1063) заимствовал у Гайтона „генеалогию татарских императоров", в частности сказанное о Байдо. У М. Меховского (Трактат, стр. 64) отцом Батыя правильно назван „второй император", Иокухан, то есть, повидимому, Джучи-хан. Ср. С. Бахрушин — рецензия на книгу: М. Меховский. Трактат о двух Сарматиях. М. — Л., 1936 (Историк марксист, 1937 г., № 2, стр. 161). У Плано Карпини (о. с., стр. 11 и 17) то же лицо называется Оккодай хан.

В действительности, Батый (1224—1255) был не сыном, а племянником Угэдэя (Гоккота, Оккодай хана), сыном Джучи, брата Угэдэя. См. С. Лэн-Пуль. Мусульманские династии. Хронологические и генеалогические таблицы с историческими введениями. Перевод, примечания и дополнения В. Бартольда. СПб., 1899, табл. к стр. 199.

В рассказе о поражении половцев (куманов) и русских при Калке Тьеполо, повидимому, следует изложению Гайтона у Рамузио (о. с., стр. 64; перевод наш): „Байдо, второй сын Гоккоты хана, шел на север с татарами... пока не пришел в королевство (regno) куманское. Куманы... были разбиты и бежали в королевство венгерское, где и доныне еще есть много живущих там куманов. После того как Байдо выгнал куманов из их королевства, он обратился против Руссии и покорил ее. Он занял еще землю газарскую, королевство Булгарию..."

Сообщениям М. Меховского (Трактат, стр. 47, 48) и Герберштейна (о. с., стр. 133) изложение Тьеполо соответствует, но ни первый (за единственным случайным исключением), ни второй не называют половцев куманами.

Об оценке исторической роли Ивана III см. выше примеч. 1.

Сида Гамет — Шейх-Ахмет, хан золотоордынский или заволжский, разбитый Менгли-Гиреем крымским. Известие о нем идет от М. Меховского (Трактат, стр. 65, 66, 91) и могло быть заимствовано нашим автором, как непосредственно из „Трактата" Меховского, так и через Герберштейна (о. с., стр. 161).

12 О покорении Перми и Югры Иваном III упомянуто у М. Меховского (Трактат, стр. 117).

О казанской дани Василию III — из Герберштейна (о. с., стр. 145Б).

13 Нугардия и Плесковия — Новгород и Псков (по старому написанию Пльсков).

О каменной стене, окружающей Новгород, не говорят ни М. Меховский, ни Герберштейн. Наоборот, о Пскове упомянуто у обоих (Трактат, стр. 108: „Замечательный город Псков, каменный и большой...“; Герберштейн, о. с., стр. 121).

О крепости в Рязани упоминается у Герберштейна (о. с., стр. 105А, 151А). О каменных „замках“ в Псковской земле у Меховского (Трактат, стр. 108).

Отрывок „Среди городов.., залива“ не вполне ясен в виду сбивчивости интерпункции в рукописях. Кроме данного нами перевода, возможен и другой „Среди городов Моска — главный, а самый большой — Нугардия близ Финляндского залива“. Такая версия соответствовала бы сказанному Герберштейном о Новгороде (но не о городе, а о княжестве!): „Новгород Великий — самое обширное княжество во всей Руссии“ (о. с., стр. 115).

Краткая аграрная характеристика Московии соответствует сказанному у Герберштейна о разных местах области (о. с., стр. 98В, 102БВ, 103А).

14 Герберштейн, дважды упоминая Булгарию (стр. 11А и 138В), говорит о ней: „находится на Волге ниже Казани“.

Тьеполо также сохраняет это старое имя, в XVI в. существовавшее разве только в полном титуле московского государя [1] и относит его к области, заселенной мордовскими и чувашскими племенами, тогда как собственно областью волжских болгар в X—XIV вв., как известно, были земли по р. Каме и средней Волге.

У географов Запада Булгария на Волге встречается не только в XVI, но еще и в XVII в. На карте М. Вальдзеемиллера 1516 г. Bulgaria Magna помещена внутри изгиба Волги и внутри изгиба Дона, по ту сторону „Рифейских гор“ (см. Кордт, о. с., сер. II, вып. 1, табл. I); на анонимной карте, сделанной по карте Меркатора 1554 г., Булгария лежит восточнее Волги и южнее Казани (Кордт, ibid., табл. V). То же видим на позднейших картах — Г. Меркатора 1594 г., С. Нейгебауэра 1612 г., И. Массы 1633 г. (Кордт, о. с., вып. 1, табл. VI, VII, XXIX); на карте И. Гондиуса 1633 г., на карте Сибири Сансона 1654 г. (Bulgarie Roy^me), на его же карте России, изданной де Росси в 1688 г. (Ducato di Bolgar) — см. Кордт, о. с., сер. II, вып. 1, табл. XIX, XX, XVI. На карте Дж. Гастальдо Булгария не названа (см. приложение), но так как Mordua рор. („народ Мордва“) находится внутри изгиба Волги, можно думать, что Тьеполо, указывая границы своей Булгарии, ориентировался по этой карте или по другой подобной (типа Вальдзеемиллера).

---

[1] Наличие этого имени в царском титуле, хорошо известном за границей (ср. у Герберштейна стр. 23Б; у Павла Иовия стр. 255В—256А), вероятно, и заставляло географов считать „княжество болгарское“ действующим политическим термином.

Сближение имени Булгарии с именем Волги очень редко в западной литературе. Позднее Тьеполо оно имеется у Рейтенфельса в „Сказаниях“ (стр. 23: „Кому не ясно, что Болгаре, или вернее — Волгаре, получили свое имя от реки Волги“ — перев. А. Станкевича). Впервые, повидимому, сделал это сближение византийский хронист XIV в. Никифор Грегора. Он говорит: «Χῶρός τίς ἐστιν ἐς τὰ ἑπέκεινά τε καὶ βορειότερα τοῦ Ἴστρου κείμενος, καὶ ποταμὸς ῥέων δι' αὐτοῦ οὐ μικρός. Βούλγαν αὐτὸν ὀνομάζουσιν οἱ ἐγχώριοι ἀφ' οὗ δὴ καὶ αὐτοὶ τὸ τῶν Βουλγάρων μετειλήφεσαν ὄνομα, Σκύθαι τὸ ἐξ ἀρχῆς ὄντες» — т. е.: „Есть местность, лежащая по ту сторону Истра (Дуная) к северу, и река через нее течет немалая. Волгой (Вулга) называют ее туземцы, откуда и сами получили имя Вулгар, будучи сначала скифами“. См. Corpus scriptorum historiae Byzantinae, pars XIX. Bonnae, 1829: Nicephori Gregorae Historiae Byzantinae, vol. I, стр. 26 (перевод наш).

О Великой Булгарии упоминают Плано Карпини (о. с., стр. 25, 35, 50) и Рубрук (о. с., стр. 83, 96, 101). Первый говорит между прочим: „С севера же к Комании непосредственно за Руссией, Мордвинами и Билерами, то есть Великой Булгарией, прилегают Баскарты, то есть Великая Венгрия“ (о. с., стр. 50). Однако, ни у Плано Карпини, ни у Рубрука, ни у позднейших предшественников Тьеполо мы не нашли сближения Волга — Булгария. Откуда непосредственно заимствовал его Тьеполо, мы не знаем. Не имея данных для предположения, что автор Discorso пользовался византийскими источниками,[1] мы готовы допустить, что в Венеции, на восточной, ближайшей к Византии окраине западного мира, Тьеполо мог получить цитату из Никифора Грегоры устным путем — в беседе где-либо в кружке греческих ученых.

О мордве впервые упоминается у Птолемея, затем у Страбона (аорзи), Иордана (Mordens), Константина Багрянородного (*Μορδία*). Наш автор читал о мордве у Герберштейна (о. с., стр. 103AB и 137A).

15 По Тьеполо Кумания охватывает весь юг России — от Днепра до устья Волги, но современные ему географические карты уделяют ей гораздо меньше места. И у Дж. Гастальдо (карты 1550, 1562, 1566 гг.), и на анонимной карте, сделанной по карте Меркатора 1554 г. (Кордт, о. с., сер. II, вып. 1, табл. V, XV, XVI, XXII), Кумания занимает сравнительно небольшое пространство к северо-западу от Азовского моря на левом его берегу севернее Крыма; к северу или северо-востоку от нее бывает Gazaria или Cabardi, к востоку Tartaria. Так же на венецианской карте И. Магина 1596 г.

Для XVI в. Кумания (по нашему Половецкая земля) — такой же анахронизм, как Булгария на Волге или Хазария. Впервые имя куманов появляется в 1078 г. у византийцев;[2] через них надолго попадает в западно-европейскую

[1] Латинский перевод хроники Грегоры (вместе с Зонарой, Никитой Акоминатом и Халкондилом) был впервые издан в Венеции в 1567 г., но, например, сочинение Дуки уже в XV в. было переведено на итальянский язык в Венеции же. См. K. Krumbacher. Geschichte der byzantinischen Litteratur, 2 Aufl. München, 1897, стр. 295, 307; и по русски: К. Крумбахер. Византийские историки и хронисты (Очерки по истории Византии, вып. III. СПб., 1913, стр. 59, 67).

[2] Как в наших летописях половцы — в 1055 г. Ср. J. Marquart. Ueber das Volkstum der Komanen в Abhandlungen der Kön. Ges. der Wiss. zu Göttingen,

историографию и географию; встречается, между прочим, у Плано Карпини (о. с., стр. 25, 26, 50) и у Рубрука (о. с., стр. 68, 85), известия которых Тьеполо мог читать в „Зерцале историческом" Винцентия из Бовэ; попадается и у Иозафы Барбаро (о. с., стр. 6, 48), в Geographia Universalis К. Птолемея (о. с., стр. 119) и в „Космографии" Себ. Мюнстера (о. с., стр. 995: „значительная часть этой земли называется в наше время [?] Куманией. Это — татарское княжество").

Сохранив такую долговечность в географических руководствах, наименование Кумания уже с XIII в., со времени татарского завоевания, утратило всякое реальное значение.

16 О вывозе пряностей в Западную Европу через Тану упоминается в „Путешествии" Амброджо Контарини (Семенов, о. с., разд. II, стр. 91): „Говорят, что прежде Цитрахань была значительным торговым местом и что сюда привозились все товары, отправляемые из Венеции через Тану. В обмен же за оные, сколько мог я понять и разведать, брали разные пряности, которые отвозили потом в Тану, отстоящую, как говорят, от Цитрахани не далее 8 дней пути". Так же у Барбаро (о. с., стр. 56).

О домах-повозках у татар говорит Павел Иовий (о. с., стр. 258), ссылаясь на древних, за это называвших кочевников амаксовиями, и разумея, вероятно, Помпония Мэлу. О том же у Барбаро, о. с., стр. 22.

17 Джазартэ — река Яксарт в Согдиане. Ср. у Павла Иовия (о. с., стр. 259): „город Самарканд... Через него протекает величайшая в Согдиане река Яксарт; в ста, приблизительно, миллх оттуда она впадает в Каспийское море". В Географии Птолемея (изд. 1545 г., Tabula Asiae VII) указан народ Comari (команы) несколько восточнее истоков Iaxartus.

Об успехах Ивана Грозного в борьбе с татарами и на востоке и на юге Тьеполо довольно точно осведомлен, но южные несколько преувеличивает. Ср. С. М. Соловьев. История России, изд. „Общественная польза", т. II, стб. 101—105.

18 О прежнем значении Астрахани, как важного пункта транзитной торговли с Западом, отчетливее всего сказано у Барбаро (о. с., стр. 56): „Теперь он [город Цитрахань] почти совершенно разорен, но прежде славился обширностью и богатством. До разрушения его Тамерланом пряные коренья и шелк, отправляемые ныне через Сирию, доставлялись в Тану через Цитрахань и потом уже на шести или семи венецианских галерах перевозились в Италию". См. также у Контарини (о. с., стр. 91). Таким образом, 1395 г., дата разрушения Астрахани Тамерланом, оказывается, по Барбаро, конечной датой расцвета астраханского транзита. Сообщение Тьеполо об этом очень неясно. По его словам выходит, что еще до татарского завоевания (которое он относит к 1238 г., когда Астрахань была „отнята у куманов татарами"), Астрахань

---

phil.-hist. Klasse, N. F., Bd XII, n⁰ 1, стр. 28 и сл., и В. Бартольд. Новый труд, о половцах — рецензия на работу Марквардта в „Русском Историческом журнале", кн. 7, Пгр., 1921, стр. 140 и сл.

потеряла прежнюю торговую славу, что едва ли верно, так как именно татарское нашествие закрыло для западного транзита путь через Астрахань.

То, что Астрахань будто бы принадлежала куманам-половцам, вероятно, домысел Тьеполо. В XI—XIII вв. Астрахань еще не упоминается. Арабские источники ее не знают, а на ее месте называют сначала хазарский город Итиль, потом — Саксин, город гузов (огузов — туркмен). Ср. J. Marquart, о. с., стр. 56; В. Бартольд, о. с., стр. 143.

Второй расцвет Астрахани, относящийся, по Тьеполо, ко времени после московского завоевания, наступил значительно ранее. Ср. у Павла Иовия упоминание о „торжище Цитрахи" (о. с., стр. 253), у Герберштейна (о. с., стр. 159): „Астрахань — богатый город и великое татарское торжище". На карте Батисты Аньезе 1525 г. надпись: „Citracan emporium civitas magna".

19 О дани казанских татар Василию III и о восстании — из Герберштейна, о. с., стр. 145Б, 146Б.

20 О численности казанского войска, о черемисах и чувашах — заимствование из Герберштейна (о. с., стр. 145А).

21 Выражение: „Это — узкая и длинная область" как будто подсказано картой. Между тем ни на одной из доныне известных карт первой половины XVI в. границы областей Московии не намечены. См. Кордт, о. с., вып. 1, табл. VI—XVII, XXIV, XXVIII и сер. II, вып. 1, табл. V.

Вполне возможно, что Тьеполо видел и такие карты Московии, каких мы не знаем. Джакомо Гастальдо, excellentissimo cosmographo Piamontese, которого Норденшильд равняет с Г. Меркатором и А. Ортеллием, работал в Венеции как раз во время Тьеполо[1] и располагал, надо думать, самыми разнообразными данными по географии Восточной Европы. В его мастерской, в мастерских других картографов, а может быть, также и в государственных архивах Венеции автор Discorso мог познакомиться с неизвестными ныне рукописными картами Московии или с предварительными набросками карт, в печати, принявшими потом иной, более упрощенный вид (например, без красок, размечавших области). Какая-нибудь из таких карт, вероятно, и изображала Вятку в виде „узкой и длинной области".

О болотистости и бесплодии области, о реках, о том, что Вятка служит пристанищем для беглецов от татар; о соседних татарских племенах — заимствовано у Герберштейна (о. с., стр. 134—136).

22 О завоевании и крещении Иоанном III Перми могло быть заимствовано из „Трактата о двух Сарматиях" (стр. 117) и у Герберштейна (о. с., стр. 135). О названии области и о естественной защищенности от врагов — у Герберштейна (стр. 134В).

Пермская область изображена на картах: Батисты Аньезе 1525 г. (у южного течения Северной Двины; восточнее ее Югория), Дж. Гастальдо 1548 г. (переиздана в 1561 г.), 1550 г. (см. наше приложение), 1566 г.; неизвестного (по карте

[1] В конце 30-х гг. там работал и знаменитый автор Historiae de gentibus septentrionalibus, Олай Магн (ум. в 1557 г.).

Меркатора 1554 г.); А. Вида, Гиршфогеля — 1546 г., в изданиях Герберштейна 1556 и 1557 гг. В „Космографии" Себ. Мюнстера 1544 г. Перми нет вовсе, но в издании 1559 г. она значится на карте Сарматии Азиатской в северо-восточном углу. См. Кордт, о. с., вып. 1, табл. III—VI, XI—XVI и сер. II, вып. 1, табл. V.

23 Озеро Китран (Chitran) — искаженное Kitai или Kitaisko, озеро, откуда, по Герберштейну, вытекает река Обь. На карте Дж. Гастальдо 1550 г. (см. приложение) озеро правильно по Герберштейну называется Kythay lago.

24 Версия о происхождении венгров из страны югров и о тождестве языка тех и других была очень распространенной. Об этом говорится уже у Рубрука (о. с., стр. 101): „Язык Паскатир [Югра] и венгров один и тот же... из этой земли Паскатир вышли гунны, впоследствии венгры..." То же самое с большой уверенностью утверждает Матвей Меховский, обыкновенно не ссылающийся на Рубрука (см. Трактат, стр. 83, 118). Эней Сильвий Пикколомини в главе XXIX своей „Космографии" (Aeneae Sylvii Piccolomini Senensis... opera, quae extant omnia... Basileae, 1571) приводит даже свидетельство очевидца — бывшего у югров веронского монаха, о том, что „язык у них тот же, что у венгров".[1] Знает об этом и Герберштейн (о. с., стр. 135B, 136A), хотя и оговаривается, что русского известия о тождестве языков он не мог проверить. В XVII в. ту же версию повторяет, между прочим, Рейтенфельс (о. с., стр. 204): „Древние обитатели ее [Югории]... образовали венгерский язык из соединения своего с языком гуннов. Доказательством сему отлично служит наречие, поныне употребляемое в Югории".

В отличие от некоторых других областей (хотя бы Вятки, имя которой картографы постоянно коверкают, а самую область из-за этого иногда показывают дважды в разных местах), Югра указана чуть ли не на всех известных картах начала XVI в. Ср. Кордт, о. с., вып. 1, табл. III—VIII, XI—XVII, XXIV, XXV, XXVIII, XXIX и сер. II, вып. 1, табл. V—VII и XVI. На карте Дж. Гастальдо 1550 г. (см. приложение) Iuhra имеет примечание: „Horigine de Vngari". Местоположение Югры на картах XVI в. неустойчиво (постепенно ее все дальше отодвигают на восток), но к половине века она обыкновенно помещается к востоку от р. Оби.

25 Это известие целиком идет от запутанного рассказа Герберштейна о походе Семена Федоровича Курбского в Югру (в 1499 г.), повторяя и ошибку Герберштейна в имени московского государя (вместо Ивана III, организатором похода назван Василий III).

У Герберштейна сказано (о. с., стр. 133) о Рифейских и Гиперборейских горах: „Так как они покрыты постоянными снегами и льдом, и перейти через них нелегко, то по этой причине область Энгронеланд совершенно неизвестна. Князь Московии Василий, сын Иоанна, некогда посылал через Пермию и Печору для исследования местностей за этими горами и для покорения тамошних народов..." Далее говорится о семнадцати

[1] В другом месте книги (Европа, гл. I) он опять упоминает о тождестве языков, как о факте.

дневном безуспешном восхождении экспедиции на гору „Столп". Считал ли и Герберштейн целью похода Курбского „Энгронеланд", мы не знаем, но его сообщение можно понять и в этом смысле, что, как видим, делает Тьеполо.

[26] Говоря о Московии в узком смысле (о Московской области, то есть о территории, примерно, б. Московского уезда), Герберштейн отмечает, что она „не плодородна, ее плодородности вредит главным образом песчаная повсюду почва ее, которая убивает посевы при самом незначительном избытке сухости или влаги. К этому присоединяется неумеренная и черезчур жестокая суровость климата, от которой зимняя стужа побеждает иногда солнечную теплоту, и посевы иногда не доходят до созревания" (о. с., стр. 97—98; о недозревании хлебов см. также в „Трактате" Меховского стр. 114). Далее Герберштейн характеризует суровость московских холодов и говорит о дороговизне хлеба из-за засухи 1525 г. Это все дает как будто отрицательную характеристику. Ниже, однако, читается такая фраза: „Хотя она (Московская область) и достаточно возделана усердием и трудами земледельцев, однако за исключением того, что произрастает на полях, все остальное привозится туда из окрест лежащих областей. Именно, если она и изобилует хлебом и обыкновенными овощами, то во всей стране нельзя найти более сладких сортов вишен и орехов..."

Некоторая неясность тут налицо: изобилие хлеба и пр. при описанных природных условиях не вполне понятно читателю, каково бы ни было „усердие земледельцев". О вывозе же хлеба из Московской области во всяком случае говорить не приходится. Между тем Тьеполо противоставляет Московию, дающую „большое количество зерна", Булгарии, Казани и Астрахани, имеющим „столько [хлеба], что хватает на их нужды", т. е. считает, очевидно, что в Московии бывает и избыток хлеба, а ниже прямо говорит, что мало хлебные местности „может удовлетворить Московия". Тут дело в том, что Московия Тьеполо гораздо шире Московской области: она включает и Владимир, и Нижний Новгород, и Рязань и др., т. е. и те местности, о плодородии которых Герберштейн говорит вполне отчетливо. См., например, стр. 133В—134А: „Среди всех княжеств и областей Московского государя первое место по богатству почвы и изобилию во всем присвоят себе Рязань. За ней следуют Ярославль, Ростов, Переяслав, Суздаль и Владимир, которые по плодородию земли ближе всего подходят к Рязани." О Владимире подробнее на стр. 102БВ, о Рязани — на стр. 104А, о Ростове и Переяславе — на стр. 124.

О бедности хлебом, если не Кумании, то разных „других мест", Герберштейн говорит на стр. 126Б (о дороговизне хлеба в Вологде, о том, что на Ваге и в Устюжской области почти не бывает хлеба), на стр. 134Б (о скудости Вятской области), на стр. 135А (о редкости хлеба в Пермской земле) и т. д. Причину бедности Кумании хлебом Тьеполо объясняет ниже редкостью населения: „Из-за бывших войн [область] осталась почти без земледельцев".

[27] Характеристика природных богатств „Руссии", обладая несомненным достоинством со стороны сжатости и компактности, не дает ничего нового сравнительно со сказанным ранее у М. Меховского, Павла Иовия и Герберштейна. Своеобразно, кажется, лишь указание на обилие коровьего масла и молочных продуктов.

О привозном вине и питье из меда см. М. Меховский, „Трактат", стр. 111, 114; Барбаро, о. с., стр. 57, 59; П. Иовий, о. с., стр. 272.

О пиве (cervosa, cerevisia) см. у Меховского, о. с., стр. 111.

О множестве пушного зверя и мехов — см. М. Меховский, о. с., стр. 84, 117; П. Иовий, о. с., стр. 257, 261; Герберштейн, о. с., стр. 95, 96 и др.

О кречетах (grifalchi) — см. М. Меховский, о. с., стр. 85; П. Иовий, о. с., стр. 262; Герберштейн, о. с., стр. 211—212.

О богатстве медом и воском — А. Контарини (Семенов, о. с., разд. II, стр. 111); М. Меховский, о. с., стр. 95; П. Иовий, о. с., стр. 266—267 (знаменитый, широко распространившийся анекдот Дмитрия Герасимова об утонувшем в меду крестьянине, которого спасла медведица); Герберштейн, о. с., стр. 102, 103, 107, 109. О богатстве Московии медом еще и в XVII в. рассказывали небылицы. Так, у Рейтенфельса (о. с., стр. 184) говорится: „Во многих местах можно видеть на зеленеющих лугах траву, обильно покрытую медом, который по каплям падает на нее с неба, как жемчужина в раковину".

О ревене и аире в южной России см. у М. Меховского, о. с., стр. 62, 96.

Об отсутствии металлов в северных областях Московии ibid., стр. 117, 120, 121; П. Иовий, о. с., стр. 167 („за исключением железа").

О богатстве Московии деревом часто у М. Меховского и у П. Иовия (о. с., стр. 167 и др.).

О конопле — П. Иовий, о. с., стр. 167. О соли — М. Меховский, о. с., стр. 96; Герберштейн, о. с., стр. 120, 122, 124, 127, 136, 157.

О моржовых зубах — М. Меховский, о. с., стр. 83, 118; Герберштейн, о. с., стр. 91 (с примечанием, что морж не рыба, как думали до полов. XVI в. Ср. наше фольклорное „дорог рыбий зуб").

28 О наречиях Московии у М. Меховского сказано почти то же (о. с., стр. 116): „...в Московии одна речь и один язык, именно русский или славянский..."; далее (стр. 117): „В Пермской земле свое наречие, в земле Башкир — свое, в Югре—свое и в Кореле—также свое"; о татарском языке в Московии (стр. 116): „Они [татары] вместе с сарацинами, почитают Магомета и говорят на татарском языке"

О тождестве языка венгров и югры см. выше примеч. 24.

Что разумеет Тьеполо под „куманским" языком, сказать трудно. Вернее всего — это его домысел, своего рода постулат от мнимого наличия еще в XVI в. куманов, как народа.

29 О религии московитов и им подчиненных народов: М. Меховский, о. с., стр. 97, 116; П. Иовий, о. с., стр. 261, 267—270; Герберштейн, о. с., стр. 40, 74, 135 и др.

30 Сравнение русской одежды с венгерской и известие о белых островерхих шапках — из Герберштейна (о. с., стр. 80А и 86Б). Интересно, что в итальянском переводе 1550 г., которым, как мы полагаем, пользовался Тьеполо, нет слова appuntiti — заостренные, островерхие, имеющегося в латинском тексте. Повидимому, пользуясь итальянским Герберштейном с большей легкостью, Тьеполо знал и латинский текст.

О золотой и серебряной монете — из Герберштейна (о. с., стр. 89). О предпочтении меновой торговли для удержания денег в стране — ibid.

31 Перечень ввозимых товаров — см. у Герберштейна (о. с., стр. 90В). Об иностранных купцах в Москве — ibid. О торге в Холопьем городе — ibid., стр. 124; в Новгороде — стр. 117; в Астрахани — см. у Павла Иовия, о. с., стр. 264Б; о „Гостиновом озере" или Isola dei mercanti близ Казани — Герберштейн, о. с., стр. 152, 157.

32 Эта более подробная характеристика ввоза и вывоза представляет хорошую компиляцию из Герберштейна, Иовия и других источников. См. Герберштейн, о. с., стр. 91 (о Германии, Польше, Литве, Турции, о вывозе в Татарию и на север); стр. 157 (о привозе рыбы из Астрахани); П. Иовий, о. с., стр. 259 (о ввозе шелка от Джагатайских татар, о доставке коней и войлока другими, о привозе оружия из Персии).

Зеленые шапки, Berette verdi — перевод татарского Jesilbaš. У Рамузио в Secondo volume delle navigationi et viaggi... (Venet., 1559, л. 16) мельком сказано: „...occorse che que' signori Tartari dalle Berette verdi, chiamati Jesilbas..." В издании Relazioni degli ambasciatori Veneti al Senato, raccolte... da Alberi (ser. III, vol. I, Firenze, 1840, стр. 24) в донесении Даниэля де Людовизи от 3 июня 1534 г. об Оттоманской империи читаем: „Degli altri Tartari veramente che sono più fra terra, quelli che al presente si nominano, sono li Gisilbasci, cioè delle berette verdi che vengono sotto il nome di Tartari e confinano oltre il mar Caspio con il paese del Sofi e vengono in considerazione del Signor Turco per la molestia, che danno o possono dare al Sofi".

Отрывок „К народам, живущим близ Океана... особенно в Татарию" основан именно на итальянском тексте Герберштейна, так как латинский дает тут менее ясный смысл, допускающий ошибочное понимание. Ср. перевод А. И. Малеина (о. с., стр. 91): „В Татарию вывозятся седла, уздечки, одежды, кожа; оружие и железо вывозятся только украдкой или с особого позволения начальников в другие места, расположенные к северо-востоку. Однако они вывозят [к Татарам?][1] и суконные и льняные одежды, ножики, топоры..."

33 О том, что Пермь платит подати мехами и конями, говорится у Герберштейна, о. с., стр. 135А.

О продаже соли татарам — ibid, стр. 157А.

34 В отрывке о богатстве царской казны разумеются, вероятно, сокровища, вывезенные Иваном III из Новгорода. См. также у М. Меховского, о. с., стр. 106—107.

О покорности населения и о власти великого князя Московского сообщали многие. См., например, у Герберштейна, о. с., стр. 20, 22, 23, 74 и др. Покорность московитов, как подданных, стала почти аксиомой для западных наблюдателей. Ср. в донесении Паоло Эмилио Джованнини, бывшего аудитором в Польше при кардинале Коммендоне (А. И. Тургенев, Historica Russiae monimenta, т. I, стр. 205; перевод наш): „ У королевства Польского нет более могущественного, грозного и внушающего подозрения неприятеля, чем герцог

[1] Скобки и ? принадлежат переводчику.

Московии вследствие того, что Московит владеет обширнейшей и покорнейшей страной"; или в донесении Джерио дожу венецианскому 1570 г.: „Я думаю, что и Турку так не повинуются, как повинуются Московиту, ибо это — великий тиран" (Тургенев, о. с., стр. 214).

35 О службе без оплаты — у Герберштейна, о. с., стр. 20Б.

36 Ср. у Герберштейна (о. с., стр. 74В, 75А): „...если он (государь) не ведет никакой войны, то все же каждый год обычно ставит караулы в местностях около Танаида и Оки в количестве двадцати тысяч человек для обуздания набегов и грабежей перекопских татар". Далее (ibid, стр. 108Б): „Город Калуга на реке Оке... Государь обычно располагает там ежегодно свои караулы против набегов татар".

Калуга „лежит против Таны" например, на карте Джакомо Гастальдо 1548 г. (переиздана в 1561 г.); ср. Кордт, о. с., вып. 1, табл. IV, V. На его же карте 1550 г. расстояние между Калугой и Таной больше.

37 См. описание военных приемов татар у Герберштейна, о. с., стр. 142—144, особенно стр. 144Б.

Интересны замечания о постройке и обороноспособности русских крепостей, содержащиеся в донесении папе Фульвио Руджиери, бывшего в 1568 г. нунцием в Польше (Тургенев, о. с., стр. 209; перевод наш): „Он [великий князь Московский] имеет таким образом кое-какие маленькие деревянные крепости на границах Литвы и Руси. Таких, пока я был в Польше, он выстроил четыре с невероятной быстротой, а так как способ их постройки кажется мне весьма примечательным, я кратко расскажу о нем. После того как его инженеры предварительно осмотрели места, подлежащие укреплению, где-нибудь в довольно далеком лесу рубят большое количество бревен, пригодных для таких сооружений; затем, после пригонки и распределения их по размеру и порядку, со знаками, позволяющими разобрать и распределить их в постройке, спускают [бревна] вниз по реке, а когда они дойдут до места, которое намечено укрепить, их тянут на землю, [передавая] из рук в руки; разбирают знаки на каждом бревне, соединяют их вместе и в один миг строят укрепления (li castelli), которые тотчас засыпают землей, а в то же время являются и их гарнизоны, так что король [Польский] только еще первое известие получает о начале сооружения; потом они оказываются столь крепки и внимательно охраняемы, что осаждаемые громаднейшим королевским войском, испытывая храбрые нападения, мужественно защищаются и остаются во власти Московита".

Донесения сенату современных Тьеполо венецианских дипломатов часто подчеркивают численность московских войск. Так, в донесении Доменико Тревизано от 1554 г. сказано: „Con il duca di Moscovia tiene amicizia il Gran-Signore con pace sigillata con capitoli; il qual duca è signore grande per il molte paese che possiede, e per la moltitudine grande di genti alle quali egli comanda, essendo fama che potrebbe mettere in campagna da cento cinquanta mila uomini a cavallo buoni ed atti a combattere" (см. Relazioni degli ambasciatori Veneti al Senato, raccolte... da E. Alberi, ser. III, vol. 1. Firenze, 1840, стр. 162), т. е.: „С герцогом Московии Великий Государь [султан турецкий]

держит дружбу и мир, скрепленный договором. Этот герцог — великий государь по множеству земель, которыми он обладает, и людей, которыми повелевает; говорят, что он может выставить в поле сто пятьдесят тысяч конных, вполне годных к бою".

В донесении Марино Кавалли от 1560 г. (ibid., стр. 279) сказано: „È certo che le cose di Moscovia sono degne di esser tenute in molta considerazione, potendo quella gran provincia ora fare, come si afferma, più di cento cinquanta mila cavalli e sessanta mila fanti archibugieri, avendo schioppi ed artiglieria ed essendo i Russi vittoriosi sempre contro Tartari e Polacchi", т. е.: „Дела Московии, несомненно, заслуживают большого внимания, так как эта страна может сразу дать, как утверждают, более ста пятидесяти тысяч конных и шестьдесят тысяч пеших аркебузьеров, имеет много ружей и артиллерии, а [в боях] против татар и поляков русские всегда бывают победителями" (переводы наши).

В „Рассуждении о Московии", приписываемом Марко Фоскарини (примерно, 1557 г.) довольно много говорится о военных силах Московии и между прочим сказано следующее: „И я в непродолжительное время своего пребывания здесь [в Москве] видел два конных войска, каждое в 100 000 человек..." См. А. И. Тургенев, о. с., стр. 153 и перевод Вл. Огородникова: „Донесение о Московии второй половины XVI в.". М., 1913, стр. 15.[1]

Сравним с этим — в выше упоминавшемся донесении Фульвио Руджиери 1568 г. (Тургенев, о. с., стр. 208—209): „Et si figura di molti, che possa (великий князь Московский) metter in campagna 200 mila cavalli, ma di cento cinquanta mila credo al sicuro, che si possa affirmare". В „Рассуждении" Джерио 1570 г., посланном дожу венецианскому (Тургенев, о. с., стр. 214): „Lui (великий князь Московский) puo metter in campo fino ducento millia huomini a cavallo et più ancora..."

Уже во время Василия III Павел Иовий (по сведениям, полученным им от Дмитрия Герасимова) насчитывал более 150 000 в московской коннице (о. с., стр. 274Б), а Ян Лаский, архиепископ гнезненский, в 1514 г. писал в докладе Латеранскому собору, что великий князь Московский „supra bis centum milia equitum habere consuevit".

[38] О наборе войска ср. у Герберштейна, о. с., стр. 74В. О плате в 6 и 12 дукатов — ibid., стр. 20ББ

[39] Ср. у Герберштейна, о. с., стр. 99ББ (в описании города Москвы): „Далее, невдалеке от города заметны некоторые домики и заречные слободы, где немного лет тому назад государь Василий выстроил своим телохранителям новый город Нали..."

[1] „Рассуждение" это, на две трети представляющее компиляцию книги Павла Иовия, в части, касающейся времени Ивана Грозного, содержит кое-что новое. Как итальянский текст его, напечатанный Тургеневым по дурной и плохо прочитанной рукописи, так и русский текст Вл. Огородникова, добавляющий к дефектам рукописи ошибки и неточности перевода, заслуживают пересмотра и поправки. В собрании Института Истории Академии Наук СССР имеется превосходная рукопись Discorso псевдо-Фоскарини (конца XVI в.), позволяющая со временем предпринять эти работы.

О вооружении московского войска — ibid., стр. 75ББ. О лошадях — ibid 75А.

40 См. у Герберштейна, о. с., стр. 78А.

41 Иоанн Грозный родился 25 августа 1530 г. Умирая 3 декабря 1533 г., Василий III оставил его трехлетним, а не шестилетним ребенком. Из дальнейшего видно, что годом смерти Василия Тьеполо считает не 1533, а 1536 г. Таким образом, его расчет в итоге правилен и устанавливает, как дату написания Discorso, 1560 г.

42 О варягах-вандалах ср. у Герберштейна (о. с., стр. 4АБ). Не разузнав ничего у русских о варягах, о которых читал в русских летописях, ученый автор „Записок" высказывает следующие соображения: Балтийское море называется у русских Варяжским — очевидно, первые их князья-варяги были „или шведы, или датчане, или пруссы". Варяжское море, вероятно, получило имя от Вагрии, „славнейшего некогда города и области в а н д а л о в". „Сверх того, вандалы в то время были могущественны, употребляли, наконец, русский язык и имели русские обычаи и религию". Поэтому, думает он, русские и призвали первых князей от вагрийцев или варягов (вандалов).

Известие о русском языке у вандалов, несомненно, идет от М. Меховского (Трактат, стр. 77, впрочем, не о русском языке, а о славянском или польском), которого Герберштейн (и то глухо) упоминает лишь тогда, когда опровергает, в других местах вовсе умалчивая об этом своем источнике. У Меховского же мысль о тождестве вандалов с поляками (вандалы — не германцы, а поляки и язык у них был польский) обусловлена националистически-польской установкой его сочинения, требовавшей доказательств „генеалогического первородства" и автохтонности польского народа.

О трех братьях-князьях и Рюрике — см. у Герберштейна, о. с., стр. 4В, 5А.

О раздорах князей и нашествии Батыя — ibid., стр. 10АБ.

43 О крещении Владимира — см. у Герберштейна, о. с., стр. 9В.

Об освобождении Западной Руси от татар — ibid., стр. 139А. О раздорах преемников Батыя — ibid., стр. 139ББ.

О покорении Иваном III вассалов — ibid., стр. 12ББ. О Василии III — ibid., стр. 16В, 20Б, 145Б. О дате смерти Василия III см. выше примеч. 41.

44 Общую картину событий 1534—1552 гг. Тьеполо рисует правильно. Ср. С. М. Соловьев. История России, изд. „Общественная Польза", т. II.

Краткий перечень главнейших фактов в истории татарско-московских отношений за эти годы таков.

Осенью 1535 г. в Казани, под руководством царевны, сестры Махмет-Аминя, и князя Булата, составился заговор. Ставленник и союзник Москвы Еналей был убит, а царем провозглашен Сафа-Гирей крымский (Соловьев, о. с., стб. 23; у Тьеполо: „Кассанцы... подняли восстание..."). В мае 1534 г. крымские татары разоряли русские места по р. Проне. В августе 1535 г. они напали на берега Оки. В 1536 г. — война с Сафа-Гиреем. Татары сожгли села

у Нижнего, но были отбиты от Балахны. Казанцы вторглись в костромские волости. В 1537 г. Сафа-Гирей пришел под Муром, сжег предместья и ушел. В 1538 г. крымцы опустошили каширские и растовецкие места. В 1539 г. казанцы, надеясь на защиту Крыма, начали опустошать московские пограничные области, подходили к Мурому и Костроме. В 1540 г. Сафа-Гирей с казанцами, крымцами и ногаями подступил к Мурому. Летом 1541 г. пришел с большим войском Саип Гирей, был отбит у города Осетра и не мог переправиться через Оку. Отступив, тщетно осаждал Пронск и ушел. Весной 1542 г. старший сын Саип-Гирея, Имин-Гирей, напал на Северскую землю, но был разбит. В августе того же года крымцы приходили в Рязанскую область. В декабре 1544 г. Имин-Гирей, напав на белевские и одоевские места, ушел с большим полоном (Соловьев, о. с., стб., 19, 22, 23, 25, 52, 53, 54, 55, 56; у Тьеполо: „Кассанцы... вместе с прекопитами много раз с разных сторон делали разорительные набеги на государство герцога").

В 1545 г. — поход русских воевод под Казань. В конце 1547 г. первый поход Ивана Грозного на Казань, а в начале 1548 г. возвращение без результата. В ноябре 1549 г. — второй поход Ивана на Казань. В конце зимы 1550 г. — возвращение без результата. Весной 1552 г. третий поход, а 2 октября того же года взятие Казани (Соловьев, о. с., стб. 57, 58 и сл., 71—82; у Тьеполо: „Он лично [великий князь] с громадным войском напал на это царство... и силою оружия покорил его целиком").

Еще до взятия Казани, в июне 1552 г. крымцы осадили Тулу, но, потерпев урон при вылазке, отступили, а затем были разбиты при речке Шивороне царскими воеводами, отправленными вдогонку (Соловьев, о. с., стб. 73; у Тьеполо: „разбив прекопитов, пришедших на помощь кассанцам"). Весной 1554 г. — поход на Астрахань, а в начале июля первое взятие Астрахани. В течение 1555—1556 гг. неустойчивое положение в Астрахани вследствие распрей татарских князей, искавших помощи то в Москве, то в Крыму. В марте 1556 г. потеря Астрахани русскими („московский посол Мансуров выбит из Астрахани"). Поздней осенью 1556 г. окончательное занятие Астрахани (Соловьев, о. с., стб. 93—98; Тьеполо: „отнял у татар... царство Читракан").

Таким образом, ход событий изложен в Discorso, хоть и очень кратко, но правильно, а то, что взятие Казани и Астрахани объединено под одной датой — 1557 г., едва ли можно считать большой ошибкой в таком схематическом изложении.

Вполне основательно и сообщение о захвате великим князем у татар той части Кумании, „какой он ныне владеет". Ср. Соловьев, о. с., стб. 99—100.

[45] Крымские дела, описываемые в этом отрывке, относятся к 1555—1559 гг. Летом 1555 г. Иоанн отправил боярина Ив. Вас. Шереметева с 13 000 войска с Перекопи в Мамаевы луга. Получив от Шереметева сообщение, что хан идет с 60 000 войска к рязанским или тверским украйнам, царь пошел к Туле. Преследуя отступившего хана, Шереметев потерпел поражение. В марте 1556 г., узнав, что хан рано весной собирается на московскую украйну, царь послал дьяка Ржевского с казаками на Днепр — итти Днепром на крымские улусы на разведку. Другой отряд — Чулкова, посланный Доном, встретил близ Азова 200 крымцев и разбил их. Ржевский под Ислам-Керменем отогнал скот, взял острог у Очакова, побил турок и татар; его преследовали, он многих

побил, у Ислам-Керменя отбился „от всего Крыма", нанеся врагам урон. В начале 1558 г. царь отправил Дмитрия Вишневецкого с пятитысячным отрядом на Днепр. В начале 1559 г. посланы были — тот же кн. Вишневецкий с пятитысячным войском на Дон и окольничий Даниил Адашев с 8-ю тысячами в городок на Пселе, чтобы оттуда выплыть на Днепр и промышлять над Крымом. Вишневецкий близ Азова разбил 250 крымцев, Адашев же, выплывши на лодках в устье Днепра, взял два турецких корабля, высадился в Крыму, опустошил улусы, освободил русских пленников — московских и литовских. Ср. Соловьев, о. с., стб. 101—105.

Как видим, рассказ Тьеполо, при всей краткости, обладает точностью, вполне удовлетворительной для таких известий издалека.

Гораздо менее ясно известие о Ливонской войне. О начале ее (1558 г.) и о договоре ливонского правительства с Сигизмундом-Августом (1559) рассказано вполне правильно [1] (ср. Соловьев, о. с., стб. 113, 131), но дальнейшее вызывает серьезное недоумение.

К 1560 г. Иоанном завоевана была почти вся Ливония. За этим следовало раздробление орденских владений и переход Ливонии к Польше. В 1562 г. началась война с Польшей, но после взятия Полоцка русскими войсками 15 февраля 1563 г. решительных военных действий не было в течение нескольких лет, а в 1570 г. заключен был мир на основе uti possidetis. Только по вступлении на польский престол Стефана Батория в 1576 г. вновь началась война, на этот раз неудачная для русских. В 1579 г. потерян был Полоцк, а в следующем году — и ливонские завоевания Иоанна.

До какого же момента доходит рассказ Тьеполо?

Он говорит: „После нескольких поражений, понесенных обеими сторонами, моски потеряли много замков, первоначально занятых ими..." Если это сообщение точно, то отнести его можно только к событиям конца 70-х годов, когда действительно начались неудачи московских войск.

Сомнение вызывает важнейший термин этого отрывка — слово „потеряли". Из всех известных нам рукописей только наш список (*L* — академический, правда, повидимому, старейший из всех) дает ясное persero, [2] т. е. „потеряли", другие же, вместо persero, имеют presero, то есть „взяли" (рукописи: ватиканская, Ciampi-Тривульцио, Штрандмана-Барберини и венецианская 1-я), а венская (*W* — в издании Wichmann'a) — posero (?). Читая presero, вместо persero, в переводе получаем странную фразу: „моски взяли много замков, первоначально занятых" (кем?), но если принять ее, не взирая на странность, то конечная дата рассказанных Тьеполо событий передвинется с конца 70-х гг. к началу 60-х или даже, может быть, к 1560 г., поскольку Тьеполо говорит только об отдаче Польше 7 ливонских замков, но умалчивает о переходе к Польше всей Ливонии (1561 г.).

Следуя нашей рукописи, мы читаем persero и переводим „потеряли", считая весь этот отрывок дополнением к основному тексту Тьеполо, сделанным при переписке в 1570-х гг. Заметим, что по бумаге (филигрань) наш список датируется 1576 г. См. Введение.

---

[1] Польше отдано было под залог не 7, а 9 волостей.

[2] Аналогичную форму (perse) см. на стр. 349 в упоминании о потере Астраханью прежней торговой славы.

46 Если считать, что Discorso включает сведения не позднее 1560 г., то известие о сильном разорении Московии татарами непонятно. Единственное событие, более или менее подходящее к рассказу Тьеполо, это — нашествие Девлет-Гирея крымского и сожжение Москвы в 1570 г.[1]

Возможно, что первоначальный текст Discorso при последующей переписке дополнялся новыми сведениями без учета внутренних дат старого текста, относивших его к 1560 г. (см. Введение). Возможно, однако, что Тьеполо тут разумеет и какой-либо из менее значительных набегов, в наших источниках не отраженный, но преувеличенно переданный враждебными Московии польскими наблюдателями.

Сопоставим следующие сообщения из Варшавы, имеющиеся у Тургенева (о. с., стр. 207, 220 и 221).

В извлечении из сообщения о делах московских, посланного в Рим в 1568 г., говорится: „Dalla corte di Polonia a li 12 Febrario 1568. Di Polonia non ci è altro di nuovo, se non che al fine di Gennaro li Tartari ritornavano di Moscovia con grandissima preda, trà la quale conduceano circa 46 mila huomini, mà li Moscoviti li seguitavano con due esserciti l'uno de'quali era di 40 mila cavalli et l'altro — di 30 mila. Hora aspettiamo nuova...“ т. е.: „От польского двора 12 февраля 1568 г. Из Польши тут нет ничего нового, кроме того, что в конце января татары возвращались из Московии с громадной добычей, в числе которой вели около 46 тысяч человек, но московиты преследовали их с двумя войсками, из коих одно было в 40 тысяч конницы, другое — в 30 тысяч. Теперь мы ждем новостей...“

В известии из Польши от 4 июля 1570 г.: „Tartari, qui numerosissimo exercitu ex quatuor hordis contracto in mense maii excurrerant in Moscoviam, ipso die Ascensionis domini prope arcem dictam Kolyhoy ingentem deleverunt Moscorum numerum, qui illis duce Ivan Bielsky occurrerant. Inde postmodum ad ipsam contenderunt Moscam, totius gentis urbem primariam, quam cum a principe tyranno paulo ante in arcem Biallojeziory profugo reperissent desertam et indefensam, triduo post triginta in locis simul incensam ita combusserunt, quod multa hominum milia flammis et aquis, in quas semiusti se praecipitarunt miseri, una die absumpserint, reliquos et incredibilem vim iumentorum secum comum traxerunt. Promiscua miserorum hominum turba, quam illi secum pecudum more in foedam servitutem abigunt, scribitur a palatino Russiae ad dominum vicecancellarium esse centum et quinquaginta milium. Infinita fere hominum omnis sexus atque aetatis multitudo ferro caesa, igni absumpta et aquis suffocata dicitur. De quibus omnibus propediem multos hic oculatos testes habebimus. Adventat enim altera a victore Tartaro legatio, quae serenissimo huic regi victoriam hanc denuntiet et debita stipendia exigat...“, т. е.: „Татары, собрав многочисленнейшее войско из четырех орд, сделали набег на Московию и в самый день вознесения господня истребили под крепостью, называемой Калуга, громадное число москов, выступивших навстречу им под предводительством Ивана Бельского. Затем они устремились к самой Москве, столице всей страны [всего народа] и, найдя ее покинутой государем-тираном, несколько ранее бежавшим в крепость Белозерскую, и незащищенной, по прошествии трех дней подожгли сразу

[1] Неточность в имени татарской орды (ногаи, а не „прекопиты“) в изложении Тьеполо сравнительно мало важна.

в тридцати местах и сожгли, так что в один день погубили много тысяч людей и в огне и в воде, куда они, несчастные, бросались полуобгоревши; остальных и невероятную массу скота погнали с собой домой. Воевода русский пишет господину вице-канцлеру, что смешанная толпа несчастных людей, которую они гонят с собой, как скот, в ужасное рабство, доходит до 150 000. Бесчисленное множество людей обоего пола и всякого возраста перерезано, погибло в огне и утонуло. На днях у нас здесь будет много очевидцев всего этого, так как прибывает второе посольство от победителя-Татарина, чтобы сообщить яснейшему королю о победе и потребовать должную дань".

О прибытии, вероятно, этого посольства и его сообщениях говорит известие из Варшавы от 15 августа 1571 г.: „L'ambasciatore del Tartaro è venuto con notificare la rotta data al Mosco, per avere la mancia, et la dice come appresso. Che hanno saccheggiato, bruciato et predato circa 60 leghe in lunghezza et 45 in larghezza dei beni del Mosco. Che possano aver morti circa m/60 uomini nell'uno, et nell'altro sesso; item fattone circa m/60 de migliori [1] prigioni. Che sono giunti sino in Mosca et bruciata tutta la città et il castello, nel quale si era ritirata molta gente, che di fumo deve esser morta. Che circa 120 pezzi di artiglieria, non potendola portare, hanno buttato nel fiume di Mosca. Che il Mosco si era ritirato in Sloboda Alessandrova (nell'agro Alessandrino [2]), distante da Mosca 18 miglia germaniche, et stava al suo tesoro, che è sicurissimo per avere intorno il lago bianco, che lo circonda". В переводе это значит: „Прибыл татарский посол с сообщением о поражении, нанесенном Московиту, чтобы получить дань, и говорил следующее: что они разорили, сожгли и разграбили около 60 лиг [льё] в длину и 45 в ширину во владениях Московита; что мертвыми пало, может быть, около 60 тысяч того и другого пола; затем взято около 60 тысяч лучших пленных; что они [татары] дошли до Москвы, сожгли весь город и замок, куда собралось много народу и, должно быть, задохлось в дыму; что около 120 штук пушек они утопили в реке Москве, не могши их увезти; что Московит удалился в Александрову слободу, отстоящую от Москвы на 18 германских миль, и остался там у своей казны в весьма безопасном месте, так как там находится белое озеро, окружающее его".

Два последние известия, несомненно, говорят о разорении и сожжении Москвы Девлет-Гиреем, но к чему относится первое, предшествующее этим событиям? Ни одного столь крупного набега между 1559 и 1570 гг. мы не знаем. Возможно, конечно, что смущающие нас цифры просто преувеличены, а известие Тьеполо о набеге ногаев основано на каких-то раздутых слухах о рядовом набеге, но, повторяем, нельзя совершенно исключить и другого предположения — что отрывок о ногаях вставлен только в 70-х годах, при переписке Discorso.

[47] Заключение Discorso ценно в трех отношениях: а) оно указывает источники, какими будто бы пользовался автор; б) устанавливает, что автор в Московии не был, и в) не отрицает возможности позднейших дополнений однажды написанного. Ср. примеч. 46.

---

[1] Корректируем, вместо miglioni, читаемого у Тургенева.

[2] Корректируем, вместо Messandrino, читаемого у Тургенева.

389

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

1. Е. А. Рыдзевская. Некоторые данные из истории земледелия в Норвегии и в Исландии в IX—XIII вв. 3

2. С. А. Аннинский. Известия венгерских миссионеров XIII и XIV вв. о татарах и Восточной Европе 71

3. П. А. Садиков. Из истории опричнины XVI в. 113

4. С. А. Аннинский. Франческо Тьеполо. Рассуждение о делах Московии 1560 г. 305

Карта Московии работы Джакомо Гастальдо, приложенная к итальянскому переводу „Записок" Герберштейна изд. 1550 г.

2015061465